

DUNGEONS & DRAGONS®
FORGOTTEN REALMS®

Создатель Вселенной Забытых Королевств
ГЭД ГРИНВУД
МУДРЕЦ ДОЛИНЫ ТЕНЕЙ

ЭЛЬМИНСТЕР
В ЯРОСТИ

Эльминстер и Мэншун, которым остаток Мистры приказал работать вместе, вместо этого вступают в яростную битву, в ходе которой Мудрец в виде облака пыли падает в Подземье. Вскоре Эльминстер захватывает тело павшего темного эльфа, чтобы начать выполнение приказов Мистры — объединить кормирских боевых волшебников и отыскать предметы синего пламени, чтобы закрыть появившиеся повсюду в Королевствах огромные разломы, испускающие смертоносных чудовищ, а также предотвратить возрождение Предтеч в безумии ярости. Но его архивраг, Мэншун, строит собственные планы: завоевать Кормир и стать новым императором, и выследить всех клонов старого Мудреца. Ставки никогда не были выше, чем сейчас, и судьба Кормира стоит на кону. Тем временем происходят таинственные убийства боевых волшебников...

ЭД ГРИНВУД
«ЭЛЬМИНСТЕР В ЯРОСТИ»

ГЛАВА 1

МОЯ МРАЧНАЯ СУДЬБА

Он падал вечно.

Дрейфуя. Просачиваясь. Вниз, вниз, сочась сквозь холодную каменную тьму в смутном, полубессознательном состоянии, пока его прах отдельными тропинками прокладывал себе путь вниз сквозь землю, скалы, каменную пыль, в... открытую пустоту среди холодных камней. Это была пещера Подземья, часть сети — Эльминстер понял это по лёгкому, но непрекращающемуся потоку сырого, насыщенного запахами минералов воздуха, проникающего откуда-то издалека.

Снова собравшись воедино — ну, насколько может быть «единым» клубящееся облако пыли — он повернулся к источнику этого ветерка. Он снова оказался в Подземье, и странным образом в этот раз ему грозила куда меньшая опасность, чем во время предыдущих визитов. Путешествие по Подземью в одиночку — отчаянное и чаще всего обречённое предприятие, но сейчас он находился здесь без тела, не представляя собой привлекательную жертву. Так он надеялся.

Он дрейфовал в поисках тела — и многочисленные незримые охотники в глубинном мраке вокруг без сомнения занимались тем же самым. «В бесконечном танце смерти во тьме», пропел про себя Эльминстер, вспоминая одну из своих любимых баллад Шторм. Ах, как долго он и она занимались этим...

Служили Мистре. Нашей Госпоже Тайн, богине магии. Пропавшей во время Волшебной Чумы, но возвратившейся. Точнее, «возвратившейся» в некоторой степени. Ослабевшей, бесспорно. И всё же она, как и прежде, оставалась его возлюбленным тираном, а её заповеди до сих пор были картой, по которой Эльминстер прокладывал свой жизненный курс.

Каким бы сложным или бессмысленным этот курс временами не казался, без Неё его жизнь окончилась бы очень, очень давно — хотя это могла оказаться куда более простая и более счастливая жизнь. И всё же... без неё весь прошлый век он чувствовал себя потерянным. Подчинение Мистре стало не просто привычкой, это было целью его существования.

Мистра приказала Эльминстеру завербовать кормирских боевых магов к ней на службу, так он собирался это сделать. Она сказала ему работать в союзе с Мэншуном, и он попытался. Хотя основатель Зентарима по-прежнему страстно желал уничтожить Мудреца Долины Теней, Эл не мог — и не хотел — пытаться его убить. Неважно, насколько старый дурак заслуживал быть испепелённым... или разорванным на части, чтобы умирать от долгой агонии. Неважно, как сильно Эльминстер хотел сломать его, унижить его, а затем уничтожить его навсегда.

Он обнаружил, что в памяти возникли воспоминания о напуганном, яростном и искажённом от боли лице Мэншуна в тех случаях, когда Эл унижал или убивал его... и эти образы потекли в его разум долгим и разнообразным потоком, и его вспышка злости сменилась чувством удовлетворения. Прежде он разбирался с основателем Зентарима должным образом, и скорее всего, когда наступит время, сделает это снова.

Но сейчас его приказы требовали иного. Они с Мэншуном должны были собрать предметы синего пламени, а кроме того, Мистра хотела, чтобы Эльминстер обучил свою правнучку Амарун Белую Волну как преемницу и, со временем, Избранную богини.

В памяти возникло её юное, упрямое лицо. Уверенное, безрассудное, красивое. Эл попытался вздохнуть, и его прах взметнулся от усилия. Его наследница; он слишком хорошо знал, какую жизнь это означает для Амарун. Эл очень хотел защитить Рун, спрятать её и охранять изо всех сил, чтобы уберечь даже от самой малой доли того, что довелось пережить ему... но это была бы ошибка, и скорее всего — смертельная. Избранная, которую так опекают, будет слабой и хрупкой. Рун должна быть способна справиться с тем, что бросят на неё такие, как Мэншун.

Впрочем, прямо сейчас Эльминстер всё равно не мог должным образом её защитить. Он снова лишился тела. Безумный, слабый тупица, каким стал сейчас Мэншун, с лёгкостью одолел его. Эльминстер почти утратил способности Избранного Мистры, его собственное Искусство осталось бледной тенью того, каким было прежде... а Волшебная Чума разрушила и исказила любую магию. Многие заклятья стали почти бесполезными, сложными на короткой дистанции и невозможными издалека — и к тому же опасными для разума заклинателя. Каждое заклинание, которое позволяло заглянуть в чужой разум или взять его под контроль, телепортироваться или находить вещи, стало ненадёжным и опасным, и большая их часть оставалась недостижимой для Эльминстера до тех пор, пока у него не было тела, чтобы выучить, произносить и запоминать магию, которая перестала быть знакомой.

Да, разрушение Плетения — Мистры, которая и была Плетением — принесло и Искусство огромные перемены. Точно так же изменились и сами Королевства — целые земли исчезли, а на их месте возникли другие. Но изменилось не всё. Подземье, к примеру. Обычные опасности здесь по-прежнему оставались... обычными.

Эльминстер дрейфовал, держась поближе к каменистому полу, чтобы его не разметало по сторонам, если поток воздуха вдруг усиливается. Тут и там мерцало пугающее сияние — едва заметные аметистовые тона каменных излучений и более яркая, разноцветная люминесценция дюжин грибов — некоторые были съедобными, другие ходячими и полуразумными, и все они были опасны. Тот стоячий корень был смертельно ядовит при употреблении внутрь, а этот поближе — вызывал смерть от одного прикосновения, а вон те шершавые бело-зелёные и коричневатые поросли высасывали телесное тепло у любого живого существа, подошедшего слишком близко... да, отсутствие тела обладало своими преимуществами. Спасибо извращённому юмору богов за такие мелкие поблажки.

Эльминстер струился дальше, вытянув своё облако пыли в длинную извилистую линию, надеясь, что если его заметят — а человек, который искал себе тело, рисковал быть замеченным — то примут за ниточку паутины. Здесь внизу наверняка хватало бдительных патрулей дроу.

Ага! Как говорится, вспомни о враге — и он тут же объявится. Из бокового тоннеля на полной скорости показались стройные чёрные тела в тяжёлых доспехах, около дюжины или больше. Боевой отряд дроу, готовый к битве, но марширующий с поспешностью, а не с осторожностью; воины заслоняли собой паучьих жриц. На стройных спинах последовательниц Лолс сидели почтовые пауки, а рядом с отрядом и по каменным сводам над их головами ползли многочисленные дрессированные клинковые пауки... восемь, нет, десять... двенадцать, а среди них — другие породы пауков, подобно жадной стае боевых псов. Это *определённо* был боевой отряд,

Эл не надеялся узнать, откуда они пришли, но то, что вынуждало их так спешить, могло оказаться... интересным. Битва означала тела, и дроу или враг дроу ослабленный или оглушённый может стать прекрасным новым телом для превратившегося в пыль старого

архимага. Он не стал тратить время на раздумья и поспешил за дроу, которые торопились вниз по тоннелю, навстречу воздушному потоку, следуя очевидно знакомым им маршрутом.

Он сначала *почувствовал* их цель, и только потом увидел. Те, кто долгое время работал с Плетением, привыкали чувствовать приливы и отливы естественных сил, и даже сейчас, лишившись своей силы, Эл ощущал странную, неуютную пульсацию, повторяющееся эхо, треск разрывов...

Разрывов, да, это слово подходило лучше всего. Волна за волной... слабости, моментальной сосущей пустоты, за которой следовал импульс энергии, затем опять слабость, снова и снова накатывающая на него, как волны на песчаный пляж. Разрывы становились сильнее по мере продвижения отряда дроу, который направлялся к источнику беспокойства. Это было нечто виднеющееся вдаль, пульсирующее в унисон с теми разрывами, что он ощущал. С каждой волной на камни падали блики фиолетово-белого сияния, затем угасали, когда накатывался новый поток энергии, затем снова вспыхивали, опять и опять.

Эльминстер уже видел такие цвета. Эти конкретные оттенки обозначали разлом. Дроу спешили к планарному разлому, к трещине, где его собственный мир и другой соединялись неконтролируемой брешью, которая, очевидно, росла или изменялась... и вряд ли это было к лучшему. Отсюда и чувство слабости; сама ткань Фаэруна натягивалась или исчезала поблизости, где-то впереди.

Дроу не замедляли шаг, вынудив Эла прибавить скорость, чтобы не отставать. Из боковых проходов возникли другие отряды дроу и устремлялись к просвету впереди, в направлении разлома. Проход поднимался, изгибался, затем делал резкий поворот вокруг огромного скалистого выступа и приводил в большую пещеру, где сходились несколько путей — и бушевало фиолетово-белое море.

Разлом похож был на глаз лежащего на боку великана, открываясь вертикально и выпуская свой фиолетово-белый свет в пещеру. Его пульсация отдавалась глубоким, громоподобным и безжалостным стуком сердца.

А из ослепительного сердца разлома в пещеру вытекал кошмарный зверинец, врезаясь в малочисленные, неровные ряды дроу, которые пытались остановить его. Сверкало оружие. На эту битву и спешили боевые отряды.

Твари из разлома бросались на защитников-дроу, врезаясь в тёмных эльфов, а иногда — становясь на дыбы и нависая над ними. Это были огромные, облачённые в панцирь чудовища с большими жвалами и длинными, зазубренными колющими антеннами — или тем, что походило на антенны. Такие монстры были самыми крупными, но их было меньше, чем похожих на тигров кошек, которые хватали дроу клацающими челюстями, что метались и клацали на концах длинных, похожих на угрей щупалец, вырастающих из их могучих львиных плеч. Были здесь и более странные существа из разлома, включая похожих на живые колонны блестящих чудищ, которые колыхались в бою, разбрасывая длинные иглы со смертоносной точностью, копья, что пронзали тёмных эльфов и швыряли их на стены пещеры.

Перед разломом бушевала великая кровавая битва — бесконечный поток монстров перебирался через всё увеличивающуюся кучу тел, в которой павшие дроу смешались со всеми видами мёртвых или умирающих существ разлома. У дальних стен пещеры Эл увидел огромные клетки, сотрясавшиеся под натиском бешеных попыток запертых там монстров вырваться на свободу.

Значит, этот разлом был здесь достаточно долго, чтобы местные дроу поставили возле него постоянную стражу и начали захватывать или убивать появляющихся из него существ. Да, существа в той клетке, вероятно, должны были стать верховыми животными, существа в вон той, подальше — вьючными животными, а пёстрая коллекция копошащихся мелких существ, заполнявших вон тот ряд клеток, вероятно, предназначалась в пищу. И если Эл хоть что-нибудь понимал в дроу, они искали чудовищ, которых смогли бы использовать как оружие против своих врагов в Подземье.

Да, скорее всего, твари вон в тех клетках, почти утопающих в сражающихся дроу и новоприбывших монстрах. Существо, которое походило на огромную миногу с бритвами вместо зубов, величиной с самую старую пилораму в Долине Теней, едва показалось над головами, чтобы превратить сражавшихся дроу в дождь из окровавленных частей тел тёмных эльфов... и Эл заметил позади него разбитые, открытые клетки.

Пустые клетки. Чудовища вырвались наружу в разгар битвы и обрушили на своих захватчиков свирепую месть.

Впрочем, ни один тёмный эльф не казался пристыженным или напуганным. Боевой отряд, за которым следовал Эл, немедленно бросился в битву, пауки побежали по тушам чудовищ из разлома, чтобы добраться до мест, которые можно укусить, воины выхватили клинки и нырнули в бойню, а жрицы остановились совсем рядом со схваткой, чтобы сотворить вихрь из заклятий.

Безрассудный бой всегда остаётся популярной забавой, ехидно напомнил себе Эльминстер — а затем замер в ошеломлённом удивлении. Внизу под ним жрицы задыхались и кричали проклятия, потрясённые тем же зрелищем.

Яркий фиолетово-белый свет на мгновение потемнел, когда его заслонило нечто гигантское, проходя сквозь разлом, давя мелких чудовищ на своём пути, корчась и выгибаясь, как гигантская гусеница. Оно скользнуло в пещеру, широкое, блестящее, кроваво-красное, его широкая пасть прокладывала себе путь, не разбирая, где тёмные эльфы, а где чудовища.

Затем оно встало на дыбы, нависнув над полем боя. Это действительно был червь, подобного которому Эльминстер раньше видел один раз — но тот червь был пленником в Авернусе. Жестокое зачарование заставляло его постоянно отращивать свою тушу заново по мере того, как её заживо пожирали толпы постоянно сменяющихся младших дьяволов. Этот же пленником не был, и он был голоден и зол. Его большая, похожая на шлем голова была почти черна от ярости.

В Адах этих существ звали гларагами. Но этот был куда крупнее пленника, которого видел Эл. Этот глараг был длиннее с сюзейльскую улицу и толщиной с трёхэтажный дом. Он разбил сталактиты, встав на дыбы, но не смог вытянуться во всю длину благодаря низкому своду пещеры. В своё время Эльминстер повидел сотни червей-переростков, от печально известных лиловых червей до камнежуев, что проедали бесконечные норы в твёрдом камне в самых глубоких местах земли, но этот превзошёл их всех.

Восемь рук-щупалец росли вдоль туши чудовищного червя, каждое оканчивалось сосущей пастью и выдвигающимся костяным когтем, который торчал, как копьё, когда тварь того хотела, но в остальное время исчезал — а это означало гларага и только гларага.

Могучий червь на долгое, шатающееся мгновение задрожал, когда в него вместе с дождём копий и дротиков одно за другим ударили заклятья жриц дроу — затем рухнул вниз, в гушу самого большого скопления тёмных эльфов, раздавив многих в кровавую пасту.

Чудовище ринулось вперёд, извиваясь, как будто пытаясь наносить удары сразу во все стороны. Хлестнул по огромной дуге его хвост, отправив противников на калечащую встречу со стенами пещеры, а затем червь скользнул вперёд, как нетерпеливая змея, чтобы спокойно попировать среди вопящих, напрасно убегающих жриц.

Двое или трое крупных чудовищ зарычали или встали на дыбы, отказываясь уступить ему — и глараг с готовностью разорвал их на части, смахнув останки своим хвостом. Он направлялся туда, откуда в пещеру шёл поток воздуха, заметил Эл.

Что за *бойня*! Не то, чтобы смерти дроу сильно печалили его даже в лучшие из времён, но как только глараг достигнет поверхности, его жертвами скорее всего станут люди. И это не единственная угроза. Многочисленные чудовища, текущие сквозь разлом бесконечным потоком...

Сохрани нас всех Мистра. Эта мольба, которую он повторил по привычке, сейчас не обладала особой силой. Но кому же ещё молиться о закрытии разлома?

Эл взгляделся в фиолетово-синюю прореху, зиявшую ещё шире, чем раньше. Глубокий барабанный бой её пульсации стал почти оглушительным, когда шум битвы превратился в разрозненные стоны и крики умирающих. Даже будь у него тело и любые книги с заклинаниями, он, возможно, и не сумел бы запечатать этот разлом и зашить вокруг него ткань Королевств. Во всяком случае, без Плетения, с которым мог бы работать, или без подходящих артефактов — предметов синего пламени или других.

А возможно, даже с ними.

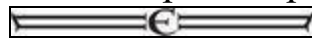
Объятый страхом, Эл в последний раз посмотрел на волну меньших монстров, текущую сквозь разлом. Река чудовищ снова ускорила свой бег, изливаясь в пещеру, чтобы захлестнуть немногих разбегающихся дроу, которых не убил глараг. Затем Эльминстер развернулся, чтобы полететь следом за великим червём, опасаясь за будущее Фаэруна вокруг больше, чем когда-либо за последние годы. Почти сто лет он вынужден был смириться с собственным медленным и печальным упадком и бессилием, но это... сотня таких разломов, тысяча...

Мистра сохрани. Девять Адов, любой бог нас сохрани!

Но единственное, что он мог сделать прямо сейчас — это смотреть, как скользит вперёд глараг, рыская из стороны в сторону, пожирая всё, что пожелает, разбивая всё, что возникало у него на пути. Со стороны чудовища раздавался зловещий присвист — глараг вынюхивал следы дроу, уходящие в боковые тоннели.

По червю пробежала резкая дрожь и он прекратил принюхиваться, скользнув вместо этого к источнику слабого ветерка, извиваясь, как плывущая змея, набирая скорость. Он уходил дальше в Подземье, всё быстрее и быстрее.

Мрачная полоса пыли преследовала его. Мистра хотела, чтобы Эл прекратил именно такие вещи, и прямо сейчас он ни хроста не мог поделаться ни с червём, ни с разломом. Он потерял силу, как большинство волшебников в Королевствах; его репутация сейчас намного превосходила его возможности. И когда он встретит врага, который это поймёт...

— Рорскрин Мрелдрейк, как *по-твоему*, какая судьба тебя ждёт, если этим вечером ты войдёшь в королевский дворец Сюзейла?

Мрелдрейк видел только пару холодных глаз, глядящих в его собственные из тёмной тени капюшона собеседника. Глаз, что... мерцали. Их взгляд не был ни дружелюбным, ни успокаивающим. Ни на грамм.

Он сглотнул и попытался казаться спокойным, даже весёлым.

— Заточение и долгий магический допрос. Меня посчитают предателем Драконьего Трона.

Трое скрытых капюшонами голов кивнули, но заговорил опять тот, что посередине.

— Хорошо, что ты это понимаешь, — раздался сухой ответ. — Этим ты заслужил наше одобрение.

Мрелдрейк ждал, пытаясь не выдавать свой страх.

— Одобрение твоего предложения, — добавила фигура слева. Они сидели напротив него, их лица скрывали глубокие капюшоны. — Мы накормим и приютим тебя, предоставим те из запрошенных тобой компонентов для магических исследований, которые посчитаем целесообразным — в обмен на твоё полное подчинение, твоё согласие оставаться за этими стенами, и временами твою готовность принимать наши указания вне зависимости от природы твоих изысканий.

— Если ты нарушишь этот уговор, — мягко произнёс последний из троицы, — ценой станет твоя жизнь.

Эти условия достаточно простые и ясные, чтобы даже боевой маг Кормира их понял, — холодно сказал центральный маг в капюшоне.

— *Бывший* боевой маг, — осмелился поправить его Мрелдрейк. В ответ он получил молчаливое пожатие плечами, после чего три фигуры резко поднялись с вихрем взметнувшихся тёмных мантий и направились к дверям.

В воздухе над свободным креслом посередине что-то мерцало. Это было вырванное из глазницы человеческое глазное яблоко, окутанное слабым и гаснущим синим сиянием.

Оно холодно смотрело на Мрелдрейка. Тот хмуро посмотрел на него в ответ, не став сдерживать вздох.

В другом конце комнаты хлопнула тяжёлая железная дверь. Он услышал скрежет ключа в замке, но этот звук заглушил резкий лязг тяжёлых металлических засовов, встающих на место. Один засов, два, три.

Он был заперт. Его заперли волшебники, достигшие куда больших высот в Искусстве, чем он когда-либо мог надеяться. Один из них — с холодным голосом, высокий, что стоял посередине — обладал глазами, которые мерцали куда сильнее человеческих. Благодаря их бледному сиянию Мрелдрек смог разглядеть тёмное, смуглокожее, сухое лицо, с чёрными зубами и языком, в котором узнал лицо шейда. Он стал пленником Нетерила — или нетерезов-отступников.

Хотя какой из вариантов хуже, он сказать не мог.

ГЛАВА 2

Я ОДИН БУДУ ВЕРШИТЬ ЗАВОЕВАНИЯ

Закончились ловкие ремарки, Мудрец Долины Теней? В рукаве не осталось хитрых заклинаний, Эльминстер? *Умри же* на сей раз! *Умри навечно!*

Мэншун знал, что безумно кричит, оказавшись в своей ярости на скользкой грани рыданий, швыряя заклятие за заклятием. Магию, которая раздирала, вспахивала и разбрасывала землю там, куда он вогнал Эльминстера.

Могущественную магию. По его велению во все стороны летели грязь и камни, и его безрассудные взрывные заклятья вырыли глубокую неровную яму у входа в пещеру.

Вниз, вниз, на глубину пятерых человеческих ростов и ещё ниже, и его заклинания продолжали рыть, рыхлить и взрывать. Он должен был убедиться, что Эльминстера больше нет. Что он раздавлён, мёртв — окончательно и бесповоротно мёртв.

— Где его кровь? — визжал Мэншун. — Где?

Мэншуна переполняла ярость, красно-жёлтая пелена заволокла сознание и ослепила его. Сквозь эту пелену он изрыгал и выкрикивал одну за другой магические формулы, пока не закончились все до последнего его боевые заклинания.

Оставив его задыхающимся в теле созерцателя, в дикой местности где-то неподалёку от Долины Теней.

Почти не задумываясь Мэншун сотворил магию, которая вернула его в человеческую форму. Он полетит обратно в Сюзейл облаком тумана — такой способностью он обладал, будучи вампиром. Обратно в город, где в погребке будет высыхать и рассыпаться один из его созерцателей, испорченный и мёртвый.

Но если — *если* — он действительно наконец уничтожил Эльминстера из Долины Теней, потеря одного из порабождённых глазных тиранов ничего не значит. Совсем ничего. Слишком малая цена, чтобы вообще о ней задумываться.

Щупальца, глазные стебли и левитация исчезли в тошнотворной перемене, которая по-прежнему, даже после сотни подобных превращений, вызывала неудобство. И Мэншун обнаружил, что стоит на краю своей глубокой пропасти, а внутри безмолвно кипит ярость.

Эльминстер *должен* быть мёртв. Никто не может пережить такого!

Но он не видел тела, не видел ни пятнышка крови...

Ба! Его магия, должно быть, испарила старого дурня, превратила Эльминстера в пыль, затерявшуюся среди песка, комьев грязи и слоёв камня.

На миг, когда что-то сделало его спокойнее, Мэншун испытал слабое чувство дезориентации, как будто погрузившись в воспоминания, которые принадлежали не ему. Затем чувство прошло и Мэншун сразу же забыл о нём, потеряв это ощущение в новой завладевшей им уверенности, которая заставила его безоговорочно поверить, что с Эльминстером покончено. Даже если Мудрец Долины Теней не был уничтожен, Мэншуну следовало двигаться дальше, продолжать жить так, будто его ненавистной немезиды больше не существует.

Эльминстер *был* уничтожен. Оригинальный Эльминстер, по крайней мере — поскольку старый дурак, разумеется, скопировал блестящий замысел Мэншуна и изготовил клонов самого себя. Любой архимаг поступил бы так.

— Что означает, — произнёс вслух основатель Зентарима, медленно оглядываясь

вокруг, чтобы убедиться, что за ним никто не следит и поблизости не уползают прочь раненные Эльминстеры, — что я должен выследить новых, младших Эльминстеров. Чтобы убедиться, что Старый Маг пропал навсегда и никогда уже не вернётся.

Он не видел ни единого убегающего, прячущегося или наблюдающего существа — даже мелкой птички. Позволив себе долгую медленную улыбку, Мэншун превратился в туман. Он обогнул край ямы, в которой погиб его старый враг, затем воспарил в небо, описав широкий круг и всматриваясь вниз на землю в поисках соглядатаев.

Никого. Тогда он позволил себе позлорадствовать.

— Наконец твой рок настиг тебя, старый козёл из Долины Теней — и узрите, этим роком был я!

Ликующим потоком из Мэншуна полились раскаты громкого дикого хохота.

Триумф и ликование слишком быстро угасли, когда на ум пришли воспоминания о насмешках Эльминстера... смеющееся лицо Старого Мага, Мудрец Долины Теней, бросающий ему вызов, поучающий его, и... и...

ТЬфу! Он разорвал их все, все до последнего из этих ненавистных смеющихся лиц. И клоны — только часть предстоящей работы. Поиски и ликвидация всех потомков Эльминстера тоже должны стать частью этого, поскольку оставался шанс — и немалый — что Мудрец Долины Теней спрятал внутри них «эхо» себя. В конце концов, именно так поступил бы сам Мэншун, а Эльминстер был ничем не лучше, поэтому, *разумеется*...

Так что сегодняшняя победа была лишь началом, а не окончанием. Уйдут годы на то, чтобы обнаружить и уничтожить каждого клона и каждого отпрыска Эльминстера, и поэтому он не мог бросить другие свои планы, чтобы этим заняться. Он не станет их бросать.

Он, Мэншун, будущий император, продолжит завоевание Кормира — просто не будет в открытую покушаться на место правителя, пока не убедится, что Эльминстера больше нет. Вместо этого он станет использовать человеческих марионеток, одну за другой сажая их на трон, чтобы они занимались всей достающейся правителям работой и разбирались с неизбежными попытками покушения, а сам Мэншун сможет свободно охотиться за Эльминстером, угнетать дворян, а также собирать собственный арсенал предметов синего пламени, раз уж они настолько важны.

Пускай Мистра, если Мистра действительно вернулась, хоть раз отнесётся с уважением к *нему*. Пускай благоволит Мэншуну, ведь Мэншун заслуживает благосклонности.

В конце концов, если она могла положиться на Эльминстера — сойтись с ним в интимной связи, если верить историям! — её вкусы не настолько взыскательны, чтобы обойти вниманием того, кто Эльминстера превосходит.

А если Мистры не было, и безумная бывшая королева Агларонда просто бредила, убедив себя, что Мистра руководит ею, Мэншун видел достаточно примеров того, что может сделать с помощью призраков синего пламени юный идиот благородных кровей, чтобы понимать, что магия синего пламени в любом случае достойное приобретение.

Да. Но он опережает сам себя. Сначала нужно вернуться в Сюзейл, к своим базам в городе, лавке и дому Сронтера-алхимика и полуразрушенному особняку Ларака Дардулкина. Усесться там с бокалом вина и погрузиться в раздумья. Решить, каких его марионеток пробудить, какие именно шаги по завоеванию Кормира предпринять далее, где начать поиски клонов Эльминстера и предметов синего пламени. Не стоит...

Ха! Ну конечно! Он начнёт с охоты на трёх спутников Эльминстера: Шторм

Среброрукую, лорда Арклета Делькасла и танцовщицу Амарун Белую Волну. Ни один из них не сможет укрыть себя так, как мог Мудрец Долины Теней со всей его магией — и всё, что осталось от Эльминстера, будь то клон или потомок, будет где-то рядом с ними. Или рядом со Шторм, по крайней мере. Так что она и остальные двое легко приведут его к Эльминстеру. Это было очевидно любому, кто потрудился бы немного задуматься.

Точно. Решено. Но у него были собственные, давно вынашиваемые планы, которые следовало привести в действие в первую очередь. Мэншун коснулся разума последних завербованных лордов — Краунруда, Андольфаина, Блэксильвера, Лоруна и остальных — заставляя делать за него его работу. Самое время начать усердно трудиться с целью заполучить власть над подходящими боевыми магами. Использовать дворян и магов Короны, чтобы изолировать королевскую семью и немногочисленных оставшихся царедворцев, достойных доверия и эффективных, до тех пор, пока они не окажутся лицом к лицу с верными *ему* людьми — и тогда Мэншун с лёгкостью захватит королевство.

Да. Ах, наконец-то это время пришло...

— Я не замечал за тобой стремления искать моего совета прежде, — сухо сказал ей похожее на паука существо. — Равно как и попыток проявлять минимальное уважение, обращаясь непосредственно ко мне, глядя на меня или вообще признавая моё существование — когда поблизости нет короля или королевского мага.

— Значит, ты признаёшь, что больше не являешься королевским магом Кормира? — огрызнулась Глатра.

Вангердагаст вздохнул.

— Нападки, одни лишь нападки... юная леди, вы вообще умеете что-нибудь кроме этого?

Глатра Баркантл ответила мелкому чудовищу кислым взглядом. На самом деле она боялась обладающего сомнительной славой Вангердагаста. Не говоря уже о том, что существо, в которое он превратился, инстинктивно вызывало отторжение. Почерневшая человеческая голова, за которой волочились волосы и борода, балансировала на неприятном сморщенном чёрном мешке, как на грязном ошейнике, из которого подобно паучьим лапам росли чёрно-серые пальцы. Существо ползало на этих лапах, как самоуверенный краб. Она глядела на нечто, напоминавшее груды человеческих останков, собранных жрецом или магом после смерти в огне с целью опознания. Это был уже не человек, не «он»... это было «оно».

И Глатра всё так же сильно его ненавидела.

— Я знаю, как сделать всё необходимое для охраны Кормира, — зарычала она, — и делаю это прямо сейчас. Довольно успешно, что бы ты там ни думал. Будь любезен, прекрати уходить от ответа на мой вопрос. Спрошу ещё раз, *существо*: ты признаёшь, что больше не являешься королевским магом Кормира?

— Я всегда буду королевским магом, пока остаюсь Вангердагастом, — немедленно прозвучал ответ. — Но я признаю, что Ганрахаст *тоже* королевский маг Кормира. Кажется, ты неспособна смириться с таким положением дел. Скажи мне, сейчас все боевые маги настолько лишены гибкости?

— А если и так? — сплюнула Глатра.

— Тогда, возможно, мне придётся испытать каждого из вас, большинство распустить, и начать тренировать и возрождать магов Короны до тех пор, пока они снова не станут достойны служить королевству. Я уже делал это прежде.

— О? И ты, наверное, думаешь, что мы просто выслушаем тебя и подчинимся? Примем твоё решение, решение чудовища, а не человека, чудовища, которое может быть дьяволом или нежитью, что завладела воспоминаниями Вангердагаста? В прошлом ты демонстрировал очень уж *гибкое* понимание кормирских законов, обычаев и иерархии! *Я так не думаю!*

Выхватив два жезла из-за пояса, Глатра направила их на существо на полке.

— Вот сила! Эти жезлы могут отправить тебя обратно в тот Ад, откуда ты вылез, если я того пожелаю! И дюжины — сотни — таких же носят преданные боевые маги по всему королевству! Уклонись от моих, и тебя разорвут жезлы, нацеленные другим верным Короне магом! Они делают меня такой же полезной Драконьему Трону, как какое-то ползающее чёрное существо из прошлого, которое...

— ...создало все эти жезлы и может ими управлять, — мягко сказал Вангердагаст, и прыгнул со своей полки прямо ей в лицо.

С воплем ярости и ужаса Глатра активировала оба жезла, бешено пытаясь испепелить чудовище прежде, чем оно коснётся волшебницы. Отшатнувшись назад, она споткнулась и упала на спину, охваченная страхом.

Жезлы не подействовали. Она хваталась за две палки из обструганного дерева, в которых не было ни капли магии.

Кто-то коснулся её груди, пальцами голой плоти. Паучье существо взобралось по её телу на кончиках своих пальцев...

Над ней нависло чёрное бородатое лицо, глядя на неё нос к носу. Глаза существа пылали.

— Госпожа, — грозно сказал оно. — Я не требую, чтобы ты меня любила или была моим другом — хотя так было бы проще. Я требую, чтобы ты служила Кормиру вместе со мной — или убралась с пути. Не заставляй меня отбрасывать тебя с дороги. Никогда.

Пальцы прошли по её ключице, подбираясь к горлу. Их носы практически соприкоснулись.

Вангердагаст улыбнулся ей широкой тёплой улыбкой.

— Я могу быть весьма обаятелен, знаешь ли.

Глатра потеряла сознание.

Мрелдрейк окинул взглядом голые жёлтые стены, которые стали уже слишком скучно-знакомыми, и не смог сдержать тяжёлого вздоха. Это была тюрьма, клетка такая же прочная, как камера в любом глубоком подземелье — и он сам вошёл внутрь. По собственной воле.

Да, Мрелдрейк лишился любых сомнений касательно собственной глупости. Но это была первая ловушка, попадание в которую его обрадовало.

Да, обрадовало. Его отчаяние угасло, как и большая часть горечи от того, в какую тесную тюрьму превратилась его жизнь.

От магии, над которой он работал, его поглотило нарастающее возбуждение. В кои-то веки идеи по усовершенствованию и управлению Искусством переполняли его разум, а мысли зачастую опережали скрипящее по бумаге перо. Эксперимент за экспериментом оказывались успешными или, по крайней мере, в достаточно обрисовывали открывающиеся чары, чтобы показать, в каком направлении двигаться.

Впервые в жизни он был по-настоящему вдохновлён своим собственным магическим умением.

В ворохе записей, рун и начертанных формул, с этими порошками, горшками и жаровнями он создавал магию — настоящую магию, намного превосходящую странные фокусы «заставь сиять свой ночной горшок» из его юности.

Магию, что могла менять королевства, менять *всё*. Магию, что могла сделать своего обладателя величайшим серийным убийцей...

Глаrag торопился. Эльминстер струился следом, его прах вздымался и клубился в собственной спешке, пытаясь не терять червя из виду. Впереди проход поднимался, его хорошо освещали частые заросли грибов в верхней части тоннеля, на которые червь не обращал внимания.

Что искало это чудовище? Или червь бывал здесь раньше и знал, куда направляется?

Эл попытался печально покачать головой, хотя головы у него не было. Прожил намного больше тысячи лет и по-прежнему так мало знаю о Фаэруне. Всё своё время я проводил в битвах, в тревоге или в интригах, чтобы ещё несколько человек могли выжить вместо того, чтобы погибнуть... и терпел неудачу, слишком часто терпел неудачу...

Проход делал резкий поворот, и он неожиданно услышал крики. Певучие, мелодичные голоса — дроу.

К тому времени, как Эл добрался туда, откуда смог их увидеть, все тёмные эльфы были мертвы, раздавлены. На камнях остались кровавые пятна, копья и арбалеты были сломаны и разбросаны вокруг.

Глаrag прорвался прямо через сторожевой пост в расположенную за ним большую пещеру. Чудовище направлялось прямо к тёмному выступу камня, торчавшему на открытом пространстве, как нос некоего исполинского корабля богов, погребённого здесь — каменная стена, усеянная многочисленными балконами и башенками, в сотнях окон которой виднелось мерцание червячных ламп и грибов.

Цитадель дроу, арраугры которой — более быстрый и элегантный эквивалент орудия, которое большинство людей называли баллистой — обрушили дождь копий на надвигающегося гларага.

Эл инстинктивно уклонился от одного свистнувшего копья, хотя полосе пыли на самом деле не требовалось ни от чего уклоняться, и посмотрел на несущегося червя, чтобы проследить за его реакцией.

Копьё за копьём попадали в цель — шкура чудовища в конце концов оказалась не такой уж и прочной — но глаrag, похоже, даже не замечал этого.

Барраж прекратился, когда у защитников-дроу закончились заряженные и готовые к ведению стрельбы арраугры. Эл видел, как на балконах мечутся стройные тёмные тела, пытаясь перезарядить, но глаrag не стал ждать. Он протаранил самый центр торопливо выстроенной стены воинов перед ближайшими воротами цитадели и не стал останавливаться.

Он ворвался внутрь крепости, где сразу же застрял в узких проходах и крошечных комнатах, хоть стены и были очень гладкими. Тёмноэльфийская архитектура могла предпочитать плавные изгибы и гладкую поверхность, но тесные помещения оставались тесными...

Глаrag толкнул себя в очень узкий проход, вытянувшись, как лента, затем резко напрягся. Камень вокруг него застонал и в бесчисленных местах раскололся, рухнув дождём обломков, из которых глаrag освободился с помощью пары взмахов своего хвоста, после чего

пополз вперёд.

Раздался треск, грохот, затем шум повторился. Великая цитадель, которой пробурили сердце, начала рушиться.

Глаrag выпотрошил большую часть сердцевины крепости быстрее, чем Эльминстер смог бы выхватить волшебный жезл, и теперь червь ударял головой в открывшиеся комнаты, кусая и всасывая. Дроу напрасно сражались с преследующими их щупальцами, торчащими с боков чудовища — и все погибли.

Тогда глаrag затих неподвижно.

Затем, когда эхо устроенного им разрушения наконец стихло и воцарилась неподвижность, существо внезапно взметнулось в едином великом взмахе. За этой могучей конвульсией последовал ментальный натиск, ударивший Эльминстера приливной волной, грохочущая безмолвная тьма, которая разбила его мысли и почти смела его прочь, утащив его ближе к глаragу, чем он собирался когда-либо оказаться.

Когда это случилось, Эльминстер следил, как какие-то маги-дроу торопливо вытаскивают зачарованные скипетры, чтобы разделаться с противником, и очень хорошо разглядел эффекты ментальной атаки глаragа. В одно мгновение тёмные эльфы воплощали собой бешеную ловкость, отпирая запоры и доставая завёрнутые жезлы — а в следующее они безвольными кусками мяса рухнули наземь, как марионетки с обрезанными ниточками, лишившиеся воли и мозгов. Один даже ухитрился нанизать себя на собственный скипетр.

Каким-то образом — он так никогда и не узнал, как это вышло — Эльминстер вырвался из хватки глаragа, хватки тёмного и голодного разума, который хотел поглотить его сознание, и смог хорошо разглядеть лицо одного из павших магов дроу. Пустые глаза, из открытого рта течёт слюна, обвисшее тело. Безвольное мясо, никаких сомнений.

Глаrag позади снова взметнулся, и ментальную тягу будто ножом отрезало. Затем великий червь развернулся. Взмах его хвоста обрушил ещё несколько комнат и освободил достаточно места, чтобы чудовище могло развернуться и покинуть крепость.

Оно скользнуло обратно в пещеру уже не так быстро, как атаковало цитадель, и замерло. Казалось, оно обнюхивает доступные пути, прежде чем выбрать один из них — снова направившись к источнику дуновения. Червь отправился дальше в Подземье. Энергичное подёргивание его хвоста, когда он покидал пещеру, казалось почти... удовлетворённым.

Эльминстер наблюдал за его уходом. Он уже решил остаться в цитадели. Среди стольких безмозглых тел дроу он мог выбрать подходящее тело для себя. Тёмные эльфы были сама гибкость, и... *Мистра!*

Что это, именем Девяти Пылающих Адов, такое?

Он много лет не испытывал этого неожиданного зуда, и даже не надеялся почувствовать его снова. Холодная прохлада, почти чувственный прилив внутри, который заставил его непроизвольно замурлыкать вслух, мягкое рычание, что разбросало короткие серебряные вспышки у него прямо под носом.

Серебряный огонь.

Божественный огонь Мистры тёк в него из какого-то источника поблизости, где-то в разрушенной цитадели!

Взволнованный, Эльминстер забыл о глаragе и обратил своё внимание на окружающие руины. Великая цитадель была расколота, её центр разрушен. Позади зиял заполненный обломками провал. Каменный выступ превратился в две расколотые, отдельные стены из

камня, между которыми были лишь обломки и несколько шатких стен и колонн, которые долго не простоят и вскоре присоединятся к грудам камня.

Он чувствовал себя взбодрившимся, как никогда сильным. С этим новым огнём внутри иначе и быть не могло — но он должен был узнать, кто умирал поблизости, какой Избранный Мистры покидал этот мир и отдавал свой божественный огонь, сочившийся в окружавшие Королевства. Он *должен* был узнать!

И кто *осмелился* убить Избранного Мистры?

Сияя серебряным огнём, обезумев от возбуждения, которое всегда рождала в нём такая энергия, и жажда большего, быстрый поток мерцающей пыли, который был Эльминстером, скользнул в руины.

Кто или что ожидавшее там могло убить хранителей божественного огня, принадлежавшего владычице всей магии?

ГЛАВА 3

ЦИТАДЕЛЬ, СТАВШАЯ МОГИЛОЙ

В поисках серебряного пламени Эл нырнул в разрушенные комнаты, через покосившиеся арки и рухнувшие потолки.

После первого прилива поток серебряного огня быстро утих, уменьшился до тонкой струйки. Это означало, что нужно спешить...

Повсюду лежали полузасыпанные обломками искалеченные тела дроу, из-под многочисленных каменных насыпей текли влажные полосы крови.

Менее кровавыми, но более жуткими были последние жертвы гларага, физически не пострадавшие, зато лишившиеся рассудка тёмные эльфы, распростёртые на камнях.

Эл скользнул мимо них, метаясь туда-сюда, следуя угасающему следу божественного пламени Мистры, углубляясь в остатки цитадели... в уцелевшие комнаты сбоку от разрушенного участка.

Он знал, что найдёт смерть, последние мгновения того, кто вполне мог оказаться дорогим ему человеком. Неужели на то была воля Мистры? А огонь был её подарком ему?

Такие мысли успокаивали, да, но...

Что, если это ловушка? Что, если он торопится на встречу своей гибели? Привлечённый тем, кто жаждет убить Избранного, или тем, кто просто готов прикончить любого незваного гостя?

Эльминстера это не беспокоило. Он *должен* был знать, кто истекает серебряным пламенем, должен был испытать больше этого огня, если сможет... должен был...

Эл оказался в последней комнате, где на полу вокруг стола лежало множество распростёршихся дроу — паучьих жриц и магов. На столе цепи удерживали распластанное тело, которое было так сильно изрублено, что не поддавалось опознанию. Жертва была Избранной и эльфийкой. Это всё, что он сумел определить.

Эльминстер приблизился. Угрюмый гнев поднялся внутри. Дроу удалили у жертвы внутренние органы и использовали на ней экспериментальные заклинания, пока эльфийка ещё была жива.

В горшке, который по-прежнему баюкал в руках осевший на пол и лишившийся разума тёмный эльф, лежал свежееотрезанный человеческий язык, и... не глазные ли яблоки это блестели на подносе в другом конце комнаты?

Да, это были глаза, уже навечно уставившиеся в никуда. Вспыхнула чёрная ярость, разгораясь до тех пор, пока Эльминстер не захотел завопить или зарычать. В виде пыли он не мог сделать ни того, ни другого; он мог только клубиться.

За эту смерть заплатят. Я клянусь.

Он взбешённо огляделся вокруг в поисках врагов, но никого не увидел и не почувствовал. Он не знал, что сильнее: его гнев или его печаль.

К этим чувствам добавил стыд, когда Эл закружился в воздухе над скорбными останками товарища-Избранной, которой он не мог помочь и имени которой не знал. Чувствуя себя таким же мерзавцем, как её мучители-дроу, он вместо этого стал питаться, поглощая каждую каплю утекающего из неё огня Мистры.

Это драгоценное серебряное пламя струилось мимо линий фиолетового и чёрного огня, чертившего медленный и бесконечный круг в воздухе над залитым кровью столом;

посредственное заклинание дреу, которое должно было удержать утекающую божественную эссенцию для последующего использования тёмными эльфами. Заклинание потерпело неудачу. Эл бросил на него короткий взгляд. Такая магия никогда не смогла бы сдержать серебряное пламя...

Он вздрогнул от потрясения, когда в него потекли последние проблески серебряного огня, окутав чувством... тревоги. Станным, слегка тошнотворным... более широким, как будто принадлежало не только ему...

Огонь Мистры горел достаточно долго, чтобы выпить и высушить тёмное пламя дреу, а также несколько других потерпевших неудачу тёмноэльфийских заклинаний поблизости, и передать их магию Элу. Может быть, с ним что-то случилось из-за этого? Он...

Нет, Старый Маг, ты всё такой же стойкий и выносливый, как прежде, произнёс весёлый голос в глубинах его разума.

— Кто...? — выпалил Эльминстер, взволнованно оглядываясь вокруг, как будто прямо перед ним в воздухе могло возникнуть какое-то волшебное зеркало и показать, кто это говорит. Ничего такого не произошло.

Это могла быть лишь Избранная на столе, проникшая в него вместе с последними сполохами своего серебряного пламени... но голос *не казался знакомым*.

Он был слабым и затихающим; без поддержки Плетения она, наверное, долго не протянет...

Согласна, недолго. У меня осталось мало времени, Эльминстер. Хорошо распорядись моим огнём — и помни меня, когда будешь его использовать.

— Я... — Эльминстер обнаружил, что голос хрипит, и ему пришлось сделать усилие, чтобы заговорить. — Это будет проще, если я узнаю, кем вы были.

Кто я такая, нетерпеливый мужчина. Я всё ещё жива, большое тебе спасибо!

Резкая мысленная отповедь попала прямо в цель; Эл моргнул и опустил голову.

— Примите мои извинения, госпожа, умоляю вас. Кто вы такая, разумеется. И, хм, кто же вы?

Так-то лучше. Когда-то ты знал меня. Симрустар Огламир, в прошлом из Кормантора. Мы расстались не в лучших отношениях.

— Симрустар? Госпожа, как... как...

Как я оказалась здесь? Давным-давно дреу пленили в меня и годами осаждали мой разум своими заклятиями. Я сражалась с ними и побеждала, снова и снова, пока они не отчаялись завоевать меня и решили вместо этого меня уничтожить, чтобы добраться до хранящейся внутри меня силы Мистры. И справились с этим. В конце концов, когда Наша Госпожа умолкла, я, судя по всему, оказалась не такой уж особенной.

Голос в голове Эльминстера на мгновение смолк. Он был пронизан весельем, когда зазвучал снова.

Или ты хочешь узнать, каким образом я вдруг стала Избранной? А ты об этом не знал?

— А... да. В смысле, первое. Что касается второго, то Мистра, разумеется, укрыла тебя от меня.

Укрыла. Ради нас обоих. Я люблю тебя.

— И я тебя. Я верю тебе, когда ты говоришь о любви — но признай, ты очень странно её выражала.

Меня разрывало на части, и не просто разрывало. Ещё я тебя ненавидела. За то, что

ты был человеком, Эл. Испытывать страсть к человеку — это было... позором для меня. Пока меня не разубедило сердце, я была уверена в том, что люди вонючие, волосатые, жестокие дикари, как была уверена в восходах и закатах солнца и луны. Юная, безрассудная, младшая раса, которая не заслуживала уважения и была недостойна своей всё возраставшей власти. Чума на лице Королевств, что без сожалений и забот портила и разрушала, а когда людям указывали на их вину — они отвечали яростным насилием. Ты разбил всю мою картину мира, всю целиком, и... и я увидела грядущее. Мне, как и любому эльфу, высоко- или низкорождённому, непросто было смириться с этим зрелищем. Для меня это был яд. Ты был для меня ядом.

— Я... Госпожа, я был молодым, глупым и гордым, и... и причинил тебе зло.

Я пыталась поступить с тобой ещё хуже. Даже молила не только хороших знакомых богов, но и Мистру о средствах для того, чтобы уничтожить тебя.

— Расколотые заклинания... — поражённо прошептал Эл. — Ты разве не знала...?

Об узах между тобой и твоей богиней? Вскоре узнала. Голос в его сознании звучал иронично. Но я никогда не знала такой любви, такого милосердия. Вместо того, чтобы уничтожить или обмануть меня, Мистра подарила мне свою доброту и мудрый совет. Который я отвергла. Когда наконец я пала в бою, она пришла к мне, когда я, охваченная огнём, летела сквозь небо, и предложила мне новую жизнь. Я сказала «да». Мистра пообещала мне, что ты не узнаешь, пока она цела. Сейчас мне кажется, что она могла предвидеть свою судьбу.

— Я... я думаю, падение Мистры было частью цикла, которому суждено повторяться снова и снова, поскольку Плетению — как и всей магии в мире — необходимо обновление. Мистра вернулась.

ЧТО? Я её не почувствовала!

— Она... сильно изменилась. Ослабла. Отчаянно нуждается в моей службе, хотя раньше я был всего лишь одним способным слугой и посланником из многих других, имевшихся в её распоряжении.

И ты будешь жить, когда я уйду во мрак. Но пока я угасаю, у меня осталось ещё немного времени с тобой. Ты всегда выбирал самый сложный путь, лорд Омар. Принц. Голос потерял своё мрачное и тоскливое звучание и стал тёплым и ласковым. Ты пройдоха.

— Госпожа, — ответил Эльминстер. — Я... хотел бы я, чтобы между нами всё сложилось иначе.

Будь желания войсками, Кормантор бы ещё стоял. Я получила свой второй шанс, Эл, и столько сделала благодаря ему, и давным-давно оставила любые сожаления. Я нашла любимых, близких и хороших друзей среди последователей Мистры, а затем смирилась с тем, что произошло, когда мы оба были в Городе Песни. Мистра часто показывала мне твои разворачивающиеся деяния, и это нас с ней развлекало. Знай, что я...

Голос задохнулся на мгновение, как будто подавляя всхлип.

Что я часто радовалась за тебя.

В голосе Симрустар снова зазвучало ироничное веселье.

Даже когда ты... не пропускал ни одной юбки.

Эльминстер вздрогнул.

— Мистра никогда не говорила мне...

Мистра о многом никогда тебе не говорила. Но знай, что она ценила тебя превыше всех остальных её слуг, давала тебе самые сложные задания, доверяла тебе больше, чем

кому-либо другому. Ты был её львом. Я... я часто задавалась вопросом, на что похож твой разум.

— И на что же он похож сейчас?

Он... уютный. Более дружелюбный и милый, чем я ожидала. Ты — гордый лев, Эльминстер.

Эл снова вздрогнул.

— Я... в эти дни я стал неуклюж. Пытаюсь сделать то, что должен, не причинив большого урона окружающим Королевствам. И слишком часто терплю в этом неудачу, должен сказать.

Сказано скромно, лорд Омар, но прямо сейчас я вижу в твоих мыслях твой главный твой интерес — похитить себе чужое тело. Не слишком скромное желание.

— Ой. Твой язык жалит с прежней лёгкостью.

Я пока ещё не мертва. Так что делись. Это моя последняя прогулка, и я хочу ей насладиться.

— Госпожа, в том, чтобы летать вокруг, как какой-нибудь турист, осматривающий достопримечательности, есть свои мимолётные плюсы, но Мистра возложила на меня выполнение срочных задач, и от меня многое зависело ещё до того. Чтобы выполнить любую из этих задач, мне необходимо тело, руки и всё остальное. Не какой-нибудь раб под принуждением, которым я буду управлять с расстояния, но точный, близкий контроль, который получаешь, вселившись в тело и управляя им как собственным.

Как же ты ухитрился оказаться столь неосторожным и потерять собственное?

Эл вздохнул.

— Совсем длинная история, госпожа. Ты действительно хочешь, чтобы я потратил на неё время?

Нет. Я... дразню тебя. Моя вечная ошибка. Прости меня. Продолжай искать. Чем быстрее ты найдёшь тело, тем быстрее мы отсюда выберемся.

Последние мысленные слова сопровождалось нарастающим страхом, отвращением и быстро подавленной вспышкой чудовищных воспоминаний об ухмыляющихся дроу, резавших Симрустар до тех пор, пока она не теряла сознание от невыносимой боли.

Эльминстер отправил ей все утешающие, любящие эмоции, которые смог собрать, чем заслужил резкое:

Избавь меня от романтики, Мудрец Долины Теней. Для нас обоих уже слишком поздно, тебе так не кажется? Начинай искать!

— Твоё желание, госпожа, — криво усмехнувшись в мыслях, ответил эльфийке Эльминстер, — закон для меня.

Он поплыл вперёд. Но даже для клубящейся пыли спешка среди свежих руин, где часто внезапно рушились колонны и потолок, оказалась почти невозможна. Пришлось осторожничать.

Судя по тому, что увидел Эл, наблюдая за гларагом, безмозглых тел должно было быть в достатке, если он не станет медлить с выбором. Он видел безмолвных дроу с пустыми взглядами, пускающих слюну и бесцельно волочащих ноги в дальних галереях, не обращая внимания на опасность; были это самые лучшие и сильные тела, или ему следовало выбрать не пострадавшее, но валяющееся без чувств?

Выбери самую красивую женщину-дроу, насмешливо предложила Симрустар. В этом мужчины-дроу и мужчины-люди похожи; красота отвлекает их от немедленной жажды

убийства. Они скорее сначала позабавятся.

— Цинично, — пробормотал Эл, — но разумно.

Одно другому не мешает. Даже среди людей. Что же до эльфов, неужели ты совсем забыл о наших временах в Корманторе?

— Нет, — прошептал Эльминстер. — Никогда.

Спокойно, Эл. Я не хотела тебя ранить.

— У меня множество ран, — отозвался он. — Хуже всего заживают те, что я несу в своём разуме.

Ты тщательно занавесил их шторами и спрятал, как я вижу.

Эльминстер снова вздрогнул.

В засыпанном обломками котле, в который превратился каменный выступ твердыни, большинство дроу были мертвы или покалечены — их тела лишились конечностей или оказались наполовину раздавлены. Эл потёк в нетронутые комнаты глубже в уцелевшей части цитадели, где убили Симрустар.

Вероятно, разумнее искать здесь, одобрительно заметила его новообретённая гостья. Или опаснее — в этом направлении располагались покои самых могущественных жриц.

— Глараг высосал каждый разум, до которого смог дотянуться, — ответил Эл. — Битвы я не жду, если до того, как я закончу, не появятся другие дроу.

Битвы он не нашёл. Повсюду были глядящие в никуда дроу, тела — нетронуты, но сознания нет. Некоторые из них были безмолвны и, похоже, не воспринимали его присутствие и окружающий мир, другие убегали прочь, как испуганные собаки, от любого движения поблизости.

Он струился сквозь комнату за комнатой. Обстановка становилась всё роскошнее, ядовитых стражей-пауков тоже становилось всё больше — некоторые свернулись в тугие комки агонии или безумно содрогались и тряслись, другие потрясённо застыли из-за резкого исчезновения разумов дроу, с которыми они были связаны.

Он обнаружил жриц, облачённых в затейливые паучьи мантии с высокими капюшонами. У жриц были скипетры и жезлы, обладавшие зловещей и грозной силой. Некоторые лежали в таких местах, как будто охраняли запертые комнаты — и в одной такой комнате Эльминстер с удивлением обнаружил длинный стол, окружённый безмозглыми, слабо шевелящимися мужчинами-дроу, мантии, магические кольца и жезлы которых указывали на то, что они были волшебниками. На столе лежали книги заклинаний.

Человеческие книги заклинаний! Тома, и гримуары, и карманные книги полезных заклятий, принесённые в Подземье из Мира Наверху, с поверхности знакомых Элу Королевств. Тёмные эльфы лежали на страницах или осели в своих креслах. Очевидно, эти волшебники занимались исследованиями, когда на крепость напал глараг.

Эл окинул взглядом несколько усыпанных рунами страниц, чувствуя, как внутри кипит серебряный огонь; огня было больше, чем он мог спокойно вместить. Он мог швыряться им во врагов, да. Если Эл этого не сделает, огонь будет медленно вытекать из него... или он может найти ему лучшее применение, как делал уже раз-другой за свою тысячу с лишним лет. Потратить капельку туда и капельку сюда, чтобы поместить несколько заклинаний с этих страниц в свой разум на довольно долгое время. Навечно, если серебряный огонь не выжжет их оттуда опять. Превратить их в магию, которую он сможет творить одной лишь силой воли. Всего несколько заклинаний, поскольку каждое, которое он выжжет в своём сознании, замедлит и стеснит его. Он должен выбирать осторожно.

После того, как выберет лучшее тело, которое станет ему новым домом. Возможно, ему потребуется использовать серебряный огонь, чтобы разрушить зачарования на этом теле, изгнать из него яд или болезнь. Да, сначала необходимо отыскать тело.

Эл шарфом обернулся вокруг рухнувшей жрицы, которая охраняла комнату с книгами. Высокая, стройная дроу — или была бы таковой, если бы не распостёрлась в собственной слюне на кишасщем пауками каменном полу крепостного коридора. Её руки и ноги были широко раскинуты по сторонам, и пауки кусали их, будто пытаясь отомстить за годы пренебрежения.

И это была ещё одна проблема; любой из этих бесчисленных арахнидов величиной с кулак и меньше мог служить глазами и ушами Паучьей Королеве. Эл не стремился сражаться с дюжинами дюжин безжалостных паучьих жриц или их приспешников, или заслужить яростное внимание безумной и ненасытной богини, иметь с которой дело лучше было тогда, когда на его стороне окажется возрождённая и целая Мистра.

По крайней мере, Эльминстер, ты наконец пришёл к очевидной мысли, что следует поторопиться.

— Да, мамочка, — насмешливо ответил Симрустар Эл. Его наградили мысленным образом Симрустар, глядящей презрительным взглядом. Её лицо так неожиданно возникло в его мыслях, что он содрогнулся. И сразу же почувствовал тёплую вспышку её удовлетворения.

— Не сейчас, — мрачно сказал он и начал укреплять себя ментально, собирая волю в кулак. Может встряхнуть...

Эл воспарил над прекрасным, но тревожаще пустым лицом жрицы — затем нырнул вниз в её открытый рот, отыскивая носовой проход, чтобы занять тёмный, и, как он надеялся, пустой разум.

Он проник внутрь! И здесь было пусто; он падал, погружался в неизвестные глубины, кувыркался...

Последовало несколько мгновений головокружительной, неприятной дезориентации, потом более долгое чувство «неправильности»... и тело стало его, задвигало пальцами, а затем и ногами по его приказу, перевернулось — и встало, так же ловко, как он двигался в юности по крышам давно сгинувшего Аталантара.

У него снова было тело!

— Госпожа, — спросил он вслух, слова сначала звучали глубоким клёкотом, затем превратились в мягкое, более высокое эхо его прежнего голоса, — ты всё ещё со мной?

О да, лорд Омар. Так легко ты от меня не избавишься.

— Ах, подруга, это ни в коем случае не попытка от тебя избавиться — но я подумал, что если захватить это тело оказалось так просто, с моей помощью ты тоже можешь обзавестись телом, вернуть себе свой огонь и жить дальше!

Ответ с задворок его разума пришёл не сразу.

Это было жестоко, Эльминстер. Для этого я ушла уже слишком далеко. Для чего-то большего, чем мысли и мысленная речь, меня осталось слишком мало. Я даже не могу... нет. Я не могу. Если ты попытаешься использовать на мне серебряный огонь, хоть каплю, он разорвёт то, что осталось от меня, и задует меня, как свечу. Я... меня почти не осталось. Не покидай меня.

— Госпожа, у меня и в мыслях такого не было, уверяю! Я...

У тебя, как всегда, бойкий язык. Давай больше не будем это обсуждать, не будем

тратить время, которого нет у нас обоих. Молчание этой крепости наверняка не осталось незамеченным. Где-то здесь есть — или были — порталы к другим крепостям дреу; очень скоро у нас могут появиться крайне враждебно настроенные гости.

— Я... да, ты права. Книги заклинаний...

Быстрее, Эльминстер, быстрее.

Эльминстер заторопился, ловкими, длинными пальцами перебирая ключи, которые он обнаружил на поясе своего нового тела. Стройная, грациозная и лишённая болячек фигура была облачена в прозрачную мантию таких оттенков, которых он терпеть не мог, укрытую храстовыми паучьими узорами! Он нетерпеливо вцепился в ткань.

Вот это Эл, которого я помню. Все женщины должны расхаживать нагишом, да?

— Госпожа, — прорычал он вслух, и это прозвучало, как гневное урчание, — ты мне не помогаешь!

Я буду помогать, Эльминстер, обещаю. Когда смогу и как смогу. Клянусь тебе.

Его едва не обожгло от неожиданной решимости, прозвучавшей в мысленном голосе в его голове.

Тронутый, Эл обнаружил, что готов зарыдать — более крупными и маслянистыми слезами, чем были у его человеческих тел. Он шмыгнул носом.

Прекрати это. Заклинания, помнишь?

— Да, дорогая, — насмешливо отозвался он. На мгновение в его голове воцарилась тишина, затем раздался прекрасный женский смех.

Сколько Избранных отдавали свои жизни за все эти долгие годы? Неужели мы так мало значим для Мистры?

Поспеши.

Эл бросился к книгам, серебряное пламя взметнулось в его мозгу. Следовало быть осторожным и не позволить огню потечь с его пальцев и повредить заклинания, которые он мог для себя захотеть.

И выбирать их следовало осторожно. Но приходилось спешить.

Эл снова зарычал.

Да, это урчание было очень приятным.

ГЛАВА 4

ЗДЕСЬ И ТАК СЛИШКОМ ОПАСНО

Небольшое облачко тумана в вышине пересекло великий зелёный простор пастбищ, торопясь на юг к неприступным стенам высокобашенного Сюзейла. Облако, которое не мог развеять или сдуть в сторону даже сильнейший ветер, направлялось прямо к кормирской столице, позаботившись о том, чтобы держаться выше, чем мог бы доверять своему глазу любой из пурпурных драконов-лучников, и казаться простым комком тумана, не напоминая формой человека.

Из полуразрушенного особняка Дардулкина дом был так себе. Тем не менее, туман возвращался домой.

Вскоре, разумеется, всё это будет принадлежать ему: все охотничьи угодья и пастбища, каждый дворец, особняк и дом.

Да, вскоре. Благородным лордам не терпелось дожидаться возможности достать мечи и броситься друг на друга — сразу после того, как закончат убивать каждого ненавистного царедворца и членов пришедшей в глубокий упадок правящей семьи Обарскиров. Расколотые, уставшие от старых традиций и жаждущие крови, они станут игрушками Мэншуна.

Мэншуна, которому никто не посмеет перечить. Нетерезы красовались и смеялись в небесах, но были столь слабы, что им требовалось скрываться, чтобы править в Сембии и других местах, брать власть как воры там, где действительно могущественные маги смело провозгласили бы о себе и испепелили бы всех несогласных.

Симбул, возможно, и вернула себе на время здравый рассудок, но была слаба, что ей пришлось притвориться, будто она говорит от имени мёртвой богини, желая, чтобы Мэншун — вместе с её прирученным пёсиком Эльминстером — занялся для неё собиранием зачарованных побрякушек.

Ха. Мэншуну Могущественному не требовались магические предметы. Мэншуну никогда больше не понадобится возиться с ними. Мэншуну...

Эта мысль сбежала от него и пропала, когда башни Сюзейла взметнулись ему навстречу. Усиливающийся морской бриз принёс с собой запах соли, водорослей и мёртвой рыбы — этот туман мог чувствовать запахи и не обладая носом.

Ещё одна интересная особенность вампиризма, подумал Мэншун, перелетая городскую стену. Оказавшись в городе, он поднялся выше, не из страха перед заклинаниями боевых магов или наблюдателями на стенах, но помня о защитной магии особняков знати, которая могла — случайно или намеренно — простираться высоко в небеса над их башенками и величественными садами.

С высоты на улице внизу он разглядел что-то необычное. Небольшая величественная процессия, блеск начищенных доспехов, человек в камзоле герольда посередине... глашатай Короны, окружённый парой человек, которые могли быть только боевыми магами, а позади и впереди — по двое пурпурных драконов в доспехах. Крупные мужчины в самой лучшей броне; должно быть, это какое-то важное официальное заявление.

Мэншун с разгоревшимся любопытством стрелой ринулся вниз, стараясь держаться прямо над улицей, куда не должны были доставать магические печати. Камзол герольда должен быть ему знаком...

Да. Он следил за вестником Дарком Драгонетом, а рядом с ним определённо были боевые маги. Ветераны, судя по их виду, хотя Мэншун ни одного не узнал. Сопровождавшие их пурпурные драконы были огромными, мускулистыми и суроволицыми великанами. Ни один из трёх человек, которых они сопровождали, тоже не улыбался. Так-так. Кого-то ждут плохие новости.

Мэншун опустил ниже как раз тогда, когда мрачная процессия прибыла на порог Зала Амбершильдов.

Высокий камень, ярко блестящие медные двери высотой в два человеческих роста, по бокам от них скульптуры крылатых львов на каменном постаменте, достаточно широком, чтобы двенадцать взрослых мужчин легко там поместились; городской особняк благородной семьи Амбершильдов. Толстошеиее любители традиций, которые сопротивлялись попыткам Мэншуна свратить их точно так же, как сопротивлялись реформам короля Форила Обарскира. Каменные головы на мощных плечах.

Мэншун скользнул вниз в затейливую каменную резьбу, окружавшую величественные парадные двери Амбершильдов, чтобы подслушать происходящее. Дверь украшали дельфины и морские волчки, бьющиеся с мерфолками и людьми с копьями верхом на существах, похожих на виверн; очень воинственно и без сомнения впечатляюще.

— Нет, мне приказано не входить, а прочитать сообщение с порога, — говорил привратнику глашатай. — Позовите его, пожалуйста.

Если бы туман в весёлом удивлении мог выгнуть бровь, Мэншун именно так бы и поступил. Всё лучше и лучше.

Ждать пришлось недолго. Бесспорно, верные приверженцы традиций.

— Да? — лорд Амбершильд наградил глашатая кратчайшим из кивков.

Дарк Драгонет поклонился, затем величественно и строго провозгласил:

— Именем короля лорду Амбершильду приказано выслушать мои слова!

Лорд коротко кивнул, и герольд продолжил.

— Таковую же весть прямо сейчас разносят всем главам благородных домов, находящимся в Сюзейле. Король Форил Обарскир, что восседает на Драконьем Троне и обладает законной и абсолютной властью над всем Кормиром, принял во внимание недоверие главных родов этой земли к его последним указам. Королевским решением Совет Драконов отменяется, и следующий сезон король проведёт в личных встречах с каждым лордом, пожелавшим аудиенции, чтобы с глазу на глаз откровенно обсудить их идеи касательно управления Кормиром и будущего страны, чтобы выслушать все мнения и чаяния. Знати Кормира выражается глубокая благодарность за посещение совета и за крепкую любовь и заботу о королевстве. Вас просят мирно возвратиться в свои дома, к делам, отложенным ради посещения столицы, пока мудрый король Форил обдумает то, что вы сказали ему, и начнёт проводить эти встречи.

На это лорд Амбершильд ответил ещё одним коротким кивком.

— Передай мою благодарность, добрый глашатай, — холодно сказал он и захлопнул дверь перед носом Дарка Драгонета.

Глашатай пожал плечами и развернулся, махнув пурпурным драконам, чтобы те следовали за ним. Мгновение спустя люди Короны уже спешили прочь, чтобы прочитать то же объявление перед новой аудиторией.

Бледной дымкой повиснув в воздухе над дверью в Зал Амбершильдов, Мэншун злорадствовал.

— Обарскиры последней отчаянной хваткой цепляются за Драконий Трон, — прошептал он сам себе. — И их руки соскальзывают. Вскоре воспрянет моя империя.

— Глеммераивский суп, — с гордостью провозгласила леди Марантина Делькасл, поставив между ними дымящуюся супницу.

Поймав взгляд сына, она резко добавила:

— Да, я приготовила его сама. Глеммераив я не ловила — ловля сетями морских черепах не входит в список моих умений — но сделала всё остальное. И земляного гаранта я тоже поймала в силки сама.

Арклет наградил её широкой, восхищённой и искренней улыбкой.

Ещё мгновение она с подозрением смотрела в его глаза, затем расслабилась и улыбнулась сама, плавным движением ловко сняв крышку с супницы, чтобы не позволить каплям влаги пролиться на стол, и потянулась за черпаком.

Мать Арклета не только пригласила Шторм и Амарун на поздний ужин в особняке Делькаслов, надеясь услышать всё о происходящем при дворе, она также прогнала всех слуг, чтобы «держат подальше чужие уши», и подавала блюда сама.

Арклет явным образом был потрясён, но осторожно воздерживался от любых комментариев о том, насколько хорошо его властная драконица-мать справлялась с обязанностями прислуги. Леди Делькасл была не менее ловкой и внимательной, чем любая плавно скользящая по полу служанка — и намного, намного более вежливой, чем обычно. И терпеливой.

Хотя она заявила, что хочет услышать последние придворные новости, болтовню о будущем Кормира и узнать, что говорят и делают различные лорды, Марантина Делькасл до сих пор не попыталась заставить гостей сплетничать. Обычно она набрасывалась на каждое произнесённое слово, с жестоким энтузиазмом безостановочно обхаживая собеседников или угрожая им, как будто в безумной спешке вытащить из них новое сочное откровение.

Увидев, что её улыбка становится всё более и более вымученной, Арклет пожалел мать. Служанку она изображала *идеально*, но кто знает, когда именно ожидание окажется для неё слишком долгим и мать взорвётся?

— Уверен, что визит глашатая стал настоящей неожиданностью, матушка, — вежливо сказал он, подливая всем вина, прежде чем это успела сделать она. — Ты наверняка хочешь узнать о том, что мы видели и слышали в городе и окрестностях, не так ли?

— В самом деле, — благодарно отозвалась леди Делькасл. — Мне... не терпится узнать о сплетнях, которые могли достичь ваших ушей. О том, какие лорды подчиняются королю и поддерживают его, какие партии в открытую заявляют о неподчинении, кто какую позицию занял. Сделал ли уже король из кого-нибудь жестокий пример для остальных? Я...

Она резко захлопнула рот, яростно затрясла головой и снова улыбнулась.

— Прошу прощения, я опять начала тараторить без умолку.

Она бросила взгляд на сына и сухо добавила:

— Да, дорогой, я готова была взорваться. Твоё возрастающее опасение было слишком очевидным.

— Ваш глеммераив, — произнесла Шторм с ложкой в руке, — просто восхитителен.

— Спасибо, — с искренним удовольствием отозвалась Марантина Делькасл, взявшись за собственную ложку. — Вам понравилась нотка горчицы?

— Горчица и... дэрадорское вино... потомившееся на медленном огне, прежде чем вы

добавили бульон гаранта, — медленно сказала Шторм, дегустируя последнюю ложку. — Прекрасная готовка.

— Лучший суп, что я когда-либо пробовала, — тихо добавила Амарун. — Хотела бы я уметь так готовить.

Леди Делькасл просияла.

— Ты научишься, Рун, ты научишься. Признаю, в последнее время я слишком редко появляюсь на кухне, но...

Она прервала себя, рубанув воздух ладонью, как топором палача.

— Позже. Сначала сплетни!

Шторм почти сумела подавить весёлое фырканье, из-за чего Арклет торопливо сказал:

— Что ж, матушка, королевство по-прежнему лихорадит — правда, это не такие уж и свежие новости. Наиболее преданные лорды, те, что помудрее, как Спурбrait и Вивернспур, всеми доступными способами пытаются успокоить страну — и пытаются заставить самых горячих голов вернуться из Сюзейла обратно в их семейные крепости до того, как начнутся неприятности. А такие, как леди Харвендур и леди Донингдаун, тем временем расплёскивают свой обычный словесный яд, распространяя злобные сплетни и настраивая друг против друга как можно больше лордов и леди. Целый городской гарнизон пурпурных драконов патрулирует улицы, постоянно сменяя друг друга...

— Толпами, а не патрулями, — пробормотала Шторм.

— Да, толпами, чтобы не позволить телохранителям лордов сражаться друг с другом. Если кто-нибудь получает кулак в лицо, драконы появляются раньше, чем раздаются первые крики. Корона пытается сдержать любые беспорядки.

— Среди всё нарастающего потока жалоб благородных лордов на злоупотребления солдатами властью против невиновных и преданных граждан, как я подозреваю, — сухо сказала леди Делькасл.

— Ну конечно. Но законные жалобы тоже были.

— О? Например?

— Ну, к примеру жалоба о неспособности Короны, хм, «искоренить или по меньшей мере приструнить» банды разбойников, чьи набеги на северо-восточных границах королевства становятся всё более дерзкими.

— Обычные орки и головорезы к северу от Хуллака? Воспользовались всем этим шумом и тем, что лорды собрались в Сюзейле на совет?

— Вроде того, но некоторые набеги действительно были наглее обычного. Звери Бродшильда, к примеру, нападали на города — и не только ночью, чтобы...

Он замолчал, когда рядом напряглась Шторм, а выражение лица матери изменилось. Проследив за её взглядом, Арклет бросил быстрый взгляд через плечо.

В комнату без объявления и без сопровождения слуг вошли три молчаливых гостя в длинных, тёмных плащах. Их капюшоны были подняты, скрывая лица, а руки — и любое оружие, которое они могли сжимать — прятались в длинных, просторных рукавах.

— Да хранят нас пурпурные драконы! — воскликнула леди Делькасл, скорее, удивлённая, чем напуганная. — К нам вторглись!

Она повернула покорно засиявшее кольцо на своей левой руке, а потом поднялась на ноги, чтобы воскликнуть:

— Стойте! Стойте и покажите себя!

Арклет уже вскочил с кресла и его меч выскользнул из ножен.

— Уберите сталь в присутствии короля! — рывкнул ему тот, что был пониже, пошире — и стоял поближе.

Арклет узнал этот голос даже раньше, чем его обладательница откинула капюшон: боевая волшебница Глатра Баркантл. Остальные двое сняли капюшоны не так быстро, оказавшись королевским магом Ганрахастом и... королём Форилом Обарскиром, Драконом Кормира.

Арклет глубоко поклонился королю, и Амарун быстро поднялась на ноги, чтобы отодвинуть кресло, освободить место и преклонить колени. Шторм вставать не стала, но улыбнулась и кивнула стареющему монарху в знак безмолвного дружеского приветствия — а Марантина Делькасл одарила его своим лучшим гневным взглядом.

Не обращая внимания на жезл в руке Глатры, который нацелился на неё, матриарх семьи Делькасл процедила:

— Есть ли какая-нибудь причина для этого нежеланного и необъявленного вторжения в мой дом? Неужели Кормир настолько низко пал, что больше не требуется просить приглашения, посылая сначала герольдов, чтобы просить оказать вам *честь*, согласившись на встречу? Неужели королевство вступило в войну? Или вы просто совсем забыли подобающие манеры и права граждан — те самые права, о которых вы трубите день и ночь, швыряя их в лицо любому высокорожденному?

— Матушка, — произнёс Арклет.

Леди Делькасл повернулась к нему.

— Не матушкой мне тут, щенок! Я выносила и вырастила тебя и ожидаю твоей преданной поддержки! Я...

— Я просто хотел указать, — оборвал её Арклет, — что ты задала его величеству достаточно вопросов и ему требуются один-два вдоха, чтобы ответить, прежде чем ты похоронишь его под следующей частью своей тирады. Как мужчина, я знаю, когда приближаюсь к пределу вопросов, на которые могу ответить за раз — а мой разум куда менее занят, чем разум нашего Дракона.

— Это уж наверняка, — с едким триумфом ответила ему мать. — Разумные мысли слишком редко...

— Кормир не вступил в войну, — вежливо вмешался король Форил, голос которого немедленно заставил всех замолчать. Он добавил с кривой ухмылкой:

— Пока что.

Король сделал шаг вперёд.

— Я искренне извиняюсь за вторжение в ваш дом, и за, хм, нарушение семейного спокойствия, Марантина. Я не стал бы так поступать, будь обстоятельства менее суровыми. Я взываю к вашей любви к Кормиру, чтобы вы проявили терпение, и уверяю, что при нашем вторжении не пострадал ни один из ваших людей. Здесь ли ваш друг и коллега Эльминстер?

— Что? — спросила леди Делькасл одновременно с тем, как Арклет и Амарун оба ответили:

— Нет.

— Зачем вы его ищете? — спокойно спросила Шторм.

— И почему *здесь*? — резко добавил Арклет, заслужив одобрение матери. Она энергично кивнула в поддержку его вопроса, по-прежнему грозно взирая на гостей. — Разве Эльминстера видели в особняке Делькаслов?

— Нет, нет, — успокаивающим голосом ответил Ганрахаст. — Мы, хм, проследили за

лордом Делькаслом до этого места.

— Как? — изумив всех, с неожиданным запалом воскликнула Рун. — Вы что, следите за Арклетом?

— Ах, нет, нет, — торопливо ответил Ганрахаст с мягкой неловкостью храмового жреца, не привыкшего к резким вопросам, — мы просто надеялись обнаружить его в обществе леди Шторм, — он кивнул Шторм, — и лорда Эльминстера.

— Не уклоняйтесь от вопроса, — рявкнула леди Делькасл. — Вы нашли моего сына с помощью магии, я так понимаю? Как именно? В этом доме и в большинстве других стоит защита для предотвращения подобной слежки, волшебные печати, которые, уверяю вас, завтра же обновят и удвоят, но я требую ответа — каким способом и по какому праву вы...

— Этот способ, — сухо ответила Глатра, — является государственной тайной.

Во внезапно наступившей следом за её словами тишине она осознала, что все присутствующие смотрят на неё с кислым выражением лица. Даже Ганрахаст.

— Мне что, можно рассказать больше? — глупо спросила его Глатра. — Разве это мудро?

Королевский маг вздохнул.

— Скажи им, — пробормотал он, взмахнув рукой, как величественный оратор, представляющий умелого докладчика.

Глатра вздохнула, заметно раздражённая и сомневающаяся, затем сказала сидящим вокруг стола:

— Вам наверняка известно имя Вангердагаста. Присутствующих вряд ли удивит его продолжающееся по сей день существование. Так вот, когда лорд Делькасл недавно помогал магу Эльминстеру вселиться в тело боевого мага Эплкрауна, Вангердагаст наложил на Арклета... кое-что. Он только сейчас рассказал нам, и мы немедленно этим воспользовались.

— И явились сюда. Долго этот след будет держаться?

— Вам надо спросить Вангердагаста, но он дал нам понять, что наше использование оборвало действие следа, — неохотно ответила Глатра.

Леди Марантина Делькасл громко и впечатляюще фыркнула.

— Как будто можно доверять хоть чему-нибудь, что говорит старый ужас, — сказала она, обращаясь к потолку. — Я помню ночь, когда он сказал мне, как глубоко он уважает меня, а утр...

— Не сейчас, леди Делькасл, — поспешно сказала Глатра. — Пожалуйста, не сейчас.

Улыбка короля Форила была немного печальной.

— Мы поспешили сюда, чтобы встретиться с вами, лорд Делькасл, надеясь также найти леди Шторм и лорда Эльминстера. Мы не желаем вражды между Драконьим Троном и Эльминстером, способным убить или ранить множество боевых магов, учитывая что Корону и двор в настоящее время осаждают бунтующие дворяне и скрывающиеся в Сембии и других местах враги королевства — но его кражи волшебных предметов в Кормире *должны* прекратиться.

— Форил, — со слабой улыбкой спросила леди Делькасл, — ты наконец научился умению издавать жёсткие указы? Конечно, поздновато, но...

— Научился, Марантина, — вежливо сказал Дракон Кормира, и его негромкий голос снова заставил всех замолчать. — Но не будем уходить от темы. Я слишком долго медлил, и из-за этого теперь приходится спешить. Леди Шторм — сейчас я обращаюсь к маркизе

Иммердаск, как её монарх — где мы можем отыскать Эльминстера?

Шторм прямо встретила королевский взгляд.

— Я не знаю. Ни его судьба, ни текущее местонахождение мне неизвестны. Он в спешке отправил нас троих обратно в Кормир. Но будьте уверены, что ему больше не требуется похищать ничью магию за исключением нескольких определённых вещей. Ни одна из которых, насколько я знаю, больше не находится в Лесном Королевстве, а тем более — не является собственностью Драконьего Трона.

— Предметы синего пламени? — прорычала Глатра, как будто допрашивая пленника, совсем не желающего сотрудничать.

— Предметы синего пламени, — подтвердила Шторм.

— Как мы можем тебе доверять? — прямолинейно спросила Глатра. — Простите меня, леди Иммердаск, но вы, Избранные — вы, арфисты, раз уж на то пошло — известны готовностью сказать что угодно, лишь бы вышло по-вашему, и у нас нет средств удостовериться в ваших словах.

Шторм ехидно ей улыбнулась.

— Мы прямо как царедворцы, или боевые маги, или благородные лорды, не так ли?

— Вот! Именно об этом я и говорю! Вы пытаетесь увести меня в сторону...

— Леди Глатра, — твёрдо сказал король Кормира, — довольно.

Он посмотрел на не сокрушающим взглядом и погрозил пальцем, чтобы погасить любые возражения, затем повернулся обратно к Шторм.

Которая вежливо сказала:

— Я хочу напомнить присутствующим, что знаю Эльминстера очень давно, и вместе с ним мы служим одному божеству. Прости меня, Глатра. Выслушай меня, посмотри в мои глаза и реши, насколько искренне я говорю: Эльминстер в первую очередь служит богине Мистре, как и я, и эта служба важнее даже его любви к Кормиру — но уже многие века он тем или иным способом оберегает Кормир. Эльминстер сражался с врагами Кормира дольше, чем любой король или королева, любой королевский маг или полководец, любой старший рыцарь и галантный пурпурный дракон, чтобы этот край смог выжить, уладить все дела, найти собственный путь и выковать собственную судьбу.

— Простите, леди Иммердаск, — ответила Глатра. — Думаю, что вы говорите искренне и не хочу вас оскорбить, но должна указать, что красивые речи — только красивые речи. Вы ссылаетесь на благородство намерений Эльминстера, но в последнее время он действовал как вор, неоднократно и очень грубо выступая против законной власти — а сейчас вообще исчез. Вы говорите о его долгой службе королевству, но прямо сейчас он может быть где угодно и делать что угодно!

— И после этого царедворцы считают грубыми нас, дворян, — сказал потолку Арклет.

Шторм успокаивающе положила ладонь ему на плечо и сказала Глатре:

— Действительно, может. Но я много раз беседовала с ним, провела с ним больше времени, чем все ныне живущие, и могу сказать, что Эльминстер очень сильно хочет сотрудничать с боевыми магами — закулисно, не угрожая независимости Драконьего Трона и не пробуждая среди вашей знати опасений, что ещё один зловещий волшебник пытается заставить их плясать под его дудку. Он свяжется с вами, когда сможет. Сейчас им руководит преданность Мистре.

— Я принимаю это, — провозгласил король Форил. — Давайте больше не будем подвергать сомнению истинность того, что сказала нам леди Шторм. Мы можем верить, что

Эльминстер прекратил похищать волшебные предметы Короны и будет нашим союзником. Хорошо.

Он кивнул Ганрахасту и Глатре, будто отдавая им бессловесный приказ, начал поворачиваться... и затем снова обернулся, чтобы посмотреть Шторм прямо в глаза.

— А вы? Можем ли мы рассчитывать на вашу верность?

Шторм спокойно встретила его взгляд.

— В первую очередь я слуга Мистры, а во вторую — арфист, но на протяжении нескольких веков защита Кормира была одним из самых важных моих устремлений. Спросите Алусейр или Ванги, и вы услышите подтверждение этих слов. Я буду помогать Кормиру любым возможным способом, если мне не запретит Мистра.

— Вы говорите об Утраченной Богине, как будто она ещё жива, — задумчиво заметил Ганрахаст.

— Да, — вызывающе отозвалась Шторм. — Говорю. Не сомневайтесь в моей искренности или здравом уме, королевский маг. Это будет ошибкой.

Глатра помотала головой.

— Кто-нибудь здесь может предположить, хотя бы предположить, что вас следует заставить рассказать нам о происходившем на протяжении последних десяти дней? Вы днём и ночью носились по дворцу, побывали в заброшенном крыле, в королевском склепе и, похоже, в каждой кладовой в здании; Мудрец Долины Теней легкомысленно похищал любые королевские сокровища, обладавшие хоть какими-то чарами; этот парад, когда вы вошли во дворец, чтобы воспользоваться порталом Шаг Долин... всё это?

Шторм улыбнулась.

— Сколько у вас свободного времени? Здесь есть, что рассказать...

ГЛАВА 5

ИЗ УБИЙСТВЕННО ХОРОШЕЙ СЕМЬИ

— Дорогой пирожочек, — как можно старательнее изображая соблазнительное мурлыканье, остроумно пророкотал Мирт, — скушай пирожочек.

Обладательница более длинных ног из двух красивых и раскрепощённых девушек, нанятых им на вечер, одарила его бесовской улыбкой и открыла рот, чтобы укусить протянутый ей Миртом пирожок с мёдом. Лорд Глубоководья услужливо сунул туда сладость.

Затем он откинулся назад. Голова немного кружилась. Аромат наполнявшего ванну подогретого вина проник ему в ноздри и ударил в голову. Звёзды и шторма, к такой жизни он мог бы и привыкнуть!

— А мне, милорд? — прошептала ему на ухо вторая спутница — Ларин, да, так её звали. Её слова сопровождались смехом, чтобы не звучать слишком серьёзно.

— И тебе, дорогая, — ответил Мирт, поворачиваясь, чтобы поцеловать её. У девушки во рту уже был медовой пирожок, и сильный толчок языка отправил сладость ему.

Лорд Глубоководья обнаружил, что ухмыляется под неизбежным дождём крошек. Ларин ловко скользнула по его груди, нежно погружая его в вино, пока оно не пропитало пирожок, и тот легко скользнул вниз по горлу.

Девица для удовольствий повыше — Арелль, да, нужно снова привыкнуть запоминать имена — потянулась мимо него, чтобы взять засахаренные и набитые орехами фрукты с пряностями, лежавшие среди медовых пирожков на плавающем в вине подносе. Она поглощала фрукты с таким развратным энтузиазмом, будто это были её любовники. Мирт засмеялся, целиком погрузившись в вино и вынырнув обратно, породив при этом взрыв веселья и вихрь скользящих по нему гладких ног и рук.

В Сюзейле ему по-настоящему нравилось.

Например, здесь он избавился от роли хорошо известной цели, которая в Городе Роскоши стала даже чересчур привычной. Сюзейл не был и в половину настолько крупным, богатым или жестоким, как его любимое Глубоководье, зато предлагал вдоволь развлечений и опасностей, а ещё — готовых удовольствий за деньги вроде тех, которыми Мирт наслаждался прямо сейчас, и... ну, Мирт очутился в самом сердце важных событий в переживающем перемены королевстве. В конце концов, он много лет не был таким живым и не получал столько удовольствия.

— Милорд, — прошептала Арелль, скользя вверх-вниз вдоль его мокрой от вина груди, — не желаете... добавки?

Она взяла пригоршню засахаренных сладостей с корицей и протянула ему.

— После того, как я расправлюсь с этими сладостями? — усмехнулся он, и её взгляд заплясал.

— Конечно же.

Не желая оставаться в стороне, Ларин прижалась ко второй его руке.

— Да, — удовлетворённо решил Мирт вслух, хотя говорил это скорее себе, чем подругам, — побуду здесь ещё немного.

Остаться здесь вместо того, чтобы отправиться в долгое выматывающее путешествие к Глубоководью в фургоне или в седле. Учитывая, что магия, похоже, стала куда менее

надёжна, а доступных магов, которые могли бы телепортировать стареющего лорда Глубоководья через половину Фаэруна за любую разумную плату и со значительными шансами, что он окажется именно там, где хотел, живым и... не пострадавшим, осталось гораздо меньше.

Эльминстер прихоращивался.

Высокое, узкое зеркало, как и спальня, в которой оно находилось, не пострадало от атаки беснующегося гларага. Зеркало обладало странной, изгибающейся и неровной формой, похожей на полумесяц, а его «стекло» представляло собой лист отполированной слюды, который магией превратили в цельную сверкающую чёрную пластину, отражавшую всё, что находилось перед ней.

Прямо сейчас перед ней находился Эльминстер в своём новом теле. Он крутился туда-сюда на своих длинных, стройных ногах, выпячивая таз и принимая одну за другой впечатляющие позы.

Ощущалось это юное тело не хуже, чем выглядело внешне. Сильное, стройное, гибкое — хотя черты и лица, и фигуры были немного островаты — и привлекательное, о да, во имя Мистры и Шаресс...

Он — теперь она, хах — повернулась, следя в зеркале, как движется тело.

— О голодные богини, да, — прошептал Эльминстер, поворачиваясь снова, чтобы выпятить зад навстречу своему отражению, присовокупив к этому бесстыдно мелькнувший язык. — Я привлекаю даже самого себя. Хотя немногие мужчины отважатся приставать к такой милашке, учитывая репутацию, которой дроу, хм, наслаждаются...

Ох, заканчивай уже, козёл ты старый. Я даже в самые юные и горячие годы не была настолько ужасной! Мы же торопимся, забыл? Порталы? Целующиеся с науками жрицы? Может быть, вернётся заскучавший глараг?

— Госпожа, — запротестовал Эл, — дай мне минуточку. Ты представляешь, как долго я мучился от боли, таскаясь в стареющем теле, которое с каждым днём подводило меня всё чаще и чаще?

Представляю, Эльминстер. Но подумай вот о чём: тебе предстоит пережить всё это старение заново, таскаясь по Королевствам ещё одну тысячу лет, а если и не тысячу — всё равно ещё долго после того, как от меня станется одна лишь память. Угасающая память...

— Госпожа, ты не будешь забыта! — моментально ответил Эл. — Я клянусь тебе в этом.

Он принял новую позу.

— Порадуйся вместе со мной! Оцени плавную линию талии, таза, бедра и лодыжки! Такого у меня никогда раньше не было!

Но не потому, что ты не пытался — если то, что я слыхала, правда, насмешливо сказала Симрустар. И ты говоришь, как мясник, который решает, куда обрушить свой тесак!

Эльминстер издал грубый звук, взмахнул одной рукой с длинными пальцами в совсем уж неприличном жесте, и с текучей грацией принял новую позу.

Ах, как хорошо было обладать телом, которое снова подчинялось его воле — без онемений, уколов боли и вечной ломоты в костях!

Эл присел, а затем подпрыгнул, потом ещё раз и ещё, серией лягушачьих прыжков по комнате — просто потому что мог. Потом он колесом выкатился через дверь в прихожую, которая, похоже, наполовину служила гардеробом, а наполовину — оружейной.

Оттуда он выскочил под звенящий аккомпанемент приятного смеха в голове. Симрустар, похоже, одобряла его гимнастику.

Теперь что-нибудь, чтобы прикрыть его столь мягкую и фигуристую шкурку...

Он не смутился бы, появись это тело в Королевствах без всяких полупрозрачных мантий — выкрашенных ужасным образом в навозные, блестящие жёлтые и лиловые цвета там, где они не были чёрными или кроваво-бордовыми — которые он видел на большинстве бездоспешных женщин-дроу в павшей цитадели, но некоторые чёрные доспехи дроу ему нравились. По большей части кожаные, а не гладкие и ребристые. И ножи, да, ножами тоже следовало обзавестись. Повсюду были зловеще-острые небольшие обсидиановые кинжалы с изогнутыми чёрными клинками, прекрасно сбалансированные для метания — а он всегда ценил хорошие метательные ножи.

Однажды, примерно двенадцать веков тому назад, он убил Верховного Чародея ножом в глаз, а потом была та небольшая дуэль в Корманторе. Не говоря уже об отрезанном у зульткиира пальце, когда он разрушил заклинание, которым так гордился тот тэянец...

Сколько ещё времени ты потратишь впустую, вспоминая о прошлых победах? Желчно поинтересовалась Симрустар в глубинах его разума. Я, к сожалению, больше не могу себе позволить пустую трату времени...

— Прости, — буркнул Эл и начал поиски. Торопливо.

Несмотря на эту спешку, потребовалось немало времени, чтобы найти доспехи на его фигуру — местный фасон облегал кожу слишком тесно, из-за чего очень важно было найти подходящий размер — но тряпок, корсетов и кинжалов в пристёгивающихся ножнах хватало. Хорошей тряпке есть множество применений, так что Эл набрал сразу несколько кусков ткани. Затем он пристегнул по всему телу кинжалы, не забыв прикрепить парочку под мелкими, аккуратными грудями, и ещё троицу — спереди под корсетом в качестве дополнительной брони.

— Тёмный эльф из хорошей семьи так бы не поступил, — пробормотал Эл, — но, боюсь, я не таков. Я всего лишь испорченный и падший человек.

Он крутанулся на месте, просто чтобы почувствовать, что может сделать это безболезненно, и засмеялся, когда к нему пришла новая мысль.

— Я смогу носить эти высокие сапоги! Наконец у меня есть подходящие для этого ноги!

Как оказалось, примерять сапоги не по размеру бывает больно, но вскоре Эл нашёл подходящие, хорошо севшие сапоги из кожи ящера с блестящим эбеновым оттенком. По крайней мере, в зеркале они смотрелись неплохо.

Симрустар фыркнула в глубинах его разума. Громко.

Теперь подходящий меч — все клинки дроу поблизости вместо длинных и прямых с большим радиусом действия были изогнутыми, но с его ловким телом он сможет прыгать к врагу и обратно, вместо того, чтобы наклоняться и подаваться вперёд, что постепенно вошло у него в привычку за многие годы, на протяжении которых стареющее тело постепенно слабело и теряло гибкость. И ему потребуется посох.

Затем — две верёвки с крюками вроде тех, что всегда носят с собой патрули дроу; их можно будет обмотать вокруг его стройной талии и устроить на *самых больших* бёдрах, что у него когда-либо были. Потом заплечный мешок, еда и питьё — особенно питьё — в таком количестве, чтобы мешок едва закрывался.

Поторопить. Ты хуже эльфийской девы, наряжающейся на свой первый бал!

— Сомневаюсь, подруга, — отозвался Эл, шагая по коридорам в поисках кухонь или

кладовых, которые можно было бы разграбить. — Сильно сомневаюсь.

Он обнаружил и то, и другое, буквально наткнувшись на небольшую трапезную, значительную часть которой занимал овальный стол, заваленный неподвижными, безвольными дроу. Они раздавили или расплескали под собой почти всю еду, но арка в конце комнаты вела в похожие помещения, расположенные вокруг центральной кухни — кухни, смежной с кладовыми.

Огибая лежащих или ковыляющих вокруг дроу, у которых не осталось мозгов, чтобы заметить, как среди них снуёт храбрая жрица в воинских доспехах, Эл вволю набрал съестных припасов из кладовых крепости. Хорошее вино хранилось в пузатых, хрупких, абсолютно непрактичных бутылках и графинах, но солдатский паёк лежал в поясных сумках двойной толщины, и там был сыр, толстые куски вяленого мяса ящеров, и множество лепешек хлеба странников, который так ценили живущие близко к поверхности дроу.

Он взял столько, сколько смог унести, вместе с побитой железной кружкой, которую повар использовал как измерительный сосуд, и острым маленьким кухонным ножом длиной с его новоприобретённые пальцы, сложил всё в два заплечных мешка, которые держались друг на друге, как два неровных раздувшихся мочевого пузыря. Половину одного занял чей-то большой, испачканный каменной пылью старый тёмный плащ. Эльминстер покинул разрушенную цитадель, направляясь туда же, куда уполз глараг — так, чтобы слабый ветерок дул ему в лицо.

Ветер Подземья мог дуть из Королевств Наверху, из знакомых ему земель, и представлял единственный ориентир в этом бесконечном подземном лабиринте. Симрустар была права...

Разумеется.

Да, и спасибо тебе. Симрустар была права; не стоило слишком задерживаться в округе, чтобы не попасть в передрагу, когда появятся новые дроу и увидят, что случилось с их могучей цитаделью.

Нет, Эльминстер собирался как можно быстрее вернуться на поверхность, избежав при этом гибели своего нового тела или долгих задержек. Впрочем, путей наверх поблизости он припомнить не мог.

Зато мест, которых стоило избегать, он помнил великое множество. Заброшенный Ултул, с тамошними фаэримм и созерцателями, патрули великанов, которые выходили из Мэримидры. Но если держаться слишком далеко от этих угроз, он рискует угодить в распростёртые объятия охотничьих отрядов дроу, которых по мере приближения к Кормиру — и дроускому городу Спиндилрину — будет всё больше.

Некоторые пути — если они пережили первые катаклизмы Волшебной Чумы и столетие после неё — вели вверх к пещерам Каменных земель, а некоторые — к пещерам Грозových отрогов...

Лучшим выбором может стать маршрут через Громовые вершины, если обитающие в верхних пещерах драконы и драколичи отсутствуют, спят или чем-то заняты. Ха — если. Этим путём он выйдет на поверхность у восточной границы Кормира, где крепостей пурпурных драконов мало и встречаются они редко. У Эльминстера хватит заклинаний, чтобы избежать внимания кормирских солдат и без затруднений достичь центральных областей королевства, где он сможет приступить к исполнению поручения Мистры. Которое он помнил дословно: «Поставь мне на службу боевых магов Кормира — тем способом, который считаешь наиболее подходящим. Стань их главой или уговори их предводителей.

Они должны с готовностью стать нашими союзниками, подмогой и шпионами для всех моих Избранных».

Правильно разыграв свои карты, Эльминстер сможет сделать это, не оповестив Мэншуна о своём возвращении сразу же. О, этот большой злодей вскоре всё узнает, и с ним рано или поздно придётся разделаться... но если получится — то лучше поздно. Он видел слишком много мужчин и женщин — и представителей эльфийского народа тоже — которые сражались с излюбленным противником, растрачивая свои жизни на поиск способов предотвратить вражеские планы и уничтожить его; но в конце концов, кроме этой борьбы они ничего в жизни не добивались.

А ты разве не совершил такую же в точности ошибку? В его сознании вызывающе прозвенел голос Симрустар. *Только не говори мне, что ты слишком глуп, чтобы это заметить!*

Эл вздохнул.

— Я даже слишком ясно осознаю это, госпожа. В конце концов, этот очевидный вывод столетие за столетием хлестал меня по щекам.

И значит?

— И значит, у Эльминстера из Долины Теней есть занятия поважнее, чем заикливаться на единственной задаче или бороться с единственным врагом. Поскольку я начал мстить за свою семью, свергнув Верховных Чародеев, и в процессе приобрёл дар Искусства, я узнал, что могу быть кем-то большим, чем просто убийцей в тенях, и что Божественная Мистра желает моей службы. С тех пор у меня *всегда* есть занятия поважнее.

Когда мы впервые повстречались, я плыла по течению, не зная подходящей цели или награды — лишь порчу, упадок и медленное увядание моей семьи и моего города. Это стало одной из причин моего интереса — у тебя впереди было столько всего... я это чувствовала.

Эл ухмыльнулся.

— Я слишком часто и сам это чувствовал, — сказал он внутреннему голосу. — Обычно плеть заклинания, но иногда — поцелуй клинка.

Ну ладно, остролов. Итак, Громовые вершины?

— Громовые вершины, — подтвердил он. У этих путей были и другие выгодные стороны. Они скрещивались и пересекались, чтобы в конце концов выйти на поверхность дюжиной разных пещер. Всегда оставались хорошие шансы, что хотя бы одна из этих пещер не будет заблокирована, занята или охраняема.

Да, он отправится этим маршрутом, чтобы выйти к границам Кормира и там, вдалеке от Сюзейла и бдительного взора Мэншуна, или раз уж на то пошло — Вангердагаста и Глатры, попробует под чужим именем вступить в ряды боевых магов. Либо в своём новом теле, объяснив его как результат магической ошибки — или проигранной волшебной дуэли — или в другом, если сумеет каким-то образом заполучить человеческое тело.

Затем он пойдёт медленным, но надёжным путём, заводя друзей среди боевых магов, чтобы приобрести вес и уважение, расширив таким образом своё влияние.

В твоём изложении всё кажется таким простым. Надеюсь, так и будет.

— Как и я, — согласился Эльминстер, осторожно шагая по тоннелю, прекрасно осознавая все опасности, грозящие одинокому существу, странствующему в Подземье.

Странно, но у него не было никаких дурных предчувствий, а прошлая ярость испарилась. Сейчас он был весел и чувствовал себя счастливым и беспечным впервые за долгое время.

Почему?

Симрустар была тут как тут.

Он усмехнулся и обнаружил, что отвечает следующее:

— Я снова вернулся к работе на службе Мистры — ради этого я живу и в этом преуспеваю.

Довольный, он двинулся дальше, напевая себе под нос.

Несмотря на одиночество и на то, как сильно он жаждал, чтобы кто-нибудь — кто угодно — посетил его, поговорил с ним или хотя бы просто произнёс его имя, теперь, когда это произошло, Рорскрин Мрелдрейк был совсем не рад. Он был напуган.

В темницу Мрелдрейка вошёл лишь один мужчина в капюшоне, хотя через приоткрытую дверь он заметил — ему показали — клубящуюся тьму высотой с человека, предупредившую, что его гость был не один.

Это оказался один из волшебников в рясах. Он принёс с собой мешок, набитый тряпичными сумками и мелкими, хрупкими глиняными горшками — ни стекла, ничего железного, чем можно было бы колоть или резать — и опустил его со словами:

— Магические ингредиенты, что ты *так спокойно* просил.

Мрелдрейк покраснел, вспомнив собственные гневные вопли сквозь запертую на замок и на засов дверь. Ему не хватало всякой всячины — и выдержки тоже не хватало.

Но любому увлечённому своей работой магу не терпится её продолжить. Впервые в жизни он создавал нечто полезное и важное. Не просто хитроумную разновидность заклинания, изобретённого кем-то другим несколько веков назад. Нечто... новое. Нечто, в чём были заинтересованы его тюремщики, подтверждая подозрения Мрелдрейка о магической слежке.

Его посетитель прислонился к стене, скрестил руки на груди — руки были человеческими, мужскими, казались сильными, но не молодыми — и заявил:

— Пришло время небольшой демонстрации, Мрелдрейк. Покажи нам, чего ты добился.

Мрелдрейк обнаружил, что истекает потом.

— Это... не так уж много.

Гость вздохнул.

— Так уж случилось, что я немного знаком с процессом магических экспериментов и создания заклинаний. Я понимаю, что работа может продвигаться медленно, а достижения могут быть небольшими. Однако я заинтересован даже в *небольших* твоих достижениях. Впечатли меня.

— Я... да, конечно, — Мрелдрейк посмотрел в свои записи, вытер рукавом лоб, сделал глубокий вдох и выпалил:

— Что ж, вы знаете, что я пытаюсь найти способ сделать воздух твёрдым, как хорошо известная стена силы, только с острой режущей кромкой. Чтобы в конце концов получить незримый клинок, который может наносить удары издали, но это в итоге, и...

— Слова я могу послушать где угодно, — тихо сказал человек в капюшоне. — Покажи мне.

Мрелдрейк бешено закивал, пробормотал согласие и снова зарылся в записи. Затем он указал в конец комнаты, где развесил нитки, вырванные из сукна своей мантии, привязав их к верху и низу кресла с открытой спинкой, на котором застыли капли свечного воска.

— Смотрите, — выдохнул он. — Я...

Он взметнул руки и оставил любые объяснения, произнеся вместо этого магическую формулу и одну за другой аккуратно касаясь вещей, которые принёс его тюремщик: утиные перья самки, осколок стекла, чешуйка металла от клинка, испившего крови в битве, человеческий волос, капля эльфийской крови. Он сжал в кулак пальцы, которыми трогал эти вещи, ударив воздух ребром другой ладони, как будто разрубая далёкие нити мечом.

Одна из нитей покорно разорвалась, обрубленные концы взметнулись под действием незримой силы, что разрубила их.

Мрелдрейк посмотрел на них, тяжело дыша. Он намеревался каким-то образом сделать себя — живого, целого Рорскрина Мрелдрейка — частью этой магии, чтобы тюремщики не смогли просто избавиться от него, когда он доведёт заклинание до совершенства. Но сейчас, пока он ещё не сумел этого добиться, такое намерение нужно было хранить в секрете. Иначе они в мгновение ока уничтожат его и найдут какого-нибудь другого злополучного мага, который сделает за них эту работу.

Эта мысль вернула Мрелдрейка к тому, что беспокоило его с самого начала. Он был не слишком умелым волшебником. Они должны были это заметить. Так зачем же им потребовался Рорскрин Мрелдрейк?

— Я... я не могу... магия быстро угасает по мере удаления от компонентов, и я пока не пытался увеличить дальность её действия.

Он задыхался, зная, что истекает потом. Он использовал свой волос и был связан с заклинанием лично; заподозрит ли прислонившийся к стене человек, что он намеренно пытается связать себя с магией?

Что бы ни подозревал его тюремщик, он казался удовлетворённым.

— Ты определённо не терял времени даром, Мрелдрейк. Продолжай в том же духе, и попытайся не рассыпаться от страха во время каждого визита. Мы знаем о твоих мыслях больше, чем тебе, без сомнения, хотелось бы — и любой дурак может догадаться о твоих замыслах.

Когда Мрелдрейк застыл, парализованный этими словами, человек в капюшоне шагнул к двери, добавив через плечо:

— Дай нам знать, если тебе потребуется перерыв. Мы заполним его, обсуждая с тобой сведения о боевых магах и повседневной жизни в королевском дворце Сюзейла.

— 3-3-зачем? — осмелился спросить Мрелдрейк.

Человек в рясе остановился, неторопливо обернулся к своему пленнику, прежде чем небрежно пожать плечами, и негромко ответил:

— Как говорили маги более великие, чем любой из нас, всегда здорово узнавать что-то новое.

ГЛАВА 6

ОПАСНОСТЬ ПО НАЙМУ

«Торговля Лурса» не входила в число тех лавок, где можно было встретить самых надменных богачей Сюзейла. Лучше всего её грязный, пыльный интерьер — тёмный лабиринт, заваленный украденными, сломанными и изношенными товарами вех сортов, от ржавых пил и тесаков до лохмотьев, которые лет тридцать назад были изысканными нарядами — описывало словечко «убогий». Торговля шла оживлённо, поскольку потребность в «бывших в употреблении» всегда превосходила имевшиеся монеты, но немногие клиенты заходили дальше прилавка, где любого вошедшего сквозь парадную дверь встречал владделец с фонарём и два его ухмыляющихся молодых помощника, покрытых шрамами.

И совсем уж мало посетителей проходили сквозь дверь по соседству со входом в торговый дворец Лурса, а тем более взбирались по тёмному и узкому лестничному пролёту за ней, чтобы достичь верхних помещений: конторы Турбранда и Арли, Вендры из Страждущего Кнута и «Импорта роскоши Сияющего моря».

Вероятно, происходило это потому, что здание располагалось в бедной, неблагополучной западной части Сюзейла. А может быть, потому, что Турбранд был мёртв ещё дольше тех десяти лет, что Арли гостил в подземельях Короны, или потому, что Вендра была старше многих бабушек и выглядела соответственно, а кроме того, соглашалась отведать собственного кнута уже не так легко, как когда-то. Но, опять же, причина могла состоять в том, что «Импорт роскошей» когда-то процветал, завозя в Сюзейл нелегальные снадобья и порошки, которые сейчас запросто можно было приобрести в дюжине сюзейльских лавок, и с тех пор опустился до продажи затейливых и крайне скудных нарядов мужчинам, которые слишком стыдились приобретать подобное в лавках, куда могут заглянуть женщины.

В общем, дела шли попросту скверно, и на двери «Импорта роскоши» в задней части коридора на втором этаже была прибита новая вывеска, сообщающая заинтересованным сюзейльцам, что в боковой комнате «Импорта» теперь разместилась новая контора. Вывеска кратко гласила миру: «Опасность по найму».

Судя по облику двух бедно одетых мужчин, без дела закинувших ноги на стол, сидя в кривобоких креслах, угрожавших окончательно рухнуть и приземлиться их на потёртый, скрипящий арендованный пол, вывеска говорила правду.

Более привлекательный из двух выживших партнёров этой новой фирмы был известен под именем Друнан «Вестник рока» Харбранд. Он был высоким мужчиной, который всегда одевался в чёрное с головы до пят и носил глазную повязку, которая казалась бы более угрожающей, если бы он давным-давно не приобрёл привычку сдвигать повязку с одного глаза на другой. Харбранд только что вернулся после беседы с новым клиентом, которая проходила — по её настоянию, будь проклята осторожность — в более привлекательном окружении. Вернувшись, он с триумфом швырнул оплату за заключённую сделку на свободный столик, где та приземлилась с приятным весомым грохотом.

Чувство ликования отступило, когда он начал рассказывать партнёру по бизнесу подробности соглашения, и сейчас они довольно мрачно смотрели на тяжёлый мешок с золотыми монетами.

Партнёр был ниже, уродливее Харбранда и куда менее элегантен. Даже не превратись неоднократно сломанный нос в огрызок отдалённо вертикальной формы, многочисленные пересекающиеся шрамы на руках, голове, туловище и костяшках слишком ясно давали миру понять, что он был драчуном. И вряд ли удачливым. Но Андарфиск «Кулаки» Хокспайк подобную оценку не одобрял, и по большей части люди не смели высказывать её в его присутствии, учитывая, что в ножнах на его гниющей, жирной и многократно штопанной кожаной одежде помещалось больше дюжины кинжалов.

— Храст! — буркнул он, сплюнув на пол с достаточной точностью, чтобы попасть, — я знал, что здесь есть какой-то подвох! С дворянами всегда так!

Харбранд мрачно вздохнул.

— По крайней мере это работа. Я слишком устал питаться крысами и выброшенными кухонными обрезками.

Их клиентом была леди Донингдаун, жестокий матриарх недавно опозорившейся мелкой благородной семьи Сюзейла. Она предложила им столько золота, что нельзя было отказаться, за выполнение «определённой задачи» — с упомянутым Хокспайком подвохом; угрозой, что партнёров выследят и убьют, если они откажутся от предложения сейчас, после того, как узнали подробности.

— Не забывай, — мрачно добавил Харбранд. — Там сидел старик Скаллгрин, а по бокам от него — четыре человека со взведёнными и готовыми к стрельбе арбалетами, нацеленными на меня. С отравленными болтами, как она случайно проговорила. Если она прилагает такие усилия, чтобы никто не узнал о нашем найме — ну, если мы успешно выполним задачу, то по той же самой причине её головорезы нас убьют.

— Ха. И почему бы ей просто не поручить это *своим* громилам, а заодно сберечь золото и наши шеи?

— Потому что у неё тоже есть враги, которых она боится, и она не хочет рисковать, оставаясь без охраны, пока её люди будут этим заниматься, — терпеливо объяснил Харбранд. — Я бы так и поступил.

Партнёр бросил на него мрачный взгляд и снова сплюнул на пол.

Их задача казалась достаточно простой. Нужно было отправиться в далёкую крепость-темницу, замок Ирлингстар в Громовых вершинах на восточной границе Сюзейла. Не в известную каждому кормирцу тюрьму — ограждённый шарранский котёл Велуна, а в небольшой замок, о котором мало кто слышал и куда король Форил Обарскир посылал своих *особых* пленников — например, лордов-изменников, чересчур опасных, чтобы заточать их вместе с убийцами и головорезами, верность которых они могли купить, или агентов Сембии, Западных Врат и других враждебных государств-соседей, которые могли использовать публичное заточение как повод для войны, покушения на короля или чего-то подобного.

Партнёры должны были вызволить из Ирлингстара сына и наследника леди Донингдаун, а затем в целости и сохранности переправить его через границу в Сембию. Официально юного Джерессона Донингдауна, отличавшегося горячим нравом, бросили в Ирлингстар за убийство и отданный наёмникам приказ убить ещё двоих человек, с которыми он повздорил за игрой в карты — приказ, который быстро был исполнен. Однако весь Кормир знал, что в действительности Джерессона «Яростного» отправили в Ирлингстар за то, что он присоединился к заговору юных дворян, сговорившихся со спонсорами из Сембии убить всю королевскую семью и посадить сембийца на трон Лесного Королевства.

Джерессона требовалось доставить в Боушотгард, охотничий домик в поросшей лесом северной Сембии, где «Опасность по найму» должна была получить остаток обещанного им золота.

— И могилку на прощание, могу поспорить, — угрюмо буркнул Хокспайр.

Он проследил взглядом, как Харбранд встал и сунул мешок с монетами в их обычный тайник в стенке уборной, и снова сплюнул на пол.

— Дворяне, — проворчал он. — Ненавижу работать на дворян. Проблемы, ничего кроме проблем.

Харбранд невесело улыбнулся.

— Проблемы — вечные спутники золота. Монеты, только монеты. Вот что делает их *благородными*.

— Вот как? Не происхождение? Не хорошее воспитание?

Харбранд фыркнул.

— Ты замечал когда-нибудь хоть намёк на хорошее воспитание у кого-то из дворян в этой стране?

Он позволил наступить тишине, затем фыркнул.

— Я так и думал.

— Больше всего, — медленно сказал Ганрахаст, — нас интересует эта «Госпожа Призраков», которая гналась за вами через портал Шаг Долин. Кто... что она, хруст, такое?

Шторм поморщилась.

— Общая ошибка Эльминстера и Мэншуна. Её зовут, или звали, Симмаррой. Давным-давно она была любовницей и ученицей Мэншуна — как и её мать и двое старших сестёр. В конце концов, Мэншун устал от них и захотел избавиться — и тогда послал убить Эльминстера. Они, конечно, не справились. На эту миссию он не пустил только Симмарру, вместо этого заставив её наблюдать за смертью родных. Обезумев от гнева и боли, она напала на Мэншуна. Тот легко одолел её заклинаниями, сковал своей магией и попытался убить ударом кинжала. Вы видели торчавший у неё из груди клинок, когда она шла через дворец.

— Ошибка Эльминстера заключалась в том, что он дал ей защиту, но не стал защищать её сам, — догадался Ганрахаст.

Шторм мрачно кивнула.

— Мэншун не смог убить её, и не знал — тогда не знал — почему. Она сбежала, и веками скрывалась от него под фальшивыми личинами, совершенствуя свои навыки в Искусстве, ожидая подходящего времени, чтобы отомстить Эльминстеру и Мэншуну. Она решила, что это время настало.

Шторм пожала плечами.

— И оказалась почти права.

— Почти, — горьким эхом повторила Глатра, покачав головой. — Жизнь Эльминстера всегда представляет собой лишь долгую череду подобной жестокости и неверных решений?

Шторм бросила на неё спокойный взгляд, который каким-то образом содержал в себе больше вызова, чем любой гневный взгляд исподлобья.

— Да. Как и жизнь Мэншуна, и Вангердагаста, и любого волшебника, который хочет завладеть властью, превзойти остальных или защитить престол. И ты, возможно, проживёшь достаточно долго, чтобы понять это, Глатра Баркантл.

Глатра ответила гневным взглядом.

— Мне не требуются поучения...

Поймав строгий взгляд своего короля, она умолкла на полуслове и поинтересовалась уже более вежливо:

— Так мы избавились от вашего вмешательства в дела двора и наших лордов? Или у вас ещё остались незаконченные дела в Кормире?

Улыбка Шторм была дружелюбной.

— Остались, так что до поры вы от нас не избавитесь. Прости меня, Форил, но таковы приказы Мистры. Она считает, что боевые маги важны для светлого будущего всех Королевств. Поэтому следует разоблачить и изгнать всех коррумпированных волшебников среди них — как и среди ваших царедворцев. Не поднимая при этом слишком большого шума в среде жаждущих власти благородных лордов, которые наверняка почувт раздробленность и слабость и поспешат этим воспользоваться.

Вместо возгласов гнева и возмущения три гостя безмолвно обменялись многозначительными взглядами.

— Хорошо, — тяжело промолвил король, поднимая руку, чтобы остановить любые слова, которые могли произнести Ганрахаст или Глатра. — Весьма своевременно. Да начнётся чистка.

Он посмотрел на Арклета.

— Поскольку лорд Эльминстер и леди Шторм служат власти высшей, чем Драконий Трон, мне необходим избранник, чья верность будет принадлежать мне. Личный агент, необъявленная длань моей королевской воли, который не является старшим рыцарем и действует независимо. Арклет Делькасл, готовы ли вы...

— Я готов, — решительно сказал Арклет. — Я буду вашим агентом, ваше величество.

— Это опасная работа, — предупредил король.

— Таковы мои ожидания, — отозвался Арклет таким же мрачным тоном. Это заслужило ему искреннюю королевскую улыбку.

Амарун поймала взгляд короля.

— Меня вы в стороне не удержите, — твёрдо заявила она. — Куда Арклет, туда и я.

Король Форил снова улыбнулся.

— Разумеется. Так случилось, что я намеревался нанять тебя на службу в качестве советницы лорда Делькасла. За, хм, четыре сотни львов в месяц?

Амарун потрясённо заморгала. На другом конце стола леди Марантина не очень-то успешно пыталась скрыть улыбку, но Глатра рядом с королём нахмурилась, пошевелилась, будто собираясь что-то сказать, поймала очередной быстрый королевский взгляд — и промолчала.

Рун обнаружила, что пытается сглотнуть слюну — горло неожиданно пересохло. Она склонила голову.

— Ваше величество я согласна. Надеюсь, что вы — что мы *оба* — не совершаем ошибки, но я буду служить вам. С радостью.

— Хорошо, — решительно ответил король, сунув руку под плащ. Расстегнув массивный пояс с деньгами, висевший у него на талии, он положил его на стол и бросил взгляд на королевского мага.

Ганрахаст без единого слова один за другим снял с себя не менее семи таких же поясов. Когда они легли перед Амарун, король сказал ей:

— Пятьдесят львов в одном поясе; плата за первый месяц. Не могли бы вы немедленно приступить к работе?

— Д-да, ваше величество, — сумела ответить ошеломлённая танцовщица из клуба.

— Хорошо. Отправляйтесь прямо в постель и хорошенько выспитесь. Я хочу, чтобы к завтрашнему полудню вы оба оказались на пути в замок Ирлингстар у нашей восточной границы. Похоже, что самая худшая наша проблема находится там. Сембия — или некто действующий из Сембии — решил воспользоваться текущим беспокойством среди знати, чтобы захватить эту крепость и освободить худших из заточённых там злодеев, чтобы те строили козни против Кормира. Мне необходимо помешать этим попыткам. Я отправил подкрепление расквартированным там боевым магам, но обнаружил, что мне требуются верные и способные люди внутри этой крепости, которые не принадлежат к магам Короны — знать волшебникам на королевской службе не доверяет и лишь завидев, настраивается враждебно.

Арклет нахмурился.

— Хмм. Я знаю некоторых лордов, которых вы... которые, эм, решили там поселиться. Может пролиться кровь.

— Да, — согласился король, прямо встретив его взгляд. — К несчастью, такие вещи случаются, когда юный дворянин, которого только оправили в Ирлингстар из-за неудовольствия Короны, встречается со старыми соперниками и другими горячими головами в закрытой и отдалённой крепости.

— Что ж, — мрачно ответил Арклет. — Я понимаю.

Дракон Кормира снова полез за пазуху и поставил на стол перед Арклетом и Амарун две небольших железных фляги.

— Универсальное противоядие. Помогает от большинства известных ядов. Боюсь, что оно может вам пригодиться, учитывая, сколько лордов, по слухам, отравляют свои кинжалы.

— Форил, — заговорила леди Делькасл, и тон её был далёк от радостного. — Мне кажется, что ты собираешься запятнать доброе имя дома Делькасл. Мой сын и наследник будет опозорен публичным обвинением в измене. Нет, не просто обвинением — тюремным заключением. В качестве изменника Короны. Это меня беспокоит.

Король Форил поклонился ей.

— Госпожа, боюсь, что так и будет. Молю, примите мои извинения. Могу указать на то, что учитывая текущие настроения в Кормире, оценка Делькаслов в глазах людей — по крайней мере знати и тех, кто стремится занять место знати — несомненно вырастет. Более того, позже я обещаю публично и неоднократно извиниться перед вами за свою ошибку и несправедливое решение, от которого пострадал ваш сын, когда меня обвели вокруг пальца лживые лорды своими ложными показаниями. Я также назначу его на официальный пост — с титулом, содержанием, каретой и лошадьми; всё как подобает.

— Устные королевские обещания, — сухо сказала леди Марантина, — достойны деклараций, на которых они не написаны.

Король ухмыльнулся, будто крайне довольный собой подросток, и повернулся к Ганрахасту. Королевский маг с каменным лицом сунул руку под плащ и достал свиток, который вычурным жестом развернул, чтобы продемонстрировать собравшимся за столом.

Это был уже составленный, подписанный королевский указ с печатью, подтверждающий всё то, что только что пообещал король.

Амарун посмотрела на большой, нерастрескавшийся пергамент, потом на грудь

Ганрахаста, и покачала головой.

— Как вы всё это *унесли*?

— Магия, — смиренно отозвался тот. — Всё благодаря магии.

Дроу, которая стала Эльминстером, прекратила размышлять о том, как она может подготовить молодую Рун — и о сложностях, которые неизбежно возникнут, когда она предстанет перед Амарун Белой Волной в обличье тёмного эльфа, пускай и прекрасной женщины-дроу — и шагнула в сторону, опустившись у стены тоннеля среди сталагмитов и каменной крошки.

Я тоже услышала, сказала Симрустар. *Кто-то приготовил оружие.*

Эл безмолвно кивнула. Благодаря её недавней работе с серебряным огнём и волшебными книгами в разрушенной цитадели дроу, заклятье железной стражи она могла призвать усилием воли — без жестов, компонентов или чтения магических формул. Могла. Но железная стража совсем не защищала от зачарованных дротиков и другого оружия, или против яда. Если возникнет нужда, она может воспользоваться серебряным огнём — которого благодаря тому, что дроу в крепости сотворили с Симрустар было так много, что пламя постепенно вытекало наружу, но Эл не хотела тратить его, если можно было этого избежать.

Она услышала ещё один негромкий звук, практически неуловимый *звяк*. Металл коснулся камня или другого металла; возможно, украдкой вынутый клинок. Уже в другом месте. Значит, прямо впереди её ожидают несколько вооружённых сталью врагов. Дроу, скорее всего, учитывая, как ловко прячутся, но это могут оказаться и дварфы, гномы или даже люди. И который из этих врагов окажется самым терпеливым?

Эл проделала неплохой путь, следуя опустевшим после гларага тоннелем, и ушла далеко от разрушенной цитадели, двигаясь быстрее, чем любой осторожный преследователь, не использовавший крылья и не пробиравшийся по потолку. Она пристально следила за сводами впереди и позади себя — и не замечала там ничего, кроме редких летучих мышей, жуков и пауков. Всех более крупных или более разумных существ, очевидно, испугал или сожрал глараг.

И всё же по пути встретилось несколько пещер, в которых великий червь мог повернуть в сторону. Она продолжала следовать навстречу ветру, поскольку что тоннель шёл примерно в желаемом направлении, хоть и был весьма извилистым. Сейчас глараг уже мог ползти другим путём. Чистая удача не могла длиться вечно даже для любимчиков Тиморы... и, похоже, везение Эльминстера из Долины Теней только что прекратилось.

Её уши уловили едва слышное шипение, свистящие отзвуки слов, которых она не смогла разобрать. Кто-то шептал на подземном всеобщем другому на ухо; кто-то с высоким, тихим голосом. Если это не дроу, то она — арахномант.

Впрочем, это новое тело никоим образом не сможет её защитить. Жриц Лолс даже в лучшие времена не любила, а пойманных в одиночку, скорее всего...

Ты не в одиночестве, Эл, язвительно напомнила Симрустар. *Что дальше?*

А дальше, конечно, пришло время швыряться заклинаниями.

Архимагу с подготовленными заклятьями потребовалась бы лишь доля секунды. Для подготовленного и целого Избранного Мистры, с Богиней и Плетением, которые можно было бы призвать на помощь, всё оказалось бы ещё проще. Но тому, во что превратился сейчас этот конкретный Избранный...

Эл прижалась спиной к сливающимся каменным колоннам — сплавившимся сталактитам и сталагмитам — которые окружал небольшой лес мелких каменных клыков, и снова опустилась на землю.

Кажется, там, в тоннеле, что-то шевельнулось?

Да, кто-то пытался прокрасться вперёд и обойти её с фланга. И вон там тоже — движение, не вперёд или назад, поднятая рука, пальцы, мелькающие в сложных жестах. Бесшумный язык знаков дроу.

Позволив себе скупую улыбку, Эл сотворила долгое, осторожное заклинание, подчиняющее камень, на истрескавшийся свод тоннеля впереди — прямо там, где, скорее всего, и поджидали незримые противники. Если использующий Искусство придавал камню форму, которая крепилась недостаточно прочно — большого перевёрнутого гриба, например — а затем пытался быстро её раскатать...

С резким треском и грохотом вниз рухнул большой кусок каменного свода, разбившись в гуще криков и воплей. Во все стороны посыпались обломки.

Эл не стала смотреть на это или злорадствовать. Она уже выхватила ножи и повернулась, чтобы встретить...

Того, кто скрытно зашёл к ней с фланга. Тёмный эльф перескочил через камни у дальней стены и бросился к ней, на бегу выстрелив из арбалета.

Первый брошенный Элом нож поймал арбалетный дротик в воздухе, и оба снаряда отлетели в сторону. Второй нож отскочил от наруча на поднятой руке несущегося к ней дроу. А третий угодил прямым в глаз воину, превратив последние мгновения его бега в вихляющие, спотыкающиеся предсмертные шаги.

Эл бросилась назад, повернувшись в ту сторону, где рухнул потолок. Оттуда к ней бежали новые воины-дроу, у некоторых текла кровь из оставленных разлетевшимися осколками камня порезов. Все до единого — мужчины, разношёрстный ии потрёпанный отряд, облачённый в разномастные заштопанные куски доспехов, где-то подобранные или без сомнения украденные. Изгой, числом семеро — хотя нет, их было не меньше девяти. Ни один из которых не станет щадить одинокую жрицу, а тем более подчиняться ей, какой бы высокой или угрожающей та не казалась.

Скрежет меча по камню позади Эл заставил её резко развернуться и отпрыгнуть к стене тоннеля.

Сзади к ней приближались ещё пятеро дроу, неприятно ухмыляясь.

Окружённая намного превосходящим по численности врагом, и...

Обречённая?

— Симрустар, — вежливо сказала Эл. — Ты не помогаешь.

Дроу бросились на неё со всех сторон.

ГЛАВА 7

УБИЙСТВО В ИРЛИНГСТАРЕ

За те долгие годы, что Обарскиры правили Лесным Королевством, среди королевских магов и самых доверенных царедворцев встречались разные люди, но глупцов среди них было мало.

Поэтому дела в Кормире обычно устраивали таким образом, чтобы одно должностное лицо или солдат во время своей смены или дежурства следили за выполнением обязанностей другого должностного лица или солдата. Так и вышло, что в замке Ирлингстар лорд-констебль Гелнур Фарланд был надзирателем над пленниками, командиром тех, кто пленников охранял, нес ответственность за эту охрану, но самой крепостью не командовал. Ступенькой выше Фарланда стоял сенешаль Ирлингстара Мартин Аватнар, который отдавал приказы лорду-констеблю и отвечал за физическое состояние замка, но на самом деле главной его задачей было следить за лордом-констеблем, который мог чересчур сдружиться с богатыми и обходительными знатными пленниками.

Аватнар был напыщенным небольшим мужчиной, невысоким и толстым. Несмотря на это, он гордился своей внешностью, расхаживая по Ирлингстару в начищенных до блеска посеребрённых доспехах. Он не был глуп или ленив, и в своё время донёс на трёх лордов-констеблей, которых в результате быстро перевели и с одним из которых вскоре произошёл «несчастный случай», по подозрению многих — вовсе не случайно. Аватнар знал, что весточка об этом достигла его ушей в качестве деликатного напоминания не отклоняться с пути смиренной преданности.

Впрочем, отклоняться он вовсе не собирался. Кормир был лучшей страной во всех Королевствах, и, разумеется, наилучшим местом, чтобы лелеять мечты о почётной отставке в загородном имении с достойным винным погребом, достаточным поголовьем свиней и рофов, чтобы каждый вечер есть жаркое, если оно не надоело, и красивой молодой женой, удовлетворяющей нужды мужа — даже если тот невысок, скверно держится на ногах и страдает от старческих шишек на стопах.

А если лорд-констебль Фарланд его недолюбливает — что ж, какая жалость! Эта нелюбовь превратилась в настоящее знамя, означавшее, что Аватнар подобающим образом выполняет свои обязанности. Сенешаль, которого любят — это мягкий сенешаль, или даже сенешаль, с охотой принимающий взятки. А он не собирался становиться ни тем, ни другим, именем Дракона на Престоле, о нет, только не Мартин Аватн...

И в это мгновение кто-то оборвал его мысли.

Навсегда.

Кто-то возник из тёмного, зияющего дверного проёма позади прогуливающегося сенешаля — дверь должна была быть закрыта, а Аватнару на самом деле следовало это заметить, хотя, строго говоря, проверка внутренних дверей крепости входила в обязанности констебля — и быстро сорвал с сенешаля его шлем с пышным плюмажем. Шлем всегда был чуточку велик Аватнару и легко сошёл с головы — прямо вверх, в воздух. Затем тот же неизвестный со свирепой силой ударил кочергой, вилок вперёд, в обнажённый и лысеющий затылок сенешаля, разбив крупный череп Аватнара, как сырое яйцо.

Маленький человечек качнулся вперёд, но ещё не успел упасть, и этого мгновения как раз хватило, чтобы вернуть шлем на место. За миг до того, как Мартин Аватнар рухнул

лицом вниз, будто крупная свежая камбала, которую со шлепком бросили на разделочную доску, чтобы превратить в фарш для рыбного соуса.

Обладатель кочерги бесшумно растворился, и в коридоре воцарилась могильная тишина. Она продержалась какое-то время, прежде чем вдалеке раздался далёкий стук сапог, бегущих в ночи в правильном — или в неверном, зависит от точки зрения — направлении.

Мартин Аватнар был человеком скрупулёзным и холодно-вежливым. Это входило в его обязанности, но обязанности эти он выполнял слишком уж хорошо. Поэтому никто в замке Ирлингстар его не любил. Даже личные слуги. Что же до заточённых здесь благородных пленников, они не слишком-то жаловали любых тюремщиков. Так что, когда двое заключённых наткнулись на тело Аватнара, не стоило ожидать, что они станут сильно по нему горевать. На самом деле, если бы не стражник, сопровождавший этих двоих и поспешивший осмотреть распластанную на камнях фигуру в доспехах, они быстро бы забрали у тела ключи и оружие. Но раз уж не вышло, два лорда просто наклонились поближе, чтобы убедиться, что облачённый в сияющие доспехи сенешаль Ирлингстара мёртв, ухмыльнулись, удостоверившись в этом, затем прислонились к ближайшей стене, сложив руки на груди и наслаждаясь поднявшейся среди тюремщиков суматохой.

— Я просто опустошён из-за этого, — весело произнёс один из заключённых.

— О? — подхватил другой. — Я глубоко скорблю.

— Опустошён, да? Меня когда-то опустошили, — оскалился третий, присоединившись к ним.

— Убирайтесь отсюда, — прикрикнул на них стражник. — Это всех касается.

Ни один из заключённых лордов не двинулся с места.

— Шевелитесь, — приказал стражник. — Уходите. *Сейчас же.*

— А иначе что? — насмешливо поинтересовался один из лордов, широко раскрыв глаза, изображая преувеличенный испуг.

— Иначе я посчитаю вас его убийцами и казнь на месте, — спокойно ответил стражник, наполовину вытащив меч из ножен. — *Прежде*, чем вы успеете передать весточку своим семьям или кому-либо ещё.

Заворчав, трое лордов как можно медленнее оторвались от стены, разбрасываясь грубыми жестами и оскорблениями, и отступили. Но недалеко.

Глядя на них и не убирая руку с рукояти меча, страж отпер дверь и ударил в тревожный гонг, находившийся в кладовой за нею. Затем он встал над телом, хорошенько его рассмотрев.

Дела в замке пойдут скверно.

Они уже были достаточно плохи, и если он чему-то и научился за годы своей службы, то прежде чем пойти на лад, ситуация в Ирлингстаре станет хуже.

Намного хуже.

Маленькое глазное яблоко, как всегда, висело в воздухе сразу за пределами его досягаемости. Безмолвный взгляд насмехался над ним.

Мреддрейк пытался не смотреть на него, но всё равно каждый миг чувствовал тяжесть чужого внимания, пытаясь ловко и аккуратно управлять своей новой магией. Несколько последних заклинаний превратились в суматошную, потную возню.

Это было *сложно*, хруст его подери! Сжать пустой воздух в острое, режущее лезвие уплотнённой силы, в сконцентрированную вокруг его собственной воли кромку, чтобы он

мог «видеть» её на любом расстоянии, сквозь прочные стены и другие не пропускавшие взгляда барьеры. Такая кромка способна была резать камень, если за ней стояла достаточно сильная воля.

Куда более сильная, чем та, которой, похоже, обладал Рорскрин Мрелдрейк. Даже испытывая отчаяние или суровую решимость. Всякий раз, когда он подводил дрожащее лезвие силы к стене или к полу, заклинание рассыпалось, а он шатался, хватаясь за раскалывающуюся от боли голову, полуослепший от неожиданного потока слез, забывая, где он находится и что пытается сделать.

Прямо сейчас в голой комнате, очень похожей на ту, где был заточён он сам, по другую сторону прочной на вид стены свободно бегала курица. Поклёвывая, не торопясь, даже взмахивая крыльями... пока его кромка силы гонялась за ней в попытках обезглавить.

Казалось, это такой простой приказ: «Отруби голову вон той птице».

Образ комнаты снова покачнулся перед мысленным взором Мрелдрейка, и он с проклятием попытался в очередной раз собрать воздух в острое, чистое лезвие. И... сумел. Он промок от пота, быстро терял силы, а эта хростова курица, кажется, собиралась *взлететь!*

Птица снова замахала крыльями, поднимаясь в воздух и громко кудахтая. Она пронеслась по комнате, вихляя влево-вправо, поднимаясь и опускаясь. Казалось, что курица насмехается над ним, как и бдительный глаз в воздухе.

Сдохни, проклятая птица, сдохни!

Мрелдрейк яростно обрушил на курицу свою силу воли, взмахнув незримым клинком вверх.

Курица покорно приземлилась, сложила крылья, моргнула и начала клевать.

Она подняла голову, сделала несколько шагов, огляделась — и снова опустила голову за долю мгновения до того, как клинок Мрелдрейка промчался сквозь место, где только что находилась куриная шея.

— Нееет, тлуинова маленькая харрука! — завопил он, и образ соседней комнаты снова задрожал перед его мысленным взором. Клинок силы начал распадаться, дрожать и готов был рассыпаться.

— Нет! Не сейчас!

В резком приступе ярости он снова сузил клинок и повернул его, не беспокоясь о том, зарубит ли курицу или заставит умереть от удушья, забрав весь до последнего вздоха воздух в комнате для своего лезвия. Эта курица *обречена!*

Клинок, ещё тоньше и острее прежнего, полетел вниз. Курица опустила голову, чтобы поклевать, сделала два медленных шага вперёд, не выпрямляясь, затем неожиданно попятилась, чтобы заморгать и с довольным видом оглядеться.

И тогда-то он наконец попал в неё — и срубил голову с лёгкостью сильного ветра, так, что курица даже не пикнула. Окровавленная голова с приземлилась позади с мокрым шлепком, когда его обострённое сознание ринулось вперёд, и комната вокруг завертелась, задрожала... и исчезла.

Мрелдрейк сполз на пол, истощённый. Едкий пот заливал ему глаза. Он снова увидел перед собой собственную тюремную камеру. Тайная дверь, о которой до сегодняшнего дня ему было неизвестно, связывала его комнату с той, где он только что отрубил голову курице. Дверь медленно отворилась сама по себе, открывая крошечный, безголовый комок перьев, лежащий в луже крови.

— Ну наконец-то, — из пустого воздуха над головой раздался голос одного из его тюремщиков. — Прогресс, которым все мы можем гордиться.

Да, в этих словах скрывалась насмешка.

— Рорскирн Мреддрейк, ты заслужил свой обед. Хорошая работа.

Слишком измотанный, чтобы отвечать, Мреддрейк лежал, закрыв глаза, уже зная, что скажет голос дальше.

— И он совсем свежий. Убит всего пару мгновений назад, фактически. Курица!

— Ты видел, как смотрела на нас леди Глатра? — прошептала Амарун. — Я едва не дрожала от страха. Она уж точно *не хочет*, чтобы мы работали на короля и престол. Зато наверняка обрадуется, если никто из нас не переживёт эту ночь!

Арклет улыбнулся.

— Думаешь, Ганрахаст просто так сказал ей, что им срочно и немедленно необходимо поговорить наедине, когда они уходили? Или что король, похоже, оставил больше дюжины стражников, вставших на ночь дозором вокруг наших стен?

Рун нахмурилась.

— Считаешь, она осмелится...?

Наследник дома Делькаслов пожал плечами.

— Это будет не первый раз, когда боевой маг — или высокопоставленный царедворец — решит немного «помочь» руке Тиморы. Или даже наиболее вероятному ходу событий. Лично я сомневаюсь, что Глатра настолько храбра, но, как говорят — кто предупреждён, тот вооружён.

Он остановился перед нужной дверью и негромко постучал.

— Моя мать выбрала для тебя эту комнату, поскольку на двери есть прочные засовы — вот здесь и вот здесь — и ты целую ночь сможешь удерживать снаружи хоть весь Кормир. Окно слишком маленькое, чтобы большинство мужчин сумело в него пролезть, и расположено *высоко* на наружной стене — а под ним уже стоят на страже несколько наших людей. О, и здесь *нет* никаких тайных ходов.

Они обменялись улыбками. Арклет добавил:

— Над тобой только крыша, а внизу — крыша второго банкетного зала, находящаяся на высоте двенадцати человеческих ростов над полом. У нас есть только две лестницы, достаточно длинных, чтобы достать до неё, и вряд ли мы проглядим человека, пытающегося проскользнуть туда с такой большой лестницей...

— Но если она и предпримет что-то, — прошептала Амарун, — она воспользуется магией, а не мечами и штурмующими твой дом пурпурными драконами, не так ли?

Арклет пожал плечами.

— У нас есть защитные печати. Если они недостаточно крепки — что ж, полагаю, на том всё и кончится.

Он ухмыльнулся.

— Ты правда думаешь, что одна злобная волшебница на службе Короны пойдёт на все эти хлопоты, чтобы наказать прославленную Тихую Тень?

Рун не улыбнулась в ответ.

— Арклет, — прошептала она. — Я думала не о себе. Я тревожусь за тебя.

Лорд-констебль Ирлингстара окинул взглядом коридор, тело мёртвого сенешаля и всех собранных им пурпурных драконов. Здесь присутствовал каждый бодрствующий стражник в

замке, за исключением сменившихся с дежурства, часовых на лестницах, и, разумеется, магов. Все они теперь подчинялись ему.

Глядевшие на него в ответ лица были мрачны. Разумеется, стражи замка Ирлингстар были обеспокоены. Поначалу они были не столько напуганы, сколько злы, но это изменилось, когда кухонную прислугу нашли перебитой, а большую часть съестных запасов крепости — исчезнувшими или специально испорченными. Солдаты очень грубо затолкали заключённых обратно в их камеры и заперли там — и лорд-констебль всем сердцем соглашался с таким суровым обращением. Скалящиеся убийцы.

— Они опустошили ночные горшки в открытую бочку с элем, — возмущённо воскликнул один из драконов, — и помочились на каждый пудинг!

— Птица? Сосиски?

— Пропали, — был унылый ответ.

Лорд-констебль Фарланд не стал тратить время на ругательства. Он просто указал на двух солдат и приказал:

— Охраняете кухни. С этого момента они не должны оставаться без охраны ни на миг. Выберите ещё двоих, которые вас сменят.

Затем указал ещё на четверых.

— Обыщите всё. Каждый дымоход, все специи в кладовой, всё. Откладывайте всё испорченное и даже возможно отравленное, и убедитесь, что дымоходы не заложили, и на кухнях и в кладовых нас не ждут мелкие ловушки. Когда закончите, один из вас — ты, Иллоухонд — доложит мне. В моём кабинете, где я буду совещаться с обоими старшими констеблями.

Фарланд медленно оглядел всех собравшихся стражников, постаравшись, насколько сумел, придать лицу спокойное и равнодушное выражение, и коротко добавил:

— Начнётся подстрекательство. Обращайте пристальное внимание на любые сведения, которые могут случайно выдать заключённые, но крепко держите себя в руках. Я ожидаю, что вы будете вести себя как профессиональные ветераны, каковыми и являетесь. Возвращайтесь к своим обязанностям.

Взглядом и кивком головы приказав Трелшуну и Деллоуку следовать за ним, он повернулся на каблуках и начал длинную прогулку обратно к себе в кабинет, не потрудившись бросить второй взгляд на останки сенешаля Аватнара.

Это была новая головная боль, в которой он совсем не нуждался, но в заботе богов о том, чтобы тщеславные и глупые люди пожинали плоды своей глупости, было что-то уместное, даже приятное. А если бы боги проследили за тем, чтобы в Кормире было больше Трелшунов и Деллоуков, и куда меньше Аватнаров...

Впрочем, этого лорд-констебль от богов не ожидал. У них и так был длинный, очень длинный список вещей, о которых следовало позаботиться, и некоторые из пунктов этого списка уже несколько веков ждали своей очереди.

Осталось шестнадцать

Эльминстер кивнула; она слишком тяжело дышала, чтобы ответить Симрустар вслух. Это новое тело было таким же ловким и проворным, как и красивым, и она сумела найти небольшую полосу ровного, гладкого камня под ногами, прижавшись к стене тоннеля, но её превосходили числом... намного превосходили.

Когда драка началась, их было тридцать на одного, и по меньшей мере один из этих

изгнанников-дроу был волшебником, который раз за разом накладывал на Эл остановку заклятий, оставаясь далеко за пределами её досягаемости, пока остальные наступали, размахивая оружием.

В первые безумные мгновения только заклинание железной стражи сохранило ей жизнь. Нескольких противников помогло убить страстное желание одного из нападавших, выраженное громким криком «Оставим от неё достаточно, чтобы потом позабавиться!». Изгой замешкались, не желая обходиться с её туловищем по-настоящему жестоко, хотя так изрубили большую часть доспехов Эл, что те повисли клочьями и хлопали её по телу, не обеспечивая никакой защиты.

Им всего раз хватило здравого смысла наброситься на неё разом, пытаясь не убить, а схватить за руки и ноги и сбить на землю, чтобы удержать одним лишь числом и грубой силой. Тогда кто-нибудь смог бы проткнуть её мечом или перерезать горло. Наконец, они сбили её с ног. Распростёршись на земле и тщетно забившись в чужой хватке, Эл обожгла тех, кто её держал, крошечной искрой серебряного пламени. Она надеялась, что никто не поймёт, чем на самом деле является этот смертоносный мгновенный поток.

В мгновение ока находившиеся ближе всего к ней противники оказались слишком мертвы, чтобы хоть что-нибудь понять. Они пошатнулись и рухнули, испуская клочья дыма и распространяя вокруг запах палёного мяса. Менее пострадавшие зашипели ругательства и бросились в стороны. Одинокая жертва с трудом встала на ноги и повернулась к ним лицом, задыхаясь и истекая кровью от укусов зачарованных клинков, которые железная стража могла лишь ослабить.

Эл стояла одна, вокруг чёрным дымящимся кольцом валялись поджарившиеся мертвецы. Выжившие дроу перед ней снова сбились в кучу.

Их маг что-то шипел своим товарищам, возможно — объясняя, что он может позаботиться, чтобы их стрелы преодолели любую защиту, которая найдётся у одинокой паучьей жрицы, если все вместе они отойдут и дадут залп из арбалетов. Эл не стала ждать, пока они приготовятся к стрельбе, вместо этого бросившись к ближайшему дроу и замахиваясь своим изогнутым мечом в свирепом ударе. Тёмный эльф легко парировал, с торжествующей усмешкой отводя клинок в сторону — и тогда она вывернула запястье, чтобы меч вонзился в висевший на его поясе арбалет, сломав его, прежде чем отпрыгнуть назад и побежать дальше.

Следующий дроу увидел, что она сделала, и повернулся, чтобы заслонить арбалет собственным телом. Она воспользовалась этим, чтобы описать вокруг него тесный круг. Он поворачивался к ней лицом до тех пор, пока не потерял равновесие, и она быстро совершила ту же рубящую атаку, но в этот раз после парирования её клинок рассёк глотку противника.

К тому времени все дроу начали наступать на Эл. Она отступила обратно на открытое пространство, пока клинки самых быстрых изгнанников резали ей спину. С доспехов посыпались новые куски кожи, когда она преодолела кольцо скрюченных, обгоревших тел, развернулась, и присела для рывка, разрубившего одного преследователя, который оказался слишком близко и бежал слишком быстро, чтобы вовремя остановиться.

Он рухнул слишком тяжело и неловко, утащив за собой меч Эл, и она снова отпрыгнула назад, чтобы освободить пространство и дать себе достаточно времени на то, чтобы подхватить мечи погибших, прежде чем шестнадцать выживших изгоев настигнут её.

У неё был скипетр, который мог испепелять по одному дроу за раз, если действовал как

другие подобные виденные ею жезлы, но для это требовалось достаточно времени, чтобы использовать его на одной покорной цели за другой. От любого удара меча жезл взорвётся — а от *этого* железная стража не спасёт её прекрасное тело.

Привлечённые запахом пролившейся крови и обгоревшего мяса, на стену тоннеля выползли могильные черви длиной с руку дроу. Вокруг Эл, цепляясь к ней, как неприятные запахи, висели остановки заклятий вражеского волшебника. Они скорее подавляли, а не останавливали заклинания, но даже одной остановки было достаточно, чтобы замедлить магию настолько, чтобы Эл не выжила в ближнем бою — а этот навозный мешок, храст его побери, наложил сразу *шесть*.

Теперь дроу заосторожничали и медленно окружали её, держа наготове мечи и не отрывая взглядов.

— Я не люблю драться, — громко произнесла Эльминстер, ни к кому конкретно не обращаясь. — Лучше бы меня оставили в покое, чтобы я могла проводить свои дни, экспериментируя с Искусством. Пробовать новые вещи, создавать, чувствовать потоки...

Симрустар в её голове кивала с молчаливым согласием и одобрением, и они обе вспоминали выпущенную на свободу магию, прекрасное мерцание, утекающее в ночь...

Дроу наступали.

Эл прижалась к стене, прежде чем шестнадцать изгоев смогли её окружить, уступая большую часть ровной каменной поверхности ради того, чтобы за спиной был твёрдый камень. Всё, что им нужно было сделать — нападать по четверо за раз, по одному с каждого бока и двое спереди, и не позволить ей увести кого-то в сторону... отразить все удары сразу она и надеяться не могла

Из выжженных в мозгу заклинаний Эл уже использовала железную стражу. Сейчас могли оказаться полезными сторожевые клинки, кража времени, и... эй, погодите-ка! Если она... да...

Да, согласилась Симрустар.

Нельзя их насторожить. Нужно молча сотворить вихрь клинков, а затем придержать его до тех пор, пока они не осмелеют достаточно, чтобы приблизиться. Да, рухнуть на землю и заставить их думать, что сразили её. А потом...

И они пошли в атаку.

ГЛАВА 8

ПРОБУЖДЕНИЕ ДРАКОНА

Дроу наступали на Эл со всех сторон, и в их глазах была смерть. Они двигались медленно, готовя свои арбалеты.

Храст. Она присела, сжимая взятые у их павших товарищей мечи, повернув клинки плашмя, чтобы они послужили крошечными щитами. Но чтобы отразить стрелу, прежде чем та ударит в неё, Эл потребуется удача самих богов и невероятная скорость.

Серебряный огонь мог выжигать яд, но как же это было больно. В первую очередь надо защитить глаза и горло...

Они все выстрелили одновременно, и к ней устремилось множество дротиков.

Эл бросилась в сторону, вдоль стены, завертев обоими клинками перед лицом в безумном вихре, который отбросил в сторону по меньшей мере три дротика.

Стрела с силой ударила в запястье и застряла там, в месте, где с неё срубили доспехи. Ещё одна вонзилась в левую грудь, а третья ударила во внутреннюю сторону правого бедра.

Дроу бросились на неё, убрав арбалеты. Большая часть стрел прошла мимо, но горячее жжение, быстро растекавшееся по телу, сказала Эл, что трое задевших её были чем-то отравлены, вероятно — паучьим ядом. Если это был ручной паук или ужальник, яд её замедлит, постепенно парализуя. Нужно было покончить с этим быстро.

Эл бросилась навстречу ближайшему дроу, резанула того по лицу, затем метнулась вбок, чтобы ударить следующего. Затем она развернулась и побежала к стене, пытаясь возвратиться на место, выбранное для последнего боя. Они погнались за ней, как волки.

Когда Эл якобы споткнулась, а затем упала, они набросились на неё. Лишь затем, чтобы увидеть, как она перекачивается, поворачивается на плечах и бьёт ногами. Она перебросила одного бегущего дроу через себя, второго оттолкнула в сторону, затем перекадилась за ним и жестоко подсекла мечом лодыжки.

Тот рухнул с воплем, Эл вскочила на ноги, рассекла ему горло и прыгнула вперёд, чтобы встретить новую волну наступающих: четверых тёмных эльфов в пёстрых доспехах, один из которых хромал из-за старой раны на ноге. За его скакавшим вверх-вниз плечом она краем глаза заметила трупных червей, извивающихся среди камней в поисках мертвецов, и волшебника дроу, который тратил заклинание на нового участника сцены: рыщущего дикого паука. Магу могло показаться, что паука призвала она. Вокруг арахнида из ниоткуда вспыхнул зловещий огонь, заставив паука забиться в конвульсиях — а потом Эл была слишком занята, сражаясь одновременно с четырьмя дроу, чтобы разглядеть ещё что-то.

Двое попытались пырнуть её ножами, используя мечи только для того, чтобы держать её на расстоянии. Лезвия ножей мерцали, а это значило — они знают, что Эл защищена от обычной стали. У других двоих мерцающего оружия не было, так что Эл обращала внимание лишь на их движения и руки, чтобы не позволить им сбить себя с ног, и игнорировала проходившие сквозь неё, как сквозь дым, клинки. Это позволило ей скользнуть одному за спину, и нож, который должен был выпотрошить её, вместо этого по рукоять вошёл ему живот.

Эл толкнула этого стонущего раненого дроу на воина за его спиной, и бросилась бежать прочь от них — лишь затем, чтобы мгновение пофехтовать с ещё одним изгоем. Одиноким противник отступил — его лицо скорчилось от тревоги, когда он защищался, даже не

пытаясь атаковать.

Она резко развернулась от него и бросилась дальше, направляясь к месту, которое выбрала для драки, к гладкому участку камня, который был чуть ниже остальной пещеры. В этот раз она достигла своей цели.

Снова развернувшись кругом, чтобы оказаться лицом к врагам, и большими глотками втягивая в себя воздух, пытаясь восстановить дыхание, Эл смотрела, как изгнанники снова наступают.

На сей раз — тесной стаей, злой и осторожничающей после гибели стольких товарищей. За их спинами припал к земле волшебник.

— Это его не спасёт, — громко произнесла Эльминстер. Внутри неё медленно зашевелился гнев. Она восстановила дыхание; пускай нападают...

Трубите в рога, весело сказала в её голове Симрустар. Настоящее кровопролитие началось.

Сейчас на неё наступало четырнадцать противников. Пятнадцатый лежал среди камней у них за спинами, хватаясь за пронзённый живот и издавая громкие стоны. Самые храбрые черви уже собирались вокруг него.

Время для насмешек. Эл ухмыльнулась надвигающимся дроу, обвела жестом всё ещё торчащие в ней три стрелы — она оставила их на месте, чтобы кровь не так быстро вытекала — как богатая хозяйка, демонстрирующая гостям свои сокровища, затем упёрла руки в бока и насмешливо поманила к себе врагов.

Один дроу тут же издал боевой клич. Он и ещё четверо бросились на Эл, остальные не стали так спешить.

Хорошо. Теперь время уловок. Она встретила их обоими клинками, готовясь убивать, а не просто защищаться, и изобразила поддельную агонию, когда два меча дроу пронеслись сквозь неё. Один из клинков оставил за собой свежее жжение паучьего яда, но в остальном Эл не пострадала — она насадила одного воина на свой меч по самую рукоять и бросила клинок в теле, а второму разрубила лицо.

Они рухнули вместе, один дроу умирал, а второго ослепила хлынувшая кровь, и он не обращал внимания на окружающее, пытаясь обеими руками удержать своё лицо на месте. Эл перерезала ему горло и тем же ударом вонзила меч в шею второго дроу, который шарил рукой по камням, пытаясь найти упущенное в падении оружие.

Оставалось два живых и здоровых дроу. Один наносил ей частые колющие удары, его незачарованный клинок не причинял вреда, но тяжесть ударов и костяшки сжимавшей рукоять ладони постоянно выбивали у Эл воздух из лёгких. Второй присел за спиной у первого и пытался достать до её жезлов, пытаясь вытащить их и отбросить в сторону, не осмеливаясь подойти ближе. Эл отрубила ему пальцы, затем вонзила в себя собственный меч — она не почувствовала ничего, кроме моментальной вспышки холода — чтобы встретить руку дроу, пытающегося её проткнуть.

Он завопил и упал в сторону, вцепившись в разрубленную руку — и Эл перекатилась и неловким рывком через острые камни достала мечом горло хватателя жезлов. Когда он забился в конвульсиях, она перекатилась обратно, чтобы разделаться с последним.

Остальные тёмные эльфы приближались медленно, до них оставалось ещё около семи шагов. Хорошо. Эл запрокинула голову, зарубив коловшего её дроу, и закричала в поддельной агонии — громким, грубым и пронзительным голосом.

Потом она скользнула на землю, в своё углубление, окружённое трупами дроу, как

будто мертва — только скрытая рука за спиной вытащила скипетр с пояса и пробудила его. Она лежала неподвижно, выжидая, безвольно раскрыв рот. Изнывая от боли дюжины ран и жжения яда, Эл смотрела сквозь опущенные веки, как вокруг осторожно собираются дроу.

Подойдут они поближе, чтобы позлорадствовать? Или ударят в лицо, в грудь, в горло, чтобы убедиться?

Они сделали и то, и другое — и когда первый тёмный меч устремился вниз, Эл выпустила на волю вихрь клинков.

Это была жестокая магия, не слишком отличавшаяся от барьера клинков, каким пользовались боевые жрецы древности. Когда над ней завертели и засверкали куски стали, и на камни начала хлестать кровь дроу, Эл призвала быстрюю вспышку серебряного пламени, чтобы создать вокруг себя мгновенный щит. Когда щит сомкнулся вокруг, она сунула пробуждённый скипетр в шторм наколдованной стали за мгновение до того, как укрыться под своим серебряным пламенем.

Спустя мгновение мир над ней с оглушающим грохотом взорвался.

Взрыв был впечатляющим, встряхнул её, как игральную кость в стакане, несмотря на серебряный щит. Эл услышала и почуяла запах разлетающихся кровавыми опшётками на камни вокруг дроу... и когда щит угас, и она осторожно перекатилась, чтобы поднять голову, на лицо с высокого свода закапала кровь.

Она встала на четвереньки, чтобы осторожно оглядеться. Не осталось ни единого врага. Волшебника и остальной банды изгнанников больше не было.

Все до последнего были мертвы. И лишь потому, что ненавидели и боялись магию. Или тех, кто использовал магию против них — например, собственных жриц. *Никто* не должен бояться или ненавидеть магию.

Ах, Эл, для этого нужно, чтобы все носители магии в Королевствах перестали использовать её, чтобы насаждать над другими свою тиранию.

Эл громко вздохнула. Симрустар была права. И как часто она сама бывала одним из этих тиранов?

Перед внутренним взором быстрой мрачной процессией прошли воспоминания, которыми она не гордилась...

Симрустар мудро промолчала. Эл угрюмо вырвала из себя стрелы, затем исцелила раны и изгнала из крови яд болезненной вспышкой серебряного огня.

Когда она перестала беспомощно задыхаться и дрожать, Эл неверной походкой зашагала дальше по туннелю. Теперь она снова осталась одна и была почти что голой — кожаные доспехи висели ключьями.

Ну-ну! У тебя есть я, напомнила Симрустар. Хорошая работа, кстати.

Эл устало кивнула. Она слишком сильно на шумела и использовала слишком много магии, чтобы здесь задерживаться; вся эта суматоха вскоре привлечёт более грозных обитателей Подземья — или сильный патруль дроу, готовый к магическим неприятностям. К тому времени разумно было бы оказаться как можно дальше отсюда. Например, на купающейся в лучах солнца поверхности.

Прихрамывая, потирая свои синяки и ушибы, Эл ковыляла дальше.

Что-то ты не очень хорошо заботишься об этом своём прекрасном новом теле тёмной эльфийки, поддразнила его Симрустар.

Ответ Эльминстер был спокойным, длинным и очень красочным. Он мог заставить покраснеть даже моряков Лунного моря, если бы таковые очутились в низинах Подземья.

Алоргловенемус в эти дни спал шумно и куда более часто, чем в свои юные годы. Сейчас он был поистине древним, и из своих изысканий и от других встреченных вирмов — погибавших в результате некоторых встреч — знал, что для старших драконов такой сон был в порядке вещей.

Впрочем, никто этот сон не прерывал. Посетители не достигали этой пещеры под пологом на вулкан полым холмом в сердце зловонного болота, заполняющего узкую ложбину между каменными отрогами соседних гор в Громовых вершинах. Ни один незванный гость не пробрался в его логово, хотя однажды в болото ненадолго забрели орки. Так себе еда, зато их было много...

Он свернул язык трубочкой, пытаясь припомнить этот вкус.

Да, так случилось, что сейчас Алоргловенемус бодрствовал — он проснулся мгновением раньше, когда по твёрдому камню под его сокровищами долетело эхо высвобожденной разрушительной магии. Взрыв произошёл семью уровнями ниже его логова.

Древний чёрный дракон встревоженно поднял голову. Здесь было что-то кроме заклинания. Был какой-то запах...

Алоргловенемус сунул тёмную рогатую голову в большой разлом в одном конце пещеры, открывающийся в нисходящую цепочку пещер. Разлом служил ему туалетом, плевательницей и временами ямой для рвоты — поскольку от доспехов, несмотря на сильную разъедающую кислоту, скручивало кишки — и шумно принялся.

Да. Тот самый запах. Слабый, но характерный, и Алоргловенемус уже чувствовал его раньше. Там внизу был выпущен серебряный огонь, сырой материал Плетения.

Что озадачивало и даже тревожило, учитывая, что Плетение рассыпалось вместе со своей прекрасной богиней несколько периодов сна тому назад.

Древний чёрный дракон нахмурился, медленно покачал головой и испустил глубокий рык, от которого затряслась пещера. Рык возвещал вибрирующим стенам, что дракон был не рад этому конкретному запаху. Запах означал неприятности.

Но Алоргловенемус знал, как разбираться с неприятностями. Он отвёл голову назад и плюнул, с шипением выпустив кислотные пары ядовито-зелёного цвета. От этого кипящего дыхания, прокатившегося вниз по длинным шахтам пещер, на камнях проступила пена.

Зелёный, быстро сереющий поток шипел, трещал и породил множество мимолётных крошечных вихрей из мерцающей пены, пожирая камни; камни, которые были уже источены до гладкости предыдущими потоками кислоты.

Тремя пещерами ниже последний испаряющийся язык кислоты обогнул груды камней, растворив уступ, на котором она лежала. Почти устало камни посыпались через край, покатались вниз. И разбудили на своём пути нарастающий рёв. В конце концов, намного ниже рёв превратился в небольшой оползень, который в результате подкатился почти к самым ногам Эльминстер.

Эл остановилась, позволив последним камешкам этой небольшой лавины остановиться прямо перед её сапогами, покачнуться вперёд-назад и в конце концов застыть на месте. Слабый поток воздуха дул в Подземье именно с той стороны, откуда посыпались камни.

И этот поток приносил острую, свежую вонь, и Эльминстер уже чувствовала эту едкую вонь раньше.

Кислота чёрного дракона. Исторгнутая крупным древним вирмом.

Эльминстер вздохнула. У неё на пути — злобный и могущественный дракон. Ну

конечно.

Она подошла к уступу и очень осторожно начала прокладывать себе дорогу наверх. Кислота была ещё свежей; Эльминстер следовало быть очень осторожной, если она хотела, чтобы сапоги продержались большую часть пути и ещё дольше.

Подъём казался долгим и неприятным — на пути встречалась не только кислота, но и драконье дерьмо. Выдохнув бесшумное проклятие — почему Мэншун хоть раз не мог подчиниться Мистре? Или почему Госпожа Всех Тайн не могла разделаться с ним или позволить своему *достойному доверия* Элу разделаться с ним? — Эльминстер нашла свой первый каменный выступ, укрывающий от кислоты, добралась к нему, затем стала искать следующий.

В любое время сюда могли потечь новые подарки с обоих концов чёрного дракона. Что означало, что главной заботой должна стать осторожность. Эх, пробраться по камням вон туда, чтобы попасть туда, а оттуда...

Для нового тёмноэльфийского тела Мудреца из Долины Теней скупое движение у края утёса прошло незамеченным.

И даже если бы осторожный Эльминстер посмотрел туда, он мог бы мельком разглядеть только крошечную тень, когда кто-то — или что-то — бесшумно слился с неровной стеной пещеры высоко над гладким, истёршимся устьем многочисленных кислотных ручьёв.

У одинокой жрицы дреу, осторожно поднимавшейся из Подземья, появился очень терпеливый преследователь.

Лорд-констебль Фарланд поглядел через стол и в лицах людей, посмотревших на него в ответ, нашёл мрачную толику утешения в лицах. Этим двоим он доверял.

Иногда он хотел доверять ещё хоть кому-то в целых Королевствах, но до сих пор нашёл лишь этих двоих. Его старших констеблей. Высокого, покрытого шрамами и немногословного Англур Трелшуна, который был почти на голову выше угрюмого, коренастого и циничного Брадрера Деллоука. Хвала богам, что эти двое были друзьями, поскольку они оба были людьми способными, и сложись всё иначе могли бы стать друг другу смертельно опасными врагами.

Ирлингстар был хростово далеко от остального мира, примостившись на бритвенно-остром каменном хребте, что шёл на восток от Ирлингской горы, одной из Орондстаров. Большинство людей звало их просто «Орондами»: скопление необычайно острых пиков среди Громовых вершин, немного к северо-западу от середины пути между королевством Воющей Дымки и Грозным Отрогом. Лишь одна дорога шла к замку, и если не углубляться в Каменные земли — не тот поступок, который мог бы совершить здравомыслящий человек — другого способа оставаться в Кормире, при этом оказавшись так далеко от остальной части Лесного Королевства, просто не было.

Именно по этой причине здесь, а не за стенами шарранского Велуна, и располагалась самая надёжная королевская тюрьма. Дворяне в камерах Ирлингстара могли бы породить множество проблем, будь они ближе к другим кормирцам — нуждавшимся в монетах и восприимчивых к угрозам, обещаниям и хитрым сделкам.

— Маги из вас не лучше чем из меня, — устало сказал Фарланд, — но не обнаружили ли вы хоть малейшие признаки того, что печати были нарушены?

Они оба покачали головами, не тратя зря слов. Они никогда не говорили зря.

Более века тому назад знаменитый королевский маг Вангердагаст наложил первые

магические печати на замок Ирлингстар. Суровые и крепкие магические барьеры с тех пор обновлялись ежегодно, и обычно незримый магический купол предотвращал использование большинства заклинаний в крепости, в том числе телепортацию и прорицание, направленные внутрь и наружу. Хоть Волшебная Чума и потрепала печати Ирлингстара, они уцелели, и оставались незаменимы, не позволяя волшебникам на службе благородных семей по своей воле преодолевать тюремные преграды.

— Хорошо, — мрачно сказал Фарланд. — Вы знаете, что делать.

Он встал, подводя итог встречи. Двое старших констеблей направились к двери.

Трелшун должен был разбудить тех немногочисленных стражников, кто сменился с дежурства и во время убийства Аватнара спал, а Деллоук отправился к воротам замка, чтобы приказать кучерам с их фургонами немедленно покинуть крепость, направляясь в Иммерфорд, чтобы запастись там продовольствием. Он поскачет вместе с ними, чтобы передать через ближайшего королевского лорда — лорда Лотана Дурнкаскина в Иммерской крепости — послание королю, доложив об убийстве и прося прислать боевых магов для неизбежно тяжёлого расследования. Выжимка разума нынче слишком часто оставляла и подозреваемого, и проводившего допрос мага без мозгов, так что теперь она осталась в прошлом. Раскрытие преступлений снова стало требовать угроз, наблюдательности и умасливания — а учитывая текущий набор злопамятных, насмешливых, искушённых и очень способных знатных заключённых Ирлингстара, горстке смертельно усталых боевых магов в крепости потребуется любая помощь, которую они смогут получить. И чем быстрее они начнут...

Фарланг опустил по задней лестнице, ведущей в покои магов. Что ж, похоже, им придётся подождать ещё несколько дней. Иммерфорд, по-прежнему с каждым летом заметно разраставшийся, был одним из самых молодых поселений в Кормире, расположившись у брода, где Восточный Путь пересекал Иммерскую реку. Но глушь между городом и лордом Дурнкаскином, восседавшим в своём сверкающем новом замке Иммер, была поистине глухой, глубоким болотом там, где не было бритвенно-острых скал, покрытых густыми, тёмными лесами, кишевшими волками. Между Иммерфордом и Ирлингстаром не было ни единого поля, фермы или хутора, потому что кормирцы не были настолько глупы, чтобы пытаться заниматься здесь земледелием или разводить скот.

Дурнкаскина не обрадует доклад Деллоука, но Дурнкаскин вечно был недоволен. Дракон в небесах, пятеро боевых магов, служащих в Ирлингстаре, тоже не слишком обрадуются, но с этим он ничего поделать не мог.

Не говоря уже о том, что они испугаются, а значит иметь с ними дело станет ещё сложнее...

Фарланд достиг основания лестницы, прошёл сквозь арку, повернул направо — и замер.

По коридору прямо перед ним текла длинная влажная полоса свежей крови.

Она вытекала из-под двери прихожей, в которую выходили покои всех боевых магов.

— Господа маги? — резко позвал он.

Зловещую тишину никто не нарушил.

Сглотнув проклятие, лорд-констебль Ирлингстара достал из ножен меч и распахнул дверь, следя за тем, чтобы не наступить на кровь.

Ещё до того, как дверь открылась, он знал, что обнаружит внутри.

ГЛАВА 9

ЛОРД ДУРНКАСКИН НЕДОВОЛЕН

Даже в лучшие дни королевский лорд Лотан Дурнкаскин Иммерфордский был человеком сложным, грубым и циничным. В худшие же дни он был раздражительным и острым на язык, как пожилой, угрюмый и саркастичный ветеран пурпурных драконов в отставке, хромающий и в любой миг своего существования испытывающий боль из-за многочисленных плохо заживших ранений.

Сегодняшний день становился одним из худших. Лорд Дурнкаскин был *недоволен*.

Только что отбыл гонец из Ирлингстара. Констебль того редкого сорта, которому можно было доверять полностью и целиком; Дурнкаскин поверил каждому его слову. Поэтому за своими высокими стенами Иммерфорд весь пылал от дурных новостей о том, что кухонная прислуга в крепости-тюрьме — набранная целиком из жителей Иммерфорда — была убита. Убийство было жестоким и требовало правосудия. И поскольку у богов, разумеется, было извращённое чувство юмора, Дурнкаскин не мог предоставить помощь, которую предоставить был обязан — боги, которую он *до боли* хотел предоставить.

Его лучшие боевые маги оказались заняты именно тогда, когда их присутствие потребовалось в Ирлингстаре для расследования убийств. Они были на севере, проверяя доклады о разбойниках, нападавших на караваны вдоль тракта на Лунное море — разбойниках, скрывающихся где-то у истоков реки Иммер, что и превращало их в проблему Дурнкаскина. У лорда была лишь одна компетентная команда, шестеро испытанных магов во главе с уважаемым и опытным Бренноном Лаксаром. Младшая команда, трое шутов гороховых под командованием полного дурака Вандура, была...

Дурнкаскин поджал губы. Он не смог подобрать для них достаточно красноречивого названия. «Косорукие» — слишком вежливо и беззубо. «Катастрофа королевских масштабов» уже ближе, но...

И в этот миг вдруг раздался неожиданный стук, обрушившийся на дверь его кабинета внезапным грохочущим шквалом. Судя по звукам, в дверь почти наверняка колотили железными наконечниками посохов... по меньшей мере троих.

Дурнкаскин закатил глаза, всплеснул руками в раздражённом жесте «Что ещё?», но боги, разумеется, не стали ему отвечать. Поистине, день был из худших.

— Незаперто, — отозвался он. — Входите.

Дверь распахнулась, и кабинет заполнили владельцы этих шумных посохов. Семеро добрых бюргеров из Иммерфорда, люди, которые были хорошо ему знакомы. Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять, в каком они настроении: в ярости, напуганы и рвутся в драку.

Королевскому лорду Иммерфорда пришлось приложить немалые усилия, чтобы снова не закатить глаза. Боги, если бы они послали вместо себя своих жён...

— Ну? — рявкнул самый храбрый — как всегда, это оказался Харклур, винодел, — и чем вы тут занимаетесь?

Дурнкаскин подавил вздох и вежливо улыбнулся торговцу вином. Разговор пошёл по обычному сценарию. Он добросовестно произнёс ожидавшиеся от него слова.

— Так случилось, что здесь располагается мой кабинет, — мягко объяснил он. — Я должен находиться здесь большую часть моего рабочего времени. Чтобы делегации

почётных граждан вроде вас знали, где меня отыскать.

— Я имею в виду, — зарычал Харклур, — почему вы по-прежнему сидите здесь, когда честных людей Иммерфорда — беззащитных жён и дочерей! — убивают в кроватях мерзкие юные лордишки, склонные к изнасилованиям, грабежам, и... и кровопролитию?

Когда он сбавил тон, шестеро остальных столпов Иммерфорда поддержали последние слова винодела кивками и согласным бормотанием.

— Король и двор ожидают, что я останусь на своём посту, — ответил Дурнкаскин. — Особенно во время кризиса. Которое без сомнений и наступило, учитывая, что ещё *до того*, как констебль Деллоук принёс мне ужасные вести из Ирлингстара, у меня было сразу три серьёзных проблемы, требующих внимания, об одной из которой вы, джентльмены, прекрасно осведомлены.

— Забудьте об этом! — отрезал Харклур лишь для того, чтобы его заглушили голоса двух его товарищей-бюргеров, заговоривших одновременно.

— Лучшая подруга моей дочери мертва, и я хочу точно знать, что...

— Кто вообще поддерживает мир в Ирлингстаре и что помешает этим чудовищным убийцам просто обрушиться на нас, а? Я требую ответа...

Тьфу ты, как же они переполошились. Ни один не клюнул на его приманку и не спросил о других двух проблемах. Ну что ж; настало время «обращаться с должным почтением».

Дурнкаскин встал, положил обе руки на свой заваленный стол — и величественно смахнул свои бумаги в обе стороны на пол.

— Джентльмены, — рявкнул он. — Я рад, что вы явились меня навестить. Ваше беспокойство согревает меня, как и любого истинного слугу Кормира. Пожалуйста, подойдите по эту сторону стола и взгляните вместе со мной на эту карту.

Раздался нечленораздельный взволнованный шёпот, и смягчившиеся бюргеры поспешили столпиться вокруг. Харклур и Мрауксун всё ещё казались взбешёнными, но у остальных засияли глаза. Это срабатывало каждый раз.

— Вот здесь мы с вами в Иммерфорде, — сказал им Дурнкаскин, указывая пальцем, не прижимая его к карте. Они захотят пригнуться поближе, чтобы найти свои дома на этих аккуратно выведенных улицах. — Прямо посередке.

Его указующая рука сдвинулась.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Вот здесь, рядом с границей, замок Ирлингстар. Как видите, местность между нами весьма труднопроходимая. Решительный человек или небольшой отряд смогут преодолеть это расстояние, но если на их месте окажется армия — мы узнаем об этом дней за десять или даже раньше.

Его рука снова сдвинулась

— А вот здесь, где-то в этих болотах, скрывается разбойная банда, которая убивает и грабит честных торговцев и караваны, следующие по Восточному тракту. Те самые караваны, джентльмены которыми вы ведёте дела, благодаря которым кормится весь Иммерфорд, благодаря котором горожане продолжают жить здесь и не становятся чернорабочими в Сембии или докерами в Сюзейле. Мы пытались не допустить распространения слухов о том, сколько убийств и грабежей они совершили, поскольку такие сплетни могли бы навредить будущему Иммерфорда — и *вашему* благополучию — куда сильнее, чем всё, что эти бандиты совершили или ещё совершат. Прямо сейчас мы их отслеживаем.

Он вернул палец к Иммерфорду.

— Прямо здесь, дома, у меня есть другие заботы. Некто выдаёт себя за честного горожанина и изучает уходящие со складов Лонгхэнда и Эскурледа партии товаров — достаточно долго, чтобы каждый раз красть парочку мелких, но ценных вещичек. Ваших товаров, джентльмены. Речь о вашей репутации и о предъявляемых вам требованиях компенсации. Мне необходимо выследить и остановить этих злодеев, прежде чем дела не пошли ещё хуже.

Его палец двинулся на юг вдоль Восточного тракта, к лесу Хуллак.

— А здесь есть небольшая проблемка с Совиным Владыкой.

— С кем?

— Это мы и хотим узнать, — тут же отозвался Дурнкаскин. — Чародей, волшебник, или может могучий чернокнижник, который живёт в Хуллаке и накладывает чары на путешествующих по ближайшей дороге — особенно если они останавливаются на ночь здесь, здесь или вот здесь. Он накладывает на них чары и выпытывает одну или две тайны — об известных им волшебных предметах, или о сокровищах, спрятанных или вложенных в дело — что-то, что сможет принести ему выгоду. Вскоре после этого по его наводке совершают кражу нанятые воры. Мы до сих пор мы словили только одного, и он знает лишь, что работал на человека в маске совы и в тёмной мантии, зовущего себя Совиным Владыкой. Мне необходимо остановить его, пока следующей жертвой не стал кто-нибудь из вас. Таковы мои обязанности, господа — узнавать о подобных угрозах и справляться с ними. В любое время дня и ночи десятки — дюжины — агентов и информаторов Короны вместе с доблестными гражданами вроде вас спешат сюда, чтобы доложить о них мне, чтобы я смог предпринять меры. Точно так же, как поступили сейчас вы. Поэтому, как видите, я *должен* находиться здесь.

Мгновение царила тишина, затем большая часть бюргеров кивнули, но Эргол Мрауксун нарушил молчание. Энергичный ростовщик и домовладелец, обладавший ястребиным носом, по-прежнему был зол, но держал себя в руках с заметным усилием.

— Я... мы... лорд Дурнкаскин, мы же не просто лающие на улицах Иммерфорда псы! Мы люди занятые, люди с заботами, точно так же отнимающими время, как и ваши заботы, и... но... мы достигли точки, где... где... храст его побери, это не может продолжаться, поэтому мы и решили прийти сегодня сюда и высказать всё вам!

— Да, — вмешался Харклур, — говоря начистоту...

Мрауксун зыркнул на своего товарища, заставляя его умолкнуть, и снова занял вербальный подиум.

— Эти убийства стали для нас последней каплей, милорд! Мы не можем допустить, чтобы это продолжалось! Мы требуем, чтобы вы известили короля — не просто несколько десятков безликих царедворцев, которые легко могут забыть, что выслушали вас, и ничего не предпринимать, но самого короля Форила — что мы задыхаемся от постоянно возрастающих налогов, от которых нет никакого толку, кроме участвующих приграничных патрулей, которые практически каждый день останавливают и обыскивают любого горожанина, покидающего Иммерфорд, на предмет контрабанды, растущих цен на... на всё, милорд, абсолютно на всё...

— Включая разрешения Короны! — грубым голосом добавил Хелмур Феррад, ювелир и кондитер.

Мрауксун кивнул.

— Включая разрешения Короны — которые приезжают из самого Арабеля или Сюзейла. Кроме того, нас всё больше удручает, как бы это сказать, неадекватная защита, предоставляемая нам Короной. Мы почти ничего не знаем об этих бедах, о которых вы только что упоминали! Я имею в виду разбойников, которые годами нас беспокоят. Я даже не вспомню, сколько лет Звери Броудшильда похищают наших козлов и овец, и они становятся всё смелее, поскольку пурпурные драконы и все королевские лазутчики, похоже, не способны даже разыскать их, не говоря уже о том, чтобы *остановить*! Боги, сейчас они похищают даже быков! *Быков*, прямо из загонов и конюшен! Мы — весь Иммерфорд — желаем знать вот что: что вы собираетесь с этим делать?

Прежде чем Дурнкаскин смог ответить хоть что-нибудь, самый низкорослый из бюргеров, гном-колёсник Аскалан Ларклоукс, протолкался через более высоких людей и проворчал:

— Слушайте хорошенько, лорд Дурнкаскин: от этого зависит наша непрекращающаяся верность королю Форилу Обарскиру. От того, насколько хорошо вы и ваши офицеры Короны справитесь с расследованием этих убийств в Ирлингстаре — включая то, как в этом расследовании обойдутся с жителями Иммерфорда. Не только с кухонной прислугой, которая была отсюда родом, имейте в виду! В том замке заперты добрые — и известные — люди Иммерфорда! Юные лорды Корнин Райзингброук и Ярланд Эмфлейм были заточены всего лишь за то, что сказали несколько неразумных слов о Короне и пытались заключить торговые союзы в Сембии, не сообщив каким-то высокомерным дворцовым чинушам, что они намереваются предпринять!

Дурнкаскин кивнул, стиснув зубы. Боги, как же его раны ноют!

— Я прекрасно помню об этих лордах, добрые сэры, и желаю, чтобы они как можно быстрее оказались на свободе и вернулись в Иммерфорд. Я лишь надеюсь, что их комментарии, открыто вызывавшие к непокорности, были ошибками юности, а не твёрдыми убеждениями — поскольку, как любой верный слуга Короны, я должен соблюдать закон, и согласно закону обходиться со всеми одинаково.

Среди бюргеров раздалось шумное фыркание. Они не хуже Дурнкаскина знали, что с обладателями лучшего происхождения или высокого положения, или владельцами звонкой монеты закон обходился намного лучше, чем с чужеземцами, бедняками или крестьянами без связей. В Иммерфорде все слышали о юношах, которых вынудили вступить в ряды драконов после того, как те не смогли расплатиться с долгами или были пойманы на каком-то мелком преступлении, и за последние лет тридцать или около того общее мнение о солдатах медленно сменилось с «наших верных защитников» к чему-то более похожему на «знакомые дьяволы у нашего порога, которых приходится терпеть».

Дурнкаскин посмотрел на их лица и понял, что они хотят услышать, что он должен сказать.

— Добрые сэры, я лично обещаю вам, и пусть вместе с вами боги будут свидетелями — я сделаю всё, что в моих силах, всё, чтобы разыскать убийцу или убийц, чтобы выяснить все причины их преступления, и чтобы подобающим образом их покарать. Будут созваны боевые маги, я потребую любой необходимой помощи у короля, и эти ужасные убийства не будут забыты, к ним не отнесутся спустя рукава и не простят, кем бы убийца или убийцы ни оказались. Я клянусь вам.

Они кивнули и снова забормотали, похоже, уже чуть-чуть дружелюбнее. Такой язык они понимали — простую речь, которая вызывала у них доверие. Дурнкаскин протянул им руку,

пустой ладонью вверх, как нищий, просящий милостыню.

— Мне нужно, чтобы вы проявили терпение, чтобы доверились мне — а взамен я обещаю довериться вам, когда расследование будет окончено и наступит час рассказать вам то, что удалось узнать. Я снова приглашу вас в этот кабинет и расскажу всё.

— Ну что ж, — заговорил Халстон-бондарь. — Уже много дней я не слышал такой искренней речи. Такой, с которой без раздумий готов согласиться.

И он протянул длинную руку, чтобы твёрдо пожать руку Дурнкаскина, тем самым заставив товарищей поспешить сделать то же самое. Королевский лорд вышел из-за стола, чтобы обменяться рукопожатием с каждым бюргером, и с помощью медленных шагов вперёд смог начать оттеснять их к двери кабинета.

Они высыпались наружу, взволнованно беседуя о славных парнях Райзингброуке и Эмфлейме, зловещих Совиных Владыках и этих ублюдках-ворах из Зверей. Дурнкаскин вышел с ними, хлопая по спинам и раздавая обещания, но держался твёрдо до тех пор, пока они не оказались внизу на лестнице.

Возвратившись в свой кабинет, он позволил себе роскошь надолго и от всего сердца закатить глаза. Все его сёстры захихикали бы, завидев это. В отчаянии он решил послать в Ирлингстар неудачников из своей местной команды боевых волшебников. Лучше уж скверные следователи, чем вообще никаких.

Снова усевшись за стол и принявшись мрачно изучать карту, когда в поле зрения не оказалось никого поблизости, кто мог бы подслушать, он прошептал себе под нос:

— Это *последние* трое стларновых магов, которых я с готовностью пошлю куда угодно — кроме изгнания, разве что — чтобы досаждали там кому-то *другому*. И да помогут нам все боги на небесах, я пошлю их в тюрьму, где на свободе гуляет убийца.

Он немного посветлел.

— Может быть, они обеспечат ему новые жертвы.

Затем его взгляд наткнулся на бумаги, засыпавшие пол, и снова помрачнел.

— Ха. И если так и случится, в результате будет ещё больше бумажной работы.

— Ну конечно, милорд, — вкрадчиво произнёс Иммаэро Сронтер, — у меня есть именно то, что вам нужно.

Лорд Данталус Блэксильвер немного покраснел, решив, что этому алхимику в ближайшее время следует заткнуть рот. Прежде чем его язык без костей начнёт распространять зловещие сплетни по всему городу об определённой *несостоятельности* — боги, лживая деликатность этого человека была возмутительна! — ослепительного лорда Блэксильвера. Нельзя допустить, чтобы его доброе имя...

Алхимик наклонился через стойку, его горло оказалось в соблазнительной близости от маленького ножа для очистки ногтей Блэксильвера, и заговорщицки прошептал:

— Должно быть, вы настоящий лев, милорд. Все остальные лорды в вашем возрасте, у которых есть резиденции в Сюзейле, пришли ко мне ещё несколько лет назад. Впрочем, имён я не называю, вы же понимаете. Иначе у меня тут столпятся юные леди, пытающиеся приобрести лишние дозы, а для лордов менее здоровых и крепких, чем вы, это может быть опасно.

Блэксильвер расслабился, стараясь, чтобы его облегчённый вздох не был слишком заметен. Его руки коснулись нечто тонкое и прохладное. Он сомкнул на предмете свои пальцы и посмотрел вниз, прежде чем алхимик выпрямился и отошёл. Это был небольшой

фиал с бледно-голубой, полупрозрачной жидкостью.

— Всего четыре капли в любое количество молока или воды, — произнёс Сронтер. — Только не вина или чего-то покрепче.

Блэксильвер сжал на фиале пальцы, улыбнулся и вытащил кошелёк, в котором лежали только его «карманные» золотые монеты.

Лев среди львов, обещали слухи.

В конце концов, его маленькая вылазка того стоила.

— Видишь? — радостно сказал Арклет. — Мы оба ещё живы, и наш сон не потревожило даже магическое «Бу!»...

Амарун бросила на него кислый взгляд и позвенела крепкими цепями на кандалах, которые только что сомкнулись на их запястьях.

— А это, видимо, пустяки?

— Всего лишь часть хитрого обмана, над которым мы, как агенты Короны, работаем. Четыре сотни львов в месяц, помнишь?

Рун вздохнула.

— Хотелось бы мне радоваться этому так же, как и ты. Как ты справляешься с этим, дорогой? Это часть воспитания дворян или преимущество бытия идиотом?

— И то, и другое, — весело отозвался наследник дома Делькасл. — Ещё помогает небольшая сумашедшинка. Вероятно, так Эльминстер и жил все эти века.

Его Рун вздрогнула.

— Старый пра-пра-пра-пра-прадед Эл... интересно, где же он сейчас?

Когда за отбывшим лордом Блэксильвером прозвенел колокольчик на входной двери, Мэншун позволил себе довольную улыбку.

В конце концов, в этот момент Сронтер и сам готов был улыбнуться, если бы его разумом не управлял Мэншун. Ещё одна выгодная сделка — продажа такой простой, но такой желанной вещи. Мэншуна ни капли не волновал вес кошелька Сронтера. Нет, он был доволен, поскольку всё прошло так гладко. Он действительно учился терпению и тонкости в манипуляции завербованными им лордами. Андольфином, Лоруном и теперь Блэксильвером. Из важных оставался лишь Краунруд.

Как было «всем» известно, большая часть знати была настроена против Короны и плела разнообразные козни и заговоры. Поэтому лорды, поступающие так по его наущению, вряд ли вызовут подозрения у любого вовлечённого в эти дела, кроме самих лордов. А вот если бы он начал работать с разумом царедворцов, боевые маги почти наверняка бы это заметили.

Решением терпеливого человека было медленное сокращение рядов этих волшебников Короны, для чего следовало использовать пьяных или пылающих праведной яростью лордов. Он уже обзавёлся полезной коллекцией лордов, которых можно было не задумываясь пустить в расход, но на ум Мэншуну пришла мысль о том, что уже существует другая коллекция более молодых и демонстративно враждебных Короне лордов: этих относительно немногочисленных заключённых держали в отдельных камерах под Высоким рогом, где хватало пурпурных драконов и боевых магов. А ещё были узники целой тюремной крепости на отдалённой восточной границе, где драконов было мало, а боевых магов ещё меньше: замок Ирлингстар.

Ну что ж...

Подъём был долгим и временами тяжёлым. Приходилось постоянно избегать искушения, пусть даже всего на миг, воспользоваться в качестве лёгкой тропы камнями, которые сгладила драконья отрыжка. Да, кое-где это действительно был гладкий скат, но чаще всего от булыжников осталась одна оболочка, изъеденная множеством крошечных дырочек над скрытыми полостями, и твёрдый сапог с лёгкостью мог их раздавить, не соскользнув. Проблема в том, что скорее всего это произвело бы шум, а наверху ждал дракон.

Эл надеялась отыскать боковую пещерку, которая позволит ей избежать встречи с вирмом. А если нет, её магии должно было хватить, чтобы пройти мимо дракона... если она всё сделает правильно.

Всегда оставалось это «если». Храст его побери, лёгкого пути никогда не было, никогда не хватало времени, чтобы отдохнуть. Прямо сейчас лучше всего было оставаться настороже и передвигаться очень аккуратно, никогда...

Ветерок сверху неожиданно переменялся, затем раздался шипящий, отдающийся эхом рёв. Эл вжалась обратно в нишу в стене пещеры и приготовилась, прижав к камню колени и локти. Она поняла, что происходит, ещё до того, как ноздрей коснулась вонь кислоты, а за ней последовал зелёный поток.

Дракон снова выдохнул кислоту.

Эльминстер закрыла слезящиеся глаза и попыталась не дышать, пока мимо дрейфовало кислотное облако. Основной шипящий поток, низвергнувшийся как водопад, уже сошёл вниз, направляясь дальше в Подземье.

Должно быть, вирм прислушивался к негромким звукам, которые могли сказать, что к нему поднимается какое-то существо, и несмотря на все предосторожности Эльминстер решил, что подобный незваный гость действительно направляется к чёрному ходу его логова. А может, дракон установил какой-то способ предупреждения — например, паука или другого крошечного обитателя пещер в роли наблюдателя — чтобы оградить себя от вторжений из Подземья. В конце концов, сама Эльминстер так бы и поступила, будь она драконом, чьё логово располагается в пещере, напрямую соединяющейся с огромным, полным дреу подземным миром.

Кислота струилась вниз по цепочке пещер, превращая скалы в пузырящуюся и едкий туман, с клёкотом и шипением протекая мимо Эл в её нише. Где-то внизу кто-то вскрикнул, пронзительно, резко и очень коротко, и крик прервался мерзким задыхающимся кашлем.

Эл осмелилась высунуться из ниши настолько, чтобы можно было взглянуть вниз, и лишь краем глаза заметила, как в угасающем зелёном мерцании смывает прочь тёмную, растворяющуюся массу. Драконья кислота была такой же быстрой и беспощадной, как те вирмы, что её извергали.

Тёмный эльф? Голос звучал так, будто мог петь и разговаривать, когда не издавал предсмертных криков, и это существо последовало за ней из того тоннеля, где она сражалась с изгнанниками-дреоу. Возможно, один из них, затаившийся изгой, которого она не заметила.

Храст побери, за ней следом шла смерть, цеплялась к ней, как прогнивший плащ! Даже когда она ни с кем не сражалась, не кидалась заклинаниями, вокруг неё умирали люди, как будто боги проклинали её, сделав Ходячей Смертью.

За что?

С Эл довольно было смертей ещё несколько веков назад, но они продолжались и продолжались, и не было никаких признаков, что когда-либо гибель прекратится. Как же ей сейчас было тошно.

Но Эл очень сильно сомневалась, что её чувства имеют хоть какое-то значение. Вокруг неё и дальше будут происходить жестокие смерти. Лишь бы этого не случилось с её Рун или с её Арклетом, храст побери.

Мистра сохрани, тихо прокомментировала Симрустар.

— Да, — прошептала Эл, достаточно тихо, чтобы её слова нельзя было слышать на любом расстоянии. — И правда, сохрани нас Мистра.

Она позволила воцариться тишине и выждала долгое время, прежде чем осмелиться покинуть трещину и снова начать восхождение. Она старалась издавать как можно меньше шума, не обращая внимания на то, насколько это замедляет продвижение.

В конце концов, этот короткий вскрик её несчастного преследователя был громким. Где-то впереди и наверху ждал потревоженный чёрный дракон.

Лорд-констебль Ирлингстара обвёл взглядом прихожую. Это не потребовало много

времени.

В животе Фарланда возникло чувство тяжести, несмотря на его опыт сражений с чудовищами и стычек с пограничными налётчиками. Он подавил рвотный позыв, затем проложил себе путь мимо потоков крови, заглядывая в каждую спальню.

Комнаты были по-спартански скудно обставлены, и ни один из магов не взял с собой в крепость какие-то особые пожитки. У них были маленькие, простые шкафчики, обычно стоявшие нараспашку из-за вечной сырости. Шкафы были открыты и сейчас. Никто не прятался в скрытом от глаз уголке, потому что прятаться было попросту негде. Вокруг стопки общих книг с заклинаниями на столике мерцала защитная печать, предотвращавшая возможную кражу заключёнными — или кем-либо ещё.

Самый молодой из боевых магов Ирлингстара лежал замертво без головы и без рук, распростёршись посередине прихожей. Отсутствующих частей тела нигде не было видно.

Не было ни единого следа остальных четырёх магов Короны. За исключением крови.

Одинокое тело раскинуло ноги в огромной луже кровищи, заполнявшей середину комнаты. Помещение строили грамотно: плитку покрывал тонкий слой глины под небольшим углом, чтобы вся влага собиралась в центре комнаты. Только это позволило ему обойти кровь, которой было так много, что в тело лежало в по-прежнему скользком озере, достигающем, должно быть, глубины двух пальцев.

Ни в одном человеке не могло быть так много крови; большая её часть, очевидно, принадлежала исчезнувшим магам.

Не было ни окровавленных отпечатков когтей, ни ножей магов, ни признаков борьбы — и никаких нарисованных мелом рун. Не было запаха волшебства, этих странных горелых ароматов, к которым привыкали все драконы, работавшие с боевыми магами. Единственным запахом был запах крови... и внутренностей покойного.

Лорд-констебль Фарланд всё равно крепко стиснул меч и продолжил обшаривать взглядом комнату, возвращаясь обратно в коридор.

Случившееся с Аватнаром было скверно. Это было ещё хуже.

И он знал — знал так же хорошо, как то, что его звали Гелнуром Фарландом, и что разбираться со всем этим придётся ему — что проблемы даже близко не закончились.

— Тлуин, — прошептал он во мрак вокруг. — Дерьмо, храст и фарруков тлуин.

Ругательства ничем не могли помочь, так что из чувства протеста он повторил их несколько раз, как будто был маленьким мальчиком.

Иногда, когда мир вокруг рассыпается на части, ругательства — это всё, что ты можешь, пока не придумаешь чего-нибудь получше.

— Горы, — тихо произнесла Амарун, — намного *выше*, чем я себе представляла.

Арклет кивнул, но прежде чем он смог что-нибудь сказать, ближайший дракон ответил ей:

— Так говорят почти все, кого мы везём по этой дороге. Не будь те вершины такими высокими, они не стали бы стеной, ограждающей нас от Сембии.

— Но, разумеется, не от сембийского золота, — прошептал под нос Арклет, вынудив двух драконов податься в его сторону, пытаясь расслышать.

Большую часть дня они ехали верхом по дороге Орондстаров, извивавшейся вдоль западных краёв Громовых вершин.

Рун и Арклет были закованы в кандалы и находились под бдительным надзором

пурпурных драконов, которые ехали верхом тесной группой вокруг них. Тяжеловооружённым, облачённым в латные доспехи драконам, очевидно, приказали подслушивать всё, что говорят пленники.

Чтобы надёжнее обмануть всех в крепости-тюрьме, никто из их конвоиров не знал, что молодой лорд и неизвестная девушка в цепях на самом деле были тайными агентами Короны, а не настоящими заключёнными. Официально они оба «вызвали неудовольствие Короны», что было вежливым придворным вариантом для «помещены под арест, поскольку были пойманы за чем-то недостаточно скверным для казни или изгнания — или для заслуженной казни или изгнания не нашлось достаточно доказательств».

Их сопровождающим сообщили, что лорд Арклет Делькасл и простолюдинка Амарун Белая Волна замыслили измену Короне. Последняя, как узнали сопровождающие, а вскоре узнают и обитатели замка Ирлингстар, была одновременно агентом «чужеземных властей», действовавшим против королевства, и незаконорождённым потомком не менее четырёх благородных семей — и следовательно, ради безопасности Кормира, ей лучше было отправиться в заточение. Фамилии этих четырёх семей и происхождение «чужеземных сил» официально оставались «загадочными», и Рун предупредили, что лучше бы так всё и было.

Теперь она вспомнила это предупреждение, когда Арклет посмотрел на неё маскировавшим подбадривающую улыбку взглядом. Всё, что осталось от веселья — непослушная искорка в одном из его глаз. Встретив его взгляд, она пошире распахнула собственные глаза вместо того, чтобы сощуриться, хорошо зная о внимательности окружавших их пурпурных драконов. И вспомнив последний раз, когда он улыбался ей этой скрытой усмешкой...

Амарун не помнила, чтобы когда-то испытывала такое предвкушение.

Она ослепительно всем улыбалась. После того, как король и два боевых мага покинули трапезную комнату в особняке Делькасл, и леди Марантина невозмутимо стала подавать сахарные пирожные, которые она почему-то не пожелала предложить своим неожиданным королевским гостям. Рун едва не запела. Её сердце парило высоко в облаках.

Даже с тяжестью поясов с золотом в руках она едва могла поверить в произошедшее.

— Королю нужна моя служба — королю!

Когда леди Делькасл подала Рун блюдо с пирожными, её небольшая угрюмость сменилась улыбкой, весьма похожей на улыбку любящей бабушки.

— Не хочу быть плохой, дорогая, — вежливо сказала благородная дама, — но сейчас ряды верных Короне людей изрядно поредели. А когда корабль дал течь, сойдёт любое ведро.

— Форнрар? Дагнан? Оставьте эти колчаны здесь. Все, кроме заключённых, будут в тяжёлых доспехах, и я не хочу, чтобы вы впустую расходовали стрелы ужаса. Уж слишком этот яд *дорогой*.

— Слышали мы твои приказы, Брудшильд, — мрачно отозвался Дагнан. Он очень медленно снял колчан с плеча.

— Знаю. А ещё знаю вас, — ответил их вожак. — Снимайте.

Он смотрел на них до тех пор, пока тяжёлые колчаны — двадцать одна стрела с длинным оперением весит куда больше, чем большинство людей могли бы подумать — не оказались спрятаны, завернуты в плащи и засыпаны мёртвыми листьями устилавшими любой лес. Форнар огляделся кругом, запоминая здешние деревья, чтобы суметь потом

отыскать это место, затем без единого слова двинулся дальше, вверх по склону и через гребень холма, мимо груды булыжников, где они спрятали топоры.

Это тоже было сделано по приказу Брудшильда. Иначе слишком многие из парней перегибали палку с энтузиазмом и начинали замахиваться топорами на лошадей — а дракону, который любил своих жертв целыми и ради спортивного интереса способными на бегство, это не нравилось.

Брудшильд заботился о том, чтобы его Звери боялись великого чёрного вирма. Это напоминало разбойникам о том, как опасно проявлять неверность по отношению к их вожаку, знаменитому Брудшильду — единственному, кто подружился с Алогловенемаусом.

В конце концов, в последний раз, когда дракон ринулся вниз и проглотил троих Зверей, оказавшихся достаточно храбрыми, чтобы не согласиться с предводителем, некоторые из этих ребят ещё не входили в его шайку.

— Не забывай, — сказал Дагнану Брудшильд, когда они последовали за Форнраром. — Пленники нам нужны целыми, без торчащих из шкуры стрел. Делькаслы с нас самих шкуру спустят, если мы навредим их наследнику.

Дагнан хмыкнул с неохотным согласием, сплюнул на давно рухнувший ствол дерева, и спросил как бы в сторону:

— Значит, они об этом знают?

— Нет. И не узнают, пока оба пленника не окажутся в безопасности в Сембии. Выкуп всегда платят с большей охотой, если знают, что их любимые не в Кормире, и никакие призывы к Форилу не помогут организовать отчаянную попытку спасения.

Дагнан кивнул.

— Интересно, — медленно сказал он, — не считает ли король Форил нас... полезными.

Брудшильд рядом с ним довольно улыбнулся.

— А, — сказал он. — Ты начинаешь понимать.

Рун с трудом сдерживалась, чтобы не засмеяться в голос. На лицах всех пурпурных драконов застыло просто уморительное выражение.

— Дорога Орондстаров, — легкомысленно сказал ей Арклет, изображая из себя горделивого и изнеженного денди до кончиков ногтей, — изначально служила шахтёрским и сельским путём в последние дни правления короля Дуара Обарскира. Она отходит от Громового пути — прости за повторение в местной номенклатуре, но среди официальных лиц недостаток воображения в порядке вещей, и как только они наткнутся на какое-нибудь хотя бы наполовину величественное или достойное название, в нашем случае — «Громовой», они просто не могут не затаскать его до смерти — в Громовом камне, на мосту через Громовой ручей, оно прокладывает себе путь на север, держась как можно ближе к западным Громовым вершинам. Сами Орондстары — а для большинства местных просто Оронды — это скопление не столь больших гор, больше всего похожее на несколько подносов с острой, как у ножа, кромкой, вонзившихся в землю более-менее в том же порядке, в котором они лежали на столе. То есть Орондстары стоят почти параллельно друг к другу, и они куда тоньше и острее, чем обычные горы. Чем остальные Громовые вершины, к примеру.

— Ооооо, — ответила ему Рун, изображая впечатлённую пустоголовую юную девушку до кончиков ногтей. Если лица их конвоиров хоть в какой-то степени отражали правду,

драконы купились на её не особенно тонкую актёрскую игру ещё вчера.

Впереди дорога поднималась, редкий дикий лес укрывал горные склоны справа от них — Громовые вершины — а слева, на земле, которая, как видела Рун, дальше превращалась в несколько высоких и острых хребтов, нависал густой и тёмный лес. Извиваясь туда-сюда, как змея, дорога взбиралась дальше, скрываясь из виду за деревьями.

— А что касается Орондов... — радостно продолжал Арклет, будто не замечая, как несколько стражников закатили глаза. — До них осталось ещё чуточку, и мы направляемся к предпоследнему Оронду, дальше всех к северо-западу. Он называется Ирлингской горой, а Замок Ирлингстар — «стар» позаимствовано из архаичного местного диалекта, и означает «из» или «рядом с», или что-то в таком духе — стоит на западном отроге Ирлингской горы. Орондстары — тут, как ты заметила, снова встречается это «стар» — находятся прямо к северу от середины пути между Королевством воющей мглы и процветающим поселением Грозового Отрога. Я уверен, что у них в замке есть карты, с которыми мы сможем ознакомиться, но пока мы туда не прибыли...

Дракон, ехавший рядом с Арклетом, казалось вот-вот был готов взорваться. Он вцепился в булаву, которая судя по виду была вполне способна была выбить любые делькасловые мозги, оказавшиеся в пределах досягаемости, так что Рун быстро вмешалась.

— А что это за Королевство воющей мглы? Я не в первый раз о нём слышу, но никто никогда ничего не рассказывает! Звучит так, будто...

— Будто об этом не следует говорить на нам, ни вам, — угрюмо прервал её самый старший из драконов, таким твёрдым и резким голосом, что звучал почти как рык. — А сейчас прекратить разговоры, заключенные! Эта дорога не слишком безопасна — здесь рыщут разбойники, не забывайте, именно здесь совершают набеги Звери Бродшильда — а в окрестностях имеются драконьи логова. И если вам всё равно, то мы бы предпочли бы обойтись без отчаянных битв!

— Хо-хо! — восторжённо воскликнул Арклет. — Отчаянные битвы? Слышишь, Рун? Они собираются устроить для нас отчаянную битву! Я *годами* ждал, чтобы...

Прямо перед ними внезапно прогудело что-то — нет, множество предметов — так, что задрожал воздух. Эту вибрацию можно было не только услышать, но даже почувствовать.

Затем их настигла причина гула, и драконы начали шататься в сёдлах или вылетать из них, когда в них вонзались стрела за стрелой, разбиваясь в щепки о тяжёлые латы или пролетая мимо.

Арклет развернул свою лошадь перед Рун, пытаясь заслонить её, и в то же самое время ехавший рядом с девушкой дракон схватил поводья её лошади, чтобы попытаться оттащить коня на обочину. В результате вышла запутанная неразбериха из брыкающихся, застрявших лошадей, ржущих посреди летящих стрел.

— Град стрел! — восхищённо воскликнул Арклет. — Настоящий град стрел! Это часть обычной обороны замка, или вы пытаетесь продемонстрировать нам особое гостеприимство, организовав салют? Или...

Дракон рядом с ним наконец потерял терпение и замахнулся булавой, но Рун уже ударила коня Арклета по рёбрам, и тот рванулся вперёд как раз вовремя. Булава никуда не попала, и инерция этого удара заставила солдата вылететь из седла.

— Скачите! — взревел один из драконов позади них. — Скачите во весь опор! Вперёд! Воины короля прищпорили своих лошадей, низко прильнув к гривам. Рун поступила точно так же, Арклет попытался заслонить её, и их лошади помчались следом за

остальными.

Они стремительно преодолели поворот и оказались перед лесистым склоном небольшого холма, откуда летели стрелы. Их кони встали на дыбы и попятились.

Кто-то недавно повалил на дорогу полдюжины деревьев — больших сосен и тенистых дрв. Кроны этих лесных гигантов практически не пострадали, образовав преграду из сплетённых ветвей и листвы высотой с большой загородный дом и длиной с дворцовые конюшни в Сюзейле. Ни одна лошадь не могла бы преодолеть стену из рухнувших деревьев — разве что та, что умеет летать.

Ещё одна стрела свистнула из-за деревьев и выбила пурпурного дракона из седла, угодив в горло. Голова несчастного вывернулась под тошнотворным углом ещё до того, как он упал на дорогу.

Затем следующая стрела чиркнула по доспехам солдата Короны так, что взвизгнул металл.

— Назад! — закричал дракон. — Назад за поворот — и скачите быстрее!

В неразберихе ржущих и брыкающихся лошадей Амарун обхватила шею своего скакуна обеими руками просто чтобы удержаться верхом — её седло болезненно тряслось. Повсюду вокруг неё драконы пытались развернуть своих лошадей, достать мечи, опустить забрала или надеть шлем на голову — всё одновременно. Некоторые из них с этим справились. Она увидела, как других стрелы бьют прямо в незащищённую голову или в открытый спереди шлем — а затем повсюду оказались топчущие землю копыта и она соскальзывала, соскальзывала...

Сильная рука Арклета подхватила Рун и посадила её прямо, затем заставила пригнуться к спине её несущегося коня. Они быстрым галопом скакали назад. Впереди она видела выбегающих из леса мужчин, некоторые из них пересекали дорогу и тащили следом за собой верёвки, которые вскоре туго натянулись — тонкую преграду прямо перед лошадьми.

Вокруг горько и обрывисто ругались драконы: фраза «Фарруковы Звери Бродшильда!», похоже, пользовалась особой популярностью.

Нападающие — лесные жители, доспехи которых, судя по виду, были тут и там по частям украдены — уже оказались на дороге, бегали повсюду, многие парами несли срубленные деревья, чтобы преградить путь несущимся во весь опор лошадям. Кони кричали и вставали на дыбы, когда наездники падали из сёдел. Вокруг звенели и лязгали мечи. Собственный конь Рун встал на дыбы, и она выскочила из седла, когда девушке показалось, что скакун сейчас упадёт на спину. Мгновение спустя рядом с ней оказался Арклет, спрыгнув с собственной лошади и заслонив собой девушку, обмотав руки цепью.

— Сюда, — выдохнул он, мотнув головой, и Рун вместе с ним бросилась к деревьям. Почти сразу же где-то за спиной закричал дракон:

— Заключённые! Заключённые бегут!

Скалящиеся лесники — знаменитые разбойники, известные под именем Зверей Бродшильда, предположила Рун — тоже неслись к ним с мечами и кинжалами наголо. Они были повсюду, некоторые поджидали среди деревьев, к которым бежали лорд и его спутница... спасения не было, бежать было некуда...

Над ней нависло ухмыляющееся бородатое лицо, насмешливо воскликнув:

— Теперь ты моя, девочка!

К Амарун потянулись грязные руки...

Позади Зверей с грохотом и дымом взорвался воздух, и из него вылетели дюжины ярких,

трескучих молний. Один из разрядов ударил мужчину, потянувшегося к Рун, и тот без единого слова рухнул ничком.

Разбойники вокруг шатались, кричали — и падали. Молнии скакали и трещали, опутав дракона в доспехах, сражавшегося сразу с тремя Зверями — и он пошатнулся, сделал несколько болезненных, содрогающихся шагов, затем рухнул на землю, задымившись.

Потом, так же неожиданно, как появились, молнии исчезли, оставив за собой лишь дым на ветру.

Справа от Амарун вокруг бегущего разбойника неожиданно расцвело изумрудное пламя — и поглотило его.

— Магия! — взревел один из Зверей. — Парни, волшебники пришли!

Раздались нестройные радостные крики. Рун удивилась, когда увидела, что кричат пурпурные драконы и их враги.

— Бежим! — прошипел Арклет, потянув её за собой и бросаясь дальше.

Прямо перед ними мир вспыхнул изумрудным огнём.

ГЛАВА 11

НЕЗРИМЫЙ ВРАГ

— Бесстыдные... прелести... Сьюн! — выругался Арклет, бросившись назад в прыжке, в результате которого он закрыл собой Амарун, обхватив её и сжавшись в комок. Взрыв вместе отшвырнул их обоих покотившимся человеческим шаром, который пару раз болезненно ударился о землю, прежде чем остановиться, наткнувшись на погибшего разбойника, чьё облачённое в кожу тело было твёрдым, но... мягким.

Поморщившись от запаха смерти и крови, Рун откатилась от мертвеца, и с грохотом цепей выбралась из рук Арклета.

— У меня, — гневно выдохнула она, — хватает собственной силы и... ловкости, знаешь ли! Не нужно защищать меня, как какого-то ребёнка!

— Рун, — с уязвлённым видом отозвался задыхающийся наследник дома Делькасл, — ты ведь моя госпожа! Я *покаялся* тебя защищать! Это правильно! Это достойный поступок!

Их уши звенели от взрыва, над дорогой струились ленты дыма, тут и там с шипением загорались новые вспышки изумрудного огня, подбрасывая в воздух разбойников с охваченными огнём конечностями.

Из этого хаоса дыма, мёртвых и умирающих людей и напуганных, убегающих лошадей выбежал низкорослый, плотный бандит. Он всмотрелся в деревья, затем обернулся и проревел самым громким голосом, какой Рун когда-либо доводилось слышать, не считая усиленных магией объявлений герольдов:

— Ха! *Наконец-то!* Используйте стрелы ужаса! Стрелы ужаса, все!

Судя по ответным хриплым криком, это был приказ, что могло означать лишь одно — если это были Звери — а именно, что этот невысокий, коренастый и громкоголосый мужчина должен быть самим Броудшильдом.

Нахмурившись, Арклет сложил свои цепи в петлю, которой можно было задушить человека, и шагнул к нему. Разбойник повернулся, увидел Делькасла, улыбнулся юному лорду неприятной усмешкой и со скоростью грозового ветра помчался к деревьям.

У Рун отвисла челюсть. Боги, как же этот человек быстр!

Арклет бросился было следом за вожакom бандитов, но после нескольких шагов сдался, пожал плечами и повернул назад. Швырявшиеся заклинаниями люди стояли на дороге, продолжая поражать разбойников изумрудным огнём.

— Боевые маги, — опознал их Арклет. — Рун, *ложись!*

Амарун проигнорировала его. В конце концов, магический взрыв мог убить девушку, распластавшуюся на дороге, так же легко, как если бы она стояла во весь рост. Она смотрела, как маги с жезлами в руках продвигаются вперёд. На плечах и груди их кожаных жилетов она видела значки пурпурных драконов. Да, над бриджами были надеты жилеты с кожаными поясами и перевязями, с которых свисали ряды кошелёв и подсумков — и ни единой остроконечной шляпы или мантии. И всё же это без сомнения были маги; двое только что обернулись и заставили возникнуть на дороге стены из огня, испепеляя барьер из срубленных деревьев.

Другие рассредоточились среди драконов, внимательно осматриваясь по сторонам.

— Кто здесь главный? Кто старший офицер? — крикнул один из них суровым тоном человека, привыкшего отдавать приказы.

Прежде чем кто-либо смог ответить, из-за деревьев вылетела странная чёрная стрела и ударила его в бок.

Мгновение спустя он взорвался, обдав стоявших рядом товарищей-магов мерцающей зелёной жижей.

Судя по тому, что второй маг закричал, когда его плоть начала слезать с костей, это была кислота. Сделав два напрасных бегущих шага, он рухнул, и вопли резко оборвались. От рук, вскинутых слишком поздно, чтобы защитить лицо, остались голые кости, которые быстро отвалились, оставляя лишь торчащий из растворившихся до кости плеч череп. Рун посмотрела на небольшую кучку костей и липкой жижи — и её неожиданно и сильно вырвало прямо на дорогу.

В другого волшебника попала ещё одна стрела с тем же самым жутким результатом. И ещё одна.

Затем разбойники бросились из-за деревьев в атаку, сжимая в руках луки и выпуская на бегу новые чёрные стрелы. Когда Звери пробежали мимо Рун, она заметила прикрепленные к стрелам пузыри.

Разбойники не обращали никакого внимания на неё, на Арклета и даже на пурпурных драконов в доспехах, сосредоточившись вместо этого на магах Короны.

Которые внезапно дрогнули и бросились бежать обратно в лес, из которого появились. Разбойники бросились следом.

— Ни один не должен уйти! — услышали они крик Брудшильда. — Убить их всех!

Стены огня неожиданно передвинулись, пытаясь преградить путь нападавшим, но те просто обогнули и оставили их позади, исчезнув из виду за деревьями.

Арклет покачал головой.

— Я думал, что знаю королевство, — пробормотал он. — Но это... этого не может быть. Разбойники охотятся на боевых магов, как на птиц — или грызунов — в лесу!

— Ловите этих лошадей! — указывая пальцем, приказал один из пурпурных драконов другим. Затем он с мечом в руках подошёл к Арклету и Амарун. Это был лионар, который ранее отдал приказ «скакать во весь опор» после первого залпа разбойничьих стрел, а потом — отступить от барьера.

— Пленники! — рявкнул он. — Следуйте за мной.

Арклет многозначительно поднял свою цепную петлю, ни лионар с отвращением посмотрел на него и сказал:

— Не будьте дураком, лорд. Мы все будем рады поводу вас убить — защищаясь во время нападения нанятых вами разбойников, имейте в виду — и получить причину повернуть назад вместо того, чтобы ехать в Ирлингстар. В этих лесах рыщут опасные бандиты!

Арклет отпустил петлю и развёл руки.

— Так-то лучше, — сказал ему офицер с волосами песочного цвета. — Теперь забирайтесь в седло — мы поможем, если потребуется. Путь освободился.

От преграды не осталось ничего, кроме пепла и нескольких задержавшихся ключев дыма. Стены пламени по прежнему бушевали по одну сторону дороги, но места, чтобы провести лошадей мимо огня, по горячему пеплу и дальше, хватало.

Рун не отказалась от помощи Арклета, забираясь в седло, поскольку немногочисленные уцелевшие драконы обращались с ними скорее с поспешностью, чем с осторожностью, торопясь убратся с поля боя. Павшие — и солдаты, и разбойники, и оставшиеся без наездников лошади — были брошены без всяких колебаний.

— Нам нужно спешить, — коротко сказал им тот же самый офицер, похоже, командующий. — Избегайте ненужного шума.

Как только он повернулся к ним спиной и лошади отправились в путь, Рун пригнулась поближе к Арклету и спросила:

— Что это были за стрелы?

— Чёрное древко и прикрепленные пузыри с кислотой. Кислотой чёрного дракона, — мрачно ответил тот. — Я не знаю точно, как они действуют, взрываясь внутри тела. Как они вообще смогли достать столько драконьей кислоты, из чего делают пузыри, что их вмиг не разъедает — хотел бы я это знать!

— Тихо! — рявкнул ближайший дракон.

Арклет закатил глаза и удостоил окружающие Королевства своим молчанием. Рун так же безмолвно в задумчивости ехала рядом, немало потрясённая случившимся.

В погребке алхимика было тесно — и ужасно смердело. Гнили тираны смерти; тиранам смерти это свойственно. Сваленные друг на друга у одной из стен, со спутавшимися глазами стеблями, они по-прежнему занимали больше места, чем большинству людей показалось бы удобным.

Но Мэншун, в настоящее время занимающий тело Иммаэро Сронтера, определённо не принадлежал к большинству.

Он спокойно возлежал на останках созерцателя-нежити, из всей коллекции его рабов находившегося в самом худшем состоянии: полуразвалившаяся масса разлагающейся гнили, и задумчиво рассматривал одинокую мерцающую сферу, что парила перед ним в воздухе.

В её глубинах можно было разглядеть быстро движущуюся, но беззвучную сцену битвы на лесной дороге, где взрывались сгустки изумрудного пламени, гибли пурпурные драконы и повсюду свистели разбойничьи стрелы.

Рядом с ним, осторожно усевшись на стул и глядя на то же самое разворачивающееся представление, находилась женщина средних лет и неприметной внешности, которая была заметно напугана. Из-за смрада тиранов смерти в любой момент на неё могла напасть жестокая рвота. Пока что ужас брал над тошнотой верх.

Кроме самой съёжившейся женщины только Мэншун знал, кто она такая на самом деле — хотя очень многие царедворцы в ближайшем дворце узнали бы дрожавшего мужчину, которым она была до того, как заклинания Мэншуна изменили её. Мэншун заставил опозорившегося и подозреваемого в измене младшего сенешаля Корлета Фентабля сбежать из дворца. Теперь Фентабль находился с ним в погребке, готовый стать запасным телом — личностью, которую не знали в Сюзейле — если по какой-то причине Мэншуну потребуется покинуть Сронтера, а до тех пор служить «парой рук плюс аудиторией».

Мэншун не раз хихикал от увиденного в процессе продолжавшейся на далёкой дороге к Орондстарам битвы. Это не слишком-то помогало расслабиться сжавшемуся Фентаблю.

Когда всё было кончено и значительно поредевший конвой спешно отправился дальше по дороге, Мэншун взмахнул рукой, убирая сцену, встал и потянулся.

— Никаких следов Эльминстера, — сказал он Фентаблю, — а значит, я действительно его уничтожил! Действительно! Хмм... разве что это он послал тех боевых магов. Разбойники надеялись, что появятся маги Короны, были готовы к их появлению, и сейчас с жадностью охотятся на волшебников; их атака на конвой была всего лишь приманкой для магов. Так что же сделало незаконных головорезов достаточно храбрыми, чтобы в открытую

напасть — чтобы преследовать — боевых магов? Или что настолько сильно пугает их, что они предпочитают встретиться с боевыми заклинаниями, но не обернуться на того, кто их послал?

Где-то в другом месте — с лопочущими ротовиками вместо тиранов смерти — за той же битвой следили два наблюдателя. Видели они её и в глубинах прорицательной сферы Мэншуна, поскольку следили и за ним тоже.

В отличии от магии вампира, их заклинание передавало не только образ из погребца алхимика, но и все раздающиеся там звуки. Наблюдатель повыше ещё более двух тысяч лет тому назад овладел более сильной магией прорицания, чем та, которой управлял Мэншун, равно как и привычкой следить, чем занимаются некоторые конкретные персоны. Это была одна из причин, по которым он до сих пор мог хоть за чем-нибудь наблюдать.

— Сначала люди Брудшильда использовали обычные стрелы, поскольку не хотели тратить свои самые дорогие древки на пурпурных драконов в тяжёлых доспехах. Или не хотели убивать заключённых — добычу, которую разбойники ищут постоянно, — объяснил он своему товарищу.

— Добычу... ради выкупа?

— Именно. Они увозят пленников — кормирскую знать — в охотничьи домики в сембийской глуши и там отпускают их на свободу. После того, как богатые знатные родичи пленников заплатят значительную сумму выкупа.

— А отравленные стрелы?

— Эти они берегут для врагов, которых, как сами прекрасно знают, должны уничтожить под корень: боевых магов. Каждое нападение на конвой с заключёнными происходит не только ради похищения пленников, но и в надежде выманить магов Короны, чтобы Звери Брудшильда могли их убить.

— Прежде мне не приходилось видеть стрел, которые заставляли бы цель взрываться. Взрывы разбрызгивали кислоту, да, но это ведь не была... кислота чёрного дракона, не так ли?

— Была. «Стрелы ужаса» Брудшильда взрываются внутри тел, когда прикреплённые к ним пузыри с кислотой вступают в реакцию с определённой субстанцией, нанесённой на стрелу. Взрыв, разумеется, высвобождает растворяющую плоть кислоту. Они хотят, чтобы цель погибла ужасающей смертью — и обычно достигают в этом успеха.

— Откуда эти Звери достали кислоту чёрного дракона?

— Они работают с — или, скорее, на, хотя сами до конца пока этого не осознали — чёрным драконом по имени Алоргловенемаус, чьё логово расположено рядом с изолированным пограничным регионом, где они находятся.

— И «определённая субстанция», которую ты не назвал, вступающая в реакцию с пузырями — что ты о ней знаешь?

Высокий наблюдатель улыбнулся.

— Кто, по-твоему, дал её Брудшильду? Мэншун — далеко не единственная моя игрушка в Лесном Королевстве.

— Я... понимаю.

В этот миг далёкий Мэншун убрал сцену, за которой он наблюдал, и принялся рассуждать вслух. Оба наблюдателя слушали с интересом — а один из них ещё и с весельем.

«Так что сделало беззаконных головорезов достаточно храбрыми, чтобы в открытую

напасть — чтобы преследовать — боевых магов?» — спросил своего съёжившегося ассистента будущий император Кормира. «Или что настолько сильно пугает их, что они предпочитают встретиться с боевыми заклинаниями, но не обернуться на того, кто их послал?»

Двое наблюдателей обменялись улыбками. Затем высокий посмотрел на изображение Мэншуна и пробормотал:

— И в самом деле, что?

— Вы просто *сбежали* из битвы, бросив *погибать* своих раненых товарищей и пришедших вам на помощь боевых магов?

Арклет задал этот вопрос громко, чтобы услышали все столпившиеся вокруг драконы, с такими интонациями, как будто не мог поверить в случившееся. Они мчались как можно быстрее до тех пор, пока лошади не вымотались и не начали спотыкаться, и привал стал вынужденной необходимостью.

— У нас есть приказы, — отрезал старший офицер пурпурных драконов — песочноволосый лионар, который уже трижды отказывался называть своё имя. — И они не включают в себя участие в ожесточённых стычках с разбойниками на выгодной врагу территории. Нам поручили доставить вас двоих — без задержек — в замок Ирлингстар. Не сомневайтесь, что мы отыщем Зверей Бродшильда на обратном пути. Который будет проходить по этой дороге, раз уж другой здесь нет.

Он повернул голову и свирепо приказал:

— По сёдлам!

— Но сэр, лошади...

— К храсту лошадей! Если я достаточно отдохнул, значит, они тоже достаточно отдохнули!

— Ох, ну тогда, — радостно сказал Арклет, — я поеду верхом на вас. Поскольку мой бедный скакун всё ещё устал. Зато ваша несчастная лошадь тоже сможет отдохнуть!

— Лорд Делькасл, — ледяным тоном произнёс офицер, — я умоляю вас, заткнитесь. Закон против «подстрекательства» даёт мне все необходимые полномочия, чтобы вставить вам кляп, если я того пожелаю, чтобы никому из нас не пришлось услышать ещё одно ваше слово — а прямо сейчас я желаю этого очень сильно, и с каждой секундой желание лишь возрастает, уж поверьте!

— Спокойно, — прошептала Рун Арклету уголком рта. — Твоя шутка с изображением «раздражающего знатного идиота» зашла слишком далеко.

Арклет подмигнул ей «я прекрасно это знаю», и глубоко — и без единого слова — поклонился лионару. Офицер раздражённо вздохнул, повернулся на одном каблуке со шпорой и шагнул к своей лошади.

На сей раз Арклету осторожно помогали взобраться в седло не менее семерых драконов. Они обращались с ним осторожно и трепетно, одобрительно похлопывая по спине. Высказанная им лионару точка зрения, очевидно, пользовалась поддержкой.

Поездка была короткой. Они преодолели всего около дюжины кочек и изгибов, прежде чем достигли врат своего места назначения.

— Замок Ирлингстар, — без необходимости объявил лионар, когда дорога поднялась по уступу к стылым высящимся стенам небольшой крепости, которая, казалось, растёт из камня, а не просто на нём стоит. Ни рва, конечно же, ни полей, ограждённых или иных — и

ни единого другого здания, хутора или других следов человеческого присутствия. Лишь одинокая крепость на холодном ветру и бесчисленные вздымающиеся скалы. Дорога заканчивалась у ворот.

Без сигнала рогов загремела решётка, поднимаясь, чтобы впустить их... в сумрачный аванзал, который из-за расположенных вдоль одной стены открытых стоек сильно пропах лошаадьми. Их ожидало около дюжины драконов в полных доспехах.

Над аванзалом возвышались две галереи, и в обеих выстроились люди. Стражники со взведёнными арбалетами — казалось, им не терпится спустить курок — справа, и окружённые стражниками мрачные, хмурящиеся люди в достаточно грязной, но дорогой одежде в более крупной галерее слева; заключённые, собравшиеся взглянуть на новое пополнение своих рядов.

Судя по ухмылкам и шепоткам, от их внимания не укрылось, что Рун была не только женщиной, но и женщиной намного более молодой и привлекательной, чем старый сапог или заменяющее ночной горшок ведро. Когда она подняла взгляд, подмигнула и с кокетливым предвкушением улыбнулась им, шёпот стал куда более громким и обнадёженным.

— Флирт потом, — резко сказал глава собравшихся стражей крепости. — Сейчас следуйте за мной. Лионар, благодарю вас, что доставили этих заключённых в целостности и сохранности. В нижнем зале вас ожидает трапеза. Может быть, она не соответствует обычным стандартам, но вскоре вы узнаете, почему так. Заключённые, вы будете сопровождать меня к лорду-констеблю Ирлингстара.

— С большим удовольствием! — сердечно ответил Арклет, как будто его торопили на встречу с герцогиней, которую он крайне сильно желал соблазнить.

— Ну что вы, нам это только в радость, — насмешливо отозвался один из стражей крепости. Очевидно, предыдущие заключённые по прибытии вели себя таким же образом, как и Арклет.

Арклет уловил намёк и молчал на протяжении их короткого путешествия наверх по нескольким лестничным пролётам внутри бдительного кольца солдат, державших наготове кинжалы и булавы, и лишь однажды заметил: «Эти цепи тяжёлые, знаете ли!», и чуть позже: «Встретимся ли мы с сенешалем после лорда-констебля? Мой отец передал мне для сенешаля послание».

— Сенешаль, — мрачно сказал стражник сразу у него за спиной, — мёртв.

— О боги, — вмешалась Рун, прежде чем Арклет успел сказать что-либо ещё и навлечь на себя серьёзные неприятности. — Болезнь, несчастный случай или что-то более зловещее?

— Лорд-констебль расскажет вам всё, что нужно знать, — получила она твёрдый ответ, а затем ещё более твёрдый приказ. — Больше никаких разговоров!

И даже если бы Амарун захотела его нарушить, у неё просто не осталось времени, чтобы спросить что-то ещё и получить ответ. Они находились на последнем коротком отрезке погружённого в сумрак коридора, направляясь к закрытой двери. Немногочисленные факелы низко висели на стенах в почерневших держателях, их неровный свет был тусклым.

При их приближении дверь распахнулась, стражники отсалютовали, и мрачный на вид человек за столом окинул последних своих двух заключённых усталым взглядом.

Он сделал быстрый сигнал рукой, и Арклета с Рун усадили в кресла, оборудованные крюками, к которым можно было прикрепить их цепи, не позволяя заключённым встать. Затем все стражники, кроме двух, ушли, закрыв за собой дверь.

— Добро пожаловать, — поглаживая усы, сухо начал мужчина по другую сторону стола. — Я — лорд-констебль Гелнур Фарланд, а вы — лорд Арклет Делькасл, и, хм, добрая женщина Амарун Белая Волна.

— Так и есть, — с готовностью согласился Арклет, подмигивая.

Фарланд бросил на него холодный взгляд.

— Что-то попало вам в глаз, лорд?

— Ах, нет, нет, — ответил Арклет, понизив голос до заговорщицкого шёпота.

— У вас нервный тик?

— Нет, — Арклет снова подмигнул.

— Я кажусь вам привлекательным?

— Эм, так уж вышло, что нет.

— Тогда зачем вы мне подмигиваете?

Арклет помешкал.

— Это была попытка, хм, передать невербальный сигнал, сэр.

— Я так и подумал. Зачем?

— Чтобы связаться с вами.

— Но ваш язык, кажется, работает превосходно, ваш словарный запас вполне адекватен...

— Чужие уши не должны услышать то, что мне нужно сказать, а мы здесь не одни.

— Как и все в Ирлингстаре, когда не заперты в камерах на время сна. Лорд, это же тюрьма, а не клуб и не пансион для бездельников. Всё, что вы хотите мне сказать, может быть сказано перед этими двумя преданными пурпурными драконами, которые присутствуют здесь, чтобы засвидетельствовать всё происходящее между нами. И для очень тщательного обыска, который, боюсь, ожидает каждого из вас, прежде чем вы покинете эту комнату. Таковы давно установленные правила, и нарушить их могут лишь королевский маг и сам король.

Фарланд перегнулся через стол и добавил уже холоднее:

— Вы узнаете, что у нас есть множество правил, лорд Делькасл, и ни одно из них нельзя нарушать. Разве что вы сами желаете пострадать в попытке это сделать.

Арклет бросил взгляд на Рун. Та в ответ беспомощно пожала плечами. Лорд-констебль, наблюдавший за этим обменом, вежливо спросил:

— Вы что-то хотите сказать своему товарищу-заключённой, лорд Делькасл?

— Многое, — счастливо отозвался Арклет. — Она мой партнёр.

— По преступлению? Не беспокойтесь, вас будут держать по отдельности. Добрую женщину Амарун Белую Волну ради её собственной безопасности поместят вдали от других заключённых, поскольку в настоящее время она единственная женщина-гость в Ирлингстаре.

— О?

— Да. Леди Раэлит успешно уморила себя голодом около десяти дней назад.

— Простите, лорд-констебль, — твёрдо сказала Рун, — но отправляя нас сюда, король сказал, что в Ирлингстаре мы останемся вместе, Арклет и я.

Человек за столом недоверчиво посмотрел на неё, затем запрокинул голову и захохотал. Стражники, стоявшие за спиной заключённых, присоединились к нему.

ГЛАВА 12

ЛОРД-КОНСТЕБЛЬ ВЕДЁТ СЕБЯ НЕРАЗУМНО

— Лорд-констебль? — вежливо спросила Рун, когда хохот утих. — Что здесь смешного? Фарланд посмотрел на неё почти с нежностью. Ухмыляясь от уха до уха, он спросил девушку:

— Вы ожидаете, что я вам поверю?

— У меня нет никаких ожиданий в отношении вас, сэра, — спокойно отозвалась она, — но всё же я говорю правду. Спросите лорда Делькасла.

Это вызвало новый приступ хохота. Прекратив смеяться, Фарланд поинтересовался:

— Вы в самом деле ожидаете, что я доверюсь слову заключённого?

— Почему нет? Он ведь лорд этого королевства.

— Как и каждый здешний узник за вычетом вас, добрая женщина. Но по каким-то причинам я так и не обзавёлся привычкой доверять кому-либо из них.

Рун вздохнула и посмотрела на Арклета.

— Что, по-твоему, король сделает с этим человеком, узнав, что он отказался с нами сотрудничать?

— Передаст его Вангердагасту, — ответил Арклет. — Или Глатре.

Выражение лица Фарланда изменилось.

— Глатре? — рявкнул он.

— Боевой волшебнице Глатре Баркантл. Вы с ней знакомы?

Рука Фарланда потянулась к его горлу, затем упала.

— Оставьте нас, — резко приказал он двум стражникам.

— Но господин...

— Они оба в цепях, — раздражённо сказал Фарланд. — Если услышите, как ломается мебель, броситесь обратно внутрь. А пока отойдите подальше от двери и *не пытайтесь* подслушать.

Он с каменным лицом дождался, пока выйдут стражники, закрыл за ними дверь, после чего сказал:

— Вангердагаст давно мёртв — или превратился в дракона, если вы верите легендам. Так что это, насколько я знаю, всего лишь лживая угроза. Но откуда вам известно о моей связи с Г... леди Глатрой?

— Нам неизвестно, — заверил его Арклет. — Но нас послали сюда после беседы с королём Форилом, королевским магом Ганрахастом и леди Глатрой.

— О? Только вы пятером?

— Нет. Моя мать — леди Марантина Делькасл — также присутствовала.

— Чтобы молить о королевском снисхождении?

Арклет вздохнул.

— Вы, кажется, не до конца понимаете, лорд-констебль. Рун и я просто притворяемся заключёнными. Мы здесь в качестве агентов Короны с приказом как можно быстрее доложить самому королю.

Фарланд откинулся назад, усмехаясь.

— Ну разумеется.

— Ваше недоверие очевидно, — вежливо сказал Арклет, — но нам сообщили кодовые

фразы, чтобы подтвердить это заявление. Мне сказали, что мой отец передал послание для сенешаля.

— А мне сказали сообщить, что Глатра помнит, — добавила Рун.

Это имя снова вызвало искру гнева в глазах Фарланда.

— Я ничего не знаю про эти фразы, — коротко ответил он. — Возможно, знал сенешаль Аватнар, но он мёртв — убит. Так что, насколько я могу судить, вы заключённые, и к вам отнесутся соответственно.

Прежде чем Арклет или Амарун смогли возразить, он повысил голос.

— Стража!

Дверь распахнулась, и внутрь поспешили два стражника с мечами в руках.

— Уведите их, — мрачно сказал им лорд-констебль. — Они лжецы, а не кровожадные констеблеубийцы. Отведите их в назначенные им камеры.

Арклет нахмурился.

— Значит, вы даже не пойдёте на разумный шаг, отправив послание королевскому магу, королю Форилу или леди Глатре, чтобы проверить наши заявления?

— Нет, — прямо ответил Фарланд, когда стражники начали отцеплять оковы заключённых от кресел. — Как и не стану сидеть здесь, рассказывая вам любые секреты.

— Лорд-констебль, — грозно сказал Арклет. — Это совсем неразумно.

Человек за столом усмехнулся.

— Вы хоть представляете, сколько моих заключённых — все до единого благородные и могущественные лорды — заявляют, что их послал сюда Ганрахаст, Вэйнренс или сам король в качестве тайных инспекторов, чтобы узнать, как здесь обстоят дела? Почти все, вот сколько! Должен признать, вы хотя бы действовали тоньше остальных, которые обычно требуют передать им командование крепостью сразу же, как только назовут себя! Я...

Где-то внизу с грохотом распахнулась дверь, и властный голос начал отдавать гневные приказы, которые невозможно было разобрать из-за отдалённости кабинета лорда-констебля. Другие голоса резко возразили, и властный голос заговорил снова, уже злее. Вверх по лестнице застучали приближающиеся шаги.

— Что ещё? — рявкнул лорд-констебль Фарланд. — Следующие заключённые должны прибыть лишь в конце месяца! Кто...

— Простите, что прерываю, милорд, — выдохнул ввалившийся в комнату стражник, — но у ворот трое людей, которые не подчиняются нашим приказам. Говорят, они боевые маги, присланные из Иммерфорда, хотя как по-мне они скорее похожи на странствующих лудильщиков, а их предводитель просто высокомерно заявил нам, что теперь он командует замком, тюремщиками, заключёнными и всем остальным — и заморозил Имгруса, будто в статую превратил, за то, что тот наставил на него оружие! Воспользовался для этого жезлом! Я...

С нечленораздельным рыком Фарланд вскочил на ноги и стремительно выбрался из-за стола.

Он не успел достичь двери, как холодный голос из коридора произнёс:

— Вот вы где! В следующий раз, когда я отдам вам приказ, сэры, вы подчинитесь или превратитесь в лягушку! Бегство — не та реакция, которую я ожидаю от...

— И кто же, именем Дракона, Что Правит Всеми Нами, ты такой? — рёв Фарланда был достаточно громким, чтобы в ушах зазвенело, но обладатель холодного голоса остался невозмутим.

— Ещё один неотёсанный солдафон! Отдай честь и *замолкни!* Здесья отдаю приказы!

— Ну и ну! — сказал Амарун Арклет. — Это лучше любой пьесы!

— Заткнись! — в унисон закричали на Арклета Фарланд и новоприбывший, после чего вернулись к, судя по всему, более приятному занятию — сверлению друг друга взглядами нос к носу.

— Я лорд-констебль Ирлингстара, — прорычал Фарланд, — и именем короля...

— Именем короля ты будешь подчиняться мне, — ледяным тоном заявил новоприбывший. — Поскольку я — боевой маг Ностин Вандур, предводитель *элитной* группы боевых магов, посланной сюда Короной для расследования убийства сенешаля Ирлингстара Мартина Аватнара. Соответственно, теперь замком и всеми его обитателями командую я.

Он ткнул пальцем в грудь Фарланду.

— Ты один из подозреваемых, и следовательно не можешь продолжать отдавать приказы до тех пор, пока не кончится моё расследование. Я...

— Пока я не получу приказ от самого короля, освобождающий меня от должности, — фыркнул Фарланд, — здесь, в Ирлингстаре, командую я. Ты можешь быть просто безумным глупцом — или преступником, или каким-то шарлатаном-магом из Сембии, нанятым любым из заключённых — выдающим себя за боевого мага. Продолжай в том же духе, и я быстро закую тебя в цепи и брошу в камеру, где ты сможешь отдавать приказы стенам, пока в лёгких не кончится воздух!

— Осторожно, — произнёс Арклет. — Если он сильный мог, то вполне может отдавать стенам приказы. Спросите, знает ли он Глатру.

Фарланд бросил убийственный взгляд на своего последнего заключённого-мужчину, затем повернулся к Вандуру — лишь затем, чтобы обнаружить, что боевой маг, или человек, выдающий себя за боевого мага, обошёл его и уселся за собственный стол Фарланда.

Лорд-констебль достал свой меч.

Ностин Вандур с презрением посмотрел на него.

— Сдай это, — приказал он. — Немедленно.

Он указал на блестящую поверхность стола, и когда Фарланд не пошевелился, чтобы сдать свой клинок, красноречивым жестом постучал по ней.

— Положи его, — зарычал Вандур, как будто выговаривая непослушному щенку.

— Нет, — огрызнулся Фарланд. — Вставай из-за стола, иначе я тебя оттуда *вырежу*.

Вандур проигнорировал его, крикнув в коридор:

— Гулканун! Лонклоус! Сюда!

Фарланд хлестнул своим мечом. Клинок пронёсся прямо сквозь мужчину за столом, как будто того там не было.

— Я, конечно же, защищён железной стражей, — издевательски сказал Вандур. — Попытка убить боевого мага, который находится при исполнении, карается смертью, но я закрою на это глаза, если ты извинишься — здесь и сейчас, на коленях — сдашь своё оружие, и прекратишь сопротивляться...

— Карается смертью по решению законного придворного суда, — зарычал Фарланд, пронзив Вандура клинком и оставив меч на месте, потянувшись к горлу противника свободной рукой, — которого в пределах одного дня езды и близко здесь нет. И только в том случае, если ты *действительно* боевой маг.

Его рука легко справилась с попытками Вандура отбить её в сторону и сомкнулась на

горле захватчика.

— И даже если это так, я полностью отказываюсь признавать твою власть — и не перестану, пока меня не убедит в обратном кто-то, чью власть я признаю. Ни один настоящий боевой маг не может быть таким... таким...

Вандур что-то сделал с кольцом у себя на пальце, вынудив Фарланда с проклятием отшатнуться. Между содрогающимися пальцами констебля заплясали толстые синие искры. Фарланд выронил меч, со звоном отскочивший от стола на пол.

— Бесцеремонным? — услужливо подсказал он. — Надменным?

— Да, Дракон тебя побери! — выкрикнул Фарланд, стиснув ладони. Его лицо исказилось от боли. — Ни один настоящий боевой маг не будет так себя вести!

— Он никогда не встречался с Вангердагастом, — весело сказал Арклет Амарун. — И, очевидно, плохо помнит Глатру.

Фарланд повернулся к нему.

— Вы, лорд, заткнётесь прямо сейчас, иначе...

Слова его подвели, зато поднялись кулаки. Прежде чем Арклет успел неодобрительно покачать поднятым пальцем и сказать «ну-ну», Вандур рявкнул:

— Не смей никого трогать, недисциплинированный солдат! Иначе я подвергну тебя взысканию прямо здесь и сейчас!

Он поднял руку из-под края стола. В руке был жезл.

— Ты выслушаешь меня, лорд-констебль, — твёрдо заявил он, нацелив жезл Фарланду прямо в нос, — или я обездвижу тебя до тех пор, пока не закончу говорить, и заставлю выслушать таким образом! Как старший боевой маг я превосхожу по званию любого пурпурного дракона и почти всех офицеров Короны за исключением горстки самых высокопоставленных царедворцев королевства! Я заставлю тебя подчиниться, и этим замком командую я!

В это мгновение в комнату, тяжело дыша, ввалились двое мужчин, одетых как Вандур, но нагруженных различными раздутыми мешками, кошельками и сумками.

— Извините, — сказал один из них человеку за столом. — У нас были небольшие проблемы со стражниками...

— Потом, — оборвал Вандур. — Их справедливое наказание может подождать. Прямо сейчас необходимо начать наше расследование. Эта комната, по всей видимости, расположена в северной башне, так что ты, Гулканун, быстро отправляйся в южную башню и объяви всему расквартированному там гарнизону о переходе командования к нам. Лонклоус, ты должен как можно быстрее найти и обезопасить все входы и выходы в замок.

Двое мужчин кивнули, резко развернулись и выбежали из комнаты.

Вандур поднялся из-за стола, сунул жезл обратно за пояс и многозначительно поднял руку в сторону Фарланда, повернув одно из нескольких колец на ней. Кольцо засияло, пробуждаясь к жизни.

— Ты, — приказал он, — останешься здесь до моего возвращения. Я ненадолго. Можешь продолжать допрос этих заключённых.

Он вышел, закрыв за собой дверь. Мгновение спустя дверь замерцала по краям кратким пульсирующим сиянием синего, белого и фиолетового цвета, которое угасло так же быстро, как и возникло.

— Волшебный замок, — пробормотал Арклет. — Я видел их много раз.

Фарланд свирепым жестом приказал ему замолчать, направляясь к двери. Однако он не

стал в неё ломиться. Он остановился прямо перед дверью и начал прислушиваться. Арклет и Рун обеспечили ему тишину, которой хотел лорд-констебль.

И поэтому смогли ясно услышать, как по другую сторону двери Вандур отдаёт приказ, затем повторяет его властным и резким тоном... а затем начинает кричать.

— Запечатай меня в моём собственном кабинете, — прошипел с мрачным удовлетворением Фарланд, — и посмотрим, что с тобой случится, сэр Высокомерие.

Крики продолжались и продолжались, набирая громкость.

— Стражники не подчиняются ему? — спросила Рун. — Даже когда он махает этим жезлом?

— У них есть строгие действующие приказы с целью избежать успешного подкупа заключёнными, — объяснил Арклет. — Служащие здесь драконы подчиняются только известным им старшим офицерам, лорду-констеблю и тем, на кого он сам им укажет.

Фарланд повернул голову, чтобы услышать, что шепчет юный лорд. Когда Арклет закончил, он кивнул в безмолвном жесте подтверждения.

Крики удалялись, слов было уже не разобрать. Боевой маг, очевидно, направился дальше, продолжая кричать через плечо на стражников, посты которых миновал. Затем крики оборвались, когда далёкий Вандур сказал что-то изумлённое и недоверчивое.

Затем он закричал, долгим и испуганным криком, который стал хриплым и пронзительным — а потом резко оборвался.

— Оставайтесь здесь, — коротко приказал Фарланд Арклету и Амарун, бросившись к двери. Та, конечно же, отказалась открываться, вспыхнув ярким светом, когда констебль попытался открыть её силой.

Лорд-констебль поборолся с ней, на его шее и запястьях проступили тугие мышцы, затем, изрыгая хриплые проклятия, он отскочил от двери и бросился в другой конец комнаты.

Он торопливо открыл потайную дверь в углу за своим столом и исчез.

Арклет повернулся к Амарун и прошептал:

— Сейчас.

Девушка покорно наклонила голову, чтобы он мог запустить руку в её волосы, найти крошечную цепочку у левого уха, снять висящую там отмычку и освободить их обоих от оков.

Клац, звяк, клак, десять раз подряд, и кандалы упали.

Арклет посмотрел на Рун, чтобы проверить, готова ли она вставать — и обнаружил, что девушка уже обошла его и огибает стол, чтобы добраться к тайной двери констебля.

Проход, в котором они оказались, был узким и ветвящимся, очевидно проходившим через толстые каменные стены, но Рун продолжала поворачивать направо, к тупику, где, конечно же, был крупный запор, который можно было легко нащупать, открывший проход и выпустивший их в длинный широкий коридор.

На посту стоял напряжённый стражник, вглядываясь в дальний конец коридора, в противоположную от них сторону. Очевидно, смотрел туда, где только что исчез лорд-констебль.

— Мы должны догнать Фарланда, — радостно сказал стражнику Арклет. Голова дракона резко повернулась, его алебарда поднялась. Рун уже нырнула под неё и бежала дальше.

— Приказ лорда-констебля!

Дракон мгновение смотрел на него, затем кивнул и убрал алебарду. Наследник дома Делькасл опустил голову и изо всех сил бросился бегом, чтобы догнать свою госпожу и больше от неё не отставать.

Коридор был длиннее, чем казался, факелов было мало и горели они тускло, многочисленные двери камер были более-менее одинаковыми и номера на них отсутствовали. Арклет и Амарун преодолели половину коридора, прежде чем увидели Фарланда, мрачно глядевшего на что-то, чего они не видели.

Прежде чем они достигли Фарланда, на пути встретился перекрёсток, потом ещё один. Лорд-констебль обернулся, чтобы посмотреть, как они преодолевают последний оставшийся отрезок пути. В его руках был меч, но он не стал поднимать оружие им навстречу.

Лорд-констебль стоял в конце коридора. Прямо перед открытыми воротами из крепких металлических прутьев толщиной с запястье Арклета, у которых он стоял, с каждой стороны прохода поднималось по лестнице. За воротами проход оканчивался крутыми каменными ступенями, опускающимися во тьму. В воздухе висел сырой запах гниения.

— Как вы освободились? — буркнул Фарланд, когда они подбежали к нему. Он задыхался, наверное, из-за того, что пришлось спускаться по длинной лестнице, а затем снова подниматься по ней.

— Вам следует верить *некоторым* заявлениям, — спокойно ответил Арклет. — Вы нашли нашу душу компании, внезапно умолкнувшего боевого мага?

Фарланд указал вниз на центральную лестницу. Ступени были из простого камня, беспощадно твёрдыми и очень крутыми. На некоторых блестела свежая кровь.

Это был длинный, длинный спуск, и всё, что они могли различить — только скрючившуюся фигуру далеко внизу.

— Столкнули, — мрачно предположила Рун. — Кто-то, кого он не ожидал увидеть.

Фарланд кивнул с угрюмым видом.

— Он мёртв. Ещё одно убийство. Но кто совершил это убийство: тот, кто ждал его прибытия, или тот, с кем волшебник просто повёл себя слишком грубо?

Его верхняя губа изогнулась в безрадостной улыбке.

— Тогда это может быть кто угодно из наших благородных гостей.

— У кого-то из ваших благородных гостей есть ключ к этим воротам? — спросил Арклет.

Фарланд молча покачал головой.

— Они почти всегда закрыты и заперты, не так ли?

Продолжая молчать, лорд-констебль перестал качать головой и начал кивать.

И в этот момент они услышали приближавшееся торопливое лёгкое дыхание с одной из боковых лестниц. Меч Фарланда поднялся, и констебль шагнул к основанию лестницы. Человек был один и быстро спускался. Это оказался один из двух младших боевых магов, плащ которого был обёрнут вокруг него, как будто у хорошо одетой матроны, бегущей под ливнем. Он резко остановился, когда увидел, что лорд-констебль преграждает ему путь.

После того, как долгое мгновение они в молчании смотрели друг на друга, маг Короны торопливо сказал:

— Я должен доложить сэру Вандуру.

Фарланд отошёл на два шага и мрачно указал вниз по главной лестнице.

Боевой маг бросил на него встревоженный взгляд, затем подошёл к началу лестницы, оглядываясь на тот случай, если лорд-констебль бросится к нему, чтобы толкнуть, и

осторожно посмотрел вниз.

Затем он отступил, изумлённо моргая.

Ни восклицания. Ни молитвы. Ничего.

— Итак, где вы были, — громко и неожиданно рявкнул Фарланд, — когда вышестоящего офицера столкнули вниз по убийственной лестнице?

Лицо мага Короны оставалось спокойным, а его ответ был быстрым.

— Проверял входы и выходы, как он мне приказал. Я бросился сюда, чтобы доложить о том, что дверь на кухню — которая выходит на помойку — стоит открытая и без охраны. На кухнях никого нет.

Фарланд взорвался потоком горячих проклятий.

В пылу этого потока он не упустил из виду, что под плащом волшебника что-то меняет форму — должно быть, рука мага, предположил он. Констебль яростно откинул край плаща своим мечом. Руки, всегда целься магу в руки, разве что у тебя лук и ты можешь вогнать стрелу ему в рот или в шею...

— Что, захотел на мне магию использовать? — проревел Фарланд, занося меч для удара, который должен был разрубить ладонь, пальцы и любую зловредную магию, которую они сплетали.

Он собирался продолжить изрыгать ещё более горячие любезности, но с испуганным вздохом замолчал.

Обнажившаяся рука мага оказалась серым и чешуйчатым шаром с щупальцами, извивающимися, червеподобными отростками, которые сворачивались и разворачивались во все стороны.

Боевой маг отскочил от рубящей стали Фарланда — но прежде все увидели, как щупальца начинают меняться. Взрываясь и расцветая слизисто-коричневыми наростами в форме грибов...

Со стоном отвращения Фарланд сорвал с пояса булаву, чтобы попытаться раздавить это чудовище.

Из ниоткуда вспыхнуло заклинание и выбило оружие из его онемевших пальцев.

ГЛАВА 13

ПРЕДАТЕЛИ СРЕДИ НАС

У основания противоположной лестницы стоял последний из трёх новоприбывших боевых магов. С его протянутых рук поднимались мерцающие огни заклинания, угасая один за другим.

— Даже лордов-констеблей, — сказал он Фарланду, — ожидает наказание за убийство боевых магов. Имбрульт не угрожал вам. Увиденное вами — проклятие, с которым он живёт каждый день, а не попытка каким-то образом на вас напасть.

Лорд-констебль посмотрел на него долгим оценивающим взглядом, затем повернулся, чтобы получше разглядеть мага с щупальцами — или тем, во что они превратились.

— Магическое проклятие, — тихо объяснил боевой маг Имбрульт Лонклоус, поднимая свою левую руку. Сейчас она выглядела, как выкопанный в саду изломанный корень... огрызок, на котором быстро отрастали длинные, колючие волосы. — Затронуло только мою левую руку. Она постоянно меняется. Принимает различные чешуйчатые, грибные, щупальцевидные формы. Даже несколько лет спустя иногда эти формы меня поражают.

— Боевой маг, страдающий от магического проклятия? Никогда о подобном не слышал! Почему Ганрахаст или один из старших магов не избавил тебя от него?

— Проклятье сдерживает куда худшую магию, — терпеливо объяснил Лонклоус; очевидно, ему много раз приходилось повторять это объяснение. — Активные заклинания, о которых мы слишком мало знаем, чтобы осмелиться их потревожить. Если их высвободить, пострадает куда больше людей, чем единственный маг Короны.

Фарланд снова перевёл взгляд с одного волшебника на другого, затем отрывисто сказал:

— Приношу свои извинения, господи маги. У нас с вами и так хватает проблем.

Он махнул вниз по лестнице.

— Это последняя и самая насущная. Итак?

Маг, который выбил булаву у лорда-констебля — высокий, плосколицый мужчина — присоединился к Фарланду у начала лестницы.

— Здравствуйте, — с сухой иронией сказал он, кивнув лорду-констеблю, как равному. — Дат Гулканун, — добавил он, стукнув себя в грудь. Затем бросил взгляд вниз. Его лицо приобрело такое же равнодушное выражение, что и у Имбрульта. Они оба не любили своего командира. — Вандур. Столкнули, я полагаю?

Фарланд кивнул.

Гулканун пожал плечами.

— Я благодарю того, кто это сделал, за ценную службу, сослуженную им Кормиру и нам обоим, *после* того, как мы поймаем его и выпытаем причину этого поступка. Кто-нибудь видел, как это произошло?

Он пристально уставился на Арклета с Амарун.

Оба покачали головами, ничего не сказав вслух. Судя по всему, так было безопаснее.

— Сам убийца, очевидно, — сухо произнёс Лонклоус, с порождённой долгой практикой сноровкой оборачивая свой плащ вокруг продолжавшей меняться руки.

— *Никогда* бы об этом не подумал. Я *знал*, что поступаю правильно, послав за *гениальными* боевыми магами, когда всё пошло наперекосяк, — саркастично заметил Фарланд.

— Лорд-констебль, — успокаивающе произнёс Арклет. — у вас не найдётся выпить чего-нибудь покрепче в кабинете или в другом месте, где можно было бы усесться всем вместе в относительном уединении?

— Вдали от прочих моих благородных гостей, вы имеете в виду? — спросил Фарланд с натянутой улыбкой, закрывая ворота и со звоном ключей запирая их на замок. Он повернулся обратно в направлении далёкого кабинета. — Пойдёмте.

Они зашагали рядом с ним, Лонклоус пошёл сзади, а Гулканун спереди — без всякого сигнала или обсуждения. Амарун спросила:

— Лорд-констебль, а где же все... ээм, «гости»? Я думала, что они все соберутся здесь поглазеть и позлорадствовать.

— Согласно уставу, — сказал ей высокий волшебник, — мы пустили змей страха по коридорам, когда отравились выполнять отданные Вандуром приказы.

— Змей страха?

— Заклинания, которые уходят с места, где их сотворили, как можно дальше, пока не встретят большую и не поддающуюся преграду — стену или дверь. Они излучают магию, которая заставляет бояться и дурно себя чувствовать любое существо, способное слышать и чувствовать запахи. Это вынудило лордов покинуть коридоры и вернуться в свои камеры. Змеи страха быстро угасают; их действие вскоре закончится.

— Значит, заклинание не подействовало на убийцу?

— Скорее всего, он носил значок пурпурного дракона или кольцо Короны, какое носят большинство боевых магов, — ответил Гулканун, — или просто преодолел магию. Такое возможно.

— Тогда есть вероятность, что мы ищем предателя среди нас, — тихо сказал Арклет. — Среди стражников, я имею в виду.

— Мы всегда ищем среди нас предателей, — мрачно ответил ему Фарланд. — Изо дня в день. Иногда даже находим.

Эльминстер опустила обратно на камни. Её глаза и горло жгло огнём от едкой вони копившегося на протяжении многих лет драконьего дерьма.

Боковых пещер не было. Все проходы сужались до узких расщелин и трещин в твёрдой скале, и не было ни одной, которая шла бы в верном направлении, позволяя достичь поверхности минуя пещеру вирма. Она, конечно, могла оставить своё дровское тело и легко просочиться на поверхность в виде облачка пыли. Но нет. Она сражалась в этом теле, наслаждалась его ловкостью и отсутствием постоянных болячек, и не хотела оставлять его так быстро. Она полюбила это тело. Не хотела она и жестоко поступать с Симрустар, бросая умирать в одиночестве её искалеченное эхо, пойманное в ловушку тела, которым умирающая Избранная не могла управлять.

И дракон не спал.

Того хуже, этот вирм был ей знаком. А следовательно, он тоже знал её, пускай даже как мужчину с другим запахом, и эти воспоминания — а память большинства драконов была очень отчётливой, когда они того хотели — заставят его страстно желать мести.

Однажды, около семи веков тому назад, Алоргловенамаус...

Но нет, сейчас давно минувшие дни и дела тех дней значения не имели. Дракон не спал, и в его глазах мерцала злоба, когда в ожидании нарушителя взгляд чудовища упал на тёмную дыру.

Он знал, что за этой дырой неподалёку скрывается кто-то живой, и свернулся на своих великих сокровищах, устроившись на звенящих и осыпающихся волнами монетах в новой позе, чтобы опустить голову в сторону провала, в котором он чуял и слышал незванного гостя.

Движение продолжалось даже после того, как он дважды изрыгнул туда потоки губительной кислоты, хоть и с большой скрытностью и терпением.

Там внизу что-то было, что-то, желавшее взобраться наверх. И когда оно покажется наружу, Алогрловенемаус будет ждать, поскольку нет никого терпеливее дракона.

Эл могла бы начаровать следящее око, чтобы взглянуть на вирма, возможно даже заставив его снова исторгнуть кислоту — но в результате дракон узнал бы, с чем имеет дело, а некоторые драконы овладели или собрали достаточно магии, чтобы причинить волшебнику значительный вред. Более того, ей не требовалось видеть, как дракон занимает новую выжидающую позицию, чтобы знать, что он делает; она слышала немало драконов, даже сама превращалась в прошлом в дракона, и знала, что вирм наготове и ждёт её.

Нет, была магия получше. Существовал способ, которым дракона можно было раздражить так же легко, как поглощённого золотой лихорадкой дварфа. Нацелься на его сокровища, тронь богатства, которые дракон считает своими — и вирму придётся изо всех сил постараться, чтобы воспротивиться пробудившейся в нём ярости.

Алогрловенемаусу придётся постараться ещё сильнее, чем прочим, поскольку он начал погружаться в осёдлую, домоседскую жизнь дракона, который больше не вселял ужас и уважение, силой освобождая себе место в жизни той части Королевств, которую выбрал своими владениями. Он заключал сделки с людьми и прочими меньшими существами, чтобы те служили ему руками, зубами и представителями его влияния, а сам лежал, размышлял и спал. Алогрловенемаус почувствует большую угрозу, чем молодой дракон, но всё-таки будет злее и охотнее рваться в битву, чем вирм, чья древность сменяется сумерками.

Эл перекатилась, посмотрела в сторону незримого каменного свода над головой, прикусила губу, извлекая каплю крови, необходимую, чтобы наделить магию достаточной силой, широко раскинула руки и начала читать заклинание.

Она работала медленно и осторожно, стремясь к спокойной точности и тишине вместо быстрых, смелых жестов, которые сопровождали боевую инкантиацию.

У того, кто достаточно хорошо знал Искусство, работали оба варианта. А она, с Плетением или без, свою магию знала.

Это было очень старое заклинание, могущественное, но по сути своей простое. Некоторые нетерезские маги называли его «Пробуждением», когда не начинали давать излишне витиеватые имена, пытаясь присвоить себе магию древнее их собственной. Пробуждение с большой буквы, сильнее и не столь ограниченное, как другое подобное волшебство. В эти дни, когда волшебники превратились в ходячие хранилища незначительной магии, носимой на пальцах рук, ног, на мочках ушей и во всех прочих местах, его использовали редко. Использование Пробуждения активировало бы весь этот зачарованный мусор.

Они получили его от нас, эти выскочки-архимаги, раздражённо сказала Симрустар.

«Разве не все человеческие архимаги — выскочки?» — подумала Эл.

Ответ сопровождался ноткой веселья.

Эти конкретные выскочки-архимаги.

Эльминстер послала своей ментальной гостье безмолвную улыбку. Она уже сняла с себя

все скипетры и другие волшебные вещи, и оставила их в нише в пещере под той, где сейчас находилась. Она знала, какое заклинание ей потребуется, и знала, какое необходимо будет использовать следующим.

— Вставай, Алогловенемаус, — прошептала она, когда первая инкантация завершилась. — Пора танцевать!

Затем она перекатилась и бросилась к стене рядом с выходом. Когда взрывы заставляют камень *по-настоящему* дрожать, в любой пещере сверху кинжалами могут посыпаться сталактиты,

Как по команде, в драконьем логове разразились Девять Адов.

Всё началось с оглушительного грохота и дикого залпа трескучих рикошетищих молний, которые ослепили её и хлынули вниз по опускавшейся в Подземье шахте расплавленного, сглаженного камня. Молнии скакали, грохотали и рвали на своём пути воздух. Затем вспыхнули крупные сгустки изумрудного и рубинового сияния, гоняясь за молниями, и камни принялись стонать и содрогаться, раскалываясь и рассыпая отколовшиеся куски с пронзительным скрежетом, терявшемся в нарастающем громком шуме, не желающим затихать и почти утопившем глубокие рыки драконьей ярости.

В самой гуще всего Алогловенемауса швыряло из стороны в сторону, обжигало и било об острый, раскалывающий чешую свод то, что высвободилось под ним. Сначала испугавшийся, потом потрясённый, затём разъярённый, вирм громко и долго ругался на драконьем языке — громким рёвом, эхом раздающимся среди беспорядочных взрывов. Ярость неизбежно сменилась страхом.

Он должен был спастись. Он должен был бежать, пока ещё мог.

Опалённый и обожжённый, оцарапанный и побитый дюжиной волшебных эффектов, рвущих его, каменные стены и друг друга, дракон взмыл в воздух, выбираясь прочь из своего логова. Скачущие и кружащиеся вихрем сокровища швырялись в него монетами, осколками драгоценных камней и свистящими мечами, когда дракон вылетел наружу, с широким взмахом хвоста развернувшись, чтобы взглянуть назад, туда, откуда сбежал, разыскивая незримого врага.

Пещера являла собой бушующий хаос исторгающейся магии, заклинаний, что рвали друг друга, били друг друга, образуя несовместимые эффекты в разворачивающемся беспорядке. В воздухе стучал град блестящих, сталкивающихся монет, рикошетищих звенящим, реющим шпором, в котором с шумом носились и рушились более крупные вещи.

Очень старое заклинание Эльминстер просто разбудило всю магию в небольшой области — в данном случае, в самом сердце груды сокровищ, на которой лежал дракон — избранную магию, которую тот набрал в тысячах гробниц, башен волшебников и полях битвы.

Свет Селдарина! Это Сринши научила тебя этому? Симрустар была потрясена, и от её трепета голову Эльминстер охватил пощипывающий мысленный огонь возбуждения.

Грохот стал громче. В пещере по другую сторону стонущей стены твёрдого камня, ещё несколько мгновений назад казавшейся достаточно толстой и крепкой, жезлы, посохи и скипетры продолжали выплёвывать свои заряды в великий визжащий и сверкающий вихрь Искусства. Взрыв за взрывом разбивал сокровища и швырял их к стенам пещеры. Печати ломались, небольшие металлические тюрьмы сдавались, и из них сбегала, пробуждаясь к

жизни, новая магия. В воздух поднялся посох, вращаясь и рассыпая во все стороны губительные лучи, падали опалённые сталактиты, и в бушующем шторме, как гневная стая пчёл, носились мерцающие драгоценные камни.

Ошарашенный и разъярённый, Алогрловенемаус напрасно вглядывался в хаос, разыскивая причину, ту самую причину, врага, с которым он мог сражаться, рвать, и взыскать с него кровью подобающую плату за это разрушение.

Магия хлестала и жгла его, била и царапала его чешую, врезалась в него с такой нарастающей болью, что дракон наконец-то сбежал, бросившись на холодный воздух снаружи. Кто осмелился шутить с его магией? Кто?

Может быть, были и другие, пособники врага внутри?

Ведь наверняка одно жалкое существо, «ходячее мясо», не могло устроить такого!

Дракон расправил исцарапанные только что крылья и описал в воздухе узкий круг, чтобы скользнуть вдоль склона горы, где находилось его логово, пристально вглядываясь...

Нет. Здесь не таилось ни единого живого существа, не было видно никого, кроме нескольких крошечных, сжавшихся птичек на их обычных насестах. Врага здесь нет...

Что ж, если этот враг или враги находились внутри и пришли снизу, рано или поздно им придётся выйти — и Алогрловенемаус будет ждать. А если они замыслили кражу, хотели забрать золото или драгоценные камни обратно в глубины, из которых явились, придётся подождать, пока не угаснет вся эта высвобожденная магия, чтобы добраться до сокровищ. И когда магия угаснет, придёт Алогрловенемаус, отбросив милосердие и снисходительность. Не стоит красть у могучего чёрного дракона — только не в том случае, если он может забрать кости воров силой.

Алогрловенемаус резко развернулся в воздухе, чтобы снова пролететь над входом в своё логово. Скоро...

Мэншун улыбнулся. Лорд Краунруд, королевский канцлер, испытал нужду побеседовать с определёнными трезвомыслящими и справедливыми дворянами Кормира о действиях ведущих семей — а также двора и Короны — в эти беспокойные времена.

Были разосланы приглашения, выбрано время и место. Андольфин, Лорун и Блэксильвер, разумеется, приглашения примут.

Об этом позаботится Мэншун, как тень скрывающийся в их головах. Точно так же, как в первую очередь он позаботился, чтобы Краунруду вообще пришла на ум сама идея встречи. Будет интересно посмотреть, какая из более крупных, ещё не угодивших в его сети рыб, всплывёт, чтобы попасться на крючок.

Терпение. Искусное и изящное терпение. До сих пор он никогда не понимал, в чём состоит привлекательность рыбалки — куда больше его привлекало дымящееся блюдо с её результатами — но сейчас начал ощущать, насколько это может быть весело. Поистине неторопливое вмешательство, тонкая манипуляция... он начинал понимать долгую игру, которой так наслаждался Эльминстер.

Будь проклят Старый Маг и будь проклята Мистра, но некий Мэншун наслаждался изяществом и неторопливостью. Наконец-то.

Оглушённая несколькими из самых первых молний, но в остальном не пострадавшая, Эл вытянула руки, на пробу поскребла воздух своими длинными пальцами — и пригибаясь пониже, выглянула из-за края ведущей в пещеру вирма расщелины.

Взрывы жезлов по-прежнему били в потолок в дальнем конце пещеры, заставляя всё

большие куски камня с грохотом падать вниз на и без того засыпанную груду сокровищ. Алогрловенемаус будет... весьма разгневан.

— Что ж, в этом он не одинок, — вслух прошептала Эл, удивляясь дрожи нарастающего гнева в собственном голосе. Она устала от постоянных битв... хотя впереди её наверняка ожидало куда больше сражений.

Ничем не защищённая и не стесняемая, Эльминстер бросилась в пещеру. Её взгляд не отрывался от особенно крупного сундука с сапфирами, который лежал торцом вверх в огромной куче монет, будто нос корабля, разрезающий особенно высокую волну. Его крышка была открыта, демонстрируя сверкающее содержимое. Пока в пещере бушевала другая магия, кольца, разбросанные тут и там среди осыпавшихся камней, весело поблёскивали, как будто с одобрением — или с симпатией. Ах, как она скучала за Плетением, которое позволило бы её почувствовать, что за магия здесь лежит, оставшись спящей и нетронутой, и есть ли среди Искусства в этом логове хоть какая-то кроха сознания...

Эл надо было коснуться этого сундука, произнося последнее слово инкантации, затем убираться из пещеры, не пострадав.

Кое-где монеты дымились от жара, вырвав у неё стон боли, и когда она бросилась через дюну из монет, под ней медленно поднялось нечто мерцавшее фиолетово-зелёным, выплюнув в потолок огромный вихрящийся огненный шар — но Эльминстер, заскулив, достигла сундука, положила ладонь на его серебряно-чёрный бок и выдохнула единственное слово, которое должна была сказать. И сундук поднялся в воздух, вырываясь из сверкающей кучи, как неохотно взлетающий тяжёлый дракон, постепенно набирая скорость...

Эл бросилась обратно к своей расщелине, прыгнув туда головой вперёд, когда воздух разорвался от нового приступа ярости взрывающихся жезлов, а сундук тем временем, подчиняясь её воле, поднялся высоко в воздух над лесом Хуллак.

Ты по-прежнему любишь играть в кости со смертью, Эл, сухо прокомментировала Симрустар мысленным голосом, перевитым мимолётными вспышками эмоций. Восхищение? Или презрение?

Эл не знала, зато знала, что чувствует сама: гнев. Гнев на необходимость постоянно танцевать под чужую дудку.

Прямо сейчас — под дудку вирма, который был достаточно стар и мудр, чтобы понять, что лучше бы так не делать.

Ха. Ещё до того, как она в болезненном кувырке приземлилась на твёрдые камни с безопасной стороны расщелины, Эл знала, что древний чёрный дракон поддался своей природе. В горном воздухе снаружи он бросился в погоню, с рёвом преследуя свои сбежавшие драгоценности. Эл заставила сундук резко развернуться, набрать высоту, затем снова развернуться и спикировать, пытаясь держать его подальше от челюстей Алогрловенемауса как можно дольше.

Она хотела увести дракона как можно дальше от его логова, поскольку драконы могут двигаться по-настоящему быстро, когда захотят — и дела для неё обернутся скверно, если Алогрловенемаус вернётся со своим сундуком в пасти и поймает её в своём логове или на открытом склоне, спускающейся к более надёжным укрытиям и безопасности.

Лучше не брать ничего из его сокровищ, чтобы её нельзя было выследить. Брать лишь то, что она взяла из разрушенной цитадели дроу, и убираться отсюда, к утёсам и ниже, ниже под покров кормирских лесов!

Мудрая идея, сухо сказала Симрустар. Дракон возвращается.

Огромная туша взмахивающая крыльями дракона становилась больше, хотя была ещё наверное достаточно далеко — примерно над Виверновым ручьём.

Эл мысленно приказала сундуку неожиданно рвануться, затем дёрнуться вверх, потом нырнуть.

Дракон резко развернулся. Очевидно он выпустил сундук из своей хватки. Эл заставила далёкий контейнер с драгоценными камнями снова нырнуть вниз. Бросившись следом, уменьшающееся пятно дракона опустилось. Улыбаясь, Эл заставила сундук выписывать зигзаги, взлетать и пикировать, снова и снова закладывая крутые повороты под необыкновенно крутыми углами. В конце концов, даже древним чёрным драконам требуется хорошая разминка...

Не прекращая управлять этой воздушной акробатикой, она бросилась наружу через всю пещеру, затем стала осторожно спускаться по горному склону.

Стоило использовать второе заклинание полёта на себя, сказала в голове Симрустар после того, как Эл второй раз соскользнула, ободрав до крови пальцы.

— Мне многое стоило сделать за последнюю дюжину веков, — отозвалась Эл, глядя, как к острым скалам внизу катится оживлённая процессия сброшенных её сапогами камней. Храст, среди этих поджидающих каменных лезвий виднелись *кроны деревьев!* — Я никогда не была самым острым клинком в арсенале, зато провела кучу времени среди самых больших тупиц Фаэруна.

Что ж, так всё и было. Возможно, она поддавалась своей собственной натуре. А может быть, просто пыталась остаться в живых, когда на неё или на людей и края, которые она любила и хотела — или поклялась — защищать, нападали более эгоистичные, безрассудные и злые существа. Храст их всех побери...

Судя по заметным следам на камнях вокруг неё и ниже, дракон постоянно срывал кустарник и те участки, по которым было легче всего карабкаться, чтобы сделать своё логово как можно более труднодоступным для всех тех, кто не умел летать.

Однако спускаться было проще, чем подниматься наверх — для обладателей стальных нервов. Требовалась только сила, ловкость и решительность, чтобы перескочить на следующий склон, в подходящее место, где давно минувший шторм, а может быть, битва драконов обрушили гору дождём огромных булыжников, осыпавшихся между двумя вершинами как неровный, изломанный естественный мостик.

Эл нашла место, которое показалось ей самым подходящим, затем прыгнула. В конце концов, останется достаточно времени, чтобы наколдовать лёгкость пёрышка, прежде чем она превратится в кровавое пятно на этих поджидающих внизу камнях...

Она на это надеялась.

ГЛАВА 14

СПОЛНА ЗАСЛУЖЕННАЯ СУДЬБА

Эльминстер приземлилась тяжёло, беспомощно соскользнула по мелкой щёбёнке и ударилась о булыжник.

Боль была настолько сильной, что она вздрогнула. Похоже, рёбра дроу были не крепче человеческих.

Она застыла на месте, стиснув зубы, чувствуя пронизывающую каждый вздох агонию, пока её руки и ноги не перестали дрожать.

Замёрз, как зимний лёд, принц Утраченного Аталантара?

Несмотря на резкость, насмешки Симрустар были... любящими, да.

Ну конечно, Эл. Я люблю тебя, и теперь ты — всё, что у меня осталось. На то краткое время, что у меня ещё есть.

Эл послала тепло, чтобы обогреть и утешить этот грустный мысленный голос, затем заставила себя отползти от булыжника и проложить путь к заваленной камнями расселине. Прочь с открытого склона, подальше от глаз возвращающегося дракона — и как раз вовремя.

Она потерялась в медленной, осторожной и кажущейся бесконечной работе по нахождению очередной опоры, решению, где можно отпустить камни и упасть, а где — отдохнуть и использовать крошечные искорки серебряного огня, чтобы исцелить сломанные и кровоточащие пальцы или восстановить треснувшие рёбра или ступни — и один раз, после того, как она неожиданно оскользнулась, большую часть костей в своём новом теле.

Ты не слишком хорошо о нём заботишься, поддразнила Симрустар. Это намного облегчило оставшийся спуск, поскольку Эл провела большую его часть, вспоминая полузабытые ругательства и грубые выражения, чтобы бросить их своей ментальной гостье в некое подобии весёлой игры — гаснущее эхо эльфийки, так давно встреченной ею в Корманторе, с притворным ужасом принималось отрицать то, как её называли, объявляя себя возмущённой, обесчещенной и того хуже...

А потом бесконечный спуск почти закончился, и с неба не бросился изрыгающий кислоту или кусающийся и хлестающий жестокими когтями дракон, и Кормир перестал быть распростёршимся перед нею великим зелёным ковром, превратившись в отдельные устремлённые в небо деревья, сливающиеся в близкий горизонт.

Эл застыла на корточках на последнем выступе над землёй. Она находилась на высоте пяти человеческих ростов от подлеска и мёртвых деревьев, и нижние три из этих пяти представляли собой не грубый горный камень, а выступающий склон рыхлой земли и гравия, смытых с горы частыми бурями и исчерченных бесчисленными канавами, проделанными стекавшей вниз водой. Она видела тени под стоящими рядом с изгибающейся лентой дороги к Орондстарам деревьями. Эти тени падали на усеянный солнечными зайчиками лесной пол восточной границы Хуллака. Скорее всего, этот бескрайний лес станет её спальней на будущую ночь — спала она внутри любой магической защиты, которую могла возвести. Учитывая, что все драконы в той или иной степени способны унюхать или почувствовать магию, от драконьего логова стоит убраться как можно дальше. И лучше заняться этим без дальнейшего промедления, и...

Там. Вон там. Она могла напиться из того ручья, затем ступить под лесные своды, и...

Стойте, а это что?

Прямо из-под выбранных ею деревьев в поле зрения вышел человек, истощённый и промокший от пота. Он сжимал кинжал, по руке сочилась кровь, капая с костяшек и кончиков пальцев. Он едва держался на ногах, продолжая шагать лишь усилием воли. Одежда охотника, лёгкая, но прекрасно изготовленная кожа, практически униформа...

На среднем пальце обеих рук по кольцу! Боевой маг!

Эл обернулась кругом, опустилась с уступа, повисла на кончиках пальцев — и отпустила руки, разворачиваясь в воздухе.

Она приземлилась на склон вполоборота, соскользнула, угодила ногой в неподатливый камень и полетела вверх тормашками, чтобы остановиться в грязной канаве, по дороге смяв несколько кустов крапивы. Она подняла взгляд и увидела боевого мага...

Тот испустил последний вздох, из ослабевшей руки выпал кинжал — с трёх сторон его пронзили три клинка.

Храст, слишком поздно! Слишком часто было слишком поздно!

Стиснув кулаки, Эл зашипела от закипающей ярости. Из лесного мрака выбежал четвёртый мужчина. Его меч был занесён, чтобы обрушить жестокий удар на горло уже захлёбывающегося кровью мага Короны, умиравшего стоя на ногах и не падавшего лишь из-за трёх по-прежнему торчащих в теле клинков.

Боги, почему такая судьба слишком часто настигала тех, кто пытался делать добро или сражаться за порядок? Эл выбросила руку и послала в убийц мага молнию. Сорвавшаяся с кончиков пальцев молния не просто затрещала, а взревела от ярости. Длинный, ослепительный разряд пронёсся над канавой, дорогой и второй канавой, ярко вспыхнул во мраке, врезался в нападавших, их мечи и раскололся, принявшись скакать между мужчинами, пока они кричали и бились в конвульсиях, пойманные в его коротких ярких вспышках.

Боевой маг осел. Его голова безвольно качнулась. Молния едва тронула его... он был уже мёртв. Четверо нападавших качались, вопили и пританцовывали, их руки и ноги произвольно дёргались, их волосы встали дыбом, а их глаза и рты широко распахнулись от боли. Затем что-то вырвалось из груди боевого мага, разовав кожу его жилета. Что-то яркое, изрыгающее многочисленные разряды. Амулет смерть-молнии!

Уже угасающая молния Эльминстер по сравнению с этим была почти нежной. На короткое время боевой маг превратился во вращающийся волчок, исторгающий во все стороны молнии. Эл была рада, что лежит по грудь в грязи и крапиве, поскольку мужчины среди деревьев — кроме тех четверых, что она увидела, там было шестеро-семеро или даже больше, прибежавших, чтобы присоединиться к убийству, — подверглись жестокому правосудию.

Когда заряд амулета кончился, окоченевшее тело его носителя беззвучно рухнуло на мёртвые листья и опавшие ветви, и на краю леса остались стоять только трое. Все серьёзно пострадали, покачивались и стонали. Остальные неподвижно распростёрлись на земле.

Эл поднялась на ноги, перебралась через канаву, дорогу и канаву на другой стороне дороги, и оказавшись под деревьями бросилась в сторону резкого, похожего на подгоревшую свинину запаха жареной человечины, которую, как Эл знала, она обнаружит.

— Кто ты такой? — требовательно поинтересовалась она у первого найденного живого мужчины.

Он повернул к ней искажённое от боли лицо, зарычал от бессловесной боли и злости и попытался рубануть её коротким мечом, который Эл до сих пор не заметила. Его неловкий

удар прошёл мимо и заставил мужчину рухнуть ничком. Она бросилась дальше.

— Кто ты такой? — спросила она у следующего. Тот бросил на неё безумный взгляд: половина его лица сползла, как будто оплавившись, и его зрачки были разной величины.

— Кому ты подчиняешься? — рявкнула она.

— Б-б-броудшильду, — выдохнул он и упал. И так, это были знаменитые Звери Броудшильда, разбойники, которые...

С неба упала тень.

Эл бросилась к ближайшему большому дереву. В воздухе прямо у её подбородка свиснула стрела, а вторая провизжала сразу за спиной. Затем она оказалась под деревом, обогнула его и прижалась к стволу, пытаясь не шевелиться.

Она видела, что к ней бегут новые разбойники, продираясь через лес с луками в руках и убийством в жестоких глазах.

До передней пары оставалось не больше дюжины шагов. Луков у них не было, зато были длинные ножи, и разбойники должны были достичь её примерно за один вздох. Треснул густой подлесок, который они ломали, приближаясь к ней, поднимая ножи — и внезапно что-то крупное, чешуйчатое и чёрное нырнуло и с ослепительной скоростью схватило их.

Оно оставило за собой залитую солнечным светом прогалину, которого раньше здесь не было — несколько деревьев надломились и рухнули, а листья других посыпались вниз следом за большим чёрным драконом, так тесно прижимающимся к горному склону, что его большие крылья, похожие на крылья летучей мыши, трепетали от прикосновения пронесшихся под ними камней. По мере того, как он набирал высоту, с него сыпались новые ветки и листья. Упало ещё и что-то тёмное и влажное. Что-то, похожее на человеческую ногу.

Новая залитая солнцем прогалина стояла пустой. Двое Зверей, торопившихся прикончить Эльминстер, исчезли.

Эл оставалась неподвижной, глядя, как Алоргловенемаус разворачивается в воздухе по широкой дуге, которая должна была вывести его в стремительное пике прямо... на её дерево.

Она поспешно ретировалась к следующему стволу, не отрывая взгляда от великого чёрного вирма. Его челюсти сжимали сундук с драгоценными камнями, его глаза пылали от гнева, а его когти медленно сжимались *сквозь* два влажных куска, когда-то бывших людьми.

Новые Звери Броудшильда почти достигли светлой прогалины и замедлили свои шаги, чтобы поглазеть на проделанную драконом борозду.

Тот сделал ещё одну — прямо через них.

Огромные когти вцепились и принялись сжиматься, и во все стороны прыснули вопящие люди. Крылья снова захлопали по горному склону, когда дракон принялся подниматься, напрягая плечи и взмахивая крыльями — и когда он достиг облаков, то отпустил всё, что сжимал в когтях. Эл видела, как падают крошечные фигурки, слышала отчаянные крики, и неожиданно для себя задрожала. Затем, когда позади неё начали раздаваться слабые и далёкие звуки падающих тел, она повернулась и бросилась в лес, разыскивая деревья с густой листвой.

Грохот третьего и четвертого драконьих визитов раздался далеко позади неё, но к тому времени, как Эл осмелилась устало вернуться к проделанному драконом шраму, Алоргловенемаус медленно летел над деревьями, изучая единственное тело в своих когтях. Он узнал этого мертвеца, с отвращением швырнул его вниз, и повернул назад, в своё логово.

Эл снова прижалась к стволу и стояла так долгое время, ожидая, не вернётся ли дракон

— но больше тот не появлялся.

Было время, когда я могла спасти одинокого мага, победить всех этих бандитов и дракона, не убивая их, и...

Да, было время.

Мы все стареем, Эльминстер, напомнила ему Симрустар. *Мы все слабеем. Каждый из нас, Избранный, престолюдин, или свирепое чудовище. Так устроен мир.*

— Я... — вслух хрипло отозвалась Эльминстер. — Я... устала от того, как устроен мир. И всё чаще кажется, что мир тоже от меня устал.

Ты зол? Или тебе грустно?

— И то, и другое. Сейчас скорее грустно.

Это лишь сейчас. Голос в её голове стал глубже, и на мгновение звучал так, будто принадлежит не насмешливой и саркастичной Симрустар, а давно сгнувшему Хелбену, пророчащему злую судьбу.

— Сейчас, — прошептала деревьям Эл, не отрывая взгляда от горного склона там, где должен был появиться дракон, если снова покажется из своего логова.

Но дул ветер, тишина растягивалась, а дракона не было.

В конце концов она осмелилась подойти к телу павшего боевого мага. Немногие кормирские маги Короны расхаживали вокруг с таким амулетом; должно быть, это был кто-то важный. Либо он не надел один из тех зачарованных плащей боевых магов, что могли телепортировать владельца прочь от любых угроз, на эту маленькую лесную вылазку, либо потерял его где-то по дороге.

После того, что сделал амулет, нечего было и надеяться исцелить мужчину; выше талии и ниже плеч от него мало что осталось. Эл сняла с мёртвых пальцев кольца, быстро проверила сапоги и пояс на предмет ещё чего-нибудь интересного — два кинжала и несколько сумок с материалом для заклинаний, по большей части, испорченным — затем поспешила обратно в лес, пытаясь идти более-менее параллельно выющейся дороге Орондстаров, но при этом держаться подальше от трупов. Когда наступит закат, не будет недостатка в голодных падальщиках. Крайне желательно было найти ручей и пройти по нему какое-то время, чтобы сбить со следа всех, кто мог идти за ней по запаху. Что же до колец...

Эл изучала их на ходу. Первое — обычное кольцо боевых магов. Она надела его на средний палец левой руки, точно так же, как носил кольцо настоящий владелец. Второе... могло ли оно быть кольцом командующего? Нет, простое, но с небольшим треугольником «драконьей морды» вдоль пальца... это что-то другое. Да... командное кольцо, какое носили члены команд по выполнению особо опасных миссий, учреждённых когда-то Каледней. Какая удача! Эл надела его на другой средний палец и пробормотала слово, которое заставит кольцо считать её своим законным владельцем.

— Бреннон Лаксар, боевой маг, — торжественно провозгласило кольцо грубым мужским голосом.

Значит, Эл стала свидетельницей последних измученных, спотыкающихся мгновений жизни Бреннона Лаксара — предводителя команды боевых магов из Иммерской крепости, если она правильно помнила. Лаксар вполне мог быть последним выжившим из своей команды, которого выследили и убили Звери Бродшильда. Убили ли они сначала всех остальных?

Эл вздохнула. Столько смертей... столько плохих вещей, с которыми она ничего не могла поделать. Даже когда она оказывалась на месте вовремя, у неё мало что получалось —

или не получалось совсем ничего...

Кольцо Лаксара открыло её разуму, что оно... похоже, обладает обычными силами: может записать четыре устных сообщения, задействовать заклинание магического послания и хранить небольшую целительную магию. Кроме того, вспомнила Эл, кольцо легко могли отследить издалека другие боевые маги.

Устало пробираясь через лес, Эл прослушала четыре сообщения в кольце. Одно из них было поздравлением с «удачно решённой задачей» от какого-то неизвестного мужчины постарше с угрюмым голосом, который закончил фразой: «Твоей наградой станут задания потяжелее — сполна заслуженная судьба». Другое послание — задыхающийся женский шёпот: «Я люблю тебя, будь осторожен». Третье — строгая последовательность инструкций по нахождению тайника где-то в городском переулке... а четвёртое умоляло: «Разделайся с этим побыстрее, затем отправляйся в замок Ирлингстар, чтобы заняться убийствами, прежде чем Вандур и его парни успеют всё испортить».

Что ж, это Эльминстер сделать могла и сделать собиралась. Она пойдёт в Ирлингстар — возможно, слишком поздно, чтобы не позволить Вандуру устроить беду, но всё же пойдёт, и притворится там боевым магом Бренноном Лаксаром. Она скажет, что упала в ведущую в Подземье шахту, сражалась там с ужасными существами, была смертельно ранена и погибла в жутком месте, которое, судя по всему, оказалось тем, что некоторые мудрецы называли земным узлом, где скапливается магия самого Фаэруна. Позднее она каким-то образом очнулась в этом теле дроу, помещённая туда магическим проклятьем, или капризным божеством, или безмозглой магией этого жуткого места, или чем-то... Да. Ей хватит ментальной свирепости, чтобы сразиться с любым боевым магом, который попытается проникнуть в её мысли...

И если не хватит тебе, хватит мне, вмещалась Симрустар.

..и так она и поступит. Будет изображать Лаксара, хоть на протяжении обычной человеческой жизни, если потребуется. Это станет её первым шагом к вербовке боевых магов на службу Мистре. Мэншун или кто-то другой не узнают, что знаменитый Эльминстер по-прежнему жив.

— Ганрахаст! Вот ты где!

Королевский маг моргнул, поднял взгляд от большой кучи карт, чертежей и письменных докладов, над которой он склонился, и улыбнулся.

— А! Глатра! Хотела меня видеть?

Если боевая волшебница Глатра и заметила, что улыбка её начальника казалась немного вынужденной и усталой, то виду она не подала. Она была слишком разгневана, чтобы замечать то, что не орало не неё, не тыкало мечом или копьём в её сторону, и не швыряло заклинания, которые стремились отделить её задние зубы от остального тела.

— Ещё как, хруст побери! — гневно выпалила Глатра, громко захлопнув за собой дверь, чтобы ни один дворцовый слуга или стражник не подобрался подслушать. — Это Шторм Среброрукая!

— А! Ты получила свои обычные доклады, и...?

— Получила, и наши коллеги практически единодушно сообщают мне, что у этой женщины, похоже, есть крылья! Или она способна без устали телепортироваться, возникая, где пожелает, как божество! Похоже, Шторм Среброрукая появлялась тут, там, повсюду, по всему Сюзейлу и практически в каждой комнате этого дворца, не говоря уже о ежедневных

визитах в Перепутье, Эспар и... и почти в каждое село и деревеньку по всему Кормиру! И они утверждают, что она проходит мимо патрулей, стражи у ворот и всех прочих, как будто носит кольцо командующего!

Ганрахаст кивнул.

— Эти доклады верны.

— Ну так *что*, во имя Дракона, *происходит?* Почему ей позволено это делать?

— Такова королевская воля, — вежливо сказал Глатре Ганрахаст, — Я думаю, что он ценит верных дворян нашей земли, а она ведь и в самом деле маркиза Иммердаска, каким бы древним не был этот титул. Она делает важную для Драконьего Трона работу. Успокаивает многих благородных лордов, пытаюсь укрепить их верность короне после катастрофы на совете.

— О? А все доклады, что достигли моих ушей, утверждают, что она посещает *простолюдинов*, — отрезала Глатра. — В кузнях, лавках, дубильнях — и в борделях. А не знать в их высоких домах.

— А, это другие её обязанности. Она следует приказам Госпожи Тайн, богини, которую когда-то все маги чтили выше остальных и будут чтить снова.

— Каким приказам?

— Снова сделать арфистов сильными и многочисленными.

— Что? И вы позволяете ей этим заниматься? Набирать постоянную армию предателей у нас под носом?

Ганрахаст мягко улыбнулся.

— И как именно мы должны её остановить? Если вместо этого можно наблюдать издалека, узнав таким образом, кем каждый арфист является, какими навыками обладает и где обитает?

Глатра пристыженно глядела на него.

— О. А. Понимаю.

Затем она снова нахмурилась.

— А откуда мы знаем, что она не в курсе нашей слежки и не обманывает нас?

Ганрахаст пожал плечами.

— Мы знаем, что она в курсе. Она сказала мне — и королю — что арфисты хотят стабильного, справедливого, счастливого Кормира, которым правит милостивый монарх. Счастье — это именно то, чего хочет король Форил. Шторм не против того, что мы будем знать личности большинства арфистов; она считает, что это хороший способ держать в узде Тех, Кто Играет На Арфе.

Глатра нахмурилась, покачала головой.

— Раскрывать такую слабость... не думаю, что я когда-либо сумею понять старших арфистов — или этих самопровозглашённых Избранных Мистры.

Ганрахаст улыбнулся.

— Не думаю, что мы должны их понимать.

Разлом был глубоким, а его стены представляли собой голый камень, неровный в одних местах и гладкий в других; застывшие потоки вулкана, которого сейчас было не видеть.

Зато глубоко в каменной пропасти виднелось зловещее фиолетовое мерцание, мерцание, которое иногда было ярким, а иногда — совсем тусклым. В разломе постоянно двигались великие течения и змеиные кольца тени, струившиеся из стороны в сторону.

Наружу дул тёплый, пахнувший серой ветер. Эти бесконечно колышущиеся тени были дымом из каких-то странных мест. Ветер выдувал дым наверх.

С тенями являлись ужасные существа — длинные человекоголовые змеи с крыльями. Были также небольшие, похожие на ленты угри, что летали без крыльев и большую часть времени проводили, сворачиваясь и разворачиваясь в воздухе. Были жирные, морщинистые овалы с четырьмя крыльями, похожими на крылья летучей мыши, которые видели посредством единственного огромного глаза и обладали свирепыми, похожими на акулы челюстями... и были другие. Они безостановочным вторжением вылетали в Фаэрун верхом на дрейфующем дыме, почти грациозно утекая в тёмные глухие леса над разломом.

В воздухе над расщелиной в самом сердце этого потока вспыхнула внезапная бело-голубая звезда.

Колышущиеся тени отпрянули от неё, ускользя прочь в своём бесконечном течении... пока звезда росла, угасала и сгущалась в...

Обнажённую женщину с длинными конечностями, повиснувшую вертикально в воздухе, чьи длинные, очень длинные серебряные волосы сворачивались и разворачивались вокруг неё, как не знавшие отдыха энергичные змеи. Её ноги были сомкнуты, но руки — широко раскинуты, и в ладонях она сжимала два пылавших ярким синим огнём предмета. Меч и чашу.

Их пламя ревело и рычало, расходясь во все стороны с возрастающим голодом, и вперёд-назад по груди женщины хлестали многочисленные огненные языки — два синих пламени пытались соединиться, заметно обжигая её.

Она запрокинула голову от боли, прикусив губу и время от времени испуская стоны, пока синие огни росли и становились ярче, а их жгучие языки — длиннее.

— Эльминстер, — выдохнула парящая женщина, — где ты? Будь со мной! Будь же сейчас со мной! О, как мне нужна твоя сила...

Она всхлипнула, затем смогла набрать достаточно воздуха, чтобы закричать:

— Эльминстер! Услышь меня!

Усиливающийся ветер из разлома далеко унёс этот громкий крик.

Но другого ответа, кроме жестокого смеха спешивших мимо крылатых змей, не было.

ГЛАВА 15

НАКАЗАНИЕ ЗА ИЗМЕНУ — СМЕРТЬ

Симбул позволила своей голове упасть назад на плечи. Она была истощена, дрожала от усталости и даже близко не закончила.

И боль станет лишь сильнее.

Синий огонь во все стороны бежал по её телу, быстрее и быстрее, вой двух шаров синего пламени в её руках, которые становились всё больше и больше, превратился в громкий, непрекращающийся рёв. Тёмные существа, оседлавшие тени, корчились и визжали от страха, проносясь мимо.

Руки Симбул почернели, но пока не обуглились, обожённые, но не сгоревшие. Языки синего пламени вдвое превышали её рост, огромные вспышки, коловшие небо — и гнулись внутрь, соединяясь в воздухе высоко над ней. Там синие огни недолго поборолись, затем вспыхнули с новой яростью, образуя единую бушующую и кипящую сферу ослепительно синего пламени, которое...

Перелилось через край и рухнуло вниз в трещину, как иссякший гейзер. Следом за этим потоком из меча и чаши в руках Симбул полетели копыя синевы, лучи зловещего света, пронзая клубящиеся тени в глубине разлома.

Симбул накренилась в воздухе до тех пор, пока не смогла взглянуть в разлом под собой, повела дрожащими руками, чтобы нацелить исходящие из сжимаемых ею предметов лучи. Её тело содрогалось от напряжения, поражая разлом далеко внизу.

Она стала смещаться вперёд и назад, перемещая негаснущие лучи, дождём сыпавшиеся на фиолетовое мерцание в глубинах, пытаясь выжечь его.

Это мерцание медленно угасло, потемнело, и колыхавшиеся тени угасли вместе с ним, превратившись в редкие лохмотья вместо длинных змей.

Симбул не теряла бдительности, продолжая следить и целиться, убеждаясь, что яркое синее пламя, которое она направляла, поглощает тень...

Неожиданно тёмные ленты вихрем закружились вокруг, как будто их засасывало в слив, поток монстров уменьшился до нескольких упирающихся особей, тени вокруг них отступили, обнажая... прежнюю пустоту.

Тени перестали двигаться.

Фиолетовое мерцание исчезло.

Из разлома больше не дул ветер. Это была просто тёмная расщелина из голого камня, а не бездна, рождавшая поток чудовищ.

Симбул медленно вылетела из щели, несколькими вспышками синего пламени испепелив самых неторопливых из последней убегающей в леса пригоршни монстров.

Затем она полетела прочь, медленно и устало, обмякнув в воздухе, как мёртвое существо.

Скоро, Алассра, мягкий, но сильный голос прошёптал из воздуха вокруг. Нежные слова громом отдавались в её душе.

Скоро придёт остальное, чего ты так жаждешь. Остальное, сполна заслуженное тобой.

Комната была тёмной и маленькой, зато богато обставленной, и единственное кресло

оказалось удивительно удобным для такого монструозного интерьера.

Сронтер-алхимик наверняка бы нервничал, сидя в одиночестве в темноте, в величественном сюзейльском особняке, где, как он знал, ему не место. Но будущий император Кормира в теле алхимика, сам запершись в этом помещении, с большим удовольствием устроился в кресле, закинув сапоги на позолоченный столик.

Строго говоря, он был не один. Компанию ему составляли съёжившиеся останки сознания Сронтера, забившиеся в тёмный угол в собственном разуме алхимика, а кроме того, под раздутой грудью его сюрко прятались несколько мелких созерцателей на тот случай, если чудовища потребуются ему для доставки срочного сообщения, предупреждения или для погони за кем-то.

В настоящий момент, однако, он был расслаблен и доволен, а его внимание сосредоточилось на расстоянии нескольких комнат от его маленького и тёмного убежища.

В том другом, лучше освещённом помещении происходила встреча. Совет, который он заставил случиться, дёргая за свои ментальные ниточки. Собрание, в котором приняли участие некоторые из завербованных им дворян и многие другие члены кормирской знати — люди, которых он надеялся поставить под свои знамёна, не вторгаясь напрямую к ним в головы. Поскольку каждый новый разум, в который он проникал, становился ещё одной возможной брешью в его доспехах, ещё одной возможностью, что назойливые боевые маги его обнаружат. Так что благодаря терпению, которым Мэншуна наделило избавление от Эльминстера, настал час проверить, можно ли склонить ничего не подозревающих лордов на свою сторону с помощью аргументов и их собственных слабостей вместо того, чтобы использовать принуждение.

Всё шло хорошо. Языки собравшихся вокруг стола лордов развязало вино, и они шумно пришли к выводу, что хотя режим Обарскиров прогнил целиком и полностью, и в конце концов ради блага королевства его придётся свергнуть, в текущее время самой большой угрозой свободе и здоровью королевства являются царедворцы, одинаково обманывающие королевскую семью, знать и простолюдинов, искажающие волю Короны ради собственной выгоды, и (как только что сказал лорд Хэльдаун) «одинаково угнетающие всех нас».

Все согласились, что царевубийство, каким бы соблазнительным оно не казалось, приведёт к открытой гражданской войне и долгому периоду смуты, загубив то самое прекрасное королевство, которое они так желают освободить. Поэтому вместо покушения на короля Форила — который, в конце концов, был уже стар и (как выразился лорд Таселдон) «скорее всего скоро умрёт сам» — необходимо было попробовать избавиться от худших из царедворцев.

Определённые личности при дворе, наихудшие из «тайно правящих всеми нами выскочек» (снова лорд Хэльдаун) должны были по очереди погибнуть в череде «несчастных случаев». При правильном, в строгой последовательности, исполнении, эти пропажи вызовут минимальные подозрения у боевых магов, ослабят эффективность служб Короны и освободят места для более молодых царедворцев, которых легче будет подкупить.

— Дракониий Трон, как и любой другой трон, стоит на ножках — на тех, кто исполняет королевские приказы. Если мы одну за другой уберём эти ножки, рано или поздно трон рухнет, — злорадствовал лорд Блэксильвер.

— И хотя наказание за измену — смерть, — добавил лорд Таселдон, — избавление королевства от коррумпированных, верных лишь себе царедворцев — это нечто совсем иное. Нечто... патриотическое!

— Так кто же, милорды, — промурлыкал королевский канцлер, — должен стать первым царедворцем, от которого мы избавимся?

Последовало недолгое молчание, прервавшееся, когда все заговорили одновременно. Имена назывались одно за другим с почти непристойным энтузиазмом... и когда поток предложений наконец иссяк и снова наступила тишина, оказалось, что одно имя называли намного чаще других.

Реншарра Айронстейв, госпожа списков. В качестве главы налоговых оценщиков она могла быть хоть самым дружелюбным из созданий, но по самой природе её должности всё равно оставалась колючкой в боку знати и богатых землевладельцев. Впрочем, так случилось, что самым дружелюбным из созданий она не являлась. Упрямая и острая на язык, проницательная женщина, которая, казалась, могла почувствовать обман ещё до того, как её попытаются обмануть, она не поддавалась ни на какие попытки подкупа или мошенничества — и, казалось, получала немалое наслаждение, раскрывая даже самые мелкие грешки знати и делая публичный пример из тех, кто пытался уклониться от уплаты налогов.

Мэншун в своей комнате улыбнулся. Значит, в конце концов всё свелось к личным интересам. Что ж, хорошо было знать, насколько благородные лорды Кормира в действительности благородны.

— Я привык думать, что наши боевые маги — это всё маленькие Вангердагасты, — сказал лорд Хэльдаун. — Юные глупые волшебники со всех Королевств, которых он нашёл и использовал на них свою магию разума, чтобы превратить в своих маленьких рабов. Может быть, так и было. Он так быстро узнавал обо всём, что происходило в королевстве за закрытыми дверями, будто видел и слышал это лично. Но я сомневаюсь, что та чужеземка, Каледней, и этот слабак Ганрахаст, с которым нам приходится иметь дело сейчас, освоили этот трюк. В наши дни боевые маги совершают ошибки, зачастую намеренно или неосознанно действуют друг против друга, и кажутся не более сплочёнными, чем, скажем, наши пурпурные драконы. За ними больше не стоит могучий маг, способный порхать из одной головы в другую и двигать их, как пешки на шахматной доске. Ведь именно таким образом Ванги смог пережить все эти покушения. Он бросал своё тело и прыгал через полкоролевства, чтобы оказаться в чужой голове, затем возвращался и наколдовывал себе новое.

— Согласен, боевые маги были такими, — заговорил лорд Таселдон, — но это прошло. Последние несколько дней они кажутся... другими. Бдительными, готовыми к неприятностям. Сейчас какой-то волшебник снова соединил их мысли воедино — впервые за очень долгое время.

Лорд Лорун с интересом подался вперёд.

— Кто? Наверняка же не этот милый, чувствительный дурень Ганрахаст?

— Ха! Если бы он мог, то уже давным-давно бы это сделал, разве нет? Не его имя шепчут во дворце. И придворные, и драконы шепчут имя «Эльминстер».

Лорд Хэльдаун сморщенной рукой отмахнулся от этого заявления.

— Легендарный Безумный маг Мистры? Сейчас ему должно быть несколько тысяч лет — если он по-прежнему жив! Вы что, считаете нас тупицами, которые могут в такое поверить?

— Нет, я считаю, что наших пра-прадедов, и их пра-прадедов тоже, обманули. Я слышал, что Эльминстер сумел прожить несколько веков, потому что на самом деле разум Эльминстера вторгается в одного волшебника за другим и порабощает их. По дюжине за раз, так что некоторые из них обязательно выживают, что бы ни случилось. Конечно, от этого

они все сходят с ума, но какие из волшебников не сходят? Я думаю, что прямо сейчас он находится в головах всех до единого проклятых боевых магов — или скоро будет.

Мэншун напрягся в своём уютном кресле. У него отвисла челюсть. Лицо неожиданно погорячело, и зеркала вокруг все разом показали, что его глаза пылают...

Могло ли это быть правдой? Мог ли Эльминстер в самом деле управлять сознанием магов кормирской Короны?

Будущий император Кормира встал и принялся шагать из стороны в сторону, что в крошечной комнате было не так уж просто. Он шагал снова и снова, его мозг погрузился в яростные размышления.

Это могло быть правдой! Проклятые боевые маги, все до единого...

— Аргх! — захрипел от боли Харбранд, в пятидесятичетверотысячный раз ёрзая в седле и потирая глаз под повязкой. Глаз зудел, а его пах уже давным-давно превратился в один большой и болезненный синяк. — Эти сёдла удобнее не становятся!

Ответом Хокспайка стало угрюмое ворчание. Поездки всегда причиняли ему массу неудобств, поскольку он даже в седле с высокой задней лукой он висел тяжело, как мешок картошки.

— Надо было тебе надеть гульфик побольше.

— Гульфиков побольше просто не существует, друг мой Хокспайк! Для человека...

— Одарённого, как несколько соревнующихся жеребцов? Я уже слышал все твои коронные фразочки, помнишь? Скажи мне, сработали они на Старике Скаллгрине?

— Хок, леди Донингдаун — наш клиент. Вряд ли я бы сумел заполучить заказ — или сбежать из её особняка, не получив хлыстом по заднице — если бы заговорил в таком тоне!

— Прежде тебя это не останавливало, — угрюмо напомнил партнёру Хокспайк.

Харбранд вздохнул.

— Хок, это ни к чему нас не приведёт, и несмотря на эти жалкие подобиya лошадей...

Третья пара украденных напарниками скакунов оказалось не настолько свежей и крепкой, как они рассчитывали. Недавно лошади начали спотыкаться и принялись шататься от усталости. Но дикие горные края вокруг были не лучшим местом для привала. Грубые каменные вершины с одной стороны, кишачий разбойниками и чудовищами лес Хуллак с другой...

— ...до Ирлингстара осталось уже недалеко.

— Наконец-то.

— ...наконец-то, и правда, и нам давно уже пора придумать план — хоть какой-нибудь — того, как мы собираемся выполнить поручение леди Донингдаун.

Хокспайк сплюнул на незащитный камень, мимо которого они проезжали. Целился он в другой, но, по крайней мере, попал всё-таки в камень. Впрочем, камней вдоль этого забытого богами подобиya дороги хватало.

— Ну так говори.

Леди Донингдаун наняла их для освобождения своего сына и наследника, молодого лорда Джерессона Донингдауна, который был заточён в Ирлингстаре. Они должны были доставить его через границу в Боушотгард, охотничий домик в лесистой северной части Сембии.

Однако оба уцелевших партнёра из «Опасности по найму» догадались, что в Боушотгарде их скорее всего убьют вместо того, чтобы вручить обещанную плату, поэтому

выработали собственный план действий.

Они освободят Джерессона, доставят его в Сембию, опоят сонным зельем, свяжут и спрячут его. Затем наймут сембийского посредника, который отправится в Боушотгард с новостями о том, что Харбранда и Хокспайка предали и убили нанятые ими люди, которые теперь требуют большой выкуп за Джерессона. Посредник якобы чтит Багамута, лорда правосудия, превыше всех прочих богов и был потрясён поведением своих товарищей — поэтому он сбежал, чтобы рассказать о местонахождении Джерессона в Боушотгарде.

Если люди в Боушотгарде не поверят посреднику, или узнают у него правду с помощью магии, или прикончат его, Хокспайк и Харбранд просто отправятся дальше, забыв про золото Донингдонов, чтобы испытать судьбу в северо-восточной Сембии и более отдалённых местах. Но если союзники Донингдонов в Боушотгарде отправятся на поиски Джерессона, «Опасность по найму» в качестве оплаты за выполненное поручение сможет скрытно забрать всё, что унесёт из Боушотгарда, и двинуться дальше куда более богатыми людьми.

Однако все эти размышления начинались со слов «освободить Джерессона», и именно эта часть требовала дальнейшего обсуждения. У них было сонное зелье и моток вощёной верёвки, которой можно связать пленника. У них был даже мешок на голову, чтобы заглушить и ослепить его. У них было слабое представление о планировке Ирлингстара, имена сенешаля и лорда-констебля. И это практически всё, что у них было.

Харбранд улыбнулся партнёру слабой кривой ухмылкой. Ухмылкой, которую более цивилизованные люди называли бы «skonфуженной».

— Ну, — начал Харбранд, не имея ни малейшего понятия, что он собирается сказать дальше, — я...

В поле зрения над вершинами деревьев показалось что-то серое, и он с благодарностью прервался, чтобы указать в ту сторону и воскликнуть:

— Смотри! Наша цель, замок Ирлингстар!

Хокспайк нечленораздельно буркнул, мастерски сумев передать, насколько он не впечатлён.

— Похоже на...

Какое бы архитектурное суждение он ни намеревался вынести, оно оказалось навсегда утрачено в результате последовавших событий.

Раздался внезапный оглушительный рёв, эхом отразившийся от горных склонов, и на стене замка-тюрьмы прогремел сопровождавшийся яркой вспышкой и взметнувшимися клубами дыма взрыв.

После этого что-то большое, чёрное и чешуйчатое быстро полетело прочь от крепости, взревев от испуга и боли.

Дракон! Чёрный дракон повернул обратно к горам, издавая глубокие и злобные стоны.

Хокспайк посмотрел на Харбранда, Харбранд посмотрел на Хокспайка. Затем они оба пришпорили лошадей, торопясь к Ирлингстару.

Их измученные лошади, запротестовав, перешли на неровный галоп, и двое наездников снова подверглись мучениям болезненной тряски в сёдлах.

Два уцелевших партнёра «Опасности по найму» обменялись взглядами во второй раз.

После чего с силой натянули поводья.

Если дракон направится в эту сторону...

Оба каким-то образом сумели удержаться в седле после последовавшего дикого

брыкания и вставания на дыбы.

Но после этого они решили торопливо спешиться и привязать фыркающих, мотающих головами лошадей к ближайшим деревьям. Оба мужчины отвязали свои седельные сумки и поспешили в укрытие.

Их мечи и кинжалы были недавно наточены, и легко рассекли путы, позволяя коням отправляться, куда глаза глядят.

В зияющую пасть разозлённого дракона, к примеру...

Двое наёмников бросились назад к деревьям, подхватили седельные сумки и побежали.

Скоро они начали задыхаться — сумки были хрястово тяжёлыми — но продолжали бежать, пока не выбились из сил.

Тогда они рухнули на мёртвую листву и сухие иголки, чтобы улечься бок о бок, задыхаясь.

Они находились достаточно далеко от того места, где освободили лошадей, но слишком углубились во мрак бесконечного леса.

Напарники взглянули в ту сторону, где свет солнца был ярче всего. Им придётся вернуться к краю леса, где была дорога, и проделать остаток пути до Ирлингстара пешком, оставаясь под деревьями.

Взрывы, драконы... те дополнительные подношения, сделанные ими и Тиморе, и Бешабе сразу, не принесли друзьям ничего, кроме их обычной удачливости.

— Я же говорил тебе, — неожиданно начал Харбранд. — Краденные вещи не годятся для подношений. Богини всё знают.

Ответ Хокспайка был немедленным, язвительным, и скорее всего оскорбил Тимору с Бешабой куда сильнее, чем любое подношение.

— Здесь я — лорд-констебль, — резко напомнил Фарланд высокому, немногословному и плосколицему боевому магу.

— Так и есть. Я почти сумел об этом забыть, несмотря на ваши постоянные напоминания, — отозвался Гулканун. — Почти.

И подмигнул.

Фарланд с удивлением обнаружил, что готов улыбнуться. Этот Дат Гулканун был... приятным. Немного чересчур ироничным, но куда менее раздражающим, чем лорд Делькасл, Властелин Насмешек. Храст его побери, этот человек нравился Фарланду.

— Очень хорошо, — сказал он, быстро поворачиваясь, чтобы уставиться на другого боевого мага — носителя проклятья, которое заставляло его руку постоянно изменяться. Как обычно, тот подошёл беззвучно и встал слишком близко. Слишком близко, чтобы напрячь любого человека, а не только тюремщика, обученного избегать подобных вещей, держать заключённых на расстоянии и оставлять себе достаточно места для взмаха мечом или булавой.

Этот человек ему *не* нравился. Скользкий, с языком без костей, его слова и действия не заслуживали никакого доверия. Повстречай его Фарланд впервые, не зная, что этот Лонклоус — боевой маг, он принял бы его за мошенника. Лонклоус был точь-в-точь таким же, как благородные гости Ирлингстара.

Да, мужчина казался лорду-констеблю заключённым, а не уважаемым офицером Короны. Останься они наедине, Фарланд мигом бы ему напомнил, что наказание за измену — смерть.

— Очень хорошо, — повторил он, наступая на раздражающего Имбрульта Лонклоуса до тех пор, пока тот — лорд-констебль привык отмечать и запоминать такие мелкие победы — не отступил, — сделаем это по-вашему.

— И вы поверите в тот ответ, с которым я вернусь?

Фарланд кивнул, сумел подавить вздох и повторил:

— И я поверю любому ответу, с которым вы вернётесь.

ГЛАВА 16

КОМНАТА НА НОЧЬ

В замке Ирлингстар было мало наружных балконов — что для построенной как тюрьма крепости в целом неудивительно. Один из немногих всё-таки имевшихся выходил из смежной с собственным кабинетом Фарланда комнаты записей.

Прямо сейчас туда направлялся боевой маг Гулканун, а Лонклоус сопровождал его до комнаты записей. Там проклятый волшебник повернулся, уселся на стол и вытащил из-за пояса два жезла. Хотя он ни слова не сказал, его намерения были очевидны: держать всех остальных подальше, там, где они не смогут разглядеть, что делает Гулканун. Магия, открывающая небольшую брешь в защитных печатях, была секретом боевых магов и должна была оставаться таковым.

Фарланд уставился на Лонклоуса, который встретил его взгляд со слабой улыбкой. Они оба знали, что делает Гулканун, но это не означало, что лорду-констеблю должно это нравиться. Так много людей пыталось отдавать ему приказы в его собственном замке, что Фарланд потерял им счёт, храст побери.

Этому Гулкануну — достойный парень, насколько вообще бывают достойными боевые маги — нужна была брешь в магической защите, чтобы связаться с Глатрой Баркантл в Сюзейле, доложить ей об убийствах и выяснить, действительно ли два новых заключённых являются агентами Короны под прикрытием, как они о том заявляют.

Глатра. Пальцы лорда-констебля снова потянулись к подвеске, которую он носил, скрытой под постоянно присутствующим горжетом. Это был подарок на память, который она вручила ему после долгой нежной ночи, случившейся ещё до того, как их отношения так плохо завершились.

— Используй подвеску, если я тебе понадобится, — сказала тогда Глатра. Её глаза были большими и тёмными. Слова, которые он никогда не забудет.

Так почему же Фарланд так дьявольски рад, что вместо него с Глатрой говорит сейчас какой-то плосколицый боевой маг?

Маги Короны вернулись обратно в комнату куда быстрее, чем он ожидал. Фарланд отдернул свои пальцы от спрятанной подвески, как будто она могла обжечь.

— Теперь Сюзейл знает об убийствах, — сказал ему Гулканун, — а этим двум можно верить: они действительно те, кем представились.

Фарланд наклонил голову.

— Благодарю вас, сэр.

Он повернулся к Амарун и Арклету.

— Приношу свои глубочайшие извинения вам обоим. Надеюсь, вы понимаете, что лорд-констебль не может быть *слишком* осторожным.

— Разумеется, — вежливо отозвался Арклет, а Амарун кивнула.

Фарланд улыбнулся и махнул одной рукой в сторону прочной на вид стены. Он увидел, как лорд Делькасл изогнул брови, и торопливо подался вперёд с ключами, отпирая тайную дверь, чтобы опередить любой остроумный — и раздражающий — комментарий, который мог отпустить юноша.

Комната за дверью была небольшой, без окон и без других выходов, только в противоположных углах виднелось два вентиляционных отверстия размером с запястье

некрупного человека. Внутри стояла койка, служившая одновременно постелью и сидением для низкого, простого стола неподалёку — стола, на котором стоял графин, две простых деревянных кружки, накрытая куполом глиняная тарелка и шахматная доска с расставленными для игры фигурами.

Фарланд поднял с тарелки купол, открывая сосиски и сыр, и указал на графин.

— Вино.

Любезным взмахом, словно сюзейльская хозяйка, он пригласил двух агентов Короны присаживаться, посторонившись, чтобы дать им пройти.

— Комната ваша на ночь, агенты Короны, — вежливо сказал он в дверях. — Поговорим завтра.

Затем он вышел наружу, закрыл дверь — и запер их внутри.

— Что на моём месте, — пробормотала Эльминстер, — сделал бы Бреннон Лаксар?

Воспользовался тайным ходом боевых магов, сухо предположила Симрустар у неё в голове. Если верить грошовым книжкам и байкам из таверн, такой есть всегда.

Эл вздохнула, кивнула и двинулась вдоль стены замка, проводя кончиками пальцем по тёмным, грубым камням и неотрывно глядя на свои кольца. Если они засияют, это может сигнализировать о тайном ходе.

Если нет...

Постучись в двери тюрьмы и попытайся соблазнить появившихся стражников. В результате тебя арестуют.

— Каждому человеку просто необходим личный Избранный в голове, — пробормотал вслух Эльминстер. — Они просто незаменимы.

Симрустар в глубинах его разума издала очень грубый звук.

Арклет в ярости кинулся на дверь, но с таким же успехом он мог колотить и царапать твёрдый камень.

Он толкал, тянул и пинал неподвижную дверь, осыпая лорда-констебля отборными ругательствами из своего арсенала, но в конце концов сдался и повернулся обратно к Амарун, задыхаясь.

— Прости, Рун, — вздохнул он. — Я был таким дураком! Я должен был это предвидеть, разве не...

Пальцы Амарун постучали по его губам, чтобы заставить замолчать. Она хитро улыбнулась и подняла один из своих сапог. Должно быть, Амарун стянула его, пока он атаковал дверь.

У него на глазах девушка нажала пальцами на передние углы каблука, где подошва изгибалась внутрь, прежде чем снова выгнуться, очерчивая остальную часть стопы — и легонько потянула под прямым углом на себя.

Каблук соскользнул, открывая рукоять короткого кинжала.

— Осторожно, — выдохнула она, поднимая кинжал. — Он бритвенно-острый.

— Где ты...?

— Шторм. Она взяла его для меня у арфиста в Сюзейле.

Рун положила кинжал на стол и затрясла сапог, подставив ладонь, чтобы словить всё, что могло выпасть из открывшейся полости.

Выпало нечто маленькое, завернутое в шёлк. Амарун что-то ловко сделала пальцами, заставляя шёлковый свёрток развернуться, и Арклет обнаружил, что смотрит на набор

отмычек.

— Я же Тихая Тень, помнишь? — с усмешкой прошептала Рун.

Арклет медленно улыбнулся в ответ.

Его леди скользнула к нему и обняла. Чтобы недоверчиво прошептать на ухо:

— Эти двое и вправду боевые маги? Ты когда-нибудь слышал про боевого мага, которому приходится жить с магическим проклятием?

Арклет покачал головой.

— Нет, и...

Он быстро забыл всё, что собирался сказать, когда у них под ногами пол встрепенулся, словно пытаясь подняться им навстречу. Стол, графин и всё остальное подпрыгнуло в воздух, вся комната задрожала и зашаталась с оглушающим грохотом грома.

С потолка неожиданно тяжёлым облаком посыпалась пыль, и Арклет развернул Амарун, прижимая её к ближайшей стене и пытаясь заслонить собой. По телу застучали камешки, и было слышно, как тут и там падают крупные камни.

Стены вокруг них предупреждающе застонали... но когда этот зловещий звук стал глубже, гром утих, а вместе с ним прошла дрожь.

Долгие мгновения спустя всё замерло неподвижно, кроме удушающих клубов пыли, от которой они оба закашлялись. Пока они кашляли и тряслись, наступила тишина.

Затем внутрь неожиданно хлынул свет. Запертая дверь снова открылась, и через порог потянулся мрачный Гулканун, схватив Арклета за руку.

Он вытащил юного лорда из комнаты — Рун следовала за ним, схватив свой сапог и подпрыгивая на одной ноге, чтобы его натянуть — и потащил в кабинет Фарланда.

Слой пыли в кабинете был таким же толстым, хотя по стенам змеились трещины, которых раньше здесь определённо не было. Лонклоус обездвигил лорда-констебля, одной рукой удерживая Фарланда за горжет, а другой — направив жезл ему прямо в лицо.

— Пойдём, — мрачно приказал Гулканун, поворачивая голову, чтобы распространить этот приказ не только на Рун и Арклета, но и на своего коллегу-мага и лорда-констебля. — Сейчас надо держаться вместе.

Лонклоус отпустил Фарланда и махнул ему на дверь. Лорд-констебль мрачно выбежал наружу, остальные наступали ему на пятки.

Два убийства, а теперь взрыв, который они торопились расследовать...

— Ах, приключения! — радостно воскликнул Арклет.

Рун рядом с ним закатила глаза.

Гулканун неожиданно засмеялся.

Настроение наряда боевых магов на стенах морской крепости в северном конце Марсембера было так себе... и становилось только хуже. На берег, прямо на них обрушился сильный шторм, едва не утопивший Марсембер в девятый раз за последние десять дней. Дождь прошёл весь путь с начала до конца — барабанил, потом хлестал, затем заколотил по камням и плитам с достаточной силой, чтобы капли рикошетом могли намочить подбородок снизу. Сейчас дождь начал косить, будто сыплющиеся вниз копыя воздушной кавалерии, вонзаясь даже в самые тщательно закрытые лица.

Маги Короны съёжились в своих плащах, набросив капюшоны и опустив плечи. Они уже промокли насквозь и начали замерзать. На стенах охраняющие от дождя заклинания были бесполезны, благодаря старым, могущественным и многослойным печатям, которые

защищали башни от враждебной магии.

— Тлуинова погода, — пробормотал один волшебник. Другой рядом с ним в жалком молчании кивнул. Они все с немалым подозрением наблюдали — или пытались наблюдать в этом шторме, разве контрабандисты и работорговцы не обожают такие условия? — за входящим в общественную торговую гавань кораблём. Он качался на диких волнах там внизу, посреди всех поднимающихся и падающих пришвартованных судов, и...

Время пришло. Все до последнего боевые маги сосредоточились на своей работе. Старательные глупцы.

Мэншун произнёс последние слова волшебной формулы, и заклинание в мгновение ока перенесло его из сухого, но затянутого облаками Сюзейла к морским укреплениям исхлётанного штормом Марсембера.

Он возник сразу за спинами стоявших в ряд боевых магов. В точности, как и планировал. Он позволил себе необходимое для широкой удовлетворённой улыбки мгновение, прежде чем раскинуть руки и прочесть следующее заклинание.

Заклинание бросило всех боевых магов друг на друга, оставляя синяки, ломая конечности, оглушая и лишая их чувств, а затем подкинуло в небо тугим, слабо сопротивляющимся клубком. Маги повисли в воздухе, подвергаясь ударам молний проходящего шторма, пока Мэншун с неторопливой точностью творил следующее заклинание.

Оно ударило магов, будто рухнувшая каменная стена, и швырнуло далеко и высоко сквозь грозовые тучи, вырвав несколько удаляющихся криков. Покалеченные и мёртвые маги рухнули в открытое море за волноломом.

Мэншун посмотрел направо, потом налево. Вдоль укреплений поворачивались головы, в угловых башнях, где стояли на часах пурпурные драконы, на единственных постах в Кормире, где им позволялось не носить доспехов и стоять без копий наизготовку.

Некоторые из этих часовых с криками бросились в его сторону. Они заметили то, что Мэншун сделал с боевыми магами.

Мэншун практически с нежностью улыбнулся бегущим мужчинам.

— Сокращение числа боевых магов, — произнёс он, — будет делом лёгким и приятным.

И когда самые быстрые из бегущих солдат оказались достаточно близко, чтобы увидеть лицо своего будущего императора, он улыбнулся им широкой приветственной улыбкой — и исчез, оставив драконам рубить и колоть голые, омытые дождём плиты.

Пыль была повсюду, хотя грохот и тряска прекратились. Фарланд сильно кашлял, но бежал так, будто не нуждался в передышках и воздухе — по угрюмым каменным коридорам, вниз по тёмным лестницам, по другим коридорам и вверх по другим лестницам. Арклет, Амарун и два боевых мага, задыхаясь, бежали следом.

Они всюду слышали крики. Напуганные, встревоженные пленники вопили сквозь решётки на дверях в их камерах. Требовали, чтобы их выпустили, звали на помощь, визжали и всхлипывали, кричали, что их ранило.

— Любой, кто так выразительно умоляет о помощи, не так уж и сильно пострадал, — прокомментировал Лонклоус, пока они миновали одну мольбу за другой, оставляя их без ответа — и неслись вперёд к новым крикам впереди.

Судя по всему, большая часть благородных узников Ирлингстара не пострадала, а просто испугалась. Несколько человек с оглушённым видом блуждали по крепости, моргая

сквозь маски густой пыли. Их освободил взрыв, от которого треснули стены и угасли печати вокруг тюремных камер.

Рыскавшие по коридорам магические змеи страха целиком исчезли, и по дороге Фарланд и остальные всё чаще встречали пленников, оказавшихся почти на свободе. Двери камер рухнули или стояли открытыми нараспашку, но люди, которых они должны были сдерживать, дрожали в воздухе, пойманные упрямыми печатями. Печати удерживали заключённых практически неподвижно; если они прикладывали всю свою силу, то могли очень медленно двигаться вперёд.

Фарланд не останавливался. По крутой лестнице, где по-прежнему лежал мёртвый Вандур в ожидании подобающего расследования перед своими похоронами — и наверняка ставший трапезой для крыс, пока взрыв не заставил грызунов разбежаться. Мимо заколоченной шахты, которая служила лифтом — наверх шла пища, вниз ночные горшки — до тех пор, пока там не начали слишком часто застревать узники, сунутые вниз головой в шахту жестокими товарищами и брошенные умирать. Всю дорогу до череды тяжёлых дверей, что охраняли подход к южной башне.

Первые несколько дверей были заперты, но у лорда-констебля, конечно же, были ключи, и он едва сбавил шаг. Вторая пара дверей треснула, но всё ещё стояла, покорежённые замки по-прежнему держали их на месте. Когда ключи не помогли, помог крепкий удар ногой.

Следующие двое дверей стояли приоткрытыми, замки и засовы были сломаны, потолки треснули и просели. За ними, там, где должна была находиться ведущая в южную башню четвёртая пара дверей, виднелся дневной свет.

Лорд-констебль Фарланд неловко заскользил по камням, резко затормозив за третьей парой дверей. Он уставился вперёд, слишком потрясённый, чтобы нецензурно ругаться.

Южной башни... не было.

Вместо каменных комнат и парапетов их встречал прохладный ветер и роскошный вид на удаляющиеся к югу Громовые пики слева. Внизу был виден последний неровный изгиб дороги Орондстаров и великий тёмно-зелёный ковёр Хуллакского леса, простирающийся к юго-западу, насколько хватало глаз.

Фарланд застонал, как будто его вот-вот должно было вырвать.

Амарун нахмурилась от холода, затем спокойно подтянула жилет к подбородку и придержала его там, чтобы развязать намотанную под грудью бечёвку.

Гулканун усмехнулся ей и схватился за один конец бечёвки. Арклет и Лонклоус помогали, её возлюбленный жестом попросил девушку завертеться. Она подчинилась, и в их руках остался хороший кусок чёрного шнура, который Амарун давным-давно приготовила для лазанья, завязав узлы на равных промежутках.

Лорд-констебль осторожно попытался выглянуть за зазубренный край, которым теперь так неожиданно заканчивалась его крепость, и торопливо отступил, когда камни под сапогами просели или посыпались в пропасть.

Когда Гулканун хлопнул его одним концом верёвки, Фарланд поднял взгляд, кивнул, схватил протянутый конец, обвязал верёвку петлёй вокруг себя, и спустился за край чуть ли не раньше, чем остальные успели упереться в пол, чтобы удержать его вес.

Рун схватила кусок оторванного стенного кронштейна, чтобы помешать острому краю сломанного камня, за которым исчез Фарланд, перетереть бечёвку, но едва успела подползти туда, откуда смогла сунуть кронштейн под движущуюся верёвку, прежде чем та

остановилась, и лорд-констебль хрипло крикнул:

— Поднимайте. Я увидел достаточно.

— Итак, — спросил Гулканун несколько мгновений спустя, когда они помогли Фарланду встать на ноги, — как выглядит это «достаточно»?

Лорд-констебль покачал головой, подбирая слова. Он так побледнел, что старые шрамы и прыщи проступили на его лице, будто жуткий праздничный грим.

— Исчезла не только башня, — мрачно сказал он. — Вся южная сторона... взорвана, каждый этаж стоит открытым. Я видел коридоры, будто колонну дыр до самого низа. Сейчас это выглядит так. Всё проседает.

Пока он говорил, они услышали долгий, медленный гроыхающий стук откуда-то из-за края. Это был звук падающих с Ирлингстара ленивым дождём камней. Расколотые блоки под ними начали осыпаться.

Фарланд вздрогнул, как будто кто-то разбил драгоценное украшение.

— Это только начало. Думаю, что до самого центрального колодца здесь небезопасно.

— До ступеней, где упал Вандур? — догадался Арклет.

Фарланд устало кивнул. Казалось, он готов зарыдать.

— Осторожно! — воскликнул Лонклоус, бросаясь вперёд, чтобы схватить лорда-констебля и оттащить его назад. В камне вокруг и под ними зародился глубокий протяжный стон.

Они поспешили назад, за дверные проёмы, где должна была стоять четвёртая пара дверей. Стены справа от них накренились.

У них на глазах медленный крен превратился в неизбежное падение... и рухнул целый контрфорс в стене замка. Падая, он разломился на части, и падение превратилась в гроыхающий водопад бьющегося камня, расколовший несколько деревьев и снёсший их в мгновение ока — открывая взглядам двух прятавшихся за деревьями мужчин.

Двух тяжеловооружённых мужчин в разномастных кожаных доспехах, тут и там усеянных горжетами, гульфиками и другими разнообразными кусками металлической брони посреди подсумков, перевязей и рукоятей кинжалов.

Пятеро агентов и офицеров Короны устали на них.

— Я лорд-констебль Ирлингстара, — проревел Фарланд. — А вы кто такие?

Двое незнакомцев посмотрели на него, заметили, что руки двух человек по бокам от Фарланда подняты, чтобы сотворить заклинание — и что одна из этих рук выглядит, как букет цветов, чьи лепестки быстро вырастают в изгибающиеся, любопытные щупальца.

— Ух, я Харбранд, — выпалил один из мужчин, носивший глазную повязку, а затем ткнул большим пальцем в своего спутника. — А он Хокспайк.

К этим именам они оба присовокупили виноватые ухмылки.

— Эм... может быть, вы дадите нам комнату на ночь? — спросил Харбранд. — Здесь дракон летает!

Двери хорошо запрятанной в глубине заброшенного крыла королевского дворца Сюзейла комнаты были плотно заперты заклинанием. Некоторые встречи даже для королевской семьи должны были оставаться тайной.

— Глатра, просто смиришься с тем фактом, что в определённые вещи не будут посвящать даже тебя. Пока не наступит время, когда тебе можно будет рассказать.

Глатра злобно уставилась на паукоподобного королевского мага Вангердагаста и

сплюнула:

— Но я должна была знать об этом всё! Это жизненно важно для моей работы!

— Это всего лишь будет отвлекать тебя от работы, пока мы не поймём, как оно действует и как им безопасно пользоваться, — прохрипел лорд печатей Вэйренс со своего места в кресле. Он по-прежнему был слаб и бледен, но достаточно восстановился после магической ловушки, почти прикончившей его в дворцовых погребах, чтобы наконец-то подняться с постели. — Мы сможем получить куда больше, если сумеем воспользоваться этим какое-то время до того, как разойдутся сплетни. А сплетни разойдутся быстро, не сомневайся; судя по первым докладам, которые я получил, как только встал на ноги, некоторые лорды уже заговорили о том, что боевые маги в последнее время стали чересчур «бдительными». Поэтому до тех пор, пока тебе действительно не потребовалось знать...

Глаза Глатры вспыхнули, но она отвернулась от него, чтобы уставиться на текущего королевского мага Кормира.

Ганрахаст просто кивнул и сказал ей.

— Всё верно. Поэтому я и отдал такой приказ.

Боевая волшебница Глатра Баркантл в ярости обрушила на стол оба своих кулака, затем развернулась на каблуках к сидевшей рядом безмолвной среброволосой женщине и ткнула пальцем практически в лицо Шторм Среброрукой.

— Но она знала — а ведь она даже не присягала Короне и она не из Кормира!

— Она знала, поскольку проделала большую часть работы по совершенствованию этого, — прорычал Вангердагаст, продвигаясь по столу, как ползущий паук. Глатра в отвращении отпрянула, ненавидя себя за свой страх и черпая свежую ярость в неприятной ухмылке королевского мага. Вангердагаст знал, как она реагирует на него, и намеренно этим пользовался!

— Точно так же знал я, потому что я доделал остальное, — добавило паукообразное существо, после чего быстро развернулось и поползло прочь.

— И на самом деле леди Шторм присягала короне — и она из Кормира, — тихо сказал Ганрахаст.

— Но не нашему королю! И она не гражданин, обитающий в наших границах, который платит налоги! Она злоупотребляет титулом, дарованным ей несколько веков назад!

— Что касается этого, — с неожиданным пылом сказал Вэйренс, — мы, боевые маги, все злоупотребляем. Это то, что мы делаем. Заканчивай, Глатра. Я не знаю, сколько ещё смогу продержаться без сна.

Глатра отвела от него взгляд, посмотрев на Шторм. Сохраняя молчание, Шторм дружески улыбнулась ей, но Глатра резко отвернула голову.

И обнаружила, что смотрит на королевского мага Ганрахаста, который печально покачал головой, достал из пояса шкатулку, открыл её и принялся раскладывать содержимое в сверкающий ряд в центре стола.

Абсолютно одинаковые кольца. Прямые полосы, за исключением небольшой острой драконьей морды. Командные кольца боевых магов.

— Посредством этих колец действует магия мысленной связи, — произнёс он.

— Действующая мысленная связь? — Глатра не сумела скрыть своё недоверие.

Ганрахаст моргнул.

— Ну, хм... до сих пор с ума никто не сошёл.

ГЛАВА 17

Я — ВАШЕ ВЕЖЛИВОЕ НАПОМИНАНИЕ

— До недавнего времени мы редко их раздавали, — добавил Вэйренс, — но в последнюю десятидневку отдаём их всем боевым магам, до которых можем добраться.

Он толкнул одно из колец в сторону Глатры.

— Это твоё. Остальные кольца связаны с другими, которые уже носят некоторые из наших коллег.

Глатра с подозрением посмотрела на кольцо.

— Кто-нибудь из вас такое носит?

Вэйренс поднял руку, показывая кольцо у себя на пальце.

— Кто-нибудь ещё? — она уставилась на человекоголового паука. — *Ты?*

— Конечно.

Паук перекатился, как опрокинутая игрушка, чтобы показать яркое кольцо, надетое до самого основания одной из его ножек.

— В конце концов, это я их создал.

Глатра нахмурилась.

— Вы же сказали...

— В эти дни я крайне редко использую магию, — спокойно ответила ей Шторм. — Однако за долгие годы я *очень* часто наблюдала за тем, как Эльминстер занимается волшебным ремесленничеством, и помню всё очень отчётливо.

— Значит...

Шторм гладко оборвала Глатру.

— Так что пока ты решаешь, осмелишься ли надеть своё кольцо, дорогуша, полагаю, мы можем приступить к обсуждению причин, почему все остальные за этим столом так жаждут приступить к использованию этой доступной мысленной связью, предназначенной лишь для общения, а *не для принуждения*.

— У меня есть только ваше слово, — зарычала Глатра. — Насколько я знаю...

— Хватит, — сказал ей королевский маг Ганрахаст голосом на самой границе рыка. — Госпожа Шторм абсолютно права. Важна не наша новая магия, а причины, по которым она потребовалась; слишком много лордов замышляют измену, и мы должны быть способны *мгновенно* предотвратить нападение на любого Обарскира — и на наших коллег-царедворцев. После совета несколько царедворцев были ранены или убиты.

— Не только царедворцев, но и боевых магов, — тяжело сказал Вэйренс.

— Что? — Глатра была слишком потрясена, чтобы не повышать голоса.

— В последние несколько дней боевые маги по всему королевству за пределами Сюзейла замолкли — предположительно они были убиты. Уже больше двух десятков.

Глатра рухнула обратно в своё кресло.

— Тебе говорят об этом *сейчас*, — резко сказал Ганрахаст, прежде чем она смогла озвучить ожидаемый королевским магом протест. — Хотя у нас пока нет известного и явного противника, похоже, что Кормир в состоянии войны. Возможно, с самим собой — но я очень боюсь, что старые враги и соседи принимают в этом участие или скоро примут. Мы не можем допустить, чтобы в наших рядах остались предатели. Мы должны искоренять измену, когда встречаем её, а не ждать расследований и судов.

Шторм покачала головой.

— Нет, королевский маг, — тихо сказала она. — Как только вы сядете на эту лошадь, начнётся тирания, и вы перестанете быть защитниками всего, за что стоит сражаться.

— Слишком поздно, госпожа Шторм, — буркнул Вангердагаст. Паучьи ножки развернули древнего королевского мага к ней. — Я оседлал эту лошадь давным-давно, лишь для того, чтобы сохранить нечто под названием «Кормир». Как говорил наш общий учитель: «Приходит время, когда нужно отбросить все условности и сделать то, что необходимо». Это время пришло.

Шторм скрестила с ним взгляды.

— Это время пришло и ушло. Вернулось время доверять друг другу, время придерживаться законов и принципов. Для тех, кто на это способен.

Глатра проглотила своё инстинктивное возражение, сделала глубокий вдох и вежливо, почти скромно спросила Шторм:

— Простите, госпожа, но кто вы такая, чтобы велеть нам, хранителям законов Кормира, придерживаться законов?

— Я — ваше вежливое напоминание, — ответила Шторм. — Прежде чем простолюдины за этими стенами напомнят вам об этом куда более жестоким способом. Если одни поднимутся, в этом дворце прольётся кровь, и Драконий Трон может не уцелеть.

Глатра побледнела, но прошипела:

— Это угроза?

Шторм покачала головой в печальном отрицании.

— Предсказание той, кто слишком часто видела подобное в прошлом. Как однажды сказал мне Эльминстер... «Если не можешь быть блистательным примером, будь страшным предупреждением».

Одно из командных колец на столе неожиданно взорвалось, его кусочки разлетелись и зазвенели по комнате. Один осколок чиркнул по щеке Глатры. Она сумела подавить крик и прижала ладонь к ране, откуда хлынула кровь.

— Ещё одного хорошего мужчины не стало, — мрачно сказал Ганрахаст, глядя на выжженную на столе отметину там, где было кольцо.

Вэйренс покачал головой.

— Хорошей женщины. Это была Лейлра, в Перепутье.

Глатра посмотрела на него.

— Лейл? Мы с ней вместе служили в... в...

Она зарыдала.

Шторм вытянула длинную руку и прижала боевую волшебницу к груди, чтобы гладить её, пока та рыдала. Вэйренс пробормотал проклятие и взглянул на Ганрахаста.

— Нет, — отрезал Вангердагаст прежде чем королевский маг успел что-нибудь сказать. — Ты останешься здесь, чтобы руководить и отдавать приказы, и воздержись от того, чтобы бросаться туда сломя голову и играть мёртвого героя. Прямо сейчас ты куда больше стоишь в качестве живого труса.

Паукоподобный остаток одного из самых могущественных магов Кормира снова повернулся к Шторм, чтобы бросить на неё взгляд над содрогающимися плечами и головой Глатры, и добавил:

— Пожалуйста, не надо напоминать мне об обстоятельствах, в которых Эльминстер говорил нам эти полезные изречения. Я и сам их помню.

Шторм улыбнулась ему слабейшим призраком улыбки.

Кабинет лорда-констебля, уныло подумала Амарун, начинает становиться чересчур знакомым.

В комнату набились она, Арклет, мрачный Фарланд и двое боевых магов, чтобы посоветаться. Забытые животы урчали. Они провели несколько напряжённых мгновений, запирая людей за различными дверями, проверив сначала, что эти двери — и стены вокруг них — находятся в достаточно крепком состоянии, чтобы кого-нибудь удержать. Двух жуликов, назвавшихся Хокспайком и Харбрандом, впустили в замок и заперли в предназначенных для гостей жрецов или целителей Короны покоях, благородных лордов, которые осмелились выйти в коридоры, прочно закрыли в различных камерах, и наконец настало время задуматься над тем, что стало причиной взрыва. Или как эту причину можно отыскать.

Был ли это тот самый убийца, прикончивший другую жертву с помощью сильного взрыва? Пропало не меньше семнадцати незначительных дворян, и по крайней мере некоторые из них были мертвы, судя по крови, отрубленным рукам, ногам и другим кускам окровавленных тел, раскиданных по огромной куче обломков с южной стороны, где теперь заканчивался замок.

Или убийца — он, она или они, храст их побери — погибли сами, когда что-то взорвалось раньше, чем следовало?

Или взрыв не имел с убийствами ничего общего?

А эти двое подозрительных гостей — Хокспайк и Харбранд — настоящие жулики, если кто-то из собравшихся пяти слуг Короны хоть когда-то видел жулика — имеют ли они какое-то отношение к любому из двух убийств или взрыву? Или это дракон, которого по их словам они видели? Оба мужчины настаивали, что дракон улетел в горы сразу после взрыва, и эта история казалась чересчур удобной — но её повторяли некоторые из узников Ирлингстара, у которых не было возможности переговорить с Хокспайком и Харбрандом.

— По слухам, где-то поблизости в Громовых вершинах действительно есть логово чёрного дракона, — хмуро, как будто сам сознаваясь в преступлении, произнёс Фарланд. — И за последние годы его видели много раз. Не я лично, но многие люди, которым я доверяю. Насколько известно, он никогда не приближался к Ирлингстару и не совершал набегов в более людные земли Кормира, лежащие за Хуллаком — по крайней мере, насколько я знаю.

Гулканун кивнул.

— Займёмся драконом позже — если он нападёт, или после того, как выследим его, если в том возникнет необходимость. Прямо сейчас у нас есть разрушенная тюрьма и множество смертей, две из которых нельзя записать на счёт дракона, разве что он многократно уменьшился в размере и преодолел волшебные печати, или послал через них заклинания... и лично я сомневаюсь, что какой-то дракон сможет сделать такое, не уничтожив печати целиком.

Все кроме Амарун кивнули. Она поняла аргументы мага, но знала слишком мало о защитной магии, чтобы с чем-либо соглашаться.

— Сколько дворян находятся здесь в заключении? — спросил лорда-констебля Гулканун. — И кто они такие?

Фарланд с сомнением посмотрел на Арклета и Амарун, и высокий маг фыркнул:

— Кроме этих двоих, в присутствии которых, насколько я могу судить, вы можете

говорить откровенно.

Лорд-констебль взглянул на Гулкануна с каменным выражением лица.

— Мне кажется, такие суждения могу выносить лишь я сам.

— Присягнувший офицер Короны, — мягким голосом ответил маг, — я чувствую, что должен напомнить вам — все присутствующие принесли присягу и находятся здесь потому, что служат Драконьему Трону. Отбросив в сторону звания, я прошу вас вспомнить, кто именно здесь владеет заклинаниями, способными превращать других в лягушек или садовые статуи... или ночные горшки.

Арклет ухмыльнулся.

— Говорите почти как Вангердагаст, — одобрительно заметил он.

Фарланд его проигнорировал.

— Это угроза? — зарычал он на Гулкануна.

— А если так?

После мгновения напряжённой тишины, Фарланд повернул голову, чтобы окинуть самым холодным своим взглядом каждого человека в комнате, затем тяжело сказал:

— Настало более чем подходящее время, чтобы каждый из нас раскрыл всю правду.

Он повернулся к Арклету и Амарун.

— Предлагаю вам забыть о попытках сохранить тайну и рассказать нам, кто именно послал вас сюда и зачем.

— Мы пообещали человеку значительно выше вас по званию сохранить *его* тайны, — холодно ответил Арклет, — и мы продолжим...

— Вы обещали королю, — сухо прервал его Гулканун, — в присутствии королевского мага, госпожи Глатры и вашей матушки. Присутствовал ещё один человек, чью личность мне не раскрыли.

— Шторм Среброрукая, — объяснила Амарун. — Маркиза Иммердаск. Расскажи им всё, Арклет.

— Всё? — неохотно спросил он.

— Всё, — твёрдо сказала она.

— Ну... — Арклет с сомнением посмотрел на свою возлюбленную, затем торопливо произнёс:

— Вы уже знаете наши настоящие имена и то, что мы на самом деле не заключённые, и знаете, кто нас послал. Мы пришли в Ирлингстар, чтобы найти в этих стенах человека из Сембии, который пытается захватить замок или освободить благородных узников и забрать их в Сембию, чтобы устроить там заговор против Кормира.

Фарланд с отвращением посмотрел на него.

— Бросьте! Нет никакого...

— Возможно, лорд-констебль, этот человек — вы, — твёрдо возразил Арклет. — Пожалуйста, поймите, что у меня нет никаких доказательств в пользу этого предположения, но король не разделяет ваше недоверие — а разве существует лучший способ помешать расследованию, чем насмеяться, сбивать с пути и воздерживаться от сотрудничества?

— Откуда вам известно, что предатель внутри Ирлингстара из Сембии? — быстро спросил Лонклоус, давая Фарланду знак замолчать. Удивительно, но лорд-констебль проглотил реплику, для которой уже подался вперёд и набирал воздух, и откинулся на спинку стула с безмолвной гримасой.

— У меня нет никаких поводов считать, что король Форил Обарскир нам солгал, —

ответил Арклет. — Зачем ему лгать? Что ж, он сказал, что боевые маги подслушали устное магическое послание, которое, как они считают, достигло своего адресата, не вызвав никаких подозрений в том, было перехвачено. Это был мужской голос, который сказал следующее: «Мы будем ждать в обычном месте, поскольку оно явным образом находится по нашу сторону границы. Если за нами придут какие-то драконы, грифоны будут ждать, и им придётся отвесть новых бомб».

— И как бы вы интерпретировали это послание, лорд-констебль? — тихо спросил Гулканун.

Фарланд шевельнулся.

— Человек, который ожидает беглых заключённых из Ирлингстара, предупредил пограничные патрули Сембии — те, что летают в небе на грифонах — быть готовыми к появлению кормирской погони за беглецами.

Гулканун кивнул.

— Я услышал то же самое.

Рядом с ним кивнул Лонклоус.

— А сейчас, — заговорила Амарун, — это *вы*, лорд-констебль, скажите мне, почему мы должны вам доверять, если заключённые могут так легко убежать из Ирлингстара. И, — она повернулась, чтобы посмотреть на Лонклоуса тяжёлым прямым взглядом, — *вы* убедите меня, что вы в действительности боевой маг, по неясной причине страдающий от магического проклятья или болезни. Никогда не слышала, чтобы мага Короны не исцеляли от подобного, но всё равно оставляли на службе. Так действительно ли вы — боевой маг?

Фарланд начал говорить, но Лонклоус вскинул вверх синюю руку с плавниками вместо пальцев, которые быстро превращались в несколько пучков чешуйчатых, зеленовато-чёрных когтей, чтобы заставить констебля замолчать.

— Мы здесь, чтобы проверить лорда-констебля *и* всех остальных в Ирлингстаре, точно так же, как и вы. А что до *этого*...

Своей здоровой рукой боевой маг указал на когти — именно в тот момент, когда они превратились в трепыхающиеся, корчащиеся нежно-розовые щупальца, затем стали трансформироваться в нечто, похожее на влажные приплюснутые боровьи рыла.

— ...я получил это много лет назад, сражаясь с налётчиками на тракте к Лунному морю, за Тильвертоном. Мы обратили в бегство их, а потом появился волшебник верхом на чёрном драконе и обратил в бегство нас. Он оставил мне это, а полгода спустя караваны принесли нам историю о том, как легендарный Мэншун Бессмертный, Чёрный Плащ Владыка Зентарима, восседая на великом чёрном вирме «усмирил армию Кормира, собиравшуюся завоевать Долины».

Лонклоус ухмыльнулся Рун и Арклету безрадостной усмешкой.

— Так что если я когда-нибудь встречу этого Мэншуна...

— Если ты когда-нибудь встретишь Мэншуна, — оборвал его резкий, переливчатый, мелодичный незнакомый голос, когда отворилась новая потайная дверь, — ты, скорее всего, проживешь столько мгновений, сколько он захочет с тобой поиграться. Если хочешь прожить долгую и счастливую жизнь, я бы на твоём месте стремилась к более благородным целям.

Все повернулись, чтобы посмотреть на новоприбывшую.

Это была фигуристая, зловеще-красивая женщина-дроу.

Она улыбнулась, поднимая руки и расставив длинные изящные пальцы, чтобы привлечь

внимание к кольцам: кольцу боевого мага и командному кольцу боевого мага.

— Сегодня на ужин жаркое из оленя, милорд, — облизываясь, сказал конюший.

— Ну конечно! — раздражённо отозвался командир Высокого Рога. — Именно тем вечером, когда я должен докладывать Дарлхуну! Что ж, постарайтесь хоть *чуть-чуть* мне оставить!

Сунув перчатки и шлем в руки конюшего, лорд Сантер прошёл внутрь, мимо прекрасного запаха, доносящегося из пиршественного зала — его живот сразу же проурчал собственный голодный охотничий зов — к ступеням. Это был долгий подъём на вершину главной крепостной башни.

Но не для Умбарла Дарлхуна, конечно же. Храстовы боевые маги могли просто взлететь, не так ли?

И этот человек был таким храстово жизнерадостным, таким искренне вежливым, милым, скромным и... и...

Сантер хотел свернуть ему шею и ненавидел себя за это. Его живот снова заурчал.

— Тлуин, — беззвучно прошептал он. — Мне нужно *выпить*.

Когда он наконец добрался до собственных покоев, почти на самом верху башни, и отпёр дверь, он обнаружил, что на самом деле ему нужно не просто выпить.

Счастливым боевой маг Умбарл Дарлхун уже никогда не будет рад кого-либо видеть.

Кто-то расчленил его на столе Сантера, предусмотрительно забрав с собой голову и толстую стопку пергамента, уложив конечности и торс так, чтобы они удерживали кровь, и написав послание внутренностями Дарлхуна: «Подарок от вашего будущего императора».

— Мне нужно напиться вусмерть, — вслух сказал Сантер. — После того, как меня вырвет.

Последние умирающие чудовища тщетно цеплялись за темнеющее сумеречное небо, когда слабо мерцающее, гаснущее фиолетовое сияние поглотило их.

Синее пламя зарычало вокруг фиолетового света, сдерживая его, стискивая. Фиолетовые огни вспыхнули и так же быстро угасли. Мерцание уменьшилось и ослабло.

Симбул скармливала тому, что осталось от разлома, новые и новые потоки синего огня, исторгая его вниз, несмотря на то, что до дрожи устала.

— Уходи, — выдохнула она, запрокинув голову и заставив свои длинные серебристые пряди снова прийти в движение. — Сгинь навсегда.

Разлом вспыхнул последней вспышкой болезненно-фиолетового, выбрав момент почти бесстыдно, и умер.

Оставляя Симбул шататься от истощения.

— Сколько ещё, Мистра? — устало выдохнула она.

Уже недолго, драгоценная моя. Ты позаботилась о самом худшем.

— А Эл и Мэншун? Сколько закрыли *они*?

Пока ни одного. Мэншун... разочаровал меня.

— Но не удивил, — догадалась Симбул. — Он попытался убить Эльминстера в тот самый миг, когда я ушла?

Не совсем. Кажется, прошло шесть секунд.

Бывшая Королева-Ведьма всего Агларонда фыркнула, разбрызгивая слюну, на мгновение засмеялась, как юная девушка — а затем запрокинула голову и завывала.

Долю секунды спустя ей вторил громopodobный смех богини.

— Кто, — фыркнул боевой маг Дат Гулканун, чей самый мощный жезл уже оказался в его руке и нацелился на тёмную эльфiku, — ты такая?

— Гулк, Гулк, я знаю, что наши дороги редко пересекались, и наш милейший Ностин не очень-то меня любил, но разве ты не помнишь Бреннона Лаксара?

Гулканун моргнул.

— Помню, и смутно помню, что Бреннон Лаксар был хорошим человеком, который мне нравился и которым я восхищался. Человеком, а не дровкой!

— Так и было, — ответила стройная, темнокожая... персона в другом краю комнаты с тем, что Гулканун — сглотнувший слюну, когда у него в горле внезапно пересохло — мог назвать лишь развязной, *страстной* улыбкой. Боги в небесах, никто не рассказывал ему, что злые тёмные эльфы, которых следовало убивать лишь только завидев, были такими... хростово *красивыми*. Она была... кем угодно, только не мужчиной. Фух.

— До этого проклятья, — печально добавила дровка. — Наш Лонклоус знаком с проклятьями не понаслышке.

Названный ею боевой маг уже навёл на эльфийку два жезла. Его лицо напряглось, когда он предупреждающе покачал ими. Его гнев был очевиден. Один жезл опустился и тревожно покачнулся, когда сжимающая его рука снова начала меняться.

Что касается Фарланда, то он медленно вынул свой меч. Арклет встал перед Амарун, чтобы заслонить её. Она тут же воспользовалась этим прикрытием, чтобы быстро достать один из своих кинжалов и приготовиться к броску.

— Как ты попала сюда наверх? — зарычал Фарланд тёмной эльфийке. Та улыбнулась ему и медленно подняла одну длинную, прекрасную ногу.

— Использовал её. И вторую тоже. Мы в Иммерфорде называем это «ходьбой».

Она задумчиво погладила вытянутую ногу — долгое и ленивое движение, которое заставило Лонклоуса зарычать вслух, глубоким горловым звуком, прежде чем он смог себя остановить, и добавила дразнящим мурлыканьем:

— Лотан всегда говорил мне, что вы рассекаете залы Ирлингстара верхом на спинах ползущих узников. Конечно, я никогда ему не верил, но теперь...

— Я имел в виду, — неторопливо сказал Фарланд, многозначительно приподнимая в руке меч, — что тебе почти наверняка пришлось быстро *убить* нескольких моих стражников, чтобы попасть в проход, из которого ты только что вышла.

Дроу отмахнулась.

— В Ирлингстаре я никого не убил. Пара простых заклинаний временно — и без всякого вреда — обездвижили нескольких стражников, и я смог присоединиться к этому маленькому совету.

— Умри, лживая дроу, — холодно сказал Гулканун и разрядил свой жезл.

Рядом с ним вспыхнули, пробуждаясь к жизни, оба жезла в руках Лонклоуса.

— Идиоты! — закричал Арклет. — Вы убьёте нас... всех...

Его гневный крик потерял громкость. Не произошло вообще ничего. Магия жезлов, которую, вероятно, не мог преодолеть никто, сверкнула через всю комнату и...

Исчезла. Казалось, что без следа.

Дроу осталась невредима. Более того, она опиралась на стену, продолжала улыбаться и изучала свои ногти, являя собой картину воплощённого беззаботства. Воздух вокруг неё трещал и на время от времени вспыхивал крошечными мерцающими огоньками света —

обычные последствия выхода на свободу могущественной магии, но...

— Лживая дроу-убийца! — пролаял Фарланд, бросаясь вперёд. В одно мгновение на его клинке вспыхнули дюжины — сотни — мерцающих огней света. Он закричал от боли и выпустил меч. Рука констебля забилась в диких спазмах.

Ругаясь, он схватился за непослушную конечность и попятился назад, тяжело рухнув спиной на стену.

— Как долго ты скрывалась в замке? — прохрипел он, соскальзывая на пол. — Это ты всех убила, не так ли?

Дроу покачала своей прекрасной головой.

— Нет, господин...

И это было всё, что она успела сказать, прежде чем Ирлингстар снова вздрогнул от взрыва.

ГЛАВА 18

КОГДА Я ОТ ЭТОГО УСТАНУ

Взрыв, похоже, прогремел где-то вдалеке, но как несущийся, разъярённый дракон прокатился до самого кабинета лорда-констебля. Рёв и дрожь становились громче и ближе с пугающей скоростью.

Этот нарастающий шум почти заглушил звучащие по всему замку вопли и крики благородных пленников. Посыпалась и заклубилась свежая пыль, вниз полетела каменная крошка, и по вновь застонавшим стенам побежали новые трещины.

Когда взрывная волна дошла до северной башни, двери в кабинет лорда-констебля — все двери, включая три потайных, известных лишь ему — с силой распахнулись. Комнату будто схватила и затрясла незримая исполинская рука, швыряя мебель и шестерых людей внутри на стены, пол, потолок, двери яростно застучали, ударяясь о стены... а затем, очень неожиданно, всё замолкло и замерло. Кроме вечной струящейся пыли.

Только дроу стояла нетронутой. Окружавшую её сферу чистого воздуха облепила пыль.

— Видимо, магия — скорее всего, воспользовалась энергией храстового залпа из жезлов, — уставившись на неё, прохрипел на полу Фарланд, слишком оглушённый, чтобы не произносить свои мысли вслух. Он и остальные четверо слуг Короны всё ещё моргали, потирали ушибы и поднимались на ноги, когда по коридору, шатаясь, прошли покрытые пылью люди и ввалились в кабинет через главную дверь.

Эти новоприбывшие были заключёнными, что можно было определить по их покрытой пылью одежде — главным образом по тому, что это не были доспехи или униформа пурпурных драконов. Некоторые сжимали в руках *мечи* пурпурных драконов — что означало, что несколько стражников пострадали и, возможно, были мертвы.

Фарланд поднял собственное оружие и шагнул вперёд, совсем не удивляясь, что лорд Арклет Делькасл достал где-то клинок и встал рядом с ним.

— Опустите сталь, — приказал Фарланд кашляющим, спотыкающимся дворянам. — Именем короля...

Заклужённый впереди сплюнул Фарланду под ноги.

— Вот твоему королю!

Он оскалился, прочертив мечом в воздухе сложный взмах дуэлянта.

— Лучше ты опусти сталь, или я вырежу этот меч из твоей руки — а затем начну вырезать каждого из вас! Знай, что я учился мастерству меча у знаменитого Нарлебо! А ещё брал уроки у Хелнана!

Второй лорд рассёк воздух ещё более затейливым приёмом.

— Ах, Хелнан, этот забавный маленький петушок. А я говорю, отрежем им сначала носы, — пробубнил он. — Без носа человек выглядит довольно смешно...

Ну разумеется, эти пленники оказались умелыми фехтовальщиками. Фарланд вздохнул, подобрался и приготовился умереть в бою.

— Защищаться и лишать оружия, — сказала дроу, — разве не таковы ваши действующие приказы, лорд-констебль?

— Заткнись, — яростно приказал Фарланд, ни на мгновение не отрывая взгляда от неторопливо приближающихся бунтовщиков. В свою очередь, эти только что сбежавшие заключённые остановились и уставились на фигуристую эльфийку, отступив на шаг до того,

как мечи успели скреститься.

Дроу лениво, почти заигрывающе шагнула вперёд, по её изгибам скользнул тёмный и пугающий блеск, странное мерцание, источаемое её манящими глазами.

Вооруженные лорды уставились на неё во все глаза, побледнели и попятились, врезавшись в задние ряды узников.

— Дроу! Бежим!

— Вторжение из Подземья! Они перебьют нас всех! Кормир обречён!

Неожиданно все освободившиеся заключённые с воплями и проклятиями развернулись и бросились бежать через висящую в воздухе пыль, врезаясь друг в друга и не вписываясь в дверные проёмы.

Фарланд бросился за ними, выкрикивая «Назад по камерам, господа! Ради вашей собственной безопасности, вернитесь в свои...»

Погоня промчалась по двум коридорам и через пост стражи, достигнув большого помещения, где два зала соединялись с главным проходом. Там, среди оседающей пыли, некоторые беглецы развернулись, размахивая оружием, чтобы встретить лорда-констебля. Такое количество стали можно было забрать самое меньшее у двенадцати стражников, которые сейчас, наверное, были оглушены, серьёзно ранены или мертвы. Мечи взметнулись в салюте, заскользили в сложных фехтовальных упражнениях и засверкали с ловкостью придворных чемпионов.

Фарланд резко остановился, завидев эту демонстрацию боевого мастерства, и задумался, как долго он сможет продержаться против... сколько там, четырнадцати?.. умелых мечников.

Затем констебль увидел, как лорд Делькасл, сжимающий собственный меч, скользнул вперёд, чтобы стать с ним плечом к плечу — а у другого плеча возникла танцовщица, воровка, или кем она на самом деле была, Белая Волна, с бесстрашной улыбкой на лице и несколькими готовыми для броска кинжалами между пальцев...

— Ну-ну, — сказал один из лордов, награждая их отборной усмешкой. — Втроём против всех нас? Что это будет — пара мгновений азарта? Покажите, как хорошо вы умеете кричать и умолять! Женщину мы оставим в живых для, ха, *обычных* целей...

Он шагнул вперёд, яростно разрубая воздух своим мечом, будто мясник, точащий друг о друга два лезвия, ухмыляющийся строй вооружённых пленников шагнул следом за ним — и в этот миг прямо у них за спинами раздался ужасный крик.

Рассыпая проклятия, дворяне развернулись, испугавшись, что прибыли стражники и неожиданно напали на них сзади...

Но всё, что они увидели — одного-единственного товарища-заключённого, распростёршегося на камнях, и никого рядом с ним. Все они знали его — не могли не знать. Это был лорд Квенсин Рангоббар, один из самых надменных и агрессивных заключённых, которых когда-либо знал замок Ирлингстар. Он лежал на полу, напрасно хватаясь за собственное горло. Между пальцев сочилась кровь. Он слабо дрыгал ногами, корчась в луже собственной крови, кашляя и булькая.

И вокруг него не было никого, совсем никого поблизости.

Рангоббар издал последнее предсмертное бульканье — ужасный клёкот в его глотке — и умер, скорчившись лёжа на спине с поднятым вверх коленом. Его руки упали, и все увидели сырое зияющее месиво под его челюстью.

Исчезла большая часть его шеи, оторванная или отрезанная.

Лорда Квенсина Рангобрара только что убили. Человек, зверь, или неизвестная сила — практически у них на глазах.

«Блюдо Тессареллы» был одним из самых высококлассных ресторанов в Сюзейле, но знать уже давно решила, что это «было целых четыре года назад». В результате выхода из моды заведение потеряло популярность и отчаянно нуждалось в клиентах. И по этой причине прекрасно подходило тем, кто искал превосходного качества без необходимости за него переплачивать. Так что в эти дни «Тессарелла» — называть ресторан «Блюдом» считалось дурным тоном — стала излюбленным рестораном высокопоставленных царедворцев, посетивших Сюзейл чужеземцев и богатого кормирского народа, который не обладал титулами и не питал в этом отношении амбиций. Этим конкретным ранним вечером в «Блюде Тессареллы» за соседними столиками обедали два посетителя.

Первая, Реншарра Айронстейв, госпожа списков, тихая женщина в очках, по собственному выбору всегда трапезничала в одиночестве. У главы всех налоговых инспекторов Кормира было мало друзей, и её не должны были видеть в чьей-то компании — наблюдатели могли заподозрить сотрапезников в попытке подкупить Реншарру, заключить с ней сделку или напоить, а затем попытаться отравить госпожу свитков. Поэтому госпожа списков не возражала, когда ей выделяли столик похуже — по соседству с кухнями и рядом с главным потоком прибывающих и покидающих заведение клиентов.

Второй плохой столик прислуга «Тессареллы» обычно отводила самому грубому чужеземцу или группе чужеземцев их возникших в дверях ресторана, чтобы держать их как можно дальше от остальных посетителей, в особенности — от постоянных клиентов.

Сегодняшней ночью титул «Самого грубого чужеземца» с лёгкостью заполучил некий Мирт Ростовщик, вовсе не прилагая для этого никаких усилий. Так и случилось, что он оказался за столиком по соседству с тем, за который усадили добрую женщину Айронстейв. Всего после одного блюда жареной рульки и задолго до прибытия заказанного «лучшего бока вепря» перед ним уже стояло целых три пустых бутылки.

— Ну что ж, — весело сказал Мирт, улыбнувшись ей широкой и приветственной улыбкой. — Здравствуй, прекрасная леди! Интересно, и какая же ты из богинь, спустившаяся с небес, чтобы очаровывать простых смертных этим замечательным вечером?

Воспитание Реншарры требовало от неё соблюдать вежливость даже несмотря на то, что работа с лживыми дворянами и богатыми купцами часто заставляла женщину вести себя резко и грубо, так что она отвернулась, чтобы не показывать ему, как с чувством закатывает глаза. В конце концов, он был чужаком — судя по акценту, с побережья Меча или из какого-то столь же западного и варварского края — и, вероятно, просто не умел вести себя иначе.

— Вы льстите мне, сэр, — провозгласила она сухим, серьёзным голосом.

— Как же я могу вам не льстить, когда ваша красота острым мечом пронзает мне сердце — или кое-что пониже?

Его подмигивание было широким, преувеличенным и сопровождалось искренним весельем. Боги, его глаза сверкнули как пресловутые звёзды! Реншарра фыркнула. Он был таким... очаровательно неотёсанным.

— Ваше зрение, сэр, — язвительно сказала она, — должно быть вас подводит. И уводит в сторону ваши суждения.

— О, но ведь это чудесно, — выдохнул он, будто обморочная принцесса в плохой пьесе. — Чтобы такая роскошная женщина так быстро меня увела! Тимора определённо мне

улыбается — как, вижу, и вы. Не может ли быть такого, что ваша врождённая любовь к своеволию... ваша жажда к блужданиям, если я осмелюсь так это назвать... окажется сравнима с моей? Ах, но я чересчур дерзок! Позвольте мне отчаянно ухватиться за остатки моих манер и предложить вам своё имя — Мирт, лорд Глубоководья — и мой кошелёк, чтобы обеспечить вас всем, чего бы вам ни захотелось съесть или выпить здесь, в этом превосходном заведении, сегодня ночью! Молю, примите моё предложение в качестве извинения за мои грубые, прямолинейные, низкие чужеземные манеры! Мы всегда откровенны в Глубоководье, мы преследуем то, чего желаем, мы стремимся быстро идти на abordаж и покорять, но осмелюсь заметить, что в здешних краях это неприемлемо...

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Мирт, — повторила Реншарра Айронстейв. — Я слышала это имя во дворце. Ты... кажется, недавно уселся на голову некой боевой волшебницы.

— Так и есть, и я...

Реншарра подняла руку и вместе с ней свой голос, твёрдо прерывая любые пошлые непристойности, которые он мог сказать.

— Я хотела бы всё про это услышать. Над бутылочкой любого рекомендованного вами вина, *если* ваше предложение выпить за ваш счёт — не просто бормотание охваченного страстью мужчины.

Мирт отпрянул.

— Госпожа, госпожа, мои предложения всегда остаются в силе! Я держу своё слово, держу, и...

— Лорд Мирт, вы совсем меня не удивили, — проинформировала его госпожа списков и повернулась, чтобы сообщить только что скользнувшему к её столику официанту:

— Я буду то, чем джентльмен за этим столиком захочет меня угостить.

Скучающие, полузакрытые глаза официанта широко распахнулись и он бросил быстрый взгляд на Мирта. Тот широко подмигнул, едва не лишив официанта обычной маски бесстрастия. Официант выпалил «Очень хорошо, госпожа Айронстейв», развернулся на каблуках и поспешил прочь.

— Кажется, вы его напугали, — одобрительно сказала Реншарра, обнаружив, что искренне наслаждается собой — и своей компанией — впервые за долгие, ну, годы...

— Госпожа, я? — запротестовал Мирт в притворном ужасе. — Я же ничего ему не сказал, вообще ничего!

Мгновение спустя всегда холодные пальцы Реншарры сжимала тёплая, волосатая, но нежная лапа, которая не схватилась за неё, а поднесла кончики её пальцев к губам, обрамлённым длинными, изогнутыми усами, которые... щекотались.

Она беспомощно захихикала, и тогда Мирт отпустил её, протянул свою четвёртую бутылку — единственную, которую ещё не опустошил — и предложил:

— Не начнёте ли напиваться, госпожа? Ради меня?

Реншарра разразилась хохотом. Этот человек был ужасен! Будто игривый боров или грубый старый менестрель, высмеивающий высокопарных дворян — и, во имя всех богов, ей нравился этот грубый флирт. В конце концов, она была в «Тессарелле», где весь персонал знал о её звании и положении; одного крика было достаточно, чтобы этого мужчину в мгновение ока выкинули прочь, так что она была в полной безопасности. Больше того, она провела здесь слишком много одиноких, грустных вечеров, играясь с едой, которая была превосходна, и всё же... почему-то расходовалась зря, когда Реншарра ужинала в

одиночестве. Ба! Пускай сегодня будет ночь приключений, и она не останется в долгу.

— Думаю, что начну, лорд Глубоководья, — провозгласила она. — При условии, что вы искренне ответите мне на один вопрос, галантный Мирт. Правда ли то, что говорят о мужчинах из Глубоководья?

— Что именно, госпожа?

— О том, что они готовы гнать во весь опор, пока не сменится прилив?

Мирт коротко закашлялся, испугавшись подобного вопроса из такого невинного источника — вино попало ему в нос. Совладав с кашлем, он ухмыльнулся.

— Да, госпожа. Правду. Я верю в откровенность между друзьями.

Реншарра поглядела на него поверх только что наполненного бокала, который вручил ей Мирт. Бокал был чистым, поскольку сам Мирт пил прямо из бутылок.

— Я принимаю вас в качестве моего друга по столику, лорд Мирт, и весьма вероятно просто друга. Вы надеетесь на нечто более... близкое?

— Ты тоже веришь в откровенность, подруга! Ну, что ж, думаю, что надеюсь. А ваши надежды идут теми же тропами?

— Если вы напоите меня так, что я окажусь под столом, — смиренно сообщила добрая женщина Айронстейв скатерти на своём столике, — можете под этим столом мною и овладеть.

Она опустила бокал и подняла взгляд.

— Или, что вероятнее, учитывая, что это «Тессарелла», под другим столом, в другом месте по вашему или нашему общему выбору. После того, как мы будем есть и пить достаточно долго, чтобы вы доказали правдивость той поговорки, конечно же.

— Конечно же, — согласился Мирт, изображая глубокий поклон. Учитывая, что он по-прежнему сидел, этот жест просто окунул его нос в стоявшую на столе перед ним тарелку.

Он выпрямился с выражением давно страдающего мученика. С носа закапало, и Мирт на славу фыркнул, будто отступивший от кормушки боров. Реншарра снова разразилась смехом, а он потянулся к тому, что ещё оставалось в его четвёртой бутылке.

Лишь для того, чтобы с силой швырнуть её точно над плечом Реншарры, попав в нечто, мокро и нечленораздельно взвизгнувшее от боли.

— Ложись, подруга! — взревел он. — Нырять под стол и не останавливайся!

Госпожа списков опустилась в кресле, но выскользнув из него, оглянулась — и как раз вовремя, чтобы увидеть, как элегантно одетый мужчина, у которого от лица осталось немногим больше, чем кровь и торчащие осколки бутылочного стекла, падает на украшенную занавесками стену. Его сжимавшая нож рука упала, не перерезав верёвку, к которой он тянулся.

Верёвка вела — Реншарра оказалась под столом, но всё равно выглядывала — к теряющемуся в тенях сводчатого потолка блоку, с которого свисала плетёная корзина размером с гроб.

Что-то вспыхнуло на верхней галерее, прямо у этой верёвки.

Мирт зарычал и вскочил с неуклюжей спешкой, от которой его стол перевернулся на стол Реншарры, обрушив его.

На эти импровизированные щиты мгновение спустя рухнул тяжёлый металлический грохот, расколовший одну столешницу, прежде чем корзина разбросала своё смертоносное содержимое: дюжины тесаков, ножей для резки, кухонных вертелов и шампуров вместе с осколками стекла и мерцающим морем лампового масла. Лампа, которая балансировала на

вершине всего этого добра, коснулась растёкшегося масла и повсюду вспыхнуло пламя.

Реншарра была слишком испугана, чтобы кричать, но сумела издать придушенный взвизг, когда Мирт выхватил её из-под стола, сорвал пылающую половину её платья и бросил в разгорающийся пожар. Он потратил необходимое на комментарий «мило!» мгновение, затем развернулся и потащил её через весь зал.

— Но... но... — выдохнула она, заметив, как устали на них другие посетители, — выход в другой стороне!

— Да, — прорычал Мирт, взбегая по ступеням и волоча её за собой, как детскую игрушку, — но выход на галерею здесь!

На полпути наверх они встретились с торопящимся вниз мужчиной. Мужчиной, вооружённым ножом и убийственным оскалом. Он рубанул Мирта, вскинувшему руку, чтобы принять нож — и выбросившего её вверх, чтобы превратить это защитное движение в сильный удар прямо выше колен противника.

Мужчина согнулся пополам, взыв от боли, и рассечённая, истекающая кровью рука Мирта обрушила крепкий удар ему в промежность. Нож зазвенел где-то ниже по лестнице, мужчина пронзительно вскрикнул и упал, и Мирт отпустил Реншарру, чтобы схватить нападавшего одной рукой за горло, второй — за колено, развернуться и бросить.

Этот человек не был рождён, чтобы летать. Вместо этого он врезался в полную торчащих ножей пылающую корзину и столы с грохотом, который был даже громче и тяжелее, чем тот, которым завершилось падение смертоносной корзины. Он дёрнулся один раз, затем застыл, руки и ноги повисли, из проткнутого ножами тела потекла кровь. Реншарра вздрогнула.

Мирт обернулся и предложил ей свою руку. Та обильно кровоточила, но женщина как ни в чём не бывало приняла её. Мирт величественно повёл её вниз по лестнице туда, где сустились официанты, повар и сама Тессарелла. Посетители разбежались или подтягивались ближе, чтобы поглазеть, в огонь вёдрами выплёскивали воду из-под картофеля с кухонь, а мужчина, распростёртый в середине этого пожара и пронзённый несколькими ножами, выглядел совсем мёртвым.

— Я надеюсь, — вежливо сказал Мирт Тессарелле, когда эта воплощённая колонна вальяжности начала кричать и всхлипывать, — вы не станете выдвигать обвинений из-за этого представления.

Сунув маленький, но тугий кошель в ближайшую руку отупелой владелицы, он повёл Реншарру к кухням.

— Вход...

— Никогда не используй парадный вход после неудавшегося покушения, — прорычал Мирт. — Эта корзина предназначалась тебе, подруга. Её послал кто-то достаточно богатый, чтобы нанять других... ты в последнее время случайно не злила никаких дворян?

Реншарра выдавила слабую улыбку, пока он тащил её наружу в переулок через кухни, где забытые котлы начинали исходить паром, а соусы подгорать.

— Я... я главный сборщик налогов королевства, — сказала она ему, пока они вместе торопились сквозь шумный сумрак, а Мирт бросал взгляды во все стороны. — Я каждый день злю дворян. А когда я от этого устаю, я злю их ещё сильнее.

— Милая подруга, — нежно отозвался он. — К слову, ты выглядишь намного лучше без половины платья.

— Моя репутация...

— Подруга, подруга, если ты сборщик налогов, небольшая демонстрация обнажённой плоти только улучшит твою репутацию! Твоя репутация может двигаться лишь в одном направлении!

Они свернули за угол в конце переулка на озарённую лампами улицу, и Мирт добавил:

— Так-то лучше! Чем дальше мы уйдём...

Из следующего переулка вышел патруль стражи и сразу же поспешил окружить их, снимая полотно с фонарей.

— Это что ещё такое? — пролаял командир патруля.

Мирт ухмыльнулся, поклонился и указал на свою потрёпанную спутницу.

— Как видите, парни, — воскликнул он, — леди любит пожестче!

Реншарра с пылающим лицом смогла заставить себя подмигнуть и улыбнуться, а затем приняла позу, которая, как она надеялась, была, ну... провокационной.

Тишина затягивалась... затем неожиданно кончилась. Со всех сторон честные стражники одобрительно кричали, смеялись и гикали.

— Счастливый ублюдок, — добавил один, хлопнув Мирта по плечу, когда патруль отправился дальше.

— Подождите, — неожиданно сказал второй, оборачиваясь и направляя луч фонаря на лицо Реншарры. — Ты разве не...

— Да, — промурлыкала она, шагнув к нему.

Лицо стражника расплылось в довольной ухмылке, он отсалютовал Реншарре, затем взревел «Вперееед!» и поспешил за товарищами.

— Видишь? — сказал Мирт. — Твоя репутация...

Реншарра Айронстейв обнаружила, что она дрожит, готова разрыдаться, замёрзла, боится, устала так, будто проработала целый день напролёт, и дьявольски проголодалась.

— Мирт, — твёрдо сказала она. — Отведи меня домой. К себе домой.

— Ну конечно, подруга, — прогрохотал он, погладив её по руке. Его ладонь оставила кровавые следы на рукаве — её единственном уцелевшем рукаве. — У меня есть тёплая постель. И холодный цыплёнок.

ГЛАВА 19

НЕИЗБЕЖНО НАЧИНАЕТСЯ КРОВОПРОЛИТИЕ

Заключённые Ирлингстара, все — благородные лорды, злорадствовали над первыми двумя смертями, но взрывы и убийство лорда Квенсина Рангобрара, похоже, быстро изменили их коллективный настрой.

— Сделай что-нибудь, констебль!

— Да! Теперь в опасности наши шкуры! Это твой долг!

Крики были громкими, гневными и испуганными, требования что-нибудь сделать — многочисленными и пронзительными.

— Для начала, убей эту дроу!

Тёмная эльфийка, на которую указали, улыбнулась осторожно надвигающимся разъярённым дворянам кривой ухмылкой и прошептала последние слова заклинания.

Сам воздух вокруг них замерцал, *потёк* и... бунтовщики напротив лорда-констебля и его пятерых спутников все до последнего задрожали, покачнулись — и без сознания рухнули на пол.

В наступившей тишине боевой маг Имбрульт Лонклоус развернулся кругом, чтобы исподлобья бросить на дроу подозрительный взгляд, сжимая наготове магический жезл.

— Печати... *исчезли*, по крайней мере в этой комнате, — сказал он. — Как ты это сделала?

— Магия, — спокойно ответила тёмная эльфийка.

Гулканун повернулся к ней, поднимая обе руки с жезлами и стараясь держаться на расстоянии от Лонклоуса. Когда они вошли в комнату, дроу скользнула в сторону, чтобы оставаться спиной к стене — так её не смогли бы атаковать с двух сторон. Она увидела, что боевой маг это осознал, и улыбнулась. Подозрительная гримаса Гулкануна стала мрачнее.

— Дат Гулканун, — сказала она ему. — Мне нравится быть в этом теле не больше, чем тебе нравится дроу, которая утверждает, что она — он — боевой маг. Но если мне придётся постоянно остерегаться тебя и Лонклоуса, выжидающих удобного случая меня испепелить, я не смогу выполнить свои приказы — приказы, исходящие от лорда Лотана Лотана Дурнкаскина, хотя моя клятва Короне говорит, что я должна относиться к ним так, будто они исходят от самого короля Форила — с быстротой и эффективностью. ностью. ностью... Так что же мне сделать, чтобы убедить тебя, что я — Бреннон Лаксар? Хочешь услышать пароли? Некоторые из тех секретов, что известны лишь нам, боевым магам? Любимый цвет королевского мага Ганрахаста?

Лонклоус фыркнул.

— Как будто мы об этом знаем.

Гулканун бросил на него заставляющий замолчать взгляд, затем развернулся и с вызовом спросил у дроу:

— Какую потерю сильнее всего оплакивает лорд Дурнкаскин?

— Публично? Здоровых коленей. Наедине с собой? Эсмы Винтервуд, содержавшей лавку с нарядами и кружевами в Иммерфорде и погибшей от остановки сердца два года тому назад. Он надеялся, что они обвенчаются, и ухаживал за ней, когда она заболела.

Гулканун и Лонклоус переглянулись и пожали плечами. Дроу была права про колени, и про женщину, скорее всего, тоже. Ходили слухи...

Лонклоус поднял подбородок и задал собственный вопрос:

— Как ты повстречался с Мэншуном?

— В первый раз? На задании Короны, которое все ещё остаётся секретным. Много лет тому назад оно привело меня в Западные Врата. Как вам известно, он правил там под именем Орбака.

— Мы знаем, — холодно сказал Гулканун.

Дроу просто улыбнулась.

— Второй раз произошёл в Каменных землях, после магической дуэли, которую я увидел издалека, занимаясь расследованием кое-чего другого. В результате дуэли мёртвый дракон рухнул с небес. В тот раз мне повезло сбежать.

— И что же именно ты расследовал?

— Давайте скажем просто, что это имело отношение к свидетельствам о шейдах, которых заметили ведущими торговлю в... стратегически важном для Кормира месте. Вы наверняка понимаете, что приказы не позволяют мне быть более конкретным. Я увидел Мэншуна снова прошлой весной, в сюзейльском переулке, когда он на мгновение потерял бдительность. Он приобрёл привычку разговаривать с собой вслух. В настоящее время мы ищем его следы и получаем доклады, когда его замечают. После того, как он посещает какое-либо место, там неизбежно начинается кровопролитие.

— Ты не рассказываешь нам про все свои дела с Мэншуном, — обвиняюще заметил Гулканун.

— Нет, — спокойно согласилась дроу. — Не рассказываю.

— Как долго проспят узники? — вмешался Фарланд. — Я и сам с большим подозрением отношусь к этой тёмной эльфийке, но сдаётся мне, что прямо сейчас стоит неохотно ей довериться.

— Прекрасно сказано, лорд-констебль, — тут же согласился Арклет. — Маги Короны, я сам — не боевой маг и не обитатель дворца, но недавно сидел за одним столом с Ганрахастом, Вэйнренсом и Глатрой — и кажется мне, что эта, хм, госпожа либо действительно Лаксар, либо достаточно знает о вещах, которые должен знать только он, чтобы вы не смогли разоблачить его — её — как притворщицу. Я думаю, что сейчас мы должны довериться дроу и позволить ей присоединиться к расследованию.

— Расследование — это *наша* задача, — сухо сказал Гулканун.

— И моя тоже, — сказала ему эльфийка. — Если вы предпочитаете, чтобы мы занимались этим плечом к плечу, не разделяясь, у меня нет возражений — пока вы не начнёте использовать это соглашение, чтобы ограничивать то, куда я хожу и с кем я говорю.

Гулканун и Лонклоус снова переглянулись, затем медленно кивнули друг другу и сунули жезлы в футляры.

— Расследуй, — сказал дроу Гулканун. — Большую часть времени мы будем рядом — слышать то, что ты слышишь, видеть то, что ты видишь, и знать, что ты делаешь.

Тёмная эльфийка с плавной грацией изобразила поклон, затем повернулась к лорду-констеблю и энергично заговорила:

— Чтобы раскрыть, кто взрывает башни и убивает в Ирлингстаре людей, я собираюсь задать вам множество вопросов. Пожалуйста, не принимайте это на свой счёт; я не пытаюсь в чём-то вас обвинить, просто нуждаюсь в информации.

Она повернулась, чтобы взглянуть на двух боевых магов, Арклета и Амарун, и добавила:

— Не стесняйтесь прерывать наш разговор собственными вопросами, когда таковые у

вас возникнут. Я здесь вовсе не главный.

Она плавно развернулась обратно к Фарланду.

— Что печати Ирлингстара обычно допускают по части магии?

Лорд-констебль вздрогнул.

— Я знаю не так уж и много за исключением того, что они блокируют телепортацию, магические послания и мысленную связь снаружи и изнутри замка. Они отражают большую часть деструктивной магии, брошенной снаружи, и не позволяют большинству таких заклинаний сработать внутри, но что касается подробностей... их знали расквартированные здесь маги Короны.

Он прочистил горло.

— Вы могли слышать, что некоторые из моих предшественников предали своё звание — брали взятки у заключённых и тому подобное. Возможно, это имеет какое-то отношение к тому, как мало мне рассказали о печатях. Я слышал, что и сенешали, и лорды-констебли в прошлом знали намного больше, чем известно мне, и видел — кратко, так что не смог запомнить и узнать подробности — некоторые записи о том, что делают печати. Аватнар послал их назад в Сюзейл вскоре после того, как занял свою должность. Он сказал мне, что если эти записи попадут не в те руки, то станут оружием против нас.

Дроу кивнула.

— Так сколько обитателей насчитывал Ирлингстар перед этими недавними убийствами и взрывами? Целиком, а не только заключённых здесь благородных гостей.

Фарланд нахмурился.

— Двадцать и два стражника, которые подчинялись мне. Я. Шестнадцать человек обслуги — каменщики, кузнецы, конюхи и так далее — подчинявшиеся сенешалю Аватнару. Аватнар. Восемь человек на кухнях — женщины из Иммерфорда, некоторые пожилые, другие молодые. И два расквартированных здесь гонца — проходившие обучение посланцы Короны. Не считая вот этих лорда и девушку, — он кивнул на Арклета с Амарун, — у нас было сорок шесть узников. Замок может вместить вчетверо больше, если каждому выделить собственную камеру. Ну, то есть мог до того, как... рухнула южная башня.

— Назовите мне самых опасных из узников. Не самых раздражающих — я уверен, что за это звание могут посоревноваться все — но тех, кто кажется вам действительно опасными.

Фарланд нахмурился.

— Теперь, когда Рангоббар мёртв — он был истинным провокатором и манипулятором, который с лёгкостью мог заставить большинство заключённых делать то, что он захочет, обычно сам напрямую в этом не участвуя — я бы назвал Сигланда Моронтара, Блейса Индимбера и Ралдрика Аммеса. Все они — молодые лорды. Первые двое — наследники своих домов, а Аммес — второй сын, который дважды пытался организовать убийство старшего брата, прежде чем попал сюда. Все трое — приговорённые убийцы; никакой морали, никаких запретов. У нас есть и другие, способные на беспощадность, свирепость и даже жестокость в своём кровопролитии... но эти трое...

— Никаких угрызений совести?

— Абсолютно. Они достаточно хорошо понимают правила, традиции и этикет, как ограничения других людей, которыми можно воспользоваться — но самих себя ими не связывают. Большинство моих усилий сводилось к тому, чтобы как можно сильнее ослабить их власть над остальными и не позволить им собраться вместе.

— В таком случае, мы прикуём этих трёх к стене в отдельных закрытых камерах,

подальше от остальных и друг от друга, — предложила тёмная эльфийка, — а остальных соберём и на время закроем в одном месте, забрав у них все острые и магические предметы, и дадим им столько вина, сколько они захотят.

Гулканун поднял бровь.

— А сами тем временем..?

— А сами тем временем обыщем каждый камень этой крепости в поисках нарушителей.

Фарланд закашлялся.

— Прямо сейчас у нас есть два человека в камере. Они находились снаружи, когда рухнула южная башня. Попросили убежища от дракона, назвали Харбрандом и Хокспайком, утверждают, что они частные детективы с лицензией Короны. Называют себя «Опасность по найму». Никогда в жизни не видел двух таких же неуклюжих скользких пройдох.

Лаксар улыбнулся.

— Приведите их ко мне, прежде чем мы займёмся остальным. Я сумею заставить их рассказать нам побольше.

Гулканун посуровел.

— Зачаруешь их?

— Нет, это в мои намерения не входит.

Арклет повернулся к лорду-констеблю.

— Давайте приступать. Я хотел бы получить ответы — до того, как прогремит следующий взрыв.

Фарланд вздрогнул, кивнул, взмахом пригласил всех следовать за собой и зашагал по коридору.

— Итак, кто-то связанный с дворцом организует заговор среди благородных лордов — и я всё сильнее и сильнее подозреваю канцлера Краунруда.

— Римель, мы все подозреваем и того, и этого. Есть у вас какие-то доказательства? Что-то, что можно будет швырнуть ему в лицо, не просто «вас видели с лордом Например, и на следующий день лорд Например напился и кричал, что Драконий Трон необходимо разрушить» и всё такое. Если бы этого было достаточно, чтобы посадить изменника в тюрьму, половина двора и все кормирские лорды уже томились бы в темнице.

— Нет, — тяжело сказал Римель. — У меня нет ничего, что можно было бы в открытую предъявить Краунруду. Пока. Но я, кажется, знаю... аррАаааа!

— Римель? Римель?

Голос младшего боевого мага от страха стал высоким и пронзительным от страха. Вранстейбль уже однажды слышал, как человек так всхлипывает — после того, как его проткнули. Это был последний изданный тем человеком звук.

Поэтому он приготовил свой жезл, прежде чем осторожно выглянуть за угол.

— Римель?

Ещё один жезл — жезл Римеля — ткнули в рот Вранстейблю, заставив его закашляться.

Его собственный предсмертный всхлип звучал даже хуже.

Мэншун покачал головой, когда второе тело соскользнуло на пол.

— Убивать этих дураков не так уж и сложно, — вслух произнёс он. Он начисто вытер жезл о мантию своей второй жертвы и вытащил второй жезл из руки Вранстейбля.

— Я даже оказываю Кормиру услугу, искореняя таких слабаков.

Эльминстер улыбнулась. Да, она знала этих двоих.

— Здравствуй, Друнан Харбранд. Или ты предпочитаешь «Вестник рока»?

Человек, которого она поприветствовала, уставился за неё, затем торопливо захлопнул рот, ничего не сказав.

Дроу не ждала ответа; она уже шагнула к другому мужчине.

— А ты, Андарфиск Хокспайк — как твои дела? Или мне называть тебя «Кулаками»?

Пятеро слуг Короны, стоявшие за тёмной эльфийкой, увидели, как побледнели два человека в чёрном.

— О-откуда ты нас знаешь? — спросил Харбранд, к которому вернулся дар речи. — Мы никогда не встречались.

Дроу снова подошла к нему, пока они не оказались лицом к лицу, и наградила его понимающей улыбкой.

— Разве? Я знаю про тебя всё, Друнан. Мне рассказать всем? Даже то, о чём ты бы не стал рассказывать Кулакам?

Харбранд сглотнул слюну. Хокспайк повернулся, чтобы бросить на него взгляд исподлобья, но дроу шагнула между ними и стала лениво надвигаться на покрытого шрамами уличного бойца.

— А ты, Кулаки, — промурлыкала она, — готов к тому, что твой партнёр услышит... про Сулблейд?

Хокспайк откинулся назад, уставившись на неё. За спиной ухмыляющейся тёмной эльфийки хмурился Харбранд.

— Что за Сулблейд?

Хокспайк бешено замотал головой.

— Не верь ей, Друн! Что бы она ни говорила, не верь!

Ох, Эл, ты такой злой, довольно промурлыкала Симрустар в голове Эльминстера.

Командир Высокого Рога подавил вздох и бросил кислый взгляд на волшебника.

— Нет, после убийства Дарлхуна ничего, — коротко сказал он. — Другие маги Короны не пропадали. Если хотите кого-то из них поискать, то я слышал, что Рорскрина Мредрейка так и не нашли. Или уже нашли?

Настал черёд волшебника вздыхать.

— Господин Сантер, — терпеливо сказал он. — Я понимаю, что вы не очень-то жалуете магов. Но вам нет необходимости злиться. Мы на одной стороне, знаете ли. Мы тоже чтим и защищаем Драконий Трон.

Эревон Сантер провёл рукой по старому шраму от меча, придававшему его подбородку искривлённый вид, и резко кивнул.

— Знаю. Я просто... не в себе. Сыт по горло. Половина лордов в стране обсуждает измену, слухи с каждым днём становятся всё мрачнее, внезапно отовсюду вылезли чудовища, которых мы не видели уже лет шестьдесят, и стали нападать на мои патрули...

Он поднял взгляд, сфокусировал уставшие глаза на боевом маге и проворчал:

— Почему бы вам хоть раз не сказать мне правду? Что привело вас сюда, зачем вы стоите тут и задаёте мне ваши непонятные вопросы? *Скажите* мне. Что-то случилось, это понятно. Ну так что же?

Маг Короны был молод. Он помешкал, затем сделал шаг ближе и сказал быстрым, тихим голосом, как будто подозревал, что в каждом углу кабинета командующего прячутся

шпионы, несмотря на то, что помещение находилось на вершине главной башни крепости:

— По ночам в небесах во многих отдалённых краях королевства видели дикую магию. Синий огонь, огромные дикие вспышки в небесах, иногда с силуэтом одинокой человеческой фигуры в их сердце.

Лорд Сантер изучал его.

— И вы, маги, не знаете, что это такое, и вы напуганы, — медленно сказал он. — Что ж, теперь не вы одни.

Он поднялся, подошёл к своему комплекту доспехов на стойке в углу, поднял забрало своего шлема и вынул наружу графин.

— Стаканы вон там, — коротко сказал он. — Садитесь, выпейте, и поговорим. Я хочу услышать правду касательно сплетней о том, что Вангердагаст вернулся из могилы в виде какого-то паучьего создания.

Он хмыкнул, снова сел, и откупорил графин.

— Скорее всего, полная ерунда, учитывая, что говорят ещё и об этом старом козле Эльминстере, будто бы его тоже видели недалеко от дворца, но...

Завидев выражение на лице юного мага, он умолк.

— Ох, тлуин. Храст, тлуин и проклятие богов.

— Это хорошо описывает происходящее, да, — прошептал боевой маг, сжимая в руках оба стакана.

Арклет, Рун, Фарланд и два боевых мага с интересом наблюдали за допросом. Процедура всего несколько слов, Лаксар до смерти запугал жуликов.

Рун могла читать их лица, как два широких листа бумаги с крупными буквами. Двое мужчин в чёрном внезапно встретились с прекрасной и опасной женщиной-дроу, которую никогда прежде не встречали, которая очевидно знала про них всё и могла рассказать это боевым магам и лорду-констеблю. При этом они оказались заперты в камере, полной цепей и кандалов, в самом сердце кормирской тюрьмы...

— Если... если ты пообещаешь поклясться Лолс ничего не говорить о нашем прошлом, — выдавил Харбранд, — мы... мы ответим на любые вопросы о том, зачем мы здесь.

— Клянусь смертоносным поцелуем Лолс, — ответила дроу. — Говорите.

— Я... мы... ух...

— Вы пришли сюда, чтобы попасть внутрь Ирлингстара, не так ли? — резко спросил лорд-констебль. Они кивнули, и он продолжил:

— Зачем?

— Выполнить наше задание.

— Мы догадались, что вас кто-то нанял, — саркастично заметил Гулканун. — Для чего?

— Вытащить кое-кого в целости и сохранности из Ирлингстара, а потом — из страны.

— В Сембию. Кого?

— Ух, эээ...

— Посмотрите на того, что пониже! — неожиданно воскликнула Рун.

На лице Хокспайка возникло странное выражение. С постоянной угрюмостью оно сменилось гневом, затем беспокойством, и наконец — неудобством. У них на глазах это неудобство росло, и к нему присоединилось изумление.

— Что происходит? — рявкнул Фарланд. — Кто-то использует на тебе магию?

Хокспайк неожиданно сорвал свой гульфик, выхватил из него нечто маленькое и железное — вещичка начинала сиять — и швырнул это как можно сильнее, высоко над головами присутствующих, в дверной проём и прочь из комнаты.

Он услышали, как эта вещь стучит по камням и скользит.

— Что это было? — взревел Фарланд, бросаясь вперёд, чтобы схватить Хокспайка за руки. — Господа, если вы...

В коридоре снаружи раздался внезапный рокот. Рокот, ворвавшийся в комнату, как стремительный дракон, заполняя её силой и огнём.

Королевский маг Ганрахаст неожиданно схватился за голову, завопил и рухнул лицом на стол, ударившись о его отполированную поверхность уже без сознания, широко распахнув невидящие глаза. Из его носа и глаз сочилась кровь.

— Ну вот опять, — рявкнула Глатра, торопясь на помощь. Ванги уже пополз по столу к королевскому магу. Вэйренс и Шторм тоже сгрудились вокруг Ганрахаста.

— Не трогай его! — предупредила Глатра среброволосую арфистку, но на её предупреждение не обратили внимания. Шторм посмотрела на свой собственный палец, каким-то образом с помощью этого взгляда заставила потечь из него кровь, и сунула палец прямо в истекающий кровью нос Ганрахаста.

Мгновение спустя она спокойно доложила:

— Он работал с мысленной связью. Что-то ударило его через неё.

— Так что, госпожа? — ворчливо поинтересовался Вангердагаст, неторопливо пританцовывая на своих паучьих ножках. — Сможешь ли ты исцелить его?

— Я прямо сейчас его исцеляю, — ответила Шторм, — но Вэйренс, если бы ты мог привести *настоящих* целителей — жрецов, боевого мага Саннета...

Без единого слова лорд печатей склонил голову и поспешил прочь из комнаты.

— Что именно ты с ним делаешь? — спросила Глатра, похоже, скорее из интереса, чем от подозрений.

— Держу его разум. Я сохраняю его рассудок в неизменной форме, как нечто застывшее во льду, чтобы ему не стало хуже. Защищаю уцелевшую часть от урона.

— Я не знала, что ты способна... — Глатра позволила своим словам утихнуть, не зная, что сказать дальше.

Шторм вежливо ей улыбнулась.

— Мы должны узнать друг друга получше, леди Глатра. Если бы ты знала обо мне больше, ты могла бы начать мне доверять.

— Могла бы, — эхом отозвалась Глатра, выдавив слабую улыбку.

— Тогда, — сухо добавила Шторм, — мы даже могли бы начать работать над тем, чтобы полюбить друг друга.

Глатра вздрогнула.

— Я это заслужила, — прошептала она. Вангердагаст прошёлся вдоль стола, предусмотрительно не глядя в её сторону и не произнося ни слова. Шторм просто улыбнулась.

Затем в комнату хлынули жрецы и боевые маги вместе с Вэйренсом.

— Саннет, — твёрдо, как любой король, сказала Шторм, — используй своё заклинание — ты знаешь, которое — и соединишь со мной. Святые отцы, пожалуйста, исцелите этого человека как можно *нежнее*. Саннет и я направим то, что даровали вам боги.

Ей подчинились без вопросов и возражений, но прошло, казалось, очень долгое, полное напряжённой тишины время, прежде чем Ганрахаст застонал, и его руки задрожали на протяжении нескольких секунд. Затем он попытался сесть, закрыл свои глаза, и принялся быстро моргать.

— Ганрахаст? — спросила Глатра. — Королевский маг?

Один из жрецов стёр кровь. Ганрахаст шмыгнул носом, покачал головой, снова застонал, затем выдохнул:

— Д-да, это я. Я... вернулся.

Он посмотрел на Шторм и Санната рядом с ней, затем горячо добавил:

— Спасибо вам.

Арфистка и боевой волшебник только мрачно кивнули. Саннат без единого слова встал и тихо выпроводил жрецов из комнаты.

— Ну? — выдохнул Вангердагаст, как только Вэйренс закрыл за ними дверь. — Что, именем Девяти Адов, с тобой произошло?

Ганрахаст слабо улыбнулся.

— Я, хм, почувствовал изучающий взгляд или по крайней мере попытку дотянуться до меня из командного кольца. Его носитель искал меня. Я в свою очередь потянулся к его разуму — к разуму, который, кажется, мне незнаком, из чего можно сделать вывод, что кольцо носит не тот, кому оно предназначалось. И всё же я не могу быть в этом уверен; это продлилось слишком недолго, чтобы... чтобы...

— Почувствовать этот разум и опознать его, — подсказала Шторм, заслужив удивлённый взгляд Глатры.

— Почувствовать, да. Но я смог ощутить, что разум носителя обладает огромной силой. Он узнал обо мне, попытался заблокировать меня — и потом всё как будто... взорвалось.

— И где же этот разум находился? — внимательно спросил Ванги.

— На северо-востоке королевства, где-то вдалеке, — медленно произнёс Ганрахаст, поморщившись, когда попытка вспомнить причинила ему сильную ментальную боль.

— Ирлингстар, — мрачно сказала Глатра. — Ну *разумеется*.

Погреб Сронтера снова озаряло мерцание прорицательных сфер Мэншуна. Начинаящий император Кормира расслабленно сидел в самой их гуще, устремив взгляд только на одну. В её глубинах он следил за чёрным драконом, которого заметил летающим среди Громовых вершин, пока искал боевых магов у восточных границ королевства. Если бы он смог уничтожить их, то разбудил бы в кормирцах страх готовящегося вторжения Сембии, выманив ещё больше боевых магов, которых можно было бы прикончить.

Было в этом древнем чёрном вирме нечто интригующее. Сам Мэншун никогда бы такого не оседлал и не вступил бы с ним в беседу, это уж наверняка — но дракон почему-то казался *знакомым*...

В его сфере дракон направлялся к тюремной крепости, замку Ирлингстар — и вскоре в верхней комнате замка прогремел взрыв. Из окон вырвались языки пламени и клубы каменной пыли и крошки.

Мэншун моргнул от испуга, и судя по торопливым взмахам, за которыми последовало разозлённое верчение вместо бесстрашного полёта, дракон тоже испугался.

Вирм пролетел почти вплотную к стенам замка, скользя вдоль крепости и вглядываясь внутрь... затем, хотя Мэншун не заметил ни какой-то атаки со стороны дракона, ни реакции

изнутри Ирлингстара, помчался прочь в бешеной спешке, направляясь в горы, как будто его преследовала сама смерть.

Должно быть, там находилось нечто могущественное, что приводило к одному взрыву за другим. Нечто необычное и могущественное, если оно смогло испугать опытного и сильного дракона...

Мэншун ждал, чтобы увидеть, не продолжатся ли взрывы в замке, на тот случай, если дракон спасался от взрыва, неизбежность которого увидел.

Но шло время, а второго взрыва не было.

Что ж... новая проблема. Как заставить магию прорицания проникнуть за замковые печати, чтобы заглянуть внутрь Ирлингстара...

ГЛАВА 20

НАБЛЮДАТЬ, КАК РАЗВОРАЧИВАЕТСЯ БЕЗУМИЕ

— Быстрее, хруст тебя побори! Быстрее! — прохрипел Харбранд.

Хокспайк задыхался и не мог ответить.

Они промчались вниз по узкой каменной лестнице, болезненно ударяясь о стены последнего, как они надеялись, пролёта, споткнулись и едва не упали на последних нескольких ступенях, чуть не насадившись на лезвия копий, которые сжимали два стражника — стоявших перед очень крепкой на вид железной дверью.

— Стоять! — рявкнул один из стражников. — Заключённым не позволено...

— Мы не заключённые! — взревел Харбранд, а Хокспайк сгрёб оба копья и упал на пол, подкатившись вперёд и ударив солдат по лодыжкам.

Те рухнули на него, принялись бороться и ругаться. Харбранд быстро обрушил свой кулак на их затылки, затем вырвал из ножен кинжал одного из часовых и оглушил стражников рукоятью по голове.

Хокспайк с трудом выбрался из-под бесчувственных солдат и потоптался по их телам, пытаясь не отставать от напарника. Харбранд забрал у обоих стражников ключи и лихорадочно пробовал каждый, который хоть отдалённо казался подходящим к трём замкам на двери — один висел на уровне головы, второй — на уровне лодыжек, и третий — посередине.

Несколько задыхающихся моментов спустя дверь со стуком распахнулась, «Опасность по найму» вылетела в ожидающую снаружи глушь и бросилась под укрытие деревьев. Они уже прилично углубились в засыпанный листьями мрак, когда Харбранд набрал достаточно воздуха, чтобы предложить своему коллеге Хокспайку предоставить ему какие-то объяснения.

— Что это была за штука, которая едва нас не убила? И что, именем Незримого Дракона, ты вообще там бросал? С каких это пор у нас появились бомбы Гондара?

Хокспайк продолжил продираться через лес, ничего не отвечая, только энергично замотав головой — в знак согласия или отрицания.

Харбранд догнал его и ударил плечом, зарывчав:

— Не надо забираться так далеко! Ты что, хочешь чтобы нас волки слопали — или ещё что похуже? Вернёмся к краю леса, где сможем идти вдоль дороги и не заблудиться!

Мотание головой Хокспайка перешло в кивки. Кивки продолжались, пока он не споткнулся о скрытый опавшей листвой корень и не рухнул головой вперёд.

Харбранд с гневным ворчанием поставил своего оглушённого спутника на ноги и они оба остановились. Лицо Хокспайка превратилось в маску грязи, прилипших веточек и листьев.

Когда он наконец смог глубоко вздохнуть, Вестник Рока смахнул несколько особенно уродливых лесных грибов с лица Хокспайка и устало потребовал:

— Скажи мне, Хок. Где ты взял светошумовую бомбу? И когда собирался мне о ней рассказать? Сколько ещё секретов ты от меня скрываешь? Что это было про Сарла?

Сарл Сулблейд был одним из их партнёров в «Опасности по найму» до того, как его

настила внезапная, жестокая и до сих пор загадочная смерть. Дроу откуда-то знала, что его убил Хокспайк. Харбранду не нужно было подтверждение партнёра, чтобы понять это, а Сулблейд был настоящим ублюдком, но хотелось бы знать...

Хокспайк снова принялся ожесточённо мотать головой.

Харбранд снова вздохнул.

— Забудь, Хок. Забудь о том, что я только что спросил. Просто скажи мне: что только что случилось в замке?

Его усеянный многочисленными шрамами партнёр стёр с себя грязь, увидел неподалёку рухнувшее дерево и с благодарностью уселся на его большой пень. Потрявоженная прибытием его седалища змея торопливо скользнула прочь. Хокспайк проследил за ней взглядом, затем медленно сказал:

— Это был мой талисман на удачу. Купил его у караванщика в Сюзейле — тот сказал, что это настоящая магия из храма Тиморы, что она принесёт мне удачу. Просто небольшой светящийся серебряный образ улыбающейся богини, только и всего. Я носил его годами. Заставлял девочек целовать его, когда они его находили... тех немногих девочек, что мне доставались.

— Тот караванщик обманом заставил тебя носить бомбу?

Хокспайк пожал плечами.

— Я не знаю, Хар. Эта штука была со мной три года, зимой и летом, днём и ночью. Я ронял её, падал на неё... она грелась на солнце, намокала, зимними ночами на холодном каменном полу стыла вместе с моими штанами... просто талисман на удачу.

— Пока не?

— Пока не оказалась вместе с нами в той комнате, где тёмноэльфийская сука рассказывала всё, что о нас знает. Внезапно я почувствовал пальцы — твёрдые пальцы, холодные, но настоящие, там, куда пальцы не должны были достать. Пальцы, Хар! Они игрались с этой безделушкой, крутили её туда-сюда. И тогда я вспомнил — единственные швы на фигурке Тиморы есть только возле её небольшой груди и задницы. Что означало, что их можно вдавить внутрь. И я испугался, по-настоящему испугался. Поэтому, чтобы избавиться от фигурки, я её швырнул её изо всех сил, как можно дальше. Остальное ты знаешь.

Хокспайк задыхался от страха, на его некрасивом лице блестел пот, его глаза были широко открыты — в них плескался страх.

— Эти пальцы...

— Забудь. Ты же от них избавился, ведь так?

Хокспайк кивнул.

— Пропали вместе с фигуркой. Ты же не думаешь, что взрыв кого-то убил?

Харбранд покачал головой.

— Слишком слабый, никого рядом не было. Швырнул нас всех вглубь комнаты — хорошо, что стены были далеко, иначе мы бы разбились, как яйца всмятку. Остальных хорошенько оглушило, кроме разве что дроу и лорда-констебля Лужёной Глотки.

— И нас, — буркнул его партнёр, заставляя себя подняться с зелёного, мшистого пня. — Кажется, они заслонили нас от самого худшего.

— Ну что ж, наше просто невероятное везение продолжается, — горько отозвался Харбранд.

— Прекрасный новый день, — просипел Вангердагаст на ухо Глатре.

Та вздрогнула. Одна лишь мысль о человекоподобном пауке-переростке, оседлавшем её плечо, заставляла Глатру... нет, хватит, она не собиралась снова об этом думать. Она собиралась справиться с этим, собиралась...

— Расслабься, подруга. Я не буду тебя кусать, — ёрзая у неё на плече, довольно грубо сказала то, что осталось от королевского мага, печально известного в той части истории страны, которую ещё помнило большинство живых кормирцев. — Во всяком случае, не на первом свидании.

Глатра напряглась.

— Господин Вангердагаст... — начала она предупреждающим тоном. — Я...

— Что ты? Ты поняла, что твои крики меня не пугают, и что не знаешь, насколько я силён, и теперь не понимаешь, чем мне можно угрожать? Всё так?

— Ты тлуинов старый ублюдок, — с чувством прошептала она. — Ты... ты...

— Эх, молодёжь, — почти весело сказала паукообразное создание у неё на плече, — тоже мне, ораторы. Называй меня «Ванги», подруга; это легко слетает с языка, так что можно быстрее переходить к проклятиям.

— Ты говоришь совсем как Эльминстер, — пробормотала она. — Неужели лет через сто-двести я буду такой же?

— Очень маловероятно, что ты столько проживёшь, подруга, учитывая твой нрав и неумение держать язык за зубами. Может быть, ты научишься с этим справляться, но пока я никаких предпосылок к тому не вижу.

Глатра вздохнула и прекратила словесную битву, погрузившись в молчание. Мало того, что ей пришлось смотреть, как Шторм Среброрукая покидает дворец верхом на одной из лучших лошадей в королевских конюшнях — одной из личных лошадей самого короля! — отправляясь путешествовать по королевству, чтобы успокаивать разозлённых лордов и искать потенциальных арфистов. Хуже было то, что Ганрахаст и Вэйнренс оба приказали ей служить в качестве верхового животного и наблюдательной платформы для Вангердагаста; она подозревала, что это сделали для того, чтобы ей пришлось смириться с его присутствием, и Глатра не смогла бы ничем помешать Шторм или предупредить коллег о скором её появлении в каком-то конкретном уголке королевства.

В конце концов она сказала Вангердагасту — *Ванги?* Это звучит как имя куклы или домашнего питомца! — следующее:

— Мы должны заглянуть в Ирлингстар — или в то, что от него осталось, если тот взрыв был настолько сильным, как я опасаюсь.

Они могли отследить Арклета с помощью магии и сделали это, но лишь убедились, что он находится в Ирлингстаре или поблизости, ничего не узнав о его состоянии или положении дел в замке. Более того, у всех присутствующих сейчас во дворце рядом с Ирлингстаром не было никаких безопасных или «знакомых» точек для телепорта. Учитывая его близость к Хуллаку и Громовым вершинами и общую ненадёжность телепортации в тех местах после Волшебной Чумы... готовые порталы могли быть более быстрым и надёжным способом перемещения, чем серия прыжков или телепортация в Иммерскую крепость и путешествие в Ирлингстар оттуда. Ближайший стабильно функционирующий портал, связывающий дворец с окрестностями Ирлингстара, находился почти на самой вершине в постоянно охраняемой комнате в башне Вангердагаста, немного восточнее места, где стояла сейчас Глатра. Другой конец портала находился в замке Крэг, в трёх днях скачки на

надёжных быстрых лошадях от Иммерфорда.

— Хмм, — прокомментировала Глатра, когда Вангердагаст поднял одну из своих паучьих ног, чтобы помахать отбывающей Шторм. Она не присоединилась; его прощания хватило на них обоих.

— Учитывая, как сильно сейчас заняты волшебники в Громовом камне, было бы быстрее вызвать трёх магов Короны в Хултейле и послать двух из них в Ирлингстар на лошадях по Орондстаровой дороге, огибая большую часть Хуллака.

— Действительно, — удивил её своим согласием Вангердагаст. — Так почему же, решительная ты наша предводительница боевых магов, ты не сделала это сразу же, как только Ганрахаст рассказал нам о взрыве?

— Кажется, — холодно отозвалась Глатра, — меня отвлекли.

Не беспокоясь о том, что Вангердагаст может слететь с её плеча, она поспешила обратно во дворец, чтобы связаться магическим образом с Хултейлом и отдать двум расквартированным там магам приказ как можно скорее отбыть в замок Ирлингстар и немедленно доложить о том, что там обнаружат — в том числе и о судьбе всех заключённых, а в особенности — лорда Делькасла и Амарун Белой Волны.

Волшебники Хултейла поспешили подчиниться.

Ну что ж, хоть что-то прошло сегодня так, как следовало. Если бы только это случилось ещё до заката...

Мэншун улыбнулся. Проблемы, вечные проблемы. Он способен был наслаждаться убийством людей. Когда проблемы не касались людей, они обязательно требовали какого-то особого подхода... и за прошедшие годы он начал и от этого получать удовольствие. Итак...

Ирлингстар был не такой уж старой тюрьмой. Нет, крепость уже довольно давно венчала этот хребет, но разве в прежние времена она не была замком какого-то разбойного барона? Затем королевство расширилось, и барон-разбойник стал кормирским бароном... что ж, неважно, так всё было или нет, магические печати там должны быть новыми; не старше срока правления текущего короля. Что означало, что скорее всего они довольно слабы, и Мэншун, возможно, сумеет не просто преодолеть их, но даже уничтожить.

Но разве сейчас подходящее время для такой смелой демонстрации силы? Это насторожит боевых магов, и если старческий маразм Форила зашёл ещё не слишком далеко, король сможет представить всё таким образом, будто страна подверглась магическому вторжению, и все верные кормирцы должны сплотиться вокруг короля и знамени, иначе сам Кормир может пасть...

Нет, такая суматоха и настороженность намного усложнят собственную работу Мэншуна и будут куда менее интересными. Так что нет, уничтожать печати он не станет.

Что оставляло ту же самую проблему: каким образом можно заглянуть внутрь Ирлингстара, окружённого действующими магическими печатями? Если в печатях нет прорех, значит, должна сработать хитрость... коррупция... каких из находящихся поблизости магов Короны он мог заставить или подкупить? Ведь боевые волшебники могли спокойно преодолевать печати, если носили на себе соответствующий предмет — обычно кольцо. Кроме того, их могли впустить в замок стражники. Если в сознание такого посетителя проникнет будущий император Кормира, он сможет заглянуть внутрь крепости-тюрьмы без необходимости привлекать нежелательное внимание, прокладывая путь сквозь печати силой или вовсе их уничтожая.

Итак, боевые маги должны быть расквартированы в Иммерфорде, Хултейле и Громовом камне... ведь они сопровождают пограничные патрули, не так ли? Да, особенно с тех пор, как Сембия стала использовать грифоньих всадников. Так что надо приступать к поискам подходящих ему волшебников...

Улыбка Мэншуна стала ещё шире. На самом деле всё было очень просто.

Госпожа списков потянулась через стол и схватила своего сотрапезника за толстую волосатую руку, прежде чем та смогла поднять пылающий кувшин величиной с её голову и опрокинуть его.

— Лорд Мирт, — мягко произнесла она, — я должна вам кое-что сказать.

Мирт ответил ей мягкой улыбкой и пророкотал «Хмммм?»

— Прошлой ночью вы были со мной так любезны. После того, как притворились героем-сорвиголовой и спасли мою жизнь — никогда этого не забуду. Вы привели меня к себе домой и накормили, затем закутали в одеяло и рассказывали мне сказки, пока я не заснула. У меня никогда раньше не было завтрака из полутёплого жаркого и полунагретого вина, но... только на сей раз, и только из-за приятной компании, этот завтрак был великолепен. Со мной... ни один мужчина никогда не обращался так нежно. И вы... ни в чём меня не обвиняли.

— Что ж, подруга, если бы ты родилась и выросла в Глубоководье, то аромат неприятностей настроил бы тебя хорошенько покувыркаться, но... женщины все разные, и каждая заслуживает того обращения, в котором нуждается. Я предпочитаю, чтобы женщина сама потащила меня в постель, без принуждения или обмана.

— Хорошо, — решительно отозвалась Реншарра Айронстейв, — потому что сегодня, думаю, я готова покувыркаться. Пойдёшь ко мне домой?

В глазах Мирта вспыхнула искра.

— Ну что ж, — пророкотал он. — Ну что ж...

Да, это я. Легонько вздохни или вообще никак не реагируй. На нас смотрят два боевых мага.

Рун улыбнулась, не успев сдержаться, но глаз не открывала и вслух ничего не произнесла.

Только мысленно, не стараясь скрыть — всё равно не смогла бы — своей радости от того, что склонившаяся над ней прекрасная тёмная эльфийка на самом деле была Эльминстером.

Я смотрю, ты нашёл себе тело, подумала Рун.

Нашёл. Нравится? Просто чудесно снова вселиться в кого-то молодого и ловкого, без болячек и травм.

Что с ней случилось? Ты... подумала Рун.

Нет, подруга, я ничего не делал. Я пришёл после того, как выползший откуда-то мерзкий червяк проглотил её разум, и забрал себе оставшееся тело. Но боевой маг, которым я притворяюсь, погиб на моих глазах. Мне нужно, чтобы ты и твой милый Арклет держали это в тайне. Иначе всё может пойти коту под хвост.

Я и сама прекрасно это понимаю, Старый Маг. Хорошо, что ты вернулся, Эл.

Смотри не передумай. Неприятности следуют за мной, как голодное зверё.

И это я тоже понимаю, подумала Рун. Но я начинаю ожидать их — и получать удовольствие, наблюдая, как разворачивается всё это безумие.

— С ней, кажется, всё в порядке, — сказала тогда Эл вслух, и Амарун почувствовала новую руку сначала у себя на запястье, потом на шее, потом на лбу.

— Она очнулась или вот-вот очнётся, — согласился Гулканун. Его голос раздался прямо над девушкой. — Но я бы не стал кричать на неё или хлестать по щекам. Пускай придёт в себя.

— Её спутник просыпается, — добавил Эл — нет, Лаксар, теперь она должна думать о нём только как о Лаксаре, иначе проговорится.

Я буду признателен, если этого не произойдёт в ближайшие дни десять. И больше, если сумеешь сдержаться.

Вот так и случилось, что Рун очнулась, кивая и хихикая.

Из другого конца комнаты на неё бросил взгляд Имбрульт Лонклоус.

— Ни разу не видел, чтобы после взрыва приходили в себя таким образом, — прокомментировал он.

Фарланд поморщился.

— Лучше так, чем моё колено.

— У тебя по-прежнему остались обе ноги, ты даже ходить можешь, — отозвался Лонклоус. — За исключением моих ушибов и сгоревших волос, всё остальное кажется в норме. После такого взрыва? Да боги, должно быть, в нас влюблены!

— Вот как? — буркнул Фарланд, перенося вес на свою перевязанную ногу и снова поморщившись. — Они хростово интересно это демонстрируют.

— Я так и знал, что предпринимать попытку покушения в таком открытом, популярном и модном заведении, как «Тессарелла» — плохая идея, — буркнул лорд Хэльдаун.

Лорд Лорун пожал плечами.

— И ты поставил на неудачу и выиграл немного монет. Хватит ныть! Я вот проиграл кругленькую сумму.

— Тьфу! Дело не в этом, юноша! Если тебе приходится считать монеты, то заключать пари и вовсе не следует. Да и вообще, мерять успех монетами — чересчур распространённая практика. Я имею в виду, что такая неумелая попытка выдаёт нашу неуверенность и говорит всему остальному Кормиру — благородному Кормиру, во всяком случае, и это единственный Кормир, который имеет значение — что наша хватка слаба.

Лорд Лорун покраснел и холодно сказал:

— Я не нуждаюсь в лекциях пожилого мужчины о том, как быть благородным. Я редко выслушиваю их дважды. После первого раза я достаю меч и сражаюсь в поединке — навсегда избавляя любого от необходимости выслушивать один и тот же совет дважды. Имейте в виду, лорд.

— Ах, как изящна наша молодежь, — Хэльдаун поднял свой бокал, чтобы насладиться игрой света в вине. — И как терпелива. Прямиком переходит к угрозам, не утруждая себя остроумными репликами. Возможно, это потому, что ты вовсе на них не способен?

— Я не должен это выслушивать... — гневно воскликнул Лорун, положив обе руки на стол, будто собираясь встать, но лорд Таселдон со вздохом провёл своей длинной рукой по груди Лоруна.

— Лорун, этот пожилой лорд выкопал перед тобой яму, а ты ступил прямо в неё. Учись, смири свой нрав, прояви терпение, и учись дальше. Только так юноши могут прожить достаточно, чтобы в конце концов стать хитрыми старыми псами вроде нашего Хэльдауна.

Давайте вернёмся к обсуждению провала нашей первой попытки убить госпожу списков, и, что более важно, к тому, что мы сделаем иначе в следующий раз.

— Сегодня ночью вы даже убийство в ресторане не попытались устроить! Я хочу, чтобы её смерть была показательной, драматичной, чтобы весь Сюзейл о ней заговорил! Кого напугает, если мы отравим её одну в её кровати, чтобы во дворце могли списать это на лихорадку?

— Он отвёл её в «Разрелдрон», — отозвался Таселдон, — и со всеми этими частными кабинетами...

— Ха, — буркнул лорд Хэльдаун, — и этими мерзавцами-офицерами пурпурных драконов, которые так любят протыкать людей своими мечами!

— ...именно так, милорд; и со всеми этими мерзавцами-офицерами, наши шансы на успех были невелики. Однако позднее, когда они отправятся в постель...

Лорун медленно улыбнулся. Это была довольная улыбка лисы.

Лорд Хэльдаун нахмурился.

— Проткнуть их, пока они будут предаваться блуду? Сдаётся мне, это неспортивно! Но есть способы умереть и похуже...

Он поднял свой бокал, Таселдон и Лорун чокнулись с ним, и все они вместе выпили.

ГЛАВА 21

ЛУЧШЕЕ ЗРЕЛИЩЕ

— Никогда не думал, что лучшим зрелищем за эти десять дней станет дроу, протягивающая мне кубок моего собственного вина, — проворчал лорд-констебль Ирлингстара. — Но спасибо.

По тому, как его взгляд скользил вверх и вниз по изгибам склонившейся над ним эльфийки, было ясно, что он оценил дроу совсем с другой стороны.

— Внутри этого тела, — сухим тоном отозвалась она, — я Бреннон Лаксар, боевой маг, помните?

— Ох, э... А. Конечно, — буркнул Фарланд, покраснев.

Они возвратились в его кабинет. У двери, через которую сбежали два наёмника, стояла новая стража, и из удвоенного наряда стражников ни у кого не было ключей для закрытой и запертой двери, которую они охраняли. За исключением ушибов — колено Фарланда не гнулось, и ему приходилось хромать — и лёгкого повторяющегося звона в ушах у Гулкануна и Арклета, они, похоже, легко отделались. Гулканун и Лонклоус даже как будто начали доверять тёмной эльфийке.

— Я... прости, что мы были так с тобой суровы, — сказал ей Лонклоус. — Я... ну, мне по-прежнему сложно не испытывать тревогу, когда я смотрю на дроу.

Лаксар пожал плечами и улыбнулся.

— Я тоже чувствую себя слегка встревоженным, когда вижу, что помогающая мне рука превращается в щупальца, или — она указала на его руки — похожие на лозы сосущие штуки. Но я справляюсь с этим и продолжаю ради Драконьего Трона.

— И правда, — вежливо согласился Гулканун. — Ты кажешься... озабоченным.

— Так и есть, — ответила тёмная эльфийка, стараясь не смотреть прямо на Арклета или Амарун. Она соприкоснулась разумом с обоими, приводя их в чувство, так что они знали, что она была Эльминстером. С тех пор они были довольно молчаливы; лучше не усложнять им жизнь, глядя на них или слишком много с ними разговаривая. Слишком легко с их губ могло сорваться «Эл», а всех боевых магов предупреждали о скрывающемся в Кормире Эльминстере...

— Ну?

Эл покачала головой.

— Обдумываю всё, что видел и слышал с тех пор, как попал сюда, чтобы посмотреть, не придёт ли что в голову.

Она бросила взгляд на Фарланда.

— Вы уверены, что двое наших беглецов не проникали в замок ещё до взрыва, до того, как вы их обнаружили?

Фарланд нахмурился, затем покачал головой.

— Не могли. Нет. Абсолютно нет. Да и не похожи они на убийц, которые наносят молниеносный удар и так стремительно исчезают. Причём дважды.

Гулканун кивнул.

— Я оценил их точно так же. Недостаточно умелы.

Эл кивнула. Хорошо, она успешно увела в сторону вопрос Гулкануна. Эл действительно задумалась, но это не имело никакого отношения к раскрытию убийц или бросателей бомб.

Пока. Скорее, она пыталась придумать хорошее место, чтобы снять и спрятать командное кольцо, которое носила, на тот случай если Вангердагаст, Ганрахаст или ещё кто-нибудь может его отследить — или направить издалека враждебную магию через кольцо, вроде мысленного касания, которое Эл почувствовала за миг до того, как это касание оборвал взрыв. Нужно было снять его так, чтобы Гулканун, Лонклоус и все остальные не заметили, и положить туда, где кольцо не смогут найти до тех пор, пока Эл не будет готова его забрать...

Хмм... все туалеты в Ирлингстаре тщательно обыскивались перед каждым использованием, чтобы не позволить заключённым передавать через них предметы друг другу. Там было слишком мало постороннего убранства — вообще не было практически никакого убранства — чтобы послужить тайником.

— Не знаю как вы, а я устал, — провозгласил Фарланд. — Нам нужен план битвы. Шестеро нас против всех остальных в Ирлингстаре.

Арклет кивнул.

— Пока мы не узнаем, кто убивает людей и устраивает взрывы — а это могут быть разные люди — мы должны относиться к стражникам, заключённым, даже к коридорам и лестницам, где может скрываться некий неизвестный нарушитель, как к врагу.

— Именно, — согласился Фарланд. — Так как мы проведём предстоящую ночь, чтобы завтра утром остаться в живых?

— Поработаем над печатями, — предложил Лаксар. — Используем их, чтобы сделать новые стены и двери, которые нельзя будет взломать. После того, как мы поместим всех оставшихся заключённых в отдельные камеры на ночь, обернём вокруг них магическую печать, заключив их всех в одну большую коробку. Затем поработаем с печатями, чтобы запереть все внутренние двери. Затем поместим всех стражников и прислугу, кроме нас шестерых, в несколько комнат, включая кухни, но поодаль от всех дверей — поэтому любые задние двери кухонь нужно исключить — и запечатаем их в отдельную коробку. Наконец, затем мы по отдельности забаррикадируемся в комнатах, которые запираются изнутри, и немного поспим. Все, кроме боевого мага Гулкануна и меня; мы постоим на страже.

— Друг над другом, — криво усмехнулся Гулканун.

Фарланд устало кивнул.

— Мне нравится, как это звучит. Остальные?

Он увидел только кивки.

— Хорошо. Давайте так и сделаем, — сказал он, осушая кубок и с кряхтением поднимаясь на ноги. — Я не становлюсь моложе.

— И красивее, — пробормотал лорд Делькасл, но Фарланд ожидал подобного комментария и смог выдавить из себя усмешку. За которой последовал неизбежный зевок.

Как оказалось, Реншарра питала тайное пристрастие к небесно-голубому шёлку и позолоте. Огромному количеству позолоты. Всюду были резные украшения с завитушками, покрытые толстым слоем позолоты.

Мирт изо всех сил пытался не позволить своим бровям залезть на самый верх своего скальпа и остаться там.

Остальная часть небольшого дома была обставлена роскошно и со вкусом: длинное, узкое пристанище, просто и без излишеств украшенное жёлтым, багрянцем и новым, но дорогим отполированным деревом. Спальню, однако, заполняла похожая на шатёр кровать в стиле Старого Ташлутана, с полосами синего шёлка, опускавшимися с центральной кроны к

углам, а оттуда складками нисходящими на пол. Золочённые завитушки были повсюду: простыни, подушки, даже хростовые резные уголки были золотыми...

— Итак, лорд Глубоководья, — подразнила его владелица грандиозного шатра, глядя на Мирта с его дальнего края, — не желаете ли... словить меня?

— Ну что ж, — пророкотал Мирт, — ты котёнок или тигрица, когда дело касается охоты?

— Иди сюда и увидишь, — промурлыкала Реншарра.

С рёвом Мирт вскочил на край кровати — лишь затем, чтобы получить в лицо её платье, которое предполагаемая жертва швырнула, откатившись на бок через постель.

Она выпрямилась, улыбаясь.

— Мне стало жарко — а тебе?

Её взгляд обстреливал его с головы до хлопающих старых сапог, пока она сбрасывала с себя собственную обувь. Затем она выбежала из комнаты.

Мирт преследовал её, покорно расстегивая по пути жилет.

Дверь на мансарду стояла открыта, с сияющего камня сняли накидку, чтобы осветить путь, так что он пошёл туда.

Свет исходил из дальнего конца мансарды, где гроыхающий стук возвестил о том, что Реншарра Айронстейв владела лебёдкой для подъёма ящиков и только что опустилась на ней вниз, вероятно — в свой погреб.

Мирт ухмыльнулся и начал крутить рукоять. Какая прекрасная забава...

Он уже начал задыхаться к тому времени, как из глубин возник ящик — с её нижней рубашкой, разумеется — и он смог встать на него и с облегчением отпустить рукоять.

Его спуск был громким и быстрым, поэтому Мирт заметил, что что-то не так, только когда с гулким, мясистым толчком ящик приземлился.

Конечно же, руки в чёрных перчатках, торчавшие из-под ящика, и тонкая полоска крови, вытекающая наружу, чтобы присоединиться к ним, были зрелищем, которое ему уже не раз доводилось видеть.

Он с первого взгляда понял, что руки были слишком массивными, чтобы принадлежать Реншарре, поэтому не стал тратить на них времени больше, чем потребовалось, чтобы подхватить выпавший из них игольно-тонкий кинжал — разумеется, покрытый липкий зелёно-оранжевым калишитским ядом. По опыту Мирта, нанятые убийцы, которых посылали устранить целей рангом ниже правителей и благородных лордов, редко путешествовали в одиночку.

Помещение выглядело, как типичный лабиринт из корзин с яблоками, горшков с консервами и полок со всякой всячиной. Единственный свет сочился с ведущей наверх лестницы в противоположном конце погреба, так что Мирт двинулся туда.

Он был уже на полпути, когда закричала Реншарра и с грохотом разбилась какая-то глиняная посуда. Мирт взлетел по ступеням, как ревущий бык, пытаясь издавать достаточно устрашающие звуки, чтобы любой, загнавший госпожу списков в угол, отвлёкся бы от убийства из-за громкости и предположительной опасности приближающейся атаки.

В комнате наверху — столовой, судя по виду — он увидел Реншарру на вершине декоративной колонны, одетую лишь в чулки в сеточку, трусы и чёрный кружевной пояс для чулок. Реншарра лихорадочно отбивалась ногами от человека в маске, перчатках и чёрной коже, который наполовину залез на её столик, пытаясь схватить женщину за лодыжки и стащить вниз. Она только что сняла с себя лифчик и хлестала им нападающего по

лицу. Чашки для грудей с металлическими наконечниками с высоким и пронзительным звуком звенели при каждом ударе, как железные «поющие ветра».

На обеденном столе неподвижно распростёрся на спине второй мужчина в чёрной коже. Вокруг его головы лежали осколки того, что ещё недавно представляло собой большую цветочную вазу — вода, цветы и всё прочее.

Мирт громко захохотал от увиденного, воскликнул «Не бойся, подруга! Я тебя спасу!», и бросился через всю комнату, подхватив по дороге стул.

Человек, пытавшийся схватить Реншарру, обернулся и спрыгнул на пол, выхватив из-за пояса и бросив в нового крупного врага нож.

Мирт смахнул его стулом в сторону и бросил собственный недавно подобранный кинжал. Тот попал мужчине в шею, застыл там на мгновение, затем улетел в стену рядом со столиком.

Мужчина выругался, судя по всему, скорее испугавшись, чем разъярившись, и выхватил ещё один нож.

Мирт бросил стул.

Мужчина взвыл от боли, когда брошенная мебель разбила ему несколько пальцев, отбросила руку за спину и отправила второй нож звенеть по полу. Затем кресло врезалось в боковой столик и отскочило от него — ножка покосилась — чтобы ударить мужчине сзади под колени. Оглушённый мужчина верхом на кресле заскользил по полу — но когда кресло остановилось, наездник попытался повернуться к Мирту и достать короткий меч.

Он наполовину вытащил клинок, начал замахиваться и выкрикнул что-то отчаянное — его язык как будто заплетался, значит, на кинжале был сильный калишитский яд — и тогда его настиг Мирт. И вонзил тяжёлый волосатый кулак ему в лицо.

Треснул нос, хлынула кровь, владелец носа и крови рухнул на пол, как подкошенный.

Когда Реншарра снова закричала, Мирт уже поднял взгляд, чтобы улыбнуться ей своей лучшей подбадривающей улыбкой. Он увидел, куда смотрит Реншарра, и сразу же понял, что новый источник её страха находится в комнате позади него. Мирт пригнулся, схватил кресло, которое только что бросил, и метнул его снова, себе за спину.

Оглянувшись вслед за броском, он увидел как разъярённый человек, по последней моде одетый в дорогой и стильный вечерний наряд, легко уклоняется от снаряда, взмахнув своей рапирой, и восклицает:

— Я не проиграю это пари! Столько ещё наёмных головорезов нужно, чтобы прикончить ненормальную суку — дворцового писаря?

— Больше чем ты думаешь, — проинформировал его Мирт, бросаясь навстречу знатному лорду и подхватывая по пути стулья.

Лорд ухмыльнулся после первого стула, покачнулся после второго, и остался без меча, оглушённым и истекающим кровью из раны на черепе после третьего и последнего стула. Так случилось, что это был последний стул по эту сторону длинного обеденного стола, поэтому лорд Глубоководья ударил противника ногой в пах — позаботившись о том, чтобы ступня пошла вглубь и вверх, чтобы не сломать пальцы о наверняка присутствующий железный гульфик — и когда лорд сложился вдвое, обрушил на его горло свой лучший боковой удар.

С предсмертным вскрипом лорд рухнул. Мирт улыбнулся в безжалостном удовлетворении. Да, тяжело дышать через разбитую и сплюснутую гортань. Поражение их нанимателя оставляло ещё четверых вооружённых наёмников, которых тот привёл с собой —

но головорезам хватило одного взгляда на то, как их хозяин корчится и задыхается на полу, чтобы развернуться кругом и броситься наутёк.

Мирт решил подобрать рапиру лорда и отправиться в погоню, по крайней мере чтобы проветриться. Если число дающих показания свидетелей можно уменьшить до одного или нескольких раненых человек, страже придётся выслушивать меньше лжи — и меньше лжи по ошибке будет принято за правду.

Поэтому к Реншарре Мирт вернулся весь залитый кровью, ни капли которой не принадлежало ему самому. Подругу он нашёл забаррикадировавшейся в спальне. Остававшееся на ней бельё исчезло будто по волшебству.

— Мой герой! — выдохнула она по другую сторону баррикады из мебели. — Никто раньше не бился ради меня насмерть!

Она отшвырнула в сторону расколотую ножку кресла, которой готова была огреть неправильного нарушителя, и принялась разбирать баррикаду с яростной энергией и милым безразличием к устаревшим стилям мебели, чтобы поприветствовать нарушителя правильного.

— Ты заслужил награду, — выдохнула она, расчистив проход достаточно, чтобы затащить Мирта в комнату. — Приди и возьми её.

Мгновение спустя она продемонстрировала, что эти слова были приказом, а не предложением или просьбой, схватив его за залитый кровью пояс и с силой потащив на себя.

Они вместе рухнули на гостеприимную кровать.

— Его качает, — предупреждающе прошептала дроу Гулкануну, кивнув на Лонклоуса, когда проклятый волшебник, устало покачиваясь, вошёл в свою комнату и захлопнул дверь.

— Он просто устал, — резко отозвался Гулканун. — Он выполнил большую часть моей работы с печатями, зная, что мне придётся провести ночь, стоя на часах. С тобой.

Тёмная эльфийка кивнула. Лонклоус был последним из их коллег, уединившимся в комнате. Все предложенные ею изменения печатей были проведены, и все очень сильно устали. Она и Гулканун смотрели друг на друга, и оба не улыбались. Наступила тишина. В молчании фигуристая эльфийка медленно шагнула к Гулкануну.

— Я предпочёл бы, чтобы ты держала дистанцию, — произнёс он.

— Ты по-прежнему мне не доверяешь, — обвиняюще отозвалась она, продолжая наступать.

— *Назад*, — резко приказал он.

Даже не замедлив свой ленивый шаг, она подошла прямо к нему и протянула стройную руку с длинными пальцами. Эти пальцы потянулись к... запястью — той руки, которую он использовал, чтобы ухватиться за торчащий в футляре жезл.

Из-за спины Гулкануна со скоростью змеи возникла его вторая рука, сжимающая длинную иглу, и уколола эту тёмную руку дроу.

— Я подозревал, что ты что-то предпримешь, дроу! — мрачно воскликнул он. — Я...

Её руки сомкнулись вокруг него, рука с иглой и вторая. Он зарычал, вытащил жезл, чтобы скормить ей...

Ничего ей не скормить, поскольку Гулканун напрягся и умолк. Застывший и беспомощный.

Эльминстер протёк в него сквозь ослабевшие и напрасно царапающиеся пальцы тёмного эльфа — и подчинил разум боевого мага себе.

Мэншуну потребовалось некоторое время, чтобы вообще найти волшебников в Хултейле. Грязные улицы заполняли крестьяне, направляющиеся на рынок со своими скрипучими телегами, но их намного превосходили числом горланящие несчастные рофы, козлы, быки и овцы, запертые в загонах мясников. Даже в фургонном депо, где фургону, отправляющемуся к Лунному морю, требовалось новое колесо и перила самое позднее завтра вечером, кипела жизнь.

Но никаких признаков скромной крепости, которую он ожидал найти, не было. Только заметив краем глаза небольшой каменный дом, крытый черепицей и спрятанный под раскидистыми старыми деревьями в задней части окружённого рвом и стеной из кольев двора стражи, он нашёл то, что искал — висящие на бельевой верёвке мантии магов.

Приближался закат, и в этом доме горела лампа, но лишь один человек показался наружу, чтобы забрать одежду до утренней росы. Единственный беззаботный человек, весело махавший различным членам стражи, которые — сняв доспехи и оставшись в одних штанах и наплечниках — выплёскивали в яму грязную воду с кухни, возвращаясь затем в свои казармы. Похоже, боевых магов в Хултейле явно не доставало. Вместо трёх остался лишь один, и никого это ни капли не беспокоило. Что означало, что оставшиеся двое находились где-то неподалёку или отбыли на задание.

Мэншун взял себе ещё один графин того, что сумел спасти из погреба Дардулкина, расслабленно раскинулся в кресле и заново окинул взглядом Хултейл. Обнаружив продолжавшуюся нехватку волшебников.

Поэтому, когда опустилась настоящая темнота, он осмотрел берега Вивернового ручья и Громового потока, разыскивая горящие факелы или какую-то активность. И по-прежнему ничего не обнаружил. Значит, настал черёд дорог — в первую очередь той, что вела к Громовому камню.

Вот оно! Мигающий, качающийся свет... фонари на шестах, которые держали скачущие верхом пурпурные драконы. Облачённые в доспехи, готовые к путешествию по глухой дикой местности, и окружившие кольцом, да, двух боевых магов. Маги Короны, ночью скачущие по дикой местности — это означало крайнюю срочность. Они направлялись к Громовому камню — и почти наверняка дальше, к замку Ирлингстар. Ну что ж...

Мэншун позволил себе злорадную безжалостную улыбку.

— Итак, господа мои? — юный лорд Регл Халгохар был красивым, очаровательным, и ему редко приходилось платить, чтобы его постель не пустовала. Любовной победой молодого лорда этим ранним вечером стали две сестры из Сюзейла, оставившие у него по всей спине царапины, ставшие для Регла предметом гордости, прежде чем он отдал девушек на потеху своего конюха и пажа. Сам он прибыл на это собрание заключавших пари лордов в сопровождении только лишь своих телохранителей — которые были счастливы поболтать с наёмниками других благородных лордов в соседнем помещении, перекусывая лучшим угрём со специями. — Ваши преданные чароплётки по пути сюда зевали, как скучающие коты, так что я знаю, что вы следили за весельем с помощью магии. Как прошло убийство Реншарры Айронстейв?

Вместо ответа кто-то с чувством выругался.

— Оно ещё не прошло, — немного напыщенно объяснил лорд Хэльдаун. — В смысле, она не погибла. Снова.

— Благодаря нашему жирному и престарелом защитнику, лорду Глубоководья?

— Именно, — коротко подтвердил лорд Лорун. — Этот старый пройдоха стоит мне целого состояния.

— Чьего?

Все вежливо засмеялись над этой старой шуткой. Ни для кого среди сюзейльской знати не было секретом, что Лорун от работорговли и перепродажи городских зданий перешёл к ростовщичеству, включающему убийство своих должников и захват всей их собственности до того, как успевали появиться родственники и другие кредиторы.

Лорд Таселдон и лорд Хэльдаун довольно улыбались.

— Ага, — верно истолковал это Халгохар, усаживаясь напротив. — Значит, вы поставили на провал?

— Поставили, — подтвердил Таселдон, толкая через стол графин и бокал. — Выпьешь с нами за наш продолжающийся успех?

— С радостью, — Халгохар посмотрел вдоль стола. — Лорун, где ты находишь таких некомпетентных убийц? В умелых головорезах не может быть такой нехватки.

— Ты будешь удивлён, как мало их осталось после всех попыток свести счёты между собравшимися на Совет здесь в Сюзейле благородными лордами, — был мрачный ответ. — Несколько дней назад ночью в гавань выбросили столько тел, что трупы забили две главных канализационных решётки города. Драконы так обрадовались, когда начали опознавать лица, что умолчали об этом.

— Хмм, — отозвался Халгохар, когда его посетила более мрачная мысль. — Интересно, и как часто происходят такие умолчания?

В улыбке Лоруна не было ни капли веселья.

— Ты удивишься.

ГЛАВА 22

ЗАСАДА — ЭТО Я

А, ты использовал мозговую жидкость гусеницы-трупоеда. Хорошо. Паралич скоро пройдёт, и это тело снова можно будет использовать.

Голос в голове Гулкануна казался человеческим, мужским и... старым. Древним и могучим, разумом глубоким и сильным, достигшим высот в Искусстве и жизненном опыте. Разумом, который многое повидал, многое совершил, веками сплетал магию...

Ты знал короля Бероста? Бероста Храброго? Ты настолько стар? подумал Гулканун.

Да. Меня зовут Эльминстер. Тот самый Эльминстер. В эти дни меня лучше знают как Мудреца Долины Теней. Ходят сплетни, что я сумасшедший старый маг, который в своём безумии считает себя Избранным Мистры. Я безумен, я стар, я маг — и я действительно Избранный.

Я... я... подумал Гулканун.

Не благоговей и не бойся, Дат Гулканун. Ты служишь хорошему делу, твоё владение Искусством достойно уважения, и более того — ты человек благородный. Доброта, честность, скромность; ты бы удивился, узнав, насколько редко встречаются такие качества, а ты обладаешь всем перечисленным. И поэтому ты мне нужен — ты и Лонклоус, и все другие достойные боевые маги Кормира, от королевского мага Ганрахаста до самых зелёных рекрутов.

Я нужен? Мы нужны? подумал Гулканун.

Да. В голове Гулкануна будто бы медленно распахнулась настежь дверь, и оттуда хлынул яркий свет... свет, озаривший Гулкануна, омывший его сильным, нарастающим потоком, который нёс заповедь Мистры завербовать боевых магов, чтобы создать лучшее будущее для Кормира и всех Королевств, заповедь, пронизанную собственным трепетом Эльминстера.

Гулканун обнаружил себя в экстазе, тронутым величайшим блаженством, что он когда-либо ощущал, охваченным блистательной убеждённостью. Он мог верить вторгшемуся в свой разум, доверять коснувшемуся его могущественному интеллекту, поскольку *видел*, что всё это — правда. Богиня магии действительно вернулась из забвения, добрая, истинная и чудесная Мистра, и она в самом деле приказала Эльминстеру, её прежнему и нынешнему слуге, разыскать синее пламя и запечатать разломы, чтобы сохранить Королевства, и завербовать боевых магов, чтобы принести Кормиру новую славу, и...

Прежде я никогда с такой чёткостью не понимал, что мне говорят правду. Это... чудесно, прекраснее всего, что я когда-либо испытывал. Это доверие. Подумал Гулканун.

Это оно. Так может быть ты перестанешь подозревать эту прекрасную тёмную эльфийку? Раньше она была злой прислужницей Лолс, пускай и юной и ничего не добившейся, но сейчас в ней есть лишь мой разум. Нужно прекратить тратить время зря и начать действовать сообща.

Да, о да! Как мы начнём? Что нам делать прямо сейчас? Я... подумал Гулканун.

Грубые руки неожиданно вцепились в Гулкануна, утягивая его прочь от дреу, которую, как смутно осознал боевой маг, он обнимал будто любовницу.

В полноммммм смятении от Эльминстера и принесённого им света Гулканун обернулся и посмотрел в гневно хмурящееся лицо Имбрульта Лонклоуса.

Молча открывшего дверь и бросившегося вперёд, чтобы вытащить своего друга Гулкануна из тёмных и гиблых объятий, выбросив руку, чтобы с полным безразличием к женственной анатомии оттолкнуть дроу.

— Я так и думал, что она сразу же тебя соблазнит, как только получит возмо...

Поток слов Имбрульта стал потрясённым молчанием, когда свет — и Эльминстер — хлынули и в его разум.

Они с Гулкануном начинали как товарищи по несчастью и молчаливые союзники под гнётом высокомерия и насмешек Вандура, но быстро стали друзьями. Они работали вместе четыре долгих года, и оба любили и уважали друг друга сильнее, чем кого-либо ещё в своих жизнях. Они были... Эл показал им благодарность и дружбу, которую они питали друг к другу, их настоящие чувства. Их соединившиеся разумы дрогнули. Мысли и воспоминания Дата хлынули в Имбрульта и наоборот в счастливом вихре слияния и открытия.

Их лица были мокрыми от слёз, их руки обнимали друг друга, и они издавали взволнованные, нечленораздельные звуки, едва замечая это, пока между ними двумя и Эльминстером туда-сюда носились мысли. Великий и полный света разум Эльминстера был вокруг них, внутри них и баюкал их...

Мы должны это сделать! О, Кормир! Изгнать голод, нужду и коварство навечно, и... подумал Имбрульт.

Их взволнованное слияние снова резко прервали. На этот раз связь разбил Фарланд. Гулканун и Лонклоус покачнулись, наполовину оглушённые.

Лорд-констебль рванул тёмную эльфийку прочь от двух мужчин и прижал кинжал к её горлу.

— Я слышал все эти истории про дроу, — прорычал он, — и не верил, что они на самом деле такие соблазнительницы, как некоторые говорят, но кажется...

— Это не то, что ты подумал, — отрезал Гулканун.

Ухмылка Фарланда была свирепой.

— Похоже, что так, да, сэр Чароплёт?

Затем его лицо изменилось и он напрягся, пытаясь закричать и не в силах этого сделать.

Нечто потекло в его разум...

Настало время снова отправиться на поиски приключений.

Но не чересчур дерзким способом, который предупредит боевых магов и весь королевский двор о его присутствии и амбициях. Что-нибудь, чего не смогут заметить даже ближайšie арфисты, разве что один из них будет стоять на обочине, когда Мэншун перехватит двух покинувших Хултейл магов Короны.

Нет, в этот раз Мэншун может вернуться к способу, которым сражался в те ранние дни, когда Зентарим был прекрасной новой идеей и только набирал силу, ещё не превратившись в повелителей всего и вся. И может сделать это с помощью его собственных более поздних дней — и гробницы Шанксозбура. Прошли годы с тех пор, как он вспоминал об этом безрассудном глупце. О человеке, настолько глубоко погрязшем в самоуверенности и глупости, чтобы считать, что сможет обмануть Мэншуна. Его настигла подобающая расплата — Мэншун переломал Шанксозбуру все кости и оставил двух червей, которые заползли в его нос и медленно сожрали изнутри. Но на этом его служба Мэншуну не прекратилась. О нет.

Лорда Чесса послали забрать владения Шанксозбура и распродать их прежде, чем успеет прибыть и заявить свои претензии его родня, а вырученные средства использовать

для строительства затейливой гробницы — крепкого каменного мавзолея на лесном склоне рядом с мостом Каменщика. Кости глупца по-прежнему лежали в большом каменном гробу, крышку которого украшал образ Шанксозбура — а в полу находилась поворачивающаяся плита, которая использовалась, чтобы убрать гроб и открыть ведущую в нижнюю палату лестницу.

Люди, которых взял с собой Чесс, быстро расправились с прибывшими родственниками Шанксозбура, так что ключи к мавзолею остались только в распоряжении Братства. Зентарим веками использовал верхние помещения гробницы как логово на тропе контрабандистов, а в палате внизу лорд Мэншун предусмотрительно поместил нескольких своих клонов на случай, если они потребуются в будущем. Сейчас, разумеется, все его другие «я» давно пропали, пробудившиеся после смертей или унесённые в другие, более безопасные места.

Зато Мэншун знал гробницу очень хорошо. И это делало её надёжным местом назначения для телепортации. Оттуда он мог перемещаться в желаемом направлении с помощью магии от одного ориентира в поле зрения к другому, чтобы перехватить этих двух боевых магов. Гробница ждала, находясь от него всего в одном заклинании телепортации...

Но погодите-ка. Сначала рутина. Убрав прорицательные сферы, Мэншун прочитал заклинание, которое скрыло большую часть погреба Сронтера — тиранов смерти и всё остальное — за фальшивой наколдованной каменной стеной. Сюда может кто-то спуститься — вор, надменный инспектор Короны или стражник; в конце концов, к алхимикам все относятся с подозрением. Так что пускай обнаружат зловонную выгребную яму и обычную рухлядь — старую сломанную мебель и прочее, а не ожидающий ряд созерцателей-нежити.

А если нарушитель преодолет его заклинание и увидит, что скрывается за ним... что ж, ему же хуже. Мэншун оставил тиранов бодрствующими и отдал им приказ убивать и преследовать всех живых. Если кто-то выпустит их, то когда Мэншун возвратится, они скорее всего ещё будут выполнять этот приказ. Живых в Сюзейле было много.

Гелнур Фарланд сгорал от стыда, отвращения и муки. Ментально изнасилован тёмной эльфийкой, к горлу которой был приставлен его клинок, которую он должен был убить прежде, чем она... *Что это, именем Короны, такое?*

Устремившийся в него разум принадлежал мужчине, человеку, и был старым и мрачным от груза многочисленных воспоминаний. Разум волшебника... о нет, неужели это боевой маг испытывает на нём выжимку разума? Они оба сойдут с ума? Это уже началось? Что...

Вторгшийся разум был могуч, как замок, нависший над игрушечным домиком разума Фарланда. Ошеломительным тёплым и тёмным потоком он пронёсся по его мыслям, по его воспоминаниям в поисках чего-то. В поисках... любых доказательств измены Короне или того, что Гелнур Фарланд имеет какое-то отношение к убийствам в Ирлингстаре. И не обнаружив ничего, он улыбнулся в голове Гелнура с таким приливом удовольствия, что Фарланд застонал вслух.

Кто это, во имя...

Старый бородатый маг, идущий в одиночестве, из Долины Теней. Старый Маг, Старый Мудрец, тот самый из легенд о Вестнике Рока Мистры, мужчина, который был девицей и...

Он видел все больше и больше из вторгшегося разума, ему показывали всё новые и новые воспоминания, прекрасные и ужасные, дьяволов, и драконов в небе, и Город Песни, и бесчисленные поля ужасных битв...

Я Эльминстер. Да, да, ты знаешь меня. Я человек из легенд твоих прадедов, и человек из трактирных историй об Избранных Мистры.

— Именем прославленных поцелуев Алусейр! — выдохнул вслух лорд-констебль.

О, подходящая клятва, ведь они были сладки, так сладки...

Эльминстер по своей прихоти открыл ему два ярких воспоминания, поочередно сунув образы в разум Фарланда, будто два крутящихся, мерцающих драгоценных камня.

Первое... ночь, костёр, открытые лесистые края северного Кормира, множество смеющихся людей в доспехах разбили лагерь и ухаживают за лошадьми — прекрасными лошадьми. Затем кто-то шёл среди этих весёлых витязей в их ярких доспехах к высокой женщине, которая растёгивала и откладывала в сторону сверкающие в свете костра пластины её собственных великолепных доспехов, изогнутые и выкованные так, чтобы облегать её стройное тело... обнажённое в свете костра. Она с лучезарной улыбкой повернулась к нему и обняла, чтобы получить поцелуй, а не поцеловать самой... Алусейр, юная, сильная и гордая воительница, своенравная, распутная, дикая принцесса...

Свет костра угас, и в наступившей темноте Фарланда поглотил второй драгоценный камень, погрузив его в тёмную неподвижность пустого, покрытого паутиной и рождающего эховысокого зала; королевский дворец Сюзейла, знаменитое проклятое крыло. И из мрака возникла скользкая тень с блеском призрачных доспехов, тем самым ниспадающим водопадом волос и таким же лицом, но старше; на нём оставили свои следы печаль, утраты и приступы ярости. Фигура быстро оказалась рядом, спеша получить поцелуй, но в последний момент замешкалась, не решаясь безмолвно молить о нём... и заплакала призрачными тенями слёз, когда поцелуй ей подарили. Её жаждущие губы принесли обжигающе-ледяную боль, похищая тепло жизни из Эльминстера, поцеловавшего Алусейр — крадущего жизнь призрака.

Ну вот. Теперь ты знаешь, чем клянёшься: прославленными поцелуями Алусейр.

Фарланд потрясённо выругался — и выражения, которые он использовал, были куда более грязными и красочными, чем та роскошь, которую ему показали.

Он отшвырнул прочь свой кинжал и заплакал.

Гробница была холоднее, чем он помнил.

Особенно таким морозным утром. С земли поднималась до колен дымка и струилась между деревьев. Мэншун вышел из усыпальницы и отправился на поиски удалённой точки в подходящем направлении, чтобы телепортироваться через Вивернов ручей, а оттуда — к северо-востоку, с одной возвышенности на другую. Маги Короны могли оказаться достаточно глупы, чтобы скакать всю ночь, но скорее всего они разбили лагерь у дороги, поспали ровно столько, чтобы дать лошадям отдых, и к текущему моменту уже снова находились в пути.

Мэншун потянулся и улыбнулся. Выбрав далёкое и высокое поле, он прочитал заклинание телепортации, чтобы отнести себя туда. Затем опять, с высокого восточного пастбища Нута Таммарсера к холму Ронтона. Оттуда на хребет за Загнутым Когтем. Стоя там, на источенном ветрами камне, под холодным дуновением воздуха, испугав орла, взлетевшего со своего излюбленного насеста, он смог посмотреть вниз, на дорогу Орондстаров.

Вон там. Двенадцать пурпурных драконов, скачущих кольцом вокруг двух верховых мужчин без доспехов; его боевые маги. Его жертвы.

Он выбрал следующий изгиб дороги, где смог беззаботно встать, ожидая их.

Его тюремщики вернулись, и страх сомкнулся на нём холодной белой рукой. Морозные пальцы крепко обхватили сердце.

Мреддрейк сглотнул, затем сглотнул ещё раз. Его горло было сухим как старые кости, и он сильно дрожал. Он знал, что они знали, как сильно он их боится... и его это больше не волновало.

По крайней мере они улыбались.

— Мы довольны твоими продолжающимися успехами в использовании новой магии, — сказал один.

— Ты стал искусен в убийстве, — одобрительно добавил второй, как наставник, хвалящий маленького ребёнка.

Он смотрел на них, стоявших напротив в комнате, которую они сделали его тюрьмой, достаточно близко, чтобы ещё чуть-чуть — и можно было коснуться. Мреддрейк обнаружил, что хочет вернуться в королевский дворец Сюзейла. Даже быть марионеткой Мэншуна лучше, чем это...

Он дрожал снаружи и был испуган внутри. Его могли убить одним усилием воли. Как тогда он сможет, как он осмелится деликатно сообщить им, что сделал необходимым компонентом для действия изобретённой им магии себя, а значит — он на это надеялся — стал незаменим?

Они улыбались Мреддрейку почти нежно. Но в их глазах, видел он, была насмешка...

— Твои попытки спасти свою шкуру, включив самого себя в твоё новое заклинание, весьма нас позабавили. Знай же, что мы не собираемся тебя убивать.

Пока нет, добавил тон, которым его тюремщик сказал это.

Ну разумеется, пока нет. Сейчас, как знал Мреддрейк, он будет им крайне полезен, позволив быстро и бесшумно завоевать Кормир.

Из-за поворота показались беззаботно скачущие ярким утром всадники.

Мэншун стоял, широко расставив ноги и скрестив руки на груди, слабо улыбаясь.

— Сила принадлежит мне, и я — само воплощение силы, — прошептал он себе, глядя, как пурпурные драконы хмурятся, натягивают поводья и резко приказывают остальным остановиться.

Один человек в диких пограничных землях, судя по позе — безоговорочно уверенный в себе, означал либо архимага, либо приманку для сотни спрятавшихся разбойников, ожидающих в засаде.

— Засада — это я, — вежливо объяснил он. — В одиночку. Поскольку я — архимаг, самый могущественный, кого вам доводилось встречать в ваших жизнях. Которые — с одним исключением — сейчас оборвутся.

Он легко высвободил заклинание, прочитанное им ранее и хранимое наготове.

Двенадцать пурпурных драконов с их конями неожиданно превратились в вопящую, спотыкающуюся пададь. Крики резко оборвались, когда вокруг сжалась воронка вихря и незримые силовые клинки принялись резать их в воздухе. Окровавленные конечности полетели в канаву позади них, где дорога вела к цивилизации.

— Ах, цивилизация, — произнёс Мэншун, глядя на двух волшебников, которых уберегла их магическая защита. Разумеется, защита была израсходована, оставляя их беззащитными перед его следующим заклинанием. — Мы так далеко от неё в эти дни, не так ли?

Пока Мэншун спокойно и неторопливо читал следующее заклинание, вспыхнула их первая поспешная магия и ударила в его щит. Когда Мэншун закончил, один из боевых магов очутился на дороге обгоревшим и оглушённым, его мантию охватил огонь, а лошадь исчезла. Только второй, не пострадавший маг сумел обрушить следующее заклинание на щит Мэншуна, снимая его. К тому времени будущий император Кормира без спешки сотворил новое волшебство — и от обожжённого мага остались лишь две ноги в сапогах на дороге Орондстаров, окружённые кучкой пепла.

Выживший боевой маг прочитал своё самое сильное боевое заклинание, расколов дорогу вокруг Мэншуна. Волшебная мантия архимага поглотила смерть, с таким отчаянием посланную забрать его. Выполнив свою работу, мантия развеялась, оставляя его без защиты. К тому времени, конечно же, он швырнул в единственного выжившего мага Короны рок разума и оказался внутри головы безнадёжного дурня.

Жертва не успела даже вздохнуть, а он уже сломал и поработил его разум.

Итак, это был молодой и полный энтузиазма боевой маг Ярлин Фламтарг. Хорошо, хорошо. Мэншун выжигал принадлежащее своему новоприобретённому слуге кольцо боевых магов до тех пор, пока там не осталось никакой силы, и кольцо уже нельзя было отследить издали. Хултейл был отдалённым, не обладающим важностью сторожевым постом, местом спокойным; командного кольца у Фламтарга не было.

— Доброго пути, — вежливо сказал Мэншун лошади, успокоив её одним из заклинаний, которыми он гордился сильнее всего — одним из немногочисленных исцеляющих заклятий, которыми он когда-либо овладевал.

Затем он телепортировался обратно в погреб Сронтера в Сюзейле, но его сознание мысленно управляло боевым магом Ярлином Фламтаргом. Его новый ментальный питомец, уже в одиночестве ехавший по дороге Орондстаров, направлялся в замок Ирлингстар.

Симбул ногами вперёд опускалась с ночного неба, за её спиной развевались серебряные волосы.

Навстречу ей приближалась пустынная, разрушенная крепость, расположенная в неровной долине глубоко в скалистой глуши, одинокий расколотый коготь.

Здесь были часовые; многочисленные малгодемоны и набассу слетали с крошащихся тёмных парапетов, чтобы встретить её.

Она падала, окружённая внезапно вспыхнувшей сферой переливающегося синего сияния, очерченной тесными орбитами многочисленных летающих объектов, среди которых не нашлось и двух одинаковых, но все пылали синим огнём.

Со всех сторон на неё свирепым штормом обрушились зловещие летающие стражи, но Симбул низвергла их с небес заклинаниями, вылетающими из её клетки синего огня, ускорявшей своё вращение. Клетка обжигала и плавилась на шипящие клочья любого демона, который в неё попадал, не позволяя чудовищам коснуться Симбул. Клетка падала вместе с нею, чтобы коснуться стен крепости и прожечь камни так, как будто они состояли из одних лишь теней и воздуха.

Клетка продолжала опускаться, погружаясь ниже и ниже сквозь сердце древней и разрушенной крепости, к зловеще мерцающему колодцу в её глубинах. Ещё один разлом в Королевствах, через который появлялись новые демоны, изливался бурлящим неостановимым потоком.

Симбул вцепилась в воздух, чтобы сжать клетку вокруг себя и превратить её в режущий

разломы кинжал.

— Как сказал бы Эл, — произнесла она вслух, — давай по новой.
Вместе с кинжалом она скользнула в фиолетово-белую агонию.

ГЛАВА 23

ХИХАНЬКИ И ХАХАНЬКИ

Демоны рвали её когтями, хватались за волосы и гладкую кожу плечей. Она не обращала внимания, потерявшись в ледяном огне разлома, с которым сражалась... гасила... уничтожала.

Оставляя себя пустой и уставшей, а предметы синего пламени поблекшими и замедлившими вращение.

Когти снова впились в неё, всё больше и больше когтей, когда осмелевшие демоны потекли на неё со всех сторон, вырываясь из тёмных полостей разрушенной крепости, пытаясь навалиться на неё, пытаясь утащить её вниз, разорвать...

Пригибаясь и уворачиваясь, хлестая, опутывая и удушая своими длинными серебряными волосами, Симбул боролась, чтобы не утонуть под массой тел свирепых демонов. Сражаясь, чтобы держаться на ногах, она испепеляла противников заклинанием за заклинанием.

И они гибли. Когти, гротескные шипастые конечности, многозубые челюсти сыпались на неё вниз отвратительным ливнём чёрного и пылающего ихора, когда её магия заставляла демоническую плоть кипеть и демонические тела взрываться.

Она хлестала их этим утекающим огнём, извергая его на скалящиеся морды, увенчанные жалами хвосты и жестокие рвущие когти. И там, где серебряный огонь касался демонической шкуры, это тёмное мясо плавилось, с удивительной скоростью превращаясь в клубы вонючего дыма, превращая демонов в ничто с той же лёгкостью, что и предметы синего пламени. Но они продолжали наступать.

Она одно за другим истратила свои заклинания, повергнув небольшую армию, но оставшись сражаться с бесконечным, непрерывно растущим войском. Когда Симбул истратила серебряный огонь, чтобы превратить заклинание открытия печатей в поток дезинтеграции, а магию отправки сообщений — в рассекающий плоть вихрь... её арсенал почти иссяк.

— Эл, — воскликнула она вслух, пока всё больше и больше демонов, жажда вцепиться в неё, продирались через оседающую, замедлившуюся сеть предметов синего пламени, практически угасших и оставляющих за собой совсем слабый синий след, — где ты? Ты мне нужен!

Единственным ответом был пронзительный демонический хохот, и к ней пришло отчаяние. Её нападающие собрались в огромную и плотную орду, наседая друг на друга в жажде уничтожения.

— Эльминстер! — закричала она. — Услышь меня, любимый!

— Что-то я не думаю, что любой истинный кормирец нуждается в уроках того, как необходимо править королевством, от какой-то хитрой арфистки-чужеземки, которая покрасила свои волосы серебром, — холодно сказал лорд Бриклар. — С меня довольно твоей болтовни. Сгинь.

Он отвернулся.

— Стражники, выбросьте прочь эту женщину. Нежничать не нужно.

— Если ты *не возражаешь*, Олдус, — отрезал лорд Хамнлер, — моим стражникам в моём доме приказывать буду я. Я хочу услышать больше об этих новых правах. Если Форил

желает отдать нам часть своей власти ради новых законов, которым придётся следовать каждому подданному, давай узнаем подробности.

Позади него стражники, поспешившие на зов Бриклара, замешкались, вопросительно глядя на лица собравшихся за столом лордов.

— Лорд Бриклар, — спокойно сказала Шторм, — лорд Хамнлер прав. Пытаться заткнуть гонца всякий раз, когда вам не нравится послание, не выслушав его до конца, значит постоянно оказываться неготовым ко всему, что приготовила вам жизнь. Этот путь ведёт лишь к синякам и скорой могиле.

Она подняла свой бокал.

— И к вашему сведению, лорд Бриклар, я — маркиза Иммердаска. Моя кровь до последней капли не менее благородна, чем ваша, и я такая же «истинная кормирка», только моя родословная намного древнее. Бриклары, насколько я помню, пришли из Западных Врат менее четырёх поколений назад...

— Вы смеете меня оскорблять?

— Вы смеете притворяться оскорблённым? — ответила Шторм, идеально подражая гневу Бриклара. Затем она захихикала, не сдержавшись, качая головой. — Приношу свои извинения, господа, — сказала она всему столу, — но я просто не могу изображать высокомерную надутую дворянку настолько же хорошо, как наш Бриклар. Эту стадию я переросла давным-давно.

— О, — издевательски произнёс Бриклар, — это ваша поза «Мне много-много веков, я лично знала Берубла, короля Дуара и бессмертного Пурпурного Дракона, и знаю, что для вас лучше». Которая либо сплошная ложь, либо вы — мерзкий демон или коварный эльф, который способен принимать человеческое обличье, чтобы обманывать нас! Ну что ж, я на такое не поддамся...

Она побледнела и схватилась за разукрашенную рукоять своего меча, потому что Шторм резко встала, опрокинув на стол свой кубок с вином. Лорды за столом напряглись и потянулись к своему оружию, и стражники лорда Хамнлера снова подались вперёд.

Леди Иммердаск, казалась, не обратила на всех них внимания. Она видела далёкие места, её лицо побледнело и стало печальным, и — хотя её приоткрытые губы даже не шевельнулись — она бормотала что-то тихое, что вырвалось из её глотки с пронзительным высоким звоном далёкого крика «Эльминстер! Услышь меня, любимый!»

Она утонула в демонах, вонзавших в неё острые когти, пытающихся грубой силой разорвать её на части.

У них начинало получаться. Суставы и жилы стали поддаваться, пряди выдирались с корнями, и повсюду горела боль, вырвав у неё крик сквозь сжатые зубы. Ей придётся умереть здесь, придётся подвести Мистру...

О нет, Алассра. Ты не подвела меня. Призови к себе синее пламя. Прикажи ему.

Мистра! Богиня услышала её!

Надежда вспыхнула в Симбул, как яркое освежающее пламя. Симбул подчинилась — или попыталась подчиниться, собрав всю свою волю в сырой красный жар усиливающейся агонии. Когти демонов с её конечностей перешли к более мягкой, лёгкой цели её живота и вонзились в него. Они потянули за края этой раны, пытаясь широко разорвать её, открывая внутренности. Ноги и колени омыла её собственная тёплая кровь, а туловище превратилось в одну огромную зияющую рану...

Не обращай на это внимания. Призови синий огонь.

Симбул позвала, и почувствовала, как предметы, содержащие синее пламя, начали отзываться, подлетев к ней поближе.

На их пути находились тела демонов, рвущие, теснящиеся, вздымающиеся. Всё было безнадежно...

Надежда, моя дорогая дочь, это фонарь, который нужен всем нам, и нам никогда нельзя её бросать. Даже мне. Держись покрепче за свою надежду, и продолжай призывать пламя. Прекрасное синее пламя...

Синий огонь пришёл к ней, предметы, что несли его, прожгли дыры сквозь демонов на своём пути. Демоны вопили и ревели, умирая и оставаясь искалеченными, многие посыпались прочь от неё.

Но пришло ещё больше рычащих чудовищ. Хоры и раттеры, глабрезу и безымянные червеподобные корчащиеся создания... они впивались в синее пламя, махали оружием и читали заклинания, но не могли ничего сделать, чтобы остановить, замедлить или сбить с курса призванный синий огонь — ведь прикосновение к нему уничтожало, а магия только заставляла его сиять ярче прежнего.

В твою рану. Вбери огонь в себя.

Симбул исполнила приказ Мистры, и серебряный огонь закипел внутри неё и потёк из её ран, голодными кольцами свиваясь вокруг синего пламени, сливаясь с ним... и поглощая его.

Неожиданно её наполнила раскалённая добела, разъярённая сила. Мощь, которая обожгла её конечности, которая стонала и трещала в её волосах... которая изверглась из неё, когда Симбул закричала от боли.

Энергия выстрелила из её глаз лучами и вырвалась из её носа и рта, ударяя во всех направлениях ослепительно ярким потоком, который одинаково поглощал демонов и стены позади них.

Тёмные фрагменты стен тяжело рухнули, сокрушая под собой новых демонов. Другие с воплями разбежались во всех направлениях.

С криком, достаточно громким, чтобы заглушить их всех, от боли, ликования и голой ярости, Симбул вылетела из крепости, оставляя за собой прах убитых демонов, как комета, высоко воспарившая в ночном небе.

— Тлуин, — выдохнул Хокспайк, пытаясь перевернуться. Чума, как же у него всё затекло!

— Хок? — зевнул Харбранд. — Ты проснулся?

— Нет, — твёрдо отозвался Хокспайк, хотя на самом деле проснулся. Нельзя сказать, что он был этому рад. Всё тело ныло, каждое мгновение в него впивались холодные и острые камни, он был голоден — в животе то и дело урчало — и да, ему мучительно требовалось облегчиться.

Над головой был тёмный грубый камень. Они были в какой-то пещере. Да, теперь он вспомнил... большая пещера. Они пролили немного лампового масла на ветку и сделали факел, который горел достаточно долго, чтобы тщательно её обыскать. Одно просторное помещение, естественная пещера, в которой валялись мусор и старые кости... но ничего свежего, и никакого звериного запаха, а значит — она не служила сейчас никому логовом. Они были где-то высоко в предгорьях у Ирлингской горы. И, конечно, наутро у них всё

болело, и отдохнуть, свернувшись в на беспощадно твёрдых, острых камнях, не получилось.

— Тлуин, тлуин, тлуин, — сказал миру Хокспайк, содрогнувшись, когда перекатился на колени и новые беспощадные камни сразу же вонзились ему в ноги. Он заставил себя выпрямиться, чтобы, неловко спотыкаясь, подойти туда, где смог опереться на стену пещеры. Во рту стоял такой привкус, будто он облизывал звериную клетку.

Харбранд, разумеется, уже встал. Храст его побери.

И делал растяжку в дальнем конце пещеры, будто танцовщица из таверны, готовящаяся к какому-то акробатическому номеру. И ухмылялся.

Боги в небесах, этот ублюдок намеревался быть в хорошем настроении.

— Мне, — провозгласил партнёр Хокспайка, прерывая растяжку серией выпадов ногами и руками, будто пьяный борец, — нужно опорожнить мочевого пузыря. И выпить. Вчера ночью мы слышали ручей, так?

— Ухху, — согласился Хокспайк, указывая туда, где, как ему вроде бы показалось, могла находиться бегущая вода. Она слышали журчание — небольшой, но свежий поток — где-то в той стороне.

Но чтобы помочиться или попить, разумеется, им придётся выйти в этот прекрасный кусок мира, ожидающий снаружи пещеры.

Он осторожно прошёл вдоль стены, ещё не доверяя своему чувству равновесия. Ох, как же промёрзли кости... Единственное, что его порадовало — Хар двигался ненамного быстрее. А это означало, что ему не придётся выслушивать многочисленные остроумные комментарии по меньшей мере до тех пор...

Что-то заслонило собой утренний свет. Хокспайк поднял взгляд — и застыл на месте. Харбранд поступил точно так же, превратившись в глазающую, бледнолицую дрожащую статую.

У входа в пещеру зияла нисходящая борозда длиной с просторный загородный особняк. Её полностью заполняло чёрное рыло, проникшее глубоко внутрь. Рыло, которое крепилось к чешуйчатой, рогатой голове... чёрного дракона.

— Дерьмо, — выдохнул Хокспайк, и прямо на месте опустошил свой мочевого пузыря, прямо в любимый гульфик.

Взгляд мудрых и жестоких драконьих глаз, наблюдавших за аналогичным позором Харбранда, скользнул к нему.

— Здравствуйте, — сказал дракон, приоткрыв челюсть — эти клыки! — в медленной, мягкой улыбке. — Я Алоргловенемаус, и так случилось, что я нуждаюсь в Зверях на замену.

— О? — сумел выговорить Харбранд из другого конца пещеры. — Что за зверях?

Примерно в этот же момент Хокспайк решил, что потеря контроля над мочевым пузырём была неэффективной тактикой. И поэтому выбрал другую: как мёртвый, свалился без чувств.

— Прекрасная идея! — воскликнул Харбранд — и тоже потерял сознание.

Мгновение спустя пещера содрогнулась от оглушительного рёва. Алоргловенемаус хохотал.

— Такое... великолепие, — прошептала Симбул, глядя, как по горам ползёт рассвет. Из неё вытекло достаточно силы, чтобы она снова стала собой, снова была в своей власти. Повиснув высоко в воздухе, она исцелила себя, растягиваясь и сгибаясь с захватывающей дыхание лёгкостью. Вся боль исчезла, и она была сильнее, бодрее и живее, чем когда-либо.

— Спасибо, Госпожа-Мать. Что дальше?

Дальше ты должна отыскать больше синего пламени, разумеется. Тебя ждёт намного больше разломов.

Симбул застонала, затем сумела выдавить улыбку.

— Что ж, последний был... довольно весёлым. И у меня получается всё лучше; должно быть, практика.

Должно быть, согласилась Мистра, и они обнаружили, что снова смеются вместе.

Лорд-констебль Ирлингстара с трудом поднялся на ноги, смутно осознав, что Эльминстер — холёная зловещая дреу, которую он держал, прижав нож к её шее — бросилась от него прочь сломя голову, вниз по коридору и исчезла из вида.

Тёмная эльфийка вовсе не была Лаксаром. Лаксар был мёртв, и никто больше не спешил в Ирлингстар на помощь...

Кто-то кричал, несколько человек; узники, знакомые ему голоса знати, гневные и испуганные.

— Нас что, всех убьют, пока вы бездействуете?

— Боевые маги убивают нас одного за другим, пока вы стоите и смотрите!

— Убийцы! Где ваша хвалёная справедливость?

— Что? — устало произнёс Фарланд, по-прежнему не желая оставлять позади все эти воспоминания, забывая тепло того могучего разума, окутавшего его сознание... из-за чего все эти крики? Случилось новое убийство?

Случилось. Стражники только что нашли лорда Арлонда Хилоара лежащим замертво в дверях его собственной камеры. Ах да, надушенный Арлонд, светловолосый и вежливый, относящийся ко всем с ледяной надменностью, но чаще всего витающий в облаках, вечно баюкающий и глядящий небольшую табакерку в форме раковины, которую носил с собой. Незадолго до того, как обнаружили его тело, его видели там же, в дверях камеры, наблюдающим и слушающим более шумных заключённых в их собственных камерах вверх и вниз по тому же коридору, требовавших, чтобы их выпустили. Их всех держали в камерах невидимые стены новых печатей; «коробки безопасности» Эльминстера.

Хилоар ни с кем не делил свою камеру, и за исключением печатей, никакого пути наружу там не было — разве что сквозь крепкие каменные стены. Которые остались нетронутыми — как и печати. В какой-то момент во время всего этого окольцовывания он просто соскользнул на пол, оставаясь незамеченным собратьями-заключёнными до своего падения. Соскользнул, потому что его глотка была рассечена, рассечена так глубоко, что голова почти отделилась от шеи. Крови... хватало.

Сильнее всего испугались заключённые в соседних камерах. Один кричал — нет, уже двое, даже трое, только что присоединился новый — что в замке, должно быть, поселились призраки, и «долг перед Коронай» Фарланда — забрать их отсюда в какое-то более безопасное место. Всегда наполовину затопленные камеры темницы в Иммерской твердыне, тюремные ямы Велуна, сырые, заросшие плесенью погреба темниц в Марсембере — куда угодно!

Фарланд вздохнул, припомнил несколько отборных проклятий, но отбросил их в сторону неозвученными, и решил, что как раз пришёл к тому самому выводу, который так раздражающе выкрикивали эти испуганные дворяне.

Хотя по любым трезвым меркам, под его началом осталось меньше шестой части людей

от числа, которое требовалось, чтобы держать в узде этих заносчивых заключённых, как только они покинут Ирлингстар. Не говоря уже о том, что предпринимать такой смелый шаг без разрешения сверху означало рискнуть шеей и даже хуже. Ему требовались недвусмысленные приказы, разрешающие подобный поступок, и хорошая искренняя беседа со старшими царедворцами и боевыми магами — лордом печатей Вэйренсом, например — прежде чем он мог позволить хоть одному лорду покинуть замок.

— Гулканун? Лонклоус? — позвал он, направляясь к ним, чтобы они услышали среди всех этих криков. — Если мы собираемся куда-то отправиться, мне надо, чтобы вы связались с лордом печатей... или с самим Ганрахастом.

Оба мага Короны кивнули.

— Разумеется, — ответил Гулканун, — но нам потребуется кто-то, чтобы постоять на страже, пока мы работаем. Установить контакт сквозь печати будет нелегко.

— На страже? Мы об этом позаботимся, — спокойно отозвался Арклет. Амарун у его плеча кивнула — и взмахнула ножом, которого у девушки не должно было быть. Фарланд вздёрнул бровь.

Затем он с иронией покачал головой, сказал им всем «Ну конечно», и начал указывать, как следует Делькаслу, девушке и ему самому расположиться вооружённым кольцом вокруг двух волшебников.

Два боевых мага едва начали читать заклинания, когда раздался новый крик из какого-то помещения неподалёку. Высокий и отчаянный, крик перекрыл гневные вопли из камер, обрывая их — прежде чем резко прекратился сам, перейдя в ужасное, мокрое, задыхающееся бульканье.

Эл нужно было уйти ото всех туда, где она могла собрать всю свою волю не только для того, чтобы швыряться Искусством, но чтобы выслушать ответ из какого-то далёкого места и попытаться почувствовать, где это место находится. Как можно быстрее.

Наполовину преодолев крутую каменную лестницу, оказавшись далеко от любой камеры или стражника, она остановилась, села, прислонившись к холодной каменной стене, закрыла глаза и попыталась выровнять дыхание. Чтобы можно было потянуться...

Алассра, я здесь! Где ты?

Её безмолвный зов покатился в отзывающиеся эхом дали, катился, катился... Эл прислушалась и напрягла чувства, ожидая ответа.

Ничего.

Она попыталась снова.

Алассра, любимая, это я, Эльминстер. Ты позвала, и я откликнулся. Где ты? Как я могу тебе помочь?

Катится дальше... дальше... дальше... Ничего.

Ничего, кроме обжигающей вспышки белого пламени, будто удар наотмашь по её сознанию, ревущего яркого инферно, слишком далёкого и болезненного, чтобы можно было понять, где оно находится...

До того, как оно пропало, снова оставляя её наедине с безмолвной пустотой.

Снова она позвала, напрягаясь, вытащив один из кинжалов дреу, которые забрала из той разрушенной цитадели в Подземье, того, что слабо покалывал кожу своим зачарованием. Она направила на него всю свою волю, пытаясь выпить его магию, чтобы усилить зов...

После того, как, казалось, прошло очень долгое время, кинжал из чёрного стекла со

вздохом превратился в жирную пыль у неё на ладони, и Эл позвала снова, громко и сильно. Без результата.

Ей не хватало Искусства, чтобы достичь её Алассры. Или было слишком поздно. Она всегда был слишком занята, всегда была слишком далеко...

— Нет, — вслух воскликнула она, неожиданно разозлившись.

Эльминстер встала на ноги и ударила дровским кулаком по стене. Мелькнула вспышка, как загоревшийся огонь, раздался глубокий «бум», и стена треснула, крошечные осколки посыпались на ступени под её ногами.

Арргх! Когда магия ей не нужна — она тут как тут, но как только ей по-настоящему требуетсяАА!

— Эльминстер!

Крик с низа лестницы был отчаянным и вырвался из лёгких юноши и девушки. Знакомые голоса: Арклет и Амарун. Очи Мистры, но почему она всегда была кому-то нужна?

— Разве я не служила достаточно? — сплюнула Эльминстер на пустынную лестницу. — Почему я? Почему всегда я?

Она резко развернулась и побежала вниз по лестнице, глаза пылали, ярость, что копилась в ней годами — столетиями — восстала, едва не задушив её.

Вы звали, и Эльминстер пришёл. Готовьтесь, Королевства.

ГЛАВА 24

НЕЧТО ПРЯМОЕ И ГРУБОЕ

— Я тебе не какая-то дешёвая аферистка, лакей! Я — леди Джалассра Донингдаун!

Сверкая глазами и потрясая двойным подбородком — или так показалось Реншарре, учитывая демонстрацию колыхающейся надушенной и припудренной плоти на другом конце стола — разъярённая леди вскочила на ноги так, что зазвенели её серьги с драгоценными камнями, и прошипела:

— Ты скорее умрёшь, чем дождёшься, что я исполню эти возмутительные требования!

Высокорожденная леди Донингдаун обильно сплюнула на налоговые документы, подготовленные Реншаррой Айронстейв, которая только что закончила вежливо объяснять, что каких бы благородных кровей ни был подданный, нельзя избежать оплаты отдельного ежегодного налога на мостовую и фонари за каждую приобретённую дополнительную городскую собственность. Счёт был так высок, поскольку скромная мзда за шестьдесят один дом, лавку и конюшни в Сюзейле, сложенная вместе, достигла внушительной суммы, но её, разумеется, можно было оплатить из прибыли, которую эта собственность приносила владелице, а именно — леди Джалассре Донингдаун.

Затем госпожа Донингдаун вихрем вылетела из кабинета госпожи списков, по дороге свирепо обезглавив беззащитное растение и его вазу своей позолоченной тростью.

Реншарра со вздохом опустила назад в своё кресло, закрыв усталой рукой лицо. Лорды! Неужели все они всегда будут такими?

В любое время года их излюбленной тактикой было источать ярость и презрение. Игнорировать счета, отправлять собирателей податей ни с чем или спускать на них собак или более экзотических питомцев, а когда счета увеличивались из-за опоздания с оплатой — на целый сезон — врываться в дворцовые кабинеты. Чтобы с притворным или искренним гневом в свежешутом дорогом наряде заявлять о своей бедности.

Реншарра принялась завязывать толстую папку с документами леди Донингдаун, чтобы очистить стол для следующей.

Благородные лорды, не выплачивающие налоги, всегда требовали говорить с главным ответственным должностным лицом — с ней — и всегда разбивали вещи, кричали или по-змеиному шипели угрозы, и вылетали из кабинета в ярости, закончив свой спектакль. Чтобы ждать следующего и ещё более крупного счёта, чтобы они могли повторить это столь вежливое и утончённое представление. Но так или иначе, она заметила, что благородные скандалисты всегда платили по счетам до того, как Корона начинала конфисковывать их собственность взамен платы.

Госпожа списков сделала глубокий вздох и позволила себе расслабиться. Возможно, после этого день в конце концов станет лучше.

Может быть.

— Так-так, — процедил неприятный голос с пролёта выше. — Что здесь у нас? Да это же тёмная эльфийка, похоже, одна из этих злых и опасных, но таких красивых созданий! Такое искусительное зло! Убить её — практически наша обязанность, да?

— Именно так! Но лишь после того, как мы вкусим её красоты, ведь красота — сама по себе награда, и жизнь, проведённая в поисках красоты — это жизнь, достойная

благородных! — согласился другой маслянистый голос.

Сверкнули украденные у стражи ножи, и улыбка знатного лорда над ними стала шире.

— Поднимайся поиграть, маленькая красавица-дроу, — насмешливо позвал первый сбежавший заключённый. — Густав, ты посмотри, да ей самой не терпится!

С пылающим взглядом, но не обронив ни слова, Эльминстер взбежала по лестнице. Когда к ней протянулись руки, она совсем не замедлила бег.

Заключённые едва успели закричать.

— Релрунд! Торц! У меня есть для вас работёнка!

Леди Донингдаун процедила эти слова так, будто хотела впиться во что-то зубами. Два её старших головореза переглянулись, старательно не позволяя какому-то выражению проступить у себя на лицах. Кто-то должен был скоро умереть.

— Возьмите с собой этих двух новичков, отправляйтесь прямиком в кабинет Реншарры Айронстейв — госпожи списков, как её называют, как будто она хоть в малой степени достойна носить даже пустой титул — и избежите её до смерти. Пускай это будет долго, убедитесь, что она страдает. Но пускай не шумит, иначе на вас обрушится половина стражников во дворце. Просто чтобы вы не испытывали ни капли милосердия, знайте — она главный сборщик налогов в королевстве.

Припечатав их взглядом, который не оставлял никаких сомнений, что она не пьяна и не шутит, их нанимательница устроилась на своём обычном месте в дальнем углу своего сидения и так яростно захлопнула дверцу, что загремел весь экипаж.

Релрунд и Торц с осторожной точностью поклонились в её сторону — она наблюдала, в этом они не сомневались — достали свои мечи и положили их на переднее сиденье, подозвали двух товарищей-головорезов и приказали им сделать то же самое, затем отправились во дворец.

При них остались кинжалы, открытые и спрятанные, и короткие железные бруски, которые каждый носил в левом сапоге. И хотя они ни слова друг другу не сказали, думали они об одном и том же.

Сборщица налогов. Это должно быть забавно.

— Оставайтесь, — коротко приказал Фарланд Арклету и Амарун, когда ужасное бульканье стихло. — Я пойду взгляну.

Молодая пара покорно кивнула.

— Итак, — пробормотал себе под нос лорд-констебль, торопясь по коридору с мечом в руках, разглядывая заключённых в дверях их камер и следуя в направлении, куда указывали их вытянутые пальцы, — узрите храброго и решительного лорда-констебля Ирлингстара, прибывшего для осмотра последней жертвы незримого убийцы.

На сей раз благородным лордом с рассечённой глоткой, истёкшим кровью в дверях своей камеры, оказался Блейс Индимбер. Что ж, невелика потеря, и...

Что-то скользнуло по запястью Фарланда, внезапный поцелуй, похожий на лёд и пламя.

Он отдёрнул руку, когда хлынула кровь.

Дерьмо! Сам воздух разрезал запястье его правой руки!

Он замахнулся мечом на незримого нападающего, или по крайней мере туда, где должен был стоять невидимка — но рассёк лишь пустой воздух.

Фарланд бешено замахал мечом во всех направлениях, пытаясь удержать врага на дистанции. Глаза говорили ему, что здесь ничего нет, что его клинок пронзает пустоту... но

разве здесь не было чего-то твёрдого, всего на миг, что скользнуло по его руке?

Фарланд развернулся и выбросил вперёд свою свободную руку, пытаясь поймать всё, что могло там находиться, незримую твёрдость, которая...

Иааргх!

На сей раз его как огнём ужалило, когда брызнула кровь и несколько его пальцев отлетели в сторону! Их отрезал невидимый клинок — но хватать было некого.

Его собственный меч только что рубанул, затем рубанул в противоположном направлении, затем ударил сверху, и там оказалось *фарруково ничего!*

Фарланд развернулся кругом и бросился обратно в коридор так быстро, как только мог. Волшебники... ему нужны волшебники, иначе он мертвец! Заключённые выкрикивали насмешки или подбадривали его, или забились назад в камеры от страха, когда он бежал мимо них, спасая свою жизнь.

Несколько стремительных шагов спустя незримый клинок с силой вонзился в его руку с мечом, выше полурассечённого запястья. Он взревел от боли, споткнулся от жгучего огня боли, охватившего руку, но не замедлил бег. Он не смел останавливаться. Меч зазвенел на камнях позади. Вместе с ним, знал Фарланд, упала большая часть его правой руки.

Ему нельзя было останавливаться, нельзя...

Реншарра подняла взгляд.

— Я могу вам чем-то помочь? Это кабинет госпожи списков, а не...

Четверо мужчин улыбались весьма свирепыми ухмылками. Они осторожно и бесшумно закрыли за собой дверь её кабинета и шагнули к Реншарре.

— Вы — Реншарра Айронстейв? — спросил её передний, самый старший на вид. — Которая только что говорила с леди Джалассрой Донингдаун?

Нет. О нет. Реншарра нажала ногой на педаль, которая звонила в тревожный гонг, встала и нажала на педаль снова, затем скользнула за своё кресло.

— Как вас зовут, джентльмены? — строго поинтересовалась она. — Вы задержались с выплатой налогов?

Ближайший мужчина неприятно ухмыльнулся ей и сказал через плечо:

— Это она. Если мы отрежем ей язык, это должно заставить её немного притихнуть.

Затем он взмахнул своим плащом. Края плаща были утяжелены, чтобы тот красиво кружился — благодаря чему легче было накидывать его на голову и плечи жертвы.

— Мне нравится то, что я вижу, — сказал один из троих помладше. — Можно, мы чуток поиграем с ней? После того, как заставим расстаться с языком?

Реншарра с испуганной спешкой подхватила кресло, подставив его под плащ. Затем она нырнула в сторону, когда носитель плаща обошёл стол, обрушив на неё град ударов.

Его нож запутался в плаще, конечно же, и Реншарра вырвала кресло и огрела им мужчину. Что оставило её открытой для сильного удара от нарушителя, который зашёл с другой стороны стола.

— Помогите! — закричала она, отлетев к стене, как щит поднимая перед собой кресло. В голове звенело, из одного глаза хлынули слёзы. — Хулиганы! Убийцы! *Помогите!*

Третий и четвёртый мужчины, с широким и довольным оскалом на лицах, перепрыгнули прямо через стол.

— Это Фарланд! — прислушавшись, воскликнул Арклет.

— Он бежит в эту сторону, — напряжённо согласилась Рун, вглядываясь в дальний

конец коридора.

Тогда они увидели его. Лорд-констебль бежал, наполовину повернув корпус, его глаза были широко распахнуты. Из него струёй текла кровь — боги, его правая рука исчезла!

— Гулканун! Лонклоус! Остановите заклинания! — рывкнул Арклет с твёрдостью любого офицера или военачальника Короны. — Немедленно!

Фарланд изрыгал проклятия — или пытался сделать это между лихорадочными вздохами. Он был близко и стремительно приближался, в глазах плескались боль и ужас.

— Не подходите! Будьте осторожны! Меня атакуют! — выдохнул он. — Невидимый клиноааа..

Воздух за головой Фарланда сгустился в подобие ножевой кромки, и они увидели едва заметный сумрачный намёк на два тёмных глаза и нахмуренный, потеющий лоб над ними, зловещее, решительное присутствие...

Эта кромка скользнула вперёд и вдоль, и горло Фарланда взорвалось кровавым дождём.

— Эльминстер! — в отчаянный унисон закричали Амарун и Арклет — но пугающее присутствие позади лорда-констебля в следующее же мгновение исчезло. Фарланд споткнулся, осел на бегу, и рухнул прямо на каменный пол.

Он проскользил по крови к их ногам, его конечности по-прежнему слабо шевелились, его кровь хлестала во все стороны.

Это было прочное кресло, в старинном стиле, с высокой спинкой и длинными, толстыми ножками — и это было всё, что удерживало ножи от её лица. На миг-другой, пока один из них не присядет и не ударит её по ногам.

— Помогите! На помощь! — завизжала Реншарра как можно громче. Мужчина, которого она огрела креслом, потирал голову и бросал на неё злые взгляды, а остальные трое сомкнулись вокруг, придвигаясь к креслу. Через мгновение они схватят её за руки с двух сторон, и всё будет кончено...

Позади них открылась дверь её кабинета.

Возникло потрясённое лицо её секретаря с отвисшей челюстью — и это было всё, что она увидела, поскольку позади него возникла волосатая рука и убрала его голову вниз, с дороги. Владелец руки припечатал его рычащим потоком непристойностей и швырнул кинжал, который с глухим стуком ударил в плечо одного из усмехавшихся мужчин слева от Реншарры.

Тот прекратил усмехаться, завопил и отступил от неё вдоль стены, стена и ругаясь.

— Мирт! — взвизгнула она. — *Спаси* меня!

Прежде чем слова сорвались с губ, второй кинжал попал в человека прямо перед ней — точно в затылок. На неё брызнула кровь, глаза жертвы широко распахнулись — и он начал оседать, потащив за собой её кресло.

Третий мужчина с силой ударил Реншарру тыльной стороной ладони, отшвырнув её на пол, на второго мужчину и кресло. В глазах у госпожи списков помутилось от слёз и неожиданного звона в ушах. Затем он перестал обращать на неё внимание и повернулся к новой ревушей угрозе, которая только что завалила двух его товарищей.

Мужчина, которого она первым огрела креслом тоже повернулся, нагнулся, чтобы вытащить что-то из сапога — и снова выпрямился с коротким железным брусом в одной руке и длинным, острым на вид кинжалом в другой.

— Кто ты такой, тлуин тебя побери? — проворчал он, огибая стол.

— Мирт, лорд Глубоководья, — был ответ, — и твоя смерть!

Мужчина с железным брусом разразился хохотом и махнул двум своим товарищам. Тот, кому кинжал Мирта угодил в плечо, стонал от боли и ругался, но встал на ноги и с угрожающим видом подался в сторону Мирта.

Реншарра встала, подняла своё кресло и с силой им замахнулась.

Мужчина с железным брусом не заметил удара. Кресло обрушилось ему на затылок, треснула одна из ножек, и он с грохотом рухнул лицом на пол.

Ближайший головорез оглянулся через плечо, напуганный звуком. Реншарра швырнула кресло как можно выше и сильнее.

Оно ударилось о пол прямо перед мужчиной, отскочило и упало ему на ногу.

Он взвыл и запрыгал от боли — прямо на клинок Мирта. Который воспользовался оружием как рукоятью, чтобы повернуть пронзённого противника и толкнул его на последнего, прижав их обоих к стене.

Затем крепкий и пыхтящий лорд Глубоководья подхватил упавший железный брусок и несколько раз стукнул обоим мужчин по голове — просто для надёжности. Когда они неподвижно распростёрлись в собственной растекающейся крови, он снова повернулся к тому, которого оглушила Реншарра, и задумчиво нанёс несколько ударов по его затылку.

— Ты в порядке, подруга? — выдохнул он, выпрямляясь, когда сделал свою кровавую работу. — Они не...?

— Ударили меня разок-другой, это всё, — ответила госпожа списков. Её голос дрогнул лишь раз. — Но они собирались отрезать мне язык, а потом... потом...

Её голос сорвался на слёзы, и она бросилась в объятия Мирта.

— Поразвлекся, — мрачно закончил за неё фразу Мирт, крепко сжимая Реншарру. — Как жаль, что нам теперь нужен жрец, чтобы заставить говорить то, что от них осталось. Я заберу тебя отсюда, как только соберу своё оружие. И этот железный брусок — полезная штука.

Так что очень скоро леди Донингдаун бесцеремонно вытащили из её собственного экипажа, стоявшего перед дворцом в ожидании возвращения её головорезов с известием, что с Реншаррой Айронстейв удовлетворительным образом расправились.

Она бросила лишь один взгляд на лицо старого толстого мужчины, вытащившего её из угла кареты, как будто она вовсе ничего не весила, и ещё один — на суровое лицо Реншарры Айронстейв, а потом отвела глаза. Без единого слова леди Донингдаун зашагала через дворцовый двор так быстро, как только позволяла ей поддержка позолоченной трости.

Мгновение спустя её кучер и оба пажа все полетели лицом на камни, подсакивая в пыли, ругаясь и хватаясь за разбитые кровоточащие носы — и её лучший экипаж помчался прочь так быстро, как только могли нести исхлётанные старым мужчиной лошади, наружу на Променад с нарастающим грохотом.

— Стой, вор! — осмелилась крикнуть она, потрясая своей тростью вслед удаляющейся повозке. Никто, разумеется, не прислушивался. Дворцовые пажи просто пожали плечами, когда она сообщила им о случившемся, так что она резко сказала им нечто прямое и грубое, и отправилась в путь пешком.

Достигнув восточных врат, чтобы пожаловаться стоящим там на часах пурпурным драконам и потребовать отправить за похищенным экипажем всадников, она передумала вообще что-либо требовать. Экипаж едва не переехал этих стражников, покидая город, и они всё ещё ворчали о высокомерных дворянах и говорили друг другу, что узнали герб

Донингдаунов на дверцах, да, это уж точно...

Бормоча некоторые из собственных отборных проклятий, леди Донингдаун направилась к ближайшему наёмному экипажу, чтобы купить проезд домой через половину Сюзейла.

Даже одноразовым рабам будущего императора Кормира время от времени требовалось благоразумие.

Поэтому на последнем отрезке своего путешествия боевой маг Ярлин Фламтарг бросил своего коня и покинул дорогу Орондстаров ради крова подступающих к ней деревьев.

Однако теперь над ним нависли стены Ирлингстара. Он вышел на дорогу ради последних тяжёлых шагов вверх по склону к ближайшим воротам, где взмахнул большой звенящей колотушкой, представился часовым и был впущен внутрь.

Лорд-констебль, похоже, был занят в коридоре наверху. Он сказал обеспокоенному стражнику, что сам найдёт туда дорогу, и отправился по ведущей наверх лестнице. На её вершине находился длинный коридор, проходивший, похоже, через всю крепость. Была здесь ещё и другая лестница, ведущая ещё выше, но Фламтарг пока проигнорировал её в пользу длинного прохода.

В первом дверном проёме камеры стоял скучающий лорд. Он сплюнул на проходящего мимо волшебника, как только Фламтарг оказался достаточно близко.

С усмешкой маг Короны бросил взрывное заклинание в лицо заключённому. Оно вспыхнуло безвредным сиянием, оказавшись перехваченным незримой печатью, что протянулась через дверь камеры. Лорд решил, что настал его черёд усмехаться.

Но-но. Так не пойдёт. Мэншун прочитал неизвестное Фламтаргу заклинание и прожёт дыру в печатях на достаточно долгий срок, чтобы сжечь ухмыляющегося узника.

Когда дымящиеся кости осыпались грудой клубящегося пепла, он весело оскалился им и пошёл дальше.

Бывший боевой маг Рорскрин Мрелдрейк пытался казаться спокойным. Он сидел один в своей запертой и запечатанной магией темнице, но, конечно, его тюремщики следили за всем, что он делал — и слушали тоже.

Их требования были ясны. Поэтому, несмотря на успешную цепочку смертей в Ирлингстаре, Мрелдрейк вносил мелкие изменения, чтобы усовершенствовать способы использовать его магическую, похожую на призрака кромку силы на расстоянии. Клинок мог преодолевать магические печати, если усилием воли приказать ему появиться внутри них, но его тюремщики желали, чтобы он мог разрезать печати, или по крайней мере проходить сквозь них без задержки.

Но несмотря на их придирки, их постоянную мелкую критику, требования были исполнены. Лорд-констебль Ирлингстара был мёртв.

Так что Рорскрин Мрелдрейк с удовлетворением, хотя и усталым удовлетворением, взял перерыв от убийств в Ирлингстаре и от совершенствования будущих убийств, чтобы размять свои уставшие пальцы и выпить немного чая.

Он не был предателем. Совершённое им было ради блага Кормира — а значит, правильным и справедливым. Конечно, многие лорды и царедворцы с этим не согласятся, но злодеями были они, а не Мрелдрейк. Ох, этот чай... успокаивал. Да.

Только семьи заключённых лордов Ирлингстара могли не согласиться с его мнением о них, как о расходном материале. В конце концов, он даже от робких дворцовых писарей слышал слова о том, что это мерзавцы и смутьяны, без которых Кормир — и любая другая

страна — станет только лучше. Так что не было ничего плохого или злодейского в том, чтобы использовать их как подопытных в его... экспериментах.

Со взрывами не повезло, но в ходе экспериментов подобные вещи случаются. Это были всего лишь непредусмотренные результаты попыток сложить его режущую кромку силы в виде ладони, чтобы попытаться взять зачарованные предметы издалека. Все эти попытки закончились катастрофой. Контакт между его кромкой и зачарованными предметами всегда заставлял магические вещи взрываться. И отдача всегда оставляла его без сознания и с головной болью ещё какое-то время после этого.

Даже самые упрямые из его тюремщиков, похоже, были сыты подобными происшествиями. Он случайно и ненамеренно доказал, что это не работает — его кромку нельзя было использовать для работы с другой магией на расстоянии. Однако использование клинка силы только для разрезания глоток работало неплохо. Так что пускай рассечённые глотки принадлежат важным противникам.

Таким, как Мэншун, а ещё тот, кого зовут Эльминстером...

ГЛАВА 25

ЭХО В ПЛЕТЕНИИ

— Я... я не знал, что драконам так интересны людские дела, — слабо сказал Харбранд. — Разве мы для вас не просто, эм, еда?

— Заткнись, дурень, — предложил из-за спины Хокспайк.

Дракон снова хмыкнул глубоким громом, от которого задрожала пещера — и их задние зубы.

— Я начал свою жизнь не чёрным драконом, — сказал им он. — Сейчас я зову себя Алоргловенемаусом, но на самом деле я человек — волшебник, превращённый своим собственным Искусством. Некогда меня боялись в Братстве и не знали за его пределами.

— Братстве? Зентариме? — спросил Харбранд.

— Да. Я Геспердан из Зентарима. Я превратился в дракона около ста лет назад, чтобы присматривать за магом Вангердагастом, самопровозглашённым стражем Кормира. Однажды он был одновременно королевским магом, придворным волшебником и истинным правителем королевства — и когда посчитал, что настало время, он покинул свой пост и принял драконье обличье. Я подозревал его тогда и подозреваю его сейчас.

— О? — спросил Харбранд, начиная испытывать искренний интерес. Сначала он заговорил лишь затем, чтобы купить ещё несколько мгновений жизни, но...

— В самом деле, о. Несмотря на то, что в Искусстве он был слабее, он незаметно превратился в самого опасного волшебника-тирана из всех нас, его власть превзошла даже власть Мэншуна благодаря боевым магам, которыми он командовал. Я считал, что разрушение его планов — самая важная жизненная цель, которая только может быть у волшебника. Я по-прежнему так считаю.

— И что дальше?

— А дальше пришла Волшебная Чума и изменила всё. Боги посмеялись над нами.

— И как она тебя изменила? Ты заперт в теле дракона?

— Нет, но синий огонь навредил мне. Со мной случаются долгие периоды, когда я Алоргловенемаус — я имею в виду, долгие периоды, когда я вообще не помню, что был Гесперданом.

Харбранд и Хокспайк переглянулись. Им не нужно было что-то говорить, чтобы объяснить друг другу то, что партнёры только что мгновенно осознали. Если дракон — или Геспердан, или кто он там на самом деле — рассказал им об этом, это означало, что он не намерен позволить им прожить достаточно долго, чтобы передать эту информацию ещё кому-либо.

Иногда Иммерская крепость казалась тюрьмой, набитой безумными заключёнными, пытающимися заставить его присоединиться к ним.

Да, королевский лорд Лотан Дурнкаскин поистине был не в духе, признался он себе — и настроение только ухудшалось.

Даже в лучшие времена Иммерфорд был не самым спокойным городом, учитывая не уменьшающийся список его бед, а сейчас на Дурнкаскина свалились не только Харклур, Мраксун и Феррад — ему нужно было разобраться с лордом Торнкреском.

Король Форил был достойным монархом, добрее и мудрее большинства других и

намного менее жесток, но проблема с такими людьми была в том, что они восхищались решительными и находчивыми. Что означало, что время от времени они даровали титул решительным и находчивым, но не лучшим людям. Торнкреск пробыл лордом сколько, девять лет? Десять? И со своей бандой хорошо вооружённых наёмников он уже, прикрываясь тем, что якобы «верен тому, каким *должен* быть Кормир», вмешивается в дела по всему Иммерфорду, провоцируя жителей совершать нападения на слуг и инспекторов Короны и даже патрули пурпурных драконов.

А королевский лорд остался без боевых магов, которое могли связаться для него с Сюзейлом или Арабелем, и отчаянно нуждался в немедленной помощи. Ему требовались подкрепления, чтобы помешать подстрекательствам Торнкреска, но не только пурпурные драконы, готовые размахивать своими мечами, которые станут удобными целями для Торнкреска. Ему требовалось достаточно боевых магов, чтобы приковать всех магией к земле, и несколько царедворцев с хорошо подвешенным языком и умиротворяющим дождём монет — и они нужны были ему прямо сейчас!

Во внешнем кабинете грохнула дверь, и там раздались голоса. Повышенные голоса. Один принадлежал его телохранителю, который не позволял кому-то пройти. Другой был грубым, пыхтящим, и не принимал отказа.

Дурнкаскин положил руку на кинжал, прошептал слово, которое активировало его чары железной стражи, чтобы защитить себя от метательных ножей, арбалетных болтов и всего прочего, и подошёл к дверям. Кто на сей раз захотел поругаться с королевским лордом?

Он на волосок приоткрыл дверь, подперев сапогом, чтобы так и оставалась, и выглянул наружу. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как толстый старый мужчина, чьи морские сапоги хлопали при каждом шаге, отбрасывает телохранителя прочь от двери кабинета, затем поворачивается, чтобы успокоить измученную на вид, растрёпанную женщину. И ведёт её напрямик к двери Дурнкаскина.

Ну что ж, настало время быть решительным и находчивым. Дурнкаскин широко распахнул дверь и встал в проёме.

— Да?

— Это ты здешний лорд Форила? — прорычал старик, окинув Дурнкаскина взглядом сверху донизу, но не прекращая решительно шагать вперёд.

— Я, — Дурнкаскин не отступал. — А вы кто?

— Мирт, лорд Глубоководья. Это Реншарра Айронстейв, госпожа списков. Да, самый высокопоставленный сборщик налогов королевства. Она нуждается в самом безопасном охраняемом убежище, которое вы только можете предоставить. Прямо сейчас.

Дурнкаскин моргнул.

— Что?

Он бросил взгляд на женщину, но та едва стояла на ногах и смотрела в пол. Мирт повернул её так, чтобы она не оказалась между ними, пока он приближается — и продолжил шагать прямо вперёд.

— Ты Дурнкаскин, значит?

— Я... — они столкнулись, грудь к груди, и Мирт продолжил шагать.

Дурнкаскин раздражённо оттолкнул его.

— Назад! И убирайтесь отсюда! Я...

— Ужасно занят, спасая королевство? Легко могу в это поверить, но прямо сейчас мне нужно, чтобы ты понял, что защита этой прекрасной леди самая важная...

— Нет. Вы меня не слышали? Нет.

Дурнкаскин считал себя человеком твёрдым и по-прежнему сильным, несмотря на многочисленные часы, проведённые, сидя за столами или стоя без движения, разговаривая и слушая. Поэтому он был слегка потрясён, когда его сгребли за дублет, оторвали от пола, и оттолкнули спиной вперёд в его собственный кабинет.

Шаркающий и качающийся старик даже втащил за ними женщину, прорывав Дурнкаскину в лицо:

— После моего прибытия в это прекрасное королевство у меня создалось впечатление, что местные лорды надменны, ленивы и бесполезны. Докажи, что я ошибаюсь. *Пожалуйста*, докажи, что я не прав.

— Мне не нравится, когда на меня давят в собственном кабинете, — прорычал в ответ Дурнкаскин, — и это я решаю, в чём состоит...

— ...полнейший сволочизм? Что ж, решай быстрее!

— Почему? Что за спешка?

— Если мне придётся закрыть тебя в твоей собственной темнице и начать опустошать твои сундуки, чтобы нанять головорезов в количестве достаточном, чтобы охранять эту прекрасную леди — главного сборщика налогов, позволь напомнить — уйдёт некоторое время на то, чтобы в окрестностях узнали, что я — новый королевский лорд. Вот что за спешка, верный Лотан.

— А если я соглашусь защищать её?

— Тогда где твои стражники? Она в опасности прямо сейчас — и нуждается в кровати и туалете, не говоря уже о лёгкой горячей трапезе и глотке хорошего вина. И если ты сумеешь воспротивиться искушению запереть её в какой-нибудь камере, то, возможно, это удержит меня от того, чтобы вместо этого снять с плеч и запереть твою голову! Спрашиваю ещё раз: где твои стражники? Такие, как тот бубнящий тупица, которого я отшвырнул по пути сюда, не смогут удержать даже мальчишку с пращей!

— Что касается этого, — сухо ответил Дурнкаскин, поднимая обе руки, чтобы попытаться вырваться из хватки волосатого кулака Мирта, — они прямо за твоей спиной.

Пурпурные драконы ворвались во внешний кабинет с мечами наголо. С ними был разгневанный телохранитель, которого Мирт выкинул из комнаты, указывающий на толстого старого нарушителя и изрыгавший поток проклятий и приказов.

Мирт, похоже, абсолютно не впечатлился.

— Они? Они похожи на толпу необученных тупиц. Где разведчики? Человек с взведённым арбалетом и сонным зельем на острие болта? Прикрывающий лучник на случай, когда первый промажет? А?

— Ага, — устало согласился Дурнкаскин. — Вольно! — пролаял он над плечом Мирта, обращаясь к драконам. — Подождите в коридоре, вы все!

Солдаты с сомнением уставились на него.

— Вы все! — с неожиданным огнём взревел Дурнкаскин. — И закройте за собой дверь!

Он присовокупил гневный взгляд и не отводил его, пока солдаты неохотно не отступили и не закрыли дверь. Он не удивился, обнаружив, что к тому времени женщина упала в его собственное кресло, а Мирт шарил по его шкафчикам в поисках вина, которое можно было бы ей дать.

— Нижний ящик, — сказал ему Дурнкаскин. — Пойло на виду — для жалующихся посетителей вроде вас.

Это заслужило ему ухмылку от Мирта. Дурнкаскин взял одно из кресел для посетителей, подтащил его к другой стороне собственного стола, уселся и сказал:

— Вы кажетесь волевым человеком, достаточно решительным, вероятно даже находчивым. Возможно, мы можем заключить сделку.

— Как один ворчливый бык с другим?

— Именно. Я с радостью предоставляю этой доброй леди сомнительное убежище Иммерской крепости, если вы, лорд Глубоководья, без промедления отправитесь для меня в Сюзейл. Чтобы раздобыть помощь, в которой я так отчаянно нуждаюсь.

Графин с лучшим вином Дурнкаскина со стуком опустил на стол между ними.

— Объясни, — предложил Мирт, наполняя бокалы.

Королевский лорд подчинился.

И поэтому спустя короткое время, задумчиво поцеловав Реншарру и забрав второй графин для утоления дорожной жажды, Мирт из Глубоководья покинул Иммерскую крепость, погладил по шее одну из свежих лошадей, которыми запрягли его украденный экипаж, и начал стремительную поездку обратно в Сюзейл.

Таковыми вещами занимаются решительные и находчивые люди.

Всюду были облака, но они были белыми, лёгкими, похожими на шёлковую пряжу, и не предвещали дождя или грома. «Меч облаков» скользил под ними на приспущенных парусах.

Это был не один из великих небесных кораблей Пяти Дружин, но древнее халруаанское сокровище, которое долго оставалось покрытой пылью, неподвижно парящей в небесах рухлядью, пока его не отремонтировали искатели приключений, которые теперь составляли его команду. И занимались доставкой послов, важных сообщений и договоров по всем южным королевствам — когда не останавливались ненадолго у различных высоких башен и крепостей, чтобы совершить отчаянный ночной грабёж или похищение.

Но Ваэрен Драгонскорн никогда не называл себя пиратом. «Пираты» было чересчур примитивным словом. «Небесный искатель приключений» — вот это уже более привлекательная фраза. Да, мы небесные искатели приключений на борту «Меча»...

Небесный корабль стал куда тяжелее, чем был в начале этого путешествия, благодаря сокровищам враждующих волшебников Алгобреля и Сарлартонта, заполнивших пустой трюм. Множество сундуков, заполненных монетами, драгоценными камнями и гримуарами в железных переплётах, статуэтками и многочисленными любопытными вещичками, испускавшими странное магическое сияние, и вещами, которые лучше было не трогать, пока их не выгрузят в горном убежище. К слову о нём...

Драгонскорн повернулся и кивнул рулевому, который, как и сам Драгонскорн, уже видел впереди игольно-острые вершины Ронтрильских гор. Такие вершины были не только удобными ориентирами, но и угрозой для корабля...

Позади него раздался какой-то шум. Рулевой уставился туда. Драгонскорн развернулся кругом — и тоже уставился.

Стоявшая на палубе среди его испуганной команды женщина была высокой и царственной, несмотря на босые ноги и полное или практически полное отсутствие одежды. Он не мог сказать точно, какой одежды, из-за её волос. Они были серебряными, Дикий Странник свидетель, и почти такими же длинными, как она сама — и сейчас извивались на женщине, как колония разгневанных змей, или злобных червей или... или...

— Кто ваш капитан?

Полезных ответов на её вопрос не прозвучало, что неудивительно. Команда была исключительно мужской, а распорядок «Меча» в последнее время не позволял им насладиться женским обществом, поэтому они выхватили мечи и воздух загудел от ответов, самым вежливым из которых было «Кто ты, во имя ждущих и влекущих прелестей Сьюн, такая?»

— Лучше всего меня знают как Симбул. Кто из вас капитан этого корабля?

Прежде чем она смогла получить хоть один полезный ответ, она заметила Драгонскорна и сказала:

— А! Это ты!

Она шагнула к нему. Валькур и Берван, она действительно была голой!

— Сэр, — вежливо сказала Симбул, — у меня нет вражды с вами или вашей командой, но я должна заполучить синее пламя, которое находится у вас в трюме.

— Синее пламя?

— Некоторые из зачарованных предметов, которые мерцают ярким синим огнём, который не греет и не поджигает. Они нужны мне.

— Нужны, — Драгонскорн окинул её взглядом сверху донизу. — И вы ожидаете, что я просто отдам их?

Симбул вздохнула.

— Нет, — с мрачным видом ответила она, — я ожидаю, что вы будете сопротивляться. Я предпочитаю, чтобы вы вместо этого остались в живых, но... я слишком хорошо узнала людей за все эти века, чтобы ожидать от вас готовности помочь. Но я буду благодарна — даже обрадуюсь — если вы меня удивите.

Драгонскорн улыбнулся — и затем оскалился.

— О, я вас удивлю, не сомневайтесь. Взять её! Но помните: первой она достанется мне, как вашему капитану!

Команда «Меча» радостно взревела и бросилась на одинокую женщину. Симбул грустно посмотрела на Драгонскорна и покачала головой.

Затем подняла одну пустую руку и обрушила на них огонь.

— Магия! У неё магия! — предупреждая воскликнул один из матросов, когда из ниоткуда вспыхнуло кольцо пламени, и ближайšie к среброволосой женщине люди рухнули на палубу, как марионетки с обрезанными ниточками. Обгоревшие и дымящиеся марионетки.

— Ну конечно у неё есть магия! — рявкнул кто-то ещё. — Она возникла у вас на палубе из фаррукового воздуха, разве не так?

Затем сказавший это метнул топор, сильно и точно, прямо в голову женщине.

Симбул спокойно смотрела на летящий топор, не пытаясь пригнуться или шагнуть вбок. Когда топор оказался совсем рядом, в воздухе уже было полно летящих ножей и сабель, устремившихся к ней, как и люди, которые их швырнули. Она стояла неподвижно и позволила всему этому пронестись прямо сквозь неё — топор первым, чтобы вонзиться или отскочить от того, что находилось позади Симбул. Крики и проклятья пронзили воздух.

Затем поднялся новый ропот, на этот раз гневный — и выжившая команда «Меча» со всех сторон бросилась на женщину, готовая хватать и держать.

Симбул наконец шевельнулась, пригибаясь, уворачиваясь и шагая, как калишитская танцовщица в вихре серебряных волос, которые подсекали лодыжки, хлестали по лицам и плотно сжимались на шеях.

Железное оружие проходило сквозь неё, будто она была просто иллюзией, хотя её волосы и ноги и кулаки были достаточно тверды — она вывела одного человека из равновесия, чтобы толкнуть на вытянутый меч другого, затем беспечно подалась вперёд под свирепый удар третьего, чтобы вонзить два пальца ему в глаза. Крики и хрипы начали заглушать ругательства.

Но небесные моряки не были ни трусами, ни слабаками. Когда наконец они похоронили её под своей массой, нанося удары руками и ногами, она поднялась с палубы борющимся комком конечностей и переплетающихся серебряных волос — и испустила ещё одну вспышку магии, оглушившей и лишившей всех чувств. Люди посыпались онемевшим мёртвым мясом на палубу. Или скорее на головы товарищей — незримая магия подталкивала каждого рухнувшего туда или сюда, чтобы попасть в стоящих внизу людей.

Пару мгновений спустя палуба была усеяна стонущими или безмолвными распростёртыми мужчинами. На ногах осталась едва ли горстка. Симбул опустилась за доски палубы и направилась к Драгонскорну.

— Мне нужно только синее пламя в вашем трюме, — спокойно напомнила ему она. — А не забирать жизни или калечить вашу команду.

Потрясённый Драгонскорн выхватил из-за пояса длинную, изогнутую саблю. Он знал, что оружие магическое — вырвал её из руки умирающего телохранителя волшебника, стрелявшего с кончика сабли смертельными молниями в его команду. С тех пор Драгонскорн использовал саблю, чтобы поглощать молнии в бурях, сквозь которые шёл «Меч». Нацелив саблю на Симбул, он выстрелил в неё молнией.

Молния вонзилась в неё, затрещала в волосах, на руках и ногах, и он увидел боль на её лице. Зарывав, капитан обрушил на неё новые молнии.

Симбул продолжала идти на него, уже медленнее.

— Умри, хруст тебя возьми! — крикнул он. — Умри!

Её зубы были сжаты в безмолвном рыке, боль исказила её красоту, но Симбул не останавливалась, шагая прямо в сверкающую, трескучую пасть того, что извергал клинок.

И тогда, с треском и дождём искр, молнии угасли. Оставляя улыбающуюся Симбул на расстоянии вытянутой руки от капитана.

— Спасибо за это, — произнесла она. — Я чувствую себя *намного* сильнее.

— Да неужели, ведьма? — крикнул он в ярости, и отшвырнул свой меч, зазвеневший по палубе у их ног. — Неужели?

Он бросился на Симбул и сомкнул обе руки у неё на шее. И сдавливал, сжимал свою хватку со всех сил, которые только смог найти, пока его лицо не покраснело, а руки не задрожали... и она осела, её глаза умоляюще распахнулись. Обречённо.

Ваэрен Драгонскорн запрокинул голову и триумфально расхохотался. Он всё ещё смеялся, когда её пальцы сомкнулись на его локтях, легко сломали их, затем скользнули к запястьям и сделали с ними то же самое.

Его хватка разомкнулась, и он застонал от боли — и она подняла его в воздух и швырнула высоко и далеко.

За борт, далеко за перила «Меча». Удаляющийся крик сопровождал его путь вниз, прочь из поля зрения.

Никто не помешал Симбул, когда она прошла по лестнице вниз, никто даже приблизиться к ней не осмелился.

Эльминстер неслась, будто грозовой ветер, бежала по коридору с развевающимися позади волосами и пылающим взглядом.

Там! Там были два боевых мага, Рун и Арклет за ними, глядели в её сторону, выкрикивали её имя.

И там, на полу перед ними, распростёршись в тёмной и растекающейся луже крови, лежал лорд-констебль Фарланд, с которым она совсем недавно делила разум.

Разум, теперь угасающий и... погибший.

Она пришла слишком поздно. В очередной раз.

— Нееееееет! — закричала Эл, хриплым мучительным воплем, который зажгёт в ней новую ярость.

Почему у неё никогда не получалось спасти хороших людей?

Почему?

Так случилось, что в заполненном трюме было только два предмета синего пламени. Когда она потянулась вперёд самым лёгким из заклинаний поиска, хватало мерцания другой магии, золотого, медного и любых оттенков драгоценных камней Искусства... но только два источника синего огня. Пылающий с обоих концов жезл, похожий на миниатюрный храмовый скипетр Тиморы, и серповидный пектораль, похожий на чересчур большой и неудобный горжет.

— Мистра, — прошептала она, — какие силы у этих предметов? И чьи призраки заключены в них?

Я узнаю только тогда, когда ты пробудишь их. Я... намного меньше, чем была когда-то.

— Об этом я догадалась, — тихо сказала Симбул. — Сколько ты помнишь?

Многое... и немного. Воспоминания переплелись с воспоминаниями, некоторые — мои собственные, некоторые принадлежат всем вам, Избранным, и другим моим верным слугам, тем кто выжили, и тем, кого... уже нет.

— Ты можешь чувствовать нас сейчас, когда мы странствуем по Королевствам, совершая дела твоим именем? Проникать в наши разумы и видеть то, что мы делаем?

Конечно. Вас немного. Мои дочери и мой самый старый любовник.

— Любовник? Эльминстер?

Эльминстер.

— Разве это не та Мистра, что была до тебя? — осмелилась спросить Симбул.

Эхо в Плетении, дочь моя, эхо в Плетении... мы видим и чувствуем столько же, как и те, кто были в Плетении до нас; это становится нашей частью, память Мистры, которая родила тебя, стала моей частью, и так я стала той Мистрой...

— Я... вижу.

Тогда ты чаще всего видишь лучше меня. Некогда я была сильна.

Симбул не смогла придумать ответ. Внезапно её охватила дрожь.

ГЛАВА 26

БОЙСЯ НЕЗРИМОГО

— Эл, — взволнованно воскликнула Рун, широко раскрыв глаза от страха, — мы видели, как он был убит! Это был... мужчина, кажется, почти невидимый, за спиной...

— Позволь мне, — оборвала Эл, целуя её, втекая в разум девушки, чтобы увидеть всё это в одно мгновение.

— ...войти..., — закончила своё предложение тёмная эльфийка. Всё ещё охваченная гневом, она почти грубо отпустила Амарун и обратилась ко всем присутствующим:

— Наши шансы в бою с этим убийцей будут куда выше, если мы соединим наши разумы и оставим их связанными, чтобы видеть глазами друг друга.

— Мы? — спросил Гулканун.

— Все мы. Арклет, Амарун, ты, Лонклоус — и я. Соединившись, мы будем повсюду ходить вместе, с оружием наготове, и подходить к заключённым по очереди. Будем проникать в сознание каждого, пока не найдём убийцу.

— Который должен быть в замке, — согласился Лонклоус. — Подобные длительные нападения сквозь действующие печати невозможны.

Эльминстер и Гулканун кивнули в мрачном согласии. И тогда Гулканун потянулся, чтобы взять тёмную эльфийку за руку.

Сначала связь принесла дезориентирующее, тревожное чувство. Одно дело — когда тебя баюкает тёмная, мудрая сила разума Эльминстера, и совсем другое — разделить её с четырьмя другими любопытными, напуганными и неуверенными людьми, толкающимися и путающимися в воспоминаниях друг друга....

Эл, спросила Амарун дрожащим ментальным голосом, мы сойдём с ума?

Не бойся. Я был безумен не одно столетие. Это не так уж плохо.

Столетие?

Мрелдрейк отхлебнул ещё чая.

Настало время увидеть и услышать результаты прорицающего заклинания, которое он оставил работать, пока вносил последние усовершенствования в свою магию убийства. Останутся ли они в полном отчаянии после смерти Фарланда? Побегут в леса, или начнут сражаться друг с другом, или выпустят всех пленников? Конечно же, он не узнает, пока не посмотрит. Он вызвал заклинание.

— Эльминстер! — быстро воскликнули два голоса.

Мрелдрейк потрясённо выругался... и обнаружил, что расплескал на себя весь чай.

Это было заклинание? Нет, такого не может быть; это был умный молодой лорд и его подружка, у которых почти наверняка не было никакого таланта к Искусству, за исключением купленных магических побрякушек. Они кричали, не больше и не меньше. Что означало, что Эльминстер должен быть где-то внутри Ирлингстара, где-то неподалёку.

Тогда он наверняка находится там в чужом обличье, поскольку некий заточённый Мрелдрейк уже осмотрел с помощью магии каждого живого человека в Ирлингстаре — дважды, включая два человеческих скелета, вмурованных и забытых в основание северной башни — и Эльминстера не нашёл.

Он *должен* быть одним из боевых магов!

Рорскрин Мрелдрейк с нетерпением дождался, пока сохрaнённое заклинанием видение не показало ему двух боевых магов — стоявших рядом и с ужасом глядевших на то, что он сделал с Фарландом. Двух, одного — с рукой, которая продолжала превращаться в различные штуки — щупальца, полипы, странные безымянные растения. Неудачное заклинание смены формы... или нет, заклинание смены формы, которое всегда было наготове для немедленного использования!

Второй боевой маг был недостаточно силён, чтобы использовать изменяющую магию, которая представляла собой что-то большее, чем просто иллюзию, или продержалась бы дольше, чем заняло само чтение заклинания. Так что Эльминстером должен быть этот «Лонклоус».

Мрелдрейк встал, осторожно прочитал заклинание, которое стало его главным успехом, потянулся в далёкий Ирлингстар — и нарезал Имбрульта Лонклоуса на сотни ленточек кровоточащего мяса.

Боевой маг Ярлин Фламтарг не привык таиться, но он был молод, ловок и обладал хорошим чувством равновесия.

Поэтому под управлением Мэншуна, обладающего коварством и мудростью многих тёмных лет, он прошёл через замок, оставшись практически незамеченным — и быстро заставил замолчать тех немногих, кто его увидел. Ха. Бойся незримого...

Все крики раздавались в том направлении, так что...

Он крался из комнаты в комнату, пока не оказался достаточно близко, чтобы увидеть и услышать голоса.

— Соединившись, мы будем повсюду ходить вместе, с оружием наготове, и подходить к заключённым по очереди. Будем проникать в разум каждого, пока не найдём убийцу.

— Который должен быть в замке. Подобные длительные нападения сквозь действующие печати невозможны.

Ярлин осторожно выглянул из-за двери комнаты, чей бывший хозяин теперь лежал мёртвым поодаль от чужих взглядов.

Они были там, кивали и держались за руки, покачиваясь и произнося всякую ерунду: устанавливали связь. И, поистине единые, отпустили друг друга, чтобы синхронно развернуться и направиться в его сторону.

Затем возник тёмный вихрь и хлынула кровь. Боевой маг пониже рухнул.

Второй маг Короны пронзительно вскрикнул от гнева и скорби, лорд и его танцовщица повернулись, чтобы закричать дроу:

— Сделай что-нибудь!

Значит Эльминстер был здесь — и Эльминстером была дроу!

— Ну конечно, Старый Враг, прячешься в теле женщины... — сказал Мэншун вслух в погребу Сронтера. Затем он с силой обрушился на разум Ярлина, на какое-то мгновение превратив его настоящий автоматон. Твои руки будут моими, я буду управлять всем твоим телом...

Он протолкнул Ярлина сквозь потрескивающую, обжигающую печать и заставил броситься на фигуристую тёмную эльфийку. Да, броситься на Эльминстера и использовать заклинание парализующего касания вместо того, чтобы пытаться испепелить его боевым заклятьем из камеры.

Если эта тёмная эльфийка — тело, в которое вселился Эльминстер, Мэншун может

поймать Мудреца Долины Теней в ловушку внутри него, и держать дроу в плену для пыток и допросов, потому что существуют вещи, которые это тело сделать не могло, но ничем не ограниченный Эльминстер — мог.

В атаку, моя пешка!

Ярлин побежал, оттолкнул Гулкануна и Арклета Делькасла, затем прыгнул, чтобы схватить дроу...

Потемневший воздух, острый как бритва, смертоносным клинком опустился на стройную пригнувшуюся дроу — и разрезал Ярлина Фламтарга надвое.

— Нет! — Мэншун вскипел, схватился за голову, зарычал в бессловесной ярости, когда его разум ударила дикая пылающая агония умирающей пешки. Кто такой этот незримый убийца?

С гудящей головой он заставил себя выпрямиться, затем собрал в кулак всю свою волю.

Он был самым могущественным из магов, будущим императором, не то что эти жалкие чароплётты, швыряющие всякую дрянь в крепости-тюрьме! Даже Эльминстеру не доставало сил, чтобы сравниться с ним! Сегодня он совершит то, на что никто другой не был способен. Он проникнет в этот мёртвый разум и заставит отрубленное туловище Фламтарга прочитать заклинание. Всего одно.

Никто не ожидает подобного от мертвеца, и это даст ему достаточно времени, чтобы взбесить незримого убийцу и не позволить ему прикончить Эльминстера прежде чем он, Мэншун, сможет захватить Старого Мага, вскрыть его разум, как ракушку, и наконец узнать все его ехидные секреты.

Собравшись с силами, будущий император Кормира сотворил заклинание, обернул его вокруг своей воли и швырнул своё сознание в далёкий Ирлингстар.

Воздух внезапно замерцал, и судя по звуку, незримое лезвие из воздуха ударило нечто невидимое и магическое.

— Ты используешь печати как щит! — охнул Арклет.

Эльминстер мрачно кивнула. Раздался ещё один звенящий скрежет, воздух по другую сторону головы дроу вспыхнул кратким сиянием.

— За этим стоит человек, — спокойно объявила Эл. — Один человек, далеко отсюда...

Её лицо расслабилось.

— Пропал. Не хотел, чтобы его видели дольше и смогли опознать. А значит, он думает, что кто-то из нас его опознает.

— М-мэншун? — спросила Рун.

Дроу покачала головой.

— Нет. Его разум я узнала бы моментально.

— Дерьмо, — выдохнул позади них Гулканун. — Ох, дерьмо!

Они резко обернулись, услышав ужас в его голосе — как раз вовремя, чтобы увидеть, как разрубленное туловище молодого незнакомца содрогается, корчится и катается по камням, чтобы в конце концов кое-как подняться.

Из него по-прежнему толчками вытекала тёмная кровь, в которой были испачканы его руки — руки, которые неожиданно задвигались в ловких жестах, когда туловище покачнулось.

Арклет выругался и выхватил меч, чтобы обрубить их и разрушить любую творимую ими магию, но Эльминстер выбросила быструю и сильную руку, чтобы схватить и удержать

молодого лорда за запястье.

— Кто-то управляет этим мертвецом издалека, пытаясь сотворить знакомое мне заклинание. Пускай читает его. Оно какое-то время не позволит незримому убийце проникнуть в этот коридор.

— А если он собирается прочесть что-то, что нас поджарит?

— Тогда я позволю тебе порубить его на кусочки, кровожадный юный Делькасл.

— А Арклету не грозит опасность, если он это сделает? — тут же спросила Амарун.

Тёмная эльфийка мрачно улыбнулась.

— Конечно грозит.

Мэншун застонал. Он это сделал, но его голова...

Позже. Поддашься боли позже.

Прямо сейчас ему нужно было ещё один раз доказать своё превосходство и всех обойти.

Он уже знал самого подходящего среди боевых магов: Ондрат Эвервуд, молчаливый и застенчивый юноша, который проводил свои дни в неприметном кабинете на верхнем этаже ничем не приметного сюзейльского здания — одной из городских «конспиративных квартир» Короны — занимаясь магией прорицания по приказу двора и Короны.

Ондрат Эвервуд нечасто выходил на прогулки, чтобы подышать свежим воздухом и увидеть солнце. Так что сейчас было самое время заглянуть к нему в гости.

Пустой экипаж подскакивал и грохотал достаточно сильно, чтобы расшатать зубы любому, но Мирт был не в настроении сбавлять ход. Засунув сапоги под планку, намотав вожжи на один кулак и сжимая в другом кнут, он неплохо справлялся, видят боги, и...

Дерьмо, фаррук и храст его побери, патруль!

На дороге впереди пурпурные драконы уже натягивали поводья, убирая с пути себя и лошадей — но вместе с тем поднимали руки и кричали ему останавливаться.

Мирт, ни на йоту не придерживав лошадей, закричал им в ответ — пароль, которым снабдил его Дурнкаскин. Он повторил его трижды, просто для надёжности — но когда подскакивающая, качающаяся повозка без происшествий промчалась мимо патруля и с протестующим визгом левых колёс сумела вписаться в следующий поворот, Мирт оглянулся через правое плечо и увидел, что да, Бешаба, они скачут за ним!

И если они пурпурные драконы не загнали своих лошадей, то наверняка смогут скакать быстрее, чем тащат повозку его и без того уже измотанные кобылы, пусть даже она пуста — ну, за исключением одного крупного лорда Глубоководья, конечно...

Они пришпорили лошадей, ну конечно. Храст их побери.

Девять Адов, какой толк от пароля, если... ох, тлуин!

Он преодолел крутой изгиб, и на дороге впереди показалось около дюжины всадников, ехавших тесной группой. Вооружённые солдаты в ливреях, знамя, расфуфыренный лордишка в центре... благородный лорд со свитой. Перекрывший всю дорогу и не намеревающийся уступить.

Мирт встал на козлах и закричал им проклятия, размахивая над головой своим кнутом, давая понять, что не собирается останавливаться или сворачивать.

Теперь эти идиоты начали уступать дорогу, но...

Нет! Лордишка указывал на экипаж и что-то гневно кричал. Он принялся выкрикивать приказы, и храст его побери, если свита не выполнила их, будто обученная кавалерия, быстро построившись в изогнутую линию...

Если Мирт повернёт так, чтобы не врезаться в них, построение оттеснит его с сужающейся свободной дороги впереди, заставив вылететь на обочину... или остановиться, чтобы встретиться с их клинками и претензиями.

Вздохнув, Мирт с силой натянул поводья и начал издавать свист и цоканье, которые, казалось, были знакомы всем лошадям в Кормире и означали «Немедленно стойте».

Полетела пыль, повозка застонала, подпрыгнула, приземлилась с громким треском, подпрыгнула снова, поводья вырвались из рук, кони встали на дыбы и громко, протестуя заржали... и наконец фыркающие, сопящие лошади вместе с экипажем остановились. Странствующий лорд и его свита выстроились впереди и вокруг Мирта, как этот фарруков засранец и намеревался.

— Убирайтесь с дороги! — заревел на них Мирт. — У меня срочное королевское дело!

— В экипаже леди Донингдаун? — прокричал в ответ лорд. — Сильно в этом сомневаюсь, вор!

Он пришпорил свою лошадь, чтобы оказаться прямо перед Миртом.

— Слезай оттуда, иначе я прикажу своим людям стащить тебя!

— Убирайся с дороги! — рыкнул Мирт. — Иначе король использует твои кишки для своего туалетного сидения!

Эти слова, похоже, по-настоящему взбесили лорда. Он взорвался серией нечленораздельных воплей, которые быстро перешли в бессвязное бормотание, среди которого звучали фразы «Король меня не волнует!» и «Как смеешь ты говорить так с господином!» и «Я прикажу, чтобы тебе с корнем вырвали язык за такую грубость!», и другие вещи, которых Мирт не стал дожидаться.

Потеряв терпение, он с держателя снял незажённую, но полную масла лампу и опустошил её прямо в лицо вопящему лорду, жалея, что у него нет под рукой кремня с огнивом или зажжённого пламени.

Под аккомпанемент задыхающихся и кашляющих звуков лорда Мирт попытался снова тронуть упряжку, но несколько солдат крепко схватили лошадей за сбрую, так что он с раздражённым вздохом встал с сидения, перешагнул на полозья, а оттуда — на сёдла своих бедных лошадей, и стоя на седле передней лошади, прыгнул прямо на солдата, который эту лошадь держал.

От столкновения у того приятно захрустели кости, и солдат покачнулся в собственном седле, оглушённый. Его лошадь встала на дыбы.

Затем все закричали, лошади повсюду задёргались, поднялись на дыбы. Эти дураки, пурпурные драконы, въехали прямо в стоящий экипаж и людей лорда. Посреди суматохи и криков Мирт ухватился за шею коня одного из солдат свиты, выбил всадника из седла, тяжёло опустился на освободившееся место — и прямо на ухо лошади издал свой самый громкий за сегодня крик.

Лошадь снова встала на дыбы, забила копытами в воздухе и, хвала всем богам, во весь опор устремилась по свободной дороге к Сюзейлу с восседающим в седле мрачным Миртом.

Лошадь набрала скорость, он пригнулся пониже и ободряюще зашептал ей на ухо. Оглянувшись, Мирт увидел, что несколько людей лорда и пурпурных драконов бросились в погоню.

Ну, кровь и кости, это становилось всё лучше и лучше...

Это было почти слишком легко.

Полдюжины мелких созерцателей, которые летали вокруг юного Ондрата Эвервуда, отвлекли его внимание на достаточной срок. Боевой маг выругался, выхватил жезл, чтобы с ними расправиться — и прежде чем обмякнуть, лихорадочно выпалил несколько неразборчивых слов в кусок ткани, который Мэншун накиннул на него сзади.

Ткань была пропитана настоем цветка тард. Потеря сознания, к которой приводил настой, не продлится долго, но Мэншуну этого и не требовалось.

Он спокойно телепортировал их обратно в погреб Сронтера, где привязал молодого волшебника к креслу. У алхимика не было подходящей верёвки, но с задачей справились глазные стебли его тиранов смерти и длинные щупальца, которые он вживил некоторым из них. Кроме того, ужасные разлагающиеся создания, беззвучно нависшие над его пленником, наверняка положительно повлияют на готовность Эвервуда к согласию. К согласию сразу на всё и немедленно.

Эти усовершенствования должны очень пригодиться в ближайшем будущем, когда ему потребуются верные царедворцы, а не та кучка двуличных, эгоистичных слабаков и злодеев, которые в настоящее время управляли дворцом. Да, усовершенствования. Время, проведённое в наблюдении за теми сумасшедшими культистами в канализации Глубоководья, прошло крайне утомительно — но в конце концов, было потрачено не зря.

Ожидая, пока юноша придёт в сознание, Мэншун развлёкся тем, что позаимствовал с помощью магии роскошную трапезу со столов и кухонь клуба на Променаде, включая вино.

Ондрат Эвервуд должен был выследить незримого убийцу.

А затем встать на службу Мэншуну, либо по доброй воле — либо в качестве его нового тела. Пришла пора Сронтеру снова стать Сронтером. Будущий император Кормира изрядно устал продавать небольшие флаконы со страстной пылью жаждущим ночных подвигов сюзейльцам или сморщенным жёнам, отчаянно пытающимся привлечь к себе внимание мужей.

Дат Гулканун стоял на коленях в растекающейся луже крови. В груди нарубленного полосками и кубиками мяса перед ним едва узнавался его друг и коллега — но он видел, как Лонклоуса убили прямо... храст побери... здесь. В этом месиве, достаточно близко, чтобы коснуться, в последний раз шевельнулось какое-то щупальце с присосками, превратившись... в обычные человеческие пальцы.

— Нет, — пробормотал он дрожащими губами. — Нет, Имбрульт. Нет.

Рун положила руку ему на плечо в утешающем жесте. Стоявший на коленях волшебник зарыдал, как будто ждал этого сигнала,

— Эл, — прошептал Арклет, — что нам теперь делать?

Глаза тёмной эльфийки сверкали от гнева. Она указала на две половинки, оставшиеся от бросившегося на них человека.

— Это был боевой маг. Видишь кольцо, мантию? Значит, в Ирлингстаре прятался по меньшей мере один человек — он. Наш незримый убийца может быть вторым. Самое время по-настоящему обыскать это место, сверху донизу, и всех пересчитать.

— А потом?

— А потом мы заглянем в каждое сознание, пока не поймем убийцу.

— Ты будешь отмщён, — свирепо пообещал Гулканун останкам своего друга. Он медленно поднялся на ноги и повернулся к Эльминстер. — Ты говорила про поиски?

— Да, — ответила ему дроу. — Давайте начнём.

— Давайте начнём, — мрачным эхом отозвался Гулканун, и они принялись прочёсывать Ирлингстар.

В конце концов это оказалось просто.

Ондрат Эвервуд энергично и скрупулёзно прочёсывал Ирлингстар с помощью магии прорицания. Что означало, что настало время обрубить свободный конец по имени Малвер Туллбард.

Мэншун подошёл к своим прорицательным сферам. Обязанности боевого мага Малвера Туллбарда включали в себя неожиданные инспекции некоторых сюзейльских лавок — включая лавку алхимика Сронтера. Обмануть его было достаточно просто, но начинающий император собирался быть крайне занят в ближайшее время, и будет скверно, если вдруг заявится Малвер и обнаружит Эвервуда или тиранов смерти. Так что настало время позаботиться о старательном и скромном Малвере Туллбарде. Навсегда.

Мэншун уже давно раскрыл слабость Туллбарда: улитки в масле. А точнее, улитки в масле, поданные в вине со специями. Такие, как готовили «У Гоклина» или в «Прекрасном Саммаэре», соперничающих дорогих ресторанах на Променаде. Так что, когда Туллбард не совал свой нос в чьё-нибудь деловое предприятие, он скорее всего был либо «У Гоклина», либо...

Вот. «У Гоклина». Изображение в сфере чётко показало Туллбарда, в одиночестве расположившегося за столиком в углу. Волшебник вежливо прикрыл ладонью отрывку, после чего приступил ко второй тарелке горячих, исходящих паром улиток.

Мэншун телепортировался туда, на короткую полосу крытого изящной плиткой пола перед незанятым столиком в дальнем краю заднего алькова, который прислуга отвела боевому магу — и скормил Туллбарду весьма смертоносное количество молний. Молнии затрещали вокруг боевого мага, вгрызаясь во внезапно проступивший магический щит вокруг ошеломлённого мужчины. Щит рухнул, но перед этим выпил последние сверкающие искры молний.

Мэншун снова нанёс удар, используя самое быстрое и неприметное заклинание, что у него было. Кинжал силы, бьющий туда, куда он укажет пальцем. Если Туллбард не носит никакой защиты, прикрывающей сердце...

Но Туллбард носил. Облегающая пластина, покрытая шёлком и закрывающая горло и грудь. Очевидно, другие жители города в прошлом уже обижались на старания Туллбарда. Или волшебник считал, что весь мир готов его убить.

Мэншун удовлетворился тем, что нарезал его пальцы на ленточки и разрушил заклинание, которое отчаянно пытался сотворить боевой маг.

Забыв наконец об улитках, Туллбард вскочил на ноги, и Мэншун любезно его обездвижил.

Туллбард рухнул на стол, потом на колени, пытаясь что-то произнести. Вероятно, заклинание.

— Умри уже, назойливый маг Короны, — сказал Мэншун, выступая из своего угла.

До корчившегося на полу Туллбарда была примерно дюжина шагов, но прежде чем будущий император Кормира сделал хотя бы два, благородный лорд, который трапезничал за столиком неподалёку, вынул свои пальцы из горшка, вытер их, снял скипетр с пояса — и шагнул через зал, чтобы заслонить пострадавшего боевого мага.

Теперь Мэншун оказался лицом к лицу с суровым, начинавшим сесть и набирать вес

лордом. Тоншоу, кажется? Один из богатых городских лордов, инвестор и землевладелец. Нацелившийся скипетр так, будто умел им пользоваться.

Со вздохом отвращения Мэншун обрушил на него заклинание, которое должно было заставить мужчину завопить от ужаса, обмочить штаны и сломя голову броситься прочь. Шумные излишества, к которым стремилось большинство архимагов, развлекая себя убийством, но...

Храст его побери, но вмешавшийся лорд тоже был закрыт магическим щитом! Неужели в Сюзейле все стали любителями в Искусстве, или у них просто хватало монет, чтобы приобрести небольшой магический арсенал, который однажды мог оказаться полезным?

Скипетр лорда Тоншоу изрыгнул на Мэншуна визжащую смерть.

Тот ухмыльнулся, когда его многослойная защита с лёгкостью отразила эту атаку, и зашагал дальше. Он получит этот скипетр и оставит два трупа вместо одного...

Сюда спешили люди со всего ресторана. Мэншун увидел благородных лордов, достающих самые разнообразные побрякушки, и жезлы в руках нескольких домашних волшебников.

Нет. В другой раз. Погреб Сронтера манил к себе.

Неизвестный маг, который наступал на лорда Тоншоу — и стонущего, рыдающего боевого мага на полу у него за спиной — растворился на полушаге.

Домашний волшебник торопливо прочитал заклинание. Там, где был человек, расцвело мягкое бело сияние, быстро прокатилось вокруг, а затем угасло.

— Он пропал, — объявил автор заклинания. — Не прячется и не стал невидимкой. Ни он, никто другой в ближайшее время не сможет телепортироваться в то место, которое я только что проверил.

Вокруг раненого и лорда Тоншоу сгрудилась целая толпа, поздравляя их. Лорд Фелам дружески потрепал Тоншоу по руке.

— Вижу, у вас тут небольшая смертоносная игрушка. Отличная работа. Не думал, что вам по душе боевые маги.

— Не по душе, — коротко ответил лорд Тоншоу. — Но ещё меньше мне нравится нападение на институты нашего королевства. Напасть на боевого мага значит напасть на Кормир — и если мы не станем защищать наше прекрасное королевство, оно падёт, и мы останемся ни с чем.

Он вернулся за свой собственный столик, к жаркому, которое могло уже остыть, и добавил через плечо:

— И правильно, потому что в таком случае большего мы и не заслуживаем.

— Уххх, — сказал Мирт проносящемуся мимо миру, поморщившись, когда его бедра начали ныть по-настоящему. — Я становлюсь слишком стар для этого. Храст побери этого вмешавшегося лорда! Я хочу экипаж обратно!

Мир ничего ему не ответил.

Как всегда любезно. Позаимствованная лошадь под ним просто помотала головой и в очередной раз опорожнилась, даже не замедлив бег.

Мирту, впрочем, этого и не хотелось. Он повернулся, чтобы снова осторожно посмотреть назад. Да, они по-прежнему были прямо позади и по-прежнему жаждали его крови.

Мирт скакал быстро и уже давно, и вон там впереди, сразу за холмом, должен быть Хафхэп.

Так и оказалось — но, храстово проклятие, там был конный патруль пурпурных драконов, выехавший из Хафхэпа на дорогу за холмом.

Разумеется, они двинулись ему наперерез, чтобы остановить. Мирт заревел на них и замахал, чтобы убирались в сторону, но его измотанная лошадь уже сбавила ход, и он не мог...

— Будьте вы прокляты! — закричал он на драконьих офицеров, которые подъехали к нему. — Что ж вы не позволяете людям просто использовать дороги, которые вы построили?

— Стоять! — вместо ответа резко приказали ему оба.

Мирт оглянулся через плечо. Преследователи нагоняли, и он видел среди них пурпурных драконов. Дерьмо.

— Я стою, — зарычал он на патрульного, который только что взял поводья его лошади, — но мне нужно, чтобы вы выслушали.

Стук копыт за спиной стал громче, и некоторые из всадников закричали патрулю, чтобы те остановили и задержали этого «опасного вора и убийцу лордов!»

Убийцу лордов? Ах да, экипаж...

Мирт выкрикнул пароль Дурнкаскина в лица окруживших его хмурых драконов.

По крайней мере некоторые из них слушали. Он понял это по лицам — в последние несколько мгновений, прежде чем его преследователи, скачущие во весь опор, врезались прямо в середину патруля.

Лошади встали на дыбы, забили копытами, заржали, попятились, повсюду падали люди, другие ругались или выкрикивали приказы, кто-то подул в рог, кто-то другой достал меч и начал рубить, дюжина мечей пурпурных драконов вылетела из ножен и...

— Будь оно всё проклято, — прорычал самому себе Мирт, выпрыгнув из седла прямо в канаву. Если он сможет перекатиться, сумев ничего не сломать, вскочит на ноги и освободит одного из этих тупиц от его лошади, и прорвётся через...

Поразившее его заклинание придушило звуки, так что в зловещей тишине Мирт заметил что всё — кричащие люди, указывающие на него, беснующиеся лошади, сверкающие мечи — происходит медленно. Очень медленно.

Затем его взгляд поймали и задержали тёмные, спокойные глаза человека, который сопровождал патруль из Хафхэпа и скорее всего был боевым магом. Молодого, сурового на

вид человека, который наложил на Мирта чары.

— Послушай меня, — попытался сказать ему Мирт. — Мне нужно чтобы ты... чтобы...

Безмолвный, замедляющийся мир ушёл весь прочь, остались только эти глаза, суровые и неодобрительные. Рот под ними не улыбался, совсем...

— К вам посетитель, сэр, — сказал пурпурный дракон, размыкая кандалы Мирта. — Его тщательно обыскали, но будьте осторожны — некоторые из этих дворян прячут в хитрых местах яд.

— Дворян? — нахмурившись, переспросил Мирт. Он помнил множество строгих вопросов, окружавшие его грозные, а затем отупелые лица пурпурных драконов, и Хафхэп, неожиданно разразившийся потоком вопящих, торопящихся людей. Похоже, в ближайшее время Дурнкаскин получит необходимую ему помощь.

Затем Мирта приковали к стене в камере для «последующего допроса», поскольку его рассказы о короле, леди Глатре и Реншарре, похоже, показались чересчур неправдоподобными.

Он намеревался каким-то образом отсюда сбежать, когда выветрится заклинание, которое заставляло мир казаться прозрачным и далёким. Его запястья приковали достаточно далеко от пояса, поэтому небольшие отмычки, спрятанные тут и там, с тем же успехом могли находиться в Глубоководье... но если Мирта не собираются кормить с ложечки, то рано или поздно придётся его расковать.

Дверь камеры снова открылась, внутрь заглянул тот же пурпурный дракон, затем обернулся и без выражения объявил через плечо:

— Я буду ниже по коридору, там, где смогу расслышать только крик. С четырьмя вашими телохранителями, господин.

Он снова повернул голову и подмигнул Мирту — энергично, но с каменным лицом.

Эх, лорды. А именно, его посетитель — тот самый, что лишил Мирта экипажа. Ещё и вошёл в его камеру с гневным видом.

— Кареточный вор! — рыкнул на него Мирт.

Лорд выпучил глаза, цвет его лица из красного стал тёмно-багровым, на шее вздулись жилы. Всё это — в один миг до того, как он резко развернулся и схватил уходящего стражника за локоть.

— Представьте меня пленнику, — потребовал он.

Дракон, казалось, испугался.

— Ух, э... господин, этот человек называет себя Миртом, лордом Глубоководья. Мирт, это лорд Ауструс Фламбрант, ух, глава дома Фламбрант из, эм, Кормира.

Он сбежал.

— Конокрад, — гавкнул лорд Фламбрант, даже не дожидаясь, пока закроется дверь. — Что ты сделал с леди Донингдаун?

— Выбросил её из повозки ради срочного дела Короны, — отрезал Мирт. — Зачем ты вообще сунул в это свой длинный нос?

— Что? Как ты смеешь...

Лорда Фламбранта покинули последние капли терпения, и он бросился на Мирта, обрушив град ударов на брюхо и торопливо поднятые предплечья заключённого, который тут же откинулся на скамье. Он нанёс удар ногой вверх между ног Фламбранта, отделивший лорда от гульфика, заставив его голову быстро и сильно поздороваться с низким каменным

потолком. Мирт ловко поднял колени, когда лорд полетел вниз. Оно встретилось с подбородком противника — и если Фламбрант до сих пор не успел потерять сознание, то уж точно потерял сейчас.

Позаимствовав его кошельки на дорожные расходы и его кинжал на случай будущих неприятностей, Мирт заковал бесчувственного, хлюпающего кровью лорда в кандалы, вышел в коридор и направился по нему.

Всего четверо телохранителей? Ха. Он мог достаточно быстро оказаться в седле, чтобы догнать подкрепление и попасть в Иммерфорд вместе с ними. Если таковы были умения кормирских солдат и лордов, охрану Реншарры он мог доверить только самому себе.

— Это... изматывающая работа, — мрачно заметил Гулканун. — Даже когда всю делаешь ты.

Дроу кивнула ему одновременно гневно и утомлённо. Они направлялись к следующей камере.

Эльминстер, Гулканун, Арклет и Амарун обыскали Ирлингстар снизу доверху. В замке не мог спрятаться ни один неучтённый человек — разве что кто-то был похоронен заживо под обломками южной башни. Затем началась проверка разумов. Сначала прислугу с кухонь, затем остальных, затем стражников. Никакого убийцы.

Остались только благородные заключённые. Их снова заперли в отдельных камерах и отделили друг от друга незримыми стенами магии, принёсшими тишину, так что тщательный досмотр разумов мог продолжаться без перерывов или задержек. Даже когда не злились и не находились в заключении, лорды были несговорчивыми, неприятными людьми — а сейчас они вдобавок были крайне напуганы. Они яростно сопротивлялись прикосновению дроу, даже красивой женщины-дроу, которая мурлыкала и заигрывала с ними... так что Эл пришлось получить от некоторых из них пару синяков, прежде чем она смогла проникнуть в их разумы и усмирить смутьянов.

Она обнаружила множество неприятных вещей — включая многочисленные убийства — но незримого убийцы не нашла. Ни один из семерых мужчин, в разум которых она пока что успела проникнуть, не был этим убийцей, и Эл не знала, сколько ещё враждебных разумов придётся обшарить, прежде чем...

Она и Гулканун развели печати, чтобы разобраться с восьмым лордом. Который лежал лицом вниз на полу в растекающейся луже свежей крови.

— Дерьмо, — выдохнула Эл. — К следующему! Быстрее!

Они опоздали. Десятый и одиннадцатый лорды тоже оказались мертвы.

— С такой скоростью Форил скоро перестанет нуждаться в этой тюрьме, — буркнула Эльминстер. — На сей раз попробуем что-нибудь другое.

— Что, например? — спросил Арклет. В целях безопасности они с Амарун оставались вместе с Эл и Гулкануном, пока те работали.

Эл нахмурилась.

— Заклятье, которое я смутно припоминаю. Оно предназначено для совсем другой задачи, но поможет обнаружить и проявить магию убийцы, когда та придёт в действие, прежде чем кого-нибудь снова убьют.

— Если повезёт, — заметила Рун.

Эл пожала плечами.

— Это касается практически всего в моей жизни. Я прочитаю отслеживающее

заклинание.

Боевой маг мрачно кивнул, размял пальцы, и шагнул к дальней стене, чтобы следить за Эльминстер оттуда. Эл прижалась к ближней стене и начала читать заклинание. Арклет и Амарун встали спиной к спине сбоку от Эл, пристально рассматривая всё вокруг.

Когда Эл принялась совершать жесты и читать магические формулы, воздух перед ней тут же сгустился в лезвие — но сначала ударил Гулкануна. Боевой маг закричал, и заклятье, что он держал наготове, вспыхнуло, парируя воздушный клинок.

Арклет в прыжке обогнул Эльминстер, кончик его меча встретился с плотным участком воздуха, всего на мгновение, но кроме этого ничего не разрезал и не проткнул.

Затем что-то ледяное скользнуло на его плечо, Рун выкрикнула его имя и отчаянно принялась рубить пустой воздух там.

Арклет развернулся кругом и сделал выпад, на ещё один краткий миг парируя незримую кромку. Затем они, задыхаясь, отчаянно сражались с чем-то, что едва видели — пока мягкое золотое сияние не потекло с рук Эльминстер, сделав ясно различимым снующий по воздуху силовой клинок. В расходящемся золотом сиянии они увидели ещё кое-что: того, кто держал клинок, призрачную фигуру, достаточно чёткую, чтобы её опознать.

— Мрелдрейк! — в унисон воскликнули Эльминстер и Арклет.

Какое-то время Эвервуд просто следил за разворачивающимися в Ирлингстаре событиями. Мэншун уже давно присоединился к нему, стоя за креслом и наблюдая. Дела становились... интересными.

Пышнотелая дроу развела руки, с них потекло золотое сияние, и...

— Мрелдрейк! — рявкнул Мэншун. — А Эльминстер должен быть дроу или боевым магом! Настало время позаботиться обо всех сразу!

Он выхватил одного из своих мелких созерцателей, прочитал на него пугающие рассудок чары, которые должны были оглушить всех находящихся поблизости, и телепортировал мелкую летающую сферу к телу Ярлина Фламтарга.

Дат Гулканун моргнул. Крошечный созерцатель, достаточно мелкий, чтобы уместиться на ладони! Он просто возник в воздухе, прямо...

Даже не задумавшись, маг использовал свой волшебный щит, чтобы попробовать отпихнуть чудовище на режущую кромку силового клинка убийцы.

Незнакомый, бестелесный голос что-то прошептал, и с летающего созерцателя ударило клубящееся мерцание.

Эльминстер знал этот голос.

Итак... прежде чем магия, которую Мэншун пытался на них обрушить, успеет сработать, давайте отправим её прочь — по магической связи, соединяющей силовой клинок и Мрелдрейка, к примеру!

Мрачно улыбнувшись, он использовал каплю серебряного огня, чтобы именно так и поступить.

Ооо, заплодировала Симрустар. Хитро.

Запечатанные двери в комнату Мрелдрейка были широко распахнуты. Трое его тюремщиков бросились внутрь, в своей лихорадочной спешке даже не пытаясь скрыть от него, что они — шейды.

И оказались внутри как раз вовремя, чтобы вместе с Мрелдрейком попасть под заклинание, вылетевшее из крошечного созерцателя.

Путающие рассудок чары заставили Мрелдрейка и ближайших нетерезов беспомощно завизжать, когда боль пронзила их головы.

Для всех в помещении мир невозможным образом *растянулся* и начал кружиться...

Погружаясь в безумие, самый медленный, стоявший дальше всех шейд сумел оживить подготовленное заклинание.

Созерцатель был мелким и был близко, так что у него не было шансов спастись.

Он взорвался, послав болезненную отдачу тому, кто отправил разбивающую рассудок магию.

В погребе взвыла отдача, устремившись в Мэншуна — и его голова взорвалась.

Или, скорее, головы лишилось тело Сронтера. Алхимик уже стоял позади боевого мага, положив руку на плечо Эвервуда, так что Мэншун просто покинул одну пешку ради другой.

Он устремился в оглушённый разум мага Короны и сжёг его дотла.

Эвервуд содрогался и бился в конвульсиях, казалось, целую вечность, но на самом деле прошло всего несколько кратких мгновений.

Затем он, выжженный, снова застыл неподвижно — сосуд для будущего императора Кормира.

Который заставил Эвервуда улыбнуться намного более жестоко, чем юный боевой маг когда-то улыбался в своей жизни.

Это новое тело было молодым и сильным, и достаточно умелым в Искусстве. Мэншун собрал у себя в сознании всю магию, которую мог связать вместе одним заклинанием, быстрее, чем потребовалось ему, чтобы проглотить собственный гнев — или безголовому телу Сронтера рухнуть забытым на пол.

И бросил её всю на трёх шейдов в комнате Мрелдрейка.

Шейды вцепились друг в друга. Их безумные крики были нечленораздельными, они беспомощно и почти без проблесков разума шатались по тюрьме Мрелдрейка.

В комнату внезапно хлынула враждебная магия, хлестнув их изумрудным пламенем, которое ревело и отскакивало от стен — и снова так же внезапно исчезло, когда его ярость погасила тонкую связь между комнатой и далёким источником самого пламени.

Мрелдрейк и шейды задыхались от боли, но она прошла так же быстро, как и появилась.

Чем бы ни была атака изумрудного пламени, она провалилась — и разбила путающие разум чары.

Морщась и стеноя, шейды поспешили прочь из комнаты и снова запечатали её магией, чтобы как можно скорее наложить на себя новые защитные заклинания.

Они не обратили никакого внимания на их бесчувственного пленника, оставленного распостёртым на полу.

Над неподвижным телом Мрелдрейка рухнуло его заклинание.

И в далёком Ирлингстаре клинок силы беззвучно угас.

— Мы должны убираться отсюда! *Все мы!*

Если кухонная прислуга или стражники Ирлингстара и не желали получать приказы от тёмной эльфийки — даже от прекрасной тёмной эльфийки — они ничем этого не показали. Эльминстер носилась туда-сюда по коридорам, размыкая печати, чтобы выпустить

заключённых из камер. Она приказала немедленно покинуть замок Ирлингстар, неважно, что потом подумают или скажут Ганрахаст или кто-то другой. Никто не стал спорить.

Некоторые из освобождённых узников сразу же нападали на неё — или Гулкануна, Рун и Арклета. Произошло несколько коротких, неприятных стычек, но в результате каждой из них лорды потерпели поражение. Старые свары не возобновились — обещание убраться «из этой западни», поддержанное страхом быть оставленным здесь в одиночестве, в запечатанной камере без еды и воды, в пределах досягаемости незримого убийцы, убеждало всех.

Потребовалось удивительно короткое время, чтобы они собрались у главных ворот, а затем вместе покинули замок — повара, стражники, заключённые, слуги и все остальные. Лишь для того, чтобы остановиться пёстрой толпой.

Что-то перекрыло дорогу Орондстаров. Что-то большое, тёмное и чешуйчатое.

Их ждал чёрный дракон Алоргловенемаус, и он улыбался. Первый плевок его кислоты расплавил людей впереди, оставив их умирать в медленной агонии.

Одним из них была Эльминстер.

Её ног больше не было, живот и таз медленно плавилась, она задыхалась от боли. Эл медленно оперлась на локоть и усилием воли заставила своё гибнущее тело сотворить защитную магию.

Сейчас, Эл. Сейчас я отплачу тебе, отдав последние останки сил. Я любила тебя. Прощай, старый пройдоха — и побеждай!

Мысленный голос Симрустар был тёплым и плачущим. Прежде чем Эл успела хотя бы подумать о протесте, последние останки Симрустар потекли через её разум, очистив его от боли, от тревоги, от всего, кроме того, что необходимо было сделать. Магическая защита.

Посреди криков, посреди разбегающихся людей из Ирлингстара, дроу почти справилась, выдыхая и бормоча последние слова заклинания, когда дракон заметил её.

Алоргловенемаус повернул голову к ближайшим деревьям Хуллака, сразу у дороги, и приказал:

— Сейчас.

Пропели два арбалета, и из лесного мрака вылетели два тяжёлых военных болта. Один пронзил дроу плечо, второй — разорвал горло.

Рун ещё не успела охнуть, когда из укрытия выступили Харбранд и Хокспайк, чтобы посмотреть на результаты своей стрельбы. Каждый из них тащил за собой арбалет, из которого они только что выстрелили, и держал второй, заряженный арбалет.

Увидев, что с дроу покончено, они шагнули обратно в лес. Тогда Амарун низко опустила голову и со всех ног рванулась к Эльминстер, Арклет — сразу за ней.

Танцовщица преодолела половину пути, когда ей в плечо вонзился арбалетный болт, сбив девушку с ног и оставив лежать, всхлипывающую, на дороге.

Арклет бросился на неё сверху, чтобы закрыть собой. Гулканун упал на землю рядом с ними.

— Можешь её исцелить? — умоляюще спросил Арклет боевого мага.

Гулканун помотал головой и рявкнул:

— Оставайся с ней. Я — к Эльминстер. Если кто и знает, как превратить какое-нибудь полезное заклинание в исцеляющую магию, так это она. Ну, то есть он.

— Да, но...

— Я сделаю это, — сухо сказал Гулканун. — Даже если мне придёт конец, это... неважно. Всё потеряло смысл после того, как у меня забрали моего Лонклоуса.

Он перекатился, вскочил на ноги и бросился бежать, резко поменял направление один раз, дважды, и — арбалетный болт ударил в него, когда он достиг Эльминстер.

Зарычав от боли, он упал на то, что ещё оставалось от умирающей дреу. Вспыхнул серебряный огонь, дрожащее древко стрелы расплавилось — и Эльминстер устремился в разум Гулкануна.

Волшебник перекатился, потащив за собой растворяющееся тело дреу в качестве щита, и быстро прочитал заклинание. Затем он встал, чтобы встретиться с драконом.

— Ох, как это было храбро, — насмешливо сказал Алогрловенемаус и изрыгнул огромное облако кислоты прямо на Гулкануна.

Ещё один разлом был закрыт, и конечно, было убито ещё больше монстров. Наконец-то. Улетая с последнего поля битвы, истощённая и едва шевелящаяся Симбул оглядела глубокие раны у себя на левом плече. В её руках тускло мерцали почти выгоревшие предметы синего пламени.

— *Я становлюсь синим пламенем,* — пробормотала она. — Мистра, это больно, и безумие возвращается... Я чувствую...

Уже скоро, верная дочь, был твёрдый ответ Мистры. *Скоро ты сможешь уснуть навсегда.*

Облако кислоты ударило во что-то невидимое перед Эльминстером и выкипело целиком. Хорошо. Щит, который он только что призвал, был широким и высоким, закрывая Арклета, Амарун и большую часть ещё оставшихся на дороге людей из Ирлингстара.

Заключённым, которые спрятались в канаве, повезло меньше. Ещё до того, как Эл шагнул к Амарун, чтобы исцелить её вспышкой серебряного огня, там закричали, забулькали и погибли многочисленные обожжённые кислотой кормирские лорды.

Гулканун отступил на край его сознания, перестав испытывать отчаяние. Эл послал ему успокаивающий поток тепла и благодарности, затем повернулся и прочитал самое могущественное боевое заклинание, которое мог бросить быстро.

Чёрный дракон пострадал, не успев подняться в воздух. Сначала его поразил магический щит, кромка силы, сузившаяся подобно клинку Мрелдрейка. Щит нанёс глубокий порез, едва не отсёк одно крыло, а потом кружащиеся сферы пламени Эльминстера ударили в остального Алогрловенемауса.

Корчась на дороге, обожжённый дракон завопил от боли. Его хвост и крылья, содрогаясь, вздымали облака пыли.

Крик был почти оглушительным, и от усиливающейся боли дракон принялся кататься по земле, как раненый в битве и пытающийся спастись человек. Хвост и нетронутое крыло хлестали по дороге и по канавам на обочине.

Эльминстер поднял руки — руки Гулкануна — чтобы швырнуть в дракона ещё одно заклинание.

И воздух над Алогрловенемаусом мигнул, из ниоткуда возникли четыре ярких звезды, вспыхнули и снова пропали — оставляя за собой четырёх гниющих, покрытых плесенью созерцателей чудовищных размеров.

Созерцатели угрожающе повисли в воздухе, их глазные стебли и щупальца извивались, и посмотрели на стоящего на дороге волшебника.

ГЛАВА 28

ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ С БОЛЕЕ СЧАСТЛИВЫМ КОНЦОМ

— Мэншун, — гневно произнёс Эл и начал читать заклинание, которое должно было покалечить по крайней мере четверых тиранов смерти, прежде чем чудовища рассеются, чтобы броситься на него со всех сторон.

Он наполовину закончил свою магию, когда из-за деревьев прогудели ещё два арбалетных болта.

Эльминстер бросился в сторону, и один болт промазал — но другой ударил прямо в него, испортил заклинание и отшвырнул его на спину, прямоком на дорогу, выбив из лёгких весь воздух и окатив болью.

Он почувствовал вкус крови во рту, и созерцатели в небе угрожающе подались вперёд.

Дракон позади него убежал, рывками двигаясь по дороге, как огромная раненая собака, в спешке пытающаяся убраться подальше. Его язык висел наружу, как будто дракон задышался.

— Довольно, — прорычал Эл, преодолевая боль. — Рун, Арклет — крепко ухватитесь за любую часть меня. И позвольте любому лорду, который захочет, сделать то же самое.

Арклет Делькасл не был тупицей или тугодумом.

— Куда ты забираешь нас?

— В королевские сады в Сюзейле, — выдохнул Эл.

— Я потре... попросила об аудиенции, — резко сказала леди Донингдаун, — поскольку мой нынешний список жалоб намного больше обычного. Ваше величество оценит...

Король Форил Обарскир, который шагал рядом с ней, прокладывая путь по некоторым из более тенистых тропок королевских садов, вежливо кивнул. Он ещё задолго до своей первой встречи с госпожой Джалассрой Донингдаун очень хорошо научился вежливо принимать горькие жалобы благородных лордов и леди — и та встреча, случившаяся несколько десятилетий назад, была куда счастливее.

На шаг позади них шли леди Глатра и лорд печатей, а ещё чуть дальше — несколько бдительных старших рыцарей.

— ...что леди такого высокого происхождения и положения, как я, достигшая золотого возраста, которым я нынче наслаждаюсь, больше не получает удовольствия от тряски в седле и предпочитает странствовать в относительном удобстве экипажа! Надеюсь, вы согласитесь, что любой кормирец, который способен себе это позволить, должен обладать полным правом...

Старшие рыцари закричали, когда их, будто кегли, разбросало в результате внезапного появления более дюжины облачённых в лохмотья тел в синей вспышке магии прямо над ними.

Лорд печатей быстро призвал магическую защиту, а леди Глатрахватила два своих самых могущественных жезла и закричала арьергарду старших рыцарей и боевых магов, приказывая им немедленно бежать сюда.

— На короля напали! — заревел кто-то с другого конца сада, и отовсюду начали возникать бегущие рыцари и пурпурные драконы с мечами наголо.

Неожиданная свалка и неразбериха могли бы закончиться настоящим кровопролитием, если бы вокруг новоприбывших не возникли прочные силовые клетки и защитные заклинания.

К тому же, суесящиеся старшие рыцари бесцеремонно сбили с ног леди Донингдаун. После чего какие-то дурнопахнущие и растрёпанные юные лорды, торопившиеся громко пожаловаться королю на убийц, которых он спустил с поводка в своей тюрьме, чтобы попросту избавиться от всех, чьей смерти желал, отпихнули упавшую госпожу лицом прямо в недавно унавоженную цветочную клумбу. После чего леди Донингдаун обнаружила, что теперь у неё есть настоящая причина жаловаться.

Когда со всем разобрались, продолжавших жаловаться пленников увели прочь пурпурные драконы. Многочисленные боевые маги и старшие рыцари вместе с лордом печатей Вэйренсом сопроводили короля Форила в безопасное укрытие.

Оставляя леди Глатру выяснять подробности происшедшего в Ирлинстаре, чтобы как можно быстрее сделать подробный доклад королю.

— Считайте себя арестованным, — начала она, уперев в Гулкануна злобный взгляд и нацелив на него оба своих жезла. — Мы решим будущее вашей карьеры на службе Короны позже. Сейчас же я требую...

— Ох, ради Драконьего Трона! — зарычала от раздражения Амарун, бросаясь в сальто, которое закончилось двойным ударом ног по затылку боевой волшебницы.

Глатра упала, как подкошенная.

Оставляя Арклета, Амарун и Эльминстера устало глядеть друг на друга.

— Ко мне, — предложил Арклет. — Я хочу трапезу, постель и в первую очередь — ванну.

Они все горячо согласились — даже Гулканун в сознании, которое делил с Эльминстером.

В углу королевских садов лорд Вендервуд принял решение и резко встал.

Он сидел на скамье под деревом фелсул, терпеливо ожидая своей очереди поговорить с королём на сегодняшней прогулке по садам.

Стражник, который сопровождал лорда Вендервуда, бросился бегом к старому Форилу, как только сучка из боевых магов начала кричать «на помощь», и пока ещё не вернулся. Правда, возвращаться уже начал, чтобы проинформировать Вендервуда, что королевские аудиенции на сегодня неожиданно прекратились.

Лорд Вендервуд и сам это видел — с моноклем или без. По правде говоря, с его зрением всё было в порядке, и он легко узнал лорда Делькасла и несколько других молодых лордов, которых недавно заточили в Ирлингстаре — и вспышку заклинания транслокации.

Его хозяин очень захочет об этом узнать. Так что лорд Вендервуд повернулся спиной к приближающемуся стражнику, который пока ещё не преодолел последние две клумбы.

Ушло всего мгновение на то, чтобы выпустить крошечного созерцателя из-за пазухи лучшего строгого жилета Вендервуда и послать его к лорду Мэншуну.

Этот Эвервуд обладал молодым, быстрым и полезным разумом. Надо было сделать это ещё несколько месяцев назад!

Мэншун вытянул руки и ноги своего нового тела, одобрительно посмотрел на них и кивнул. Да, подходят прекрасно.

Теперь обратно к его прорицательным сферам. Та отдача не должна была нанести

существенного...

Один из его крошечных созерцателей спустился в погреб, как птичка, повис перед его лицом и зашипел. Мэншун коснулся его пальцем. И улыбнулся.

— Хорошая работа, Вендервуд! — вслух сказал он, захлопав в ладоши от радости, и потянулся в разум этого лорда.

— Итак, доблестные герои возвращаются в особняк Делькаслов, да? — он задумчиво потёр подбородок. По его лицу медленно расплзлась зловещая улыбка.

— Да, — произнёс он вслух. — Магия, похоже, подводит снова и снова, так что давай попробуем более древние и более жестокие методы.

Он начал собирать всё, что требовалось ему для заклинания, позволявшего достичь всех завербованных им лордов одновременно. Ну, тех из них, кто всё ещё был в Сюзейле.

Ему требовалось, чтобы они все одновременно поспешили в особняк Делькаслов. С их свежайшими ядами и излюбленным оружием.

— Лорд Дурнкаскин?

Голос был вежливым, интеллигентным и незнакомым. Дурнкаскин выглянул из-за стола.

В дверях его кабинета стоял хорошо одетый мужчина с тростью того типа, который использовали лишь благородные лорды и самые богатые сембийские купцы, сжимая в руках дорогой кожаный футляр для свитков.

— Да?

— Королевский лорд Лотан Дурнкаскин?

— Да, — повторил Дурнкаскин. — Позвольте мне вас уверить, король может позволить себе лишь одного местного лорда здесь в Иммерфорде. С кем я имею честь?

Мужчина шагнул к столу Дурнкаскина, открыл один конец футляра и ловким движением запястья извлёк оттуда документ, отточенным взмахом развернул его в воздухе и сунул Дурнкаскину.

— Я известен как Ранторил, и я здесь, чтобы выполнить условия этого соглашения.

Дурнкаскин взял пергамент, но не отрывал взгляда от принёсшего его человека. Тот ловко вытащил нечто длинное и тонкое и стальное из футляра и замахнулся этим для колющего удара.

Дурнкаскин уже оттолкнулся, падая назад вместе с креслом, поэтому не смог увидеть того, что сбило с ног Ранторила, только услышал мясистый звук удара. И тяжёлый стук, когда тело убийцы рухнуло на пол.

Он перекатился, выхватил с пояса свой кинжал, и... обнаружил, что окружён ногами в сапогах.

Он поднял взгляд.

Сверху вниз ему улыбалась высокая и стройная женщина, с серебряными, будто отполированные церемониальные придворные доспехи, волосами, свисавшими до самых коленей. Она была одета как следопыт, в кожу и высокие сапоги, и носила на бедре длинный меч, который выглядел так, как будто попал туда пряником из королевского арсенала.

— Шторм Среброрукая, — вежливо представилась она, протягивая руку, чтобы помочь ему встать.

Дурнкаскин принял её и поразился силе женщины. Обладателями других сапог оказались молодые мужчины и женщины, тоже одетые, как следопыты, но с обычными

волосами. Один или двое из них даже могли быть иммерфордцами. Несколько человек подняли бесчувственное тело Ранторила и понесли его прочь.

— Кто... что...?

Я маркиза Иммердаск, странствующая по Кормиру во имя короля. Эти добрые люди — арфисты, как и я, а ваш недавний гость — сембиец, который никогда раньше не был известен под именем Ранторила. Он проспит день-другой. Его нанял лорд Лескринг.

— Лескринг? Этот старый...

— ...козёл, как вы собирались сказать, был взят под арест и подвергнется суду равных в течении десяти дней, а Ранторил даст показания. Боюсь, один из ваших писарей был серьёзно ранен; я оставлю вместо него арфиста для вашей защиты.

Она твёрдо пожала руку Дурнкаскина, сунула ему кубок его собственного вина, затем направилась к двери.

Дурнкаскин моргнул.

— Но... куда вы собираетесь?

— Встретить подкрепления, которые привёл к вам Мирт, прежде чем кто-нибудь из них ударит не того человека и вся эта часть Кормира погрузится в гражданскую войну, — мило ответила она, не останавливаясь.

— Нет, — выдохнул Арклет. — Боги, нет.

Мгновение тому назад они устало ковыляли к воротам особняка Делькасла. Пока не увидели ворота настезь распахнутыми, а за ними — распростёртые тела.

Арклет бросился вперёд, Рун не отставала от него, а Эльминстер следовал сразу за ними.

Дом Арклета был похож на поле битвы.

Тут были кишашие мухами лужи крови, за воротами и вверх по подъездной дороге. Повсюду лежали навечно умолкшие слуги Делькаслов и роскошно одетые люди — великие боги, выдающиеся лорды Кормира!

Они были серьёзно изрублены, их безжизненные глаза были скрыты тучами мух. Бой шёл мечами и кинжалами и был жестоким.

Двери самого особняка стояли настезь открытыми, на ступенях грудами лежали мертвецы. Арклет поспешил внутрь, выкрикивая имя матери, Эл и Рун — сразу за ним. Они обнаружили ещё больше мёртвых слуг Делькаслов и ещё больше мёртвых лордов.

За исключением мух, царила жуткая тишина. Ни стонов раненых, ни отчаянных людей с клинками... только мертвецы.

Арклет бросился к спальне матери.

Леди Марантина Делькасл сидела прямо, опираясь на свою кровать, её ноги были придавлены к полу телами трёх мёртвых дворян. Ещё больше убитых лордов распростёрлись густым и кровавым ковром до самой двери.

Марантина была покрыта кровью, её голова лежала на плече. Тонкий меч, багровый и красный от темнеющей крови, выпал из её руки, но она по-прежнему сжимала кинжал, прижимая его к груди.

Её изысканное платье было рассечено на ленты, одно плечо порезано до кости. Её пронзало множество клинков.

— Мама! — воскликнул Арклет, отбрасывая с неё мертвецов, чтобы взять её в свои руки.

От его прикосновения она напряглась и застонала. Эл быстро прочитал исцеляющее заклинание, потом ещё одно, чтобы прогнать боль.

Арклет умоляюще посмотрел на него.

— Ты можешь её спасти?

Эл покачал головой, медленно и мрачно.

— Слишком много ядов текут в ней — эти лорды все до последнего отравили свои клинки. Она до сих пор жива только из-за борющихся в крови ядов, но... нет. Здесь нужен бог, Арклет, и я никогда не был одним из них.

Он потянулся, чтобы прижать ладонь к щеке Марантины и выпрямить её голову.

— Но сейчас боль покинула её. Хотя бы на это я способен.

Арклет яростно обнял мать дрожащими руками и поцеловал её.

Она открыла глаза и сумела криво улыбнуться ему сквозь слёзы.

— Будь счастлив со своей танцовщицей, сын мой, — прошептала она, с каждым словом из её рта вытекала кровь. — Проживи долгую жизнь с более счастливым, чем мой, концом....

Затем она осела, её глаза застыли, глядя на него, тёмные и безжизненные.

Лорд Делькасл упал, разрываемый плачем. Амарун обняла его за плечи и прижала к себе.

Эльминстер мгновение смотрел на них, затем протянул руку и осторожно опустил Марантине Делькасл веки. Одно веко не захотело опускаться, вернувшись на место. Марантина как будто жутко подмигивала.

— С меня хватит, и даже больше, чем хватит, — неожиданно зарычал Мудрец Долины Теней, резко поднимаясь на ноги. Он повернулся и зашагал между мертвецами, на ходу потянувшись своим разумом.

Он прошёл через три комнаты, прежде чем нашёл погребённого под остальными лорда, который ещё не успел скончаться.

Его разум темнел, неизбежно погружаясь в небытие, но в нём ещё теплилась искра...

Эльминстер яростно нырнул в этот умирающий разум, чтобы узнать, кто, почему и...

Мэншун! Ну конечно!

Он прошёл через дом и вышел в сад Делькаслов.

Вокруг распростёрся залитый кровью двор Делькаслов. Он посмотрел в небо, запрокинул голову и яростно вызвал Мэншуна на бой.

Ему не пришлось долго ждать.

В небо над Сюзейлом взлетели шесть, семь... девять сферических гигантов размером с небольшой экипаж, летающие сферы с зияющими пастьями, которые выглядели мёртвыми и гниющими, покрытыми белой и ядовито-зелёной плесенью — но двигались. Поднялись и принялись извиваться их повисшие глазные стебли, а на улицах внизу закричали и начали разбегаться люди.

Сферы одновременно устремились к особняку Делькаслов.

Единственный мужчина, стоящий в саду Делькаслов, наблюдал за их приближением. Его губы изогнулись в улыбке. Мэншун послал своих созерцателей вместо того, чтобы явиться лично. Ну разумеется.

Эльминстер поднял руки, прошептал заклинание, которое опалило нежить серебряным огнём — и испепелил их.

В мгновение ока все до последнего тираны смерти рассыпались пылью, похожей на клубы дыма.

Пришли новые, поднимаясь в небо с безмолвной угрозой. Во дворце и королевском дворе протрубили боевые рога, сигналу которых ответили с городских врат и башни над гаванью.

Эл выждал, пока все глазные тираны не оказались достаточно близко, чтобы зацепить их одним заклинанием, и поступил с ними так же, как и с первой волной.

Из дюжины четверо не рассыпались в пыль, а продолжили приближаться. Значит, Мэншун всё-таки управлял и живыми созерцателями...

Эл хлестнул их сетью молний, которая должна была поглощать магию, и смотрел, как созерцатели стреляют своими лучами, которые лишь укрепляли обжигающие их грохочущие разряды. Один упал с небес, второй взорвался, как сырое яйцо, а последние двое сгорели в движении, кружась и издавая жуткие вопли от непрекращающейся боли.

Эл поприветствовал их заклинанием многочисленных огненных шаров, взрывами пламени, которое он постарался нацелить прямо в их клыкастые пасти. Глаз его не подвёл, и в небе разлетелись пылающие опшмётки.

У ворот и за фонтаном в дальнем краю сада появились люди в мантиях — боевые маги с жезлами в руках, нацеленными на Эльминстера.

Он не обращался на них внимания, потянувшись вперёд своим разумом, пытаясь достичь Мэншуна. Который должен был находиться поблизости, наверняка затаился где-то совсем рядом, там, откуда взлетели эти созерцатели.

У Эла был серебряный огонь, но нигде не было Плетения, которое он мог бы призвать или обернуть вокруг себя, или оседлать его, мгновенно переместившись в другое место. Был лишь он сам и подготовленные им заклинания, которых становилось всё меньше — против врага, который очевидно был полностью готов к битве.

— Сэр! — позвал строгий голос из сада позади него. — Сдавайтесь! Довольно! Эта незаконная магическая дуэль...

Остальное Эльминстер проигнорировал. Если эти боевые маги были настолько глупы, если они не видели угрозы своему городу и своему королевству — или уже были завербованы Мэншуном — Сюзейл мог быть обречён. Он нуждался в их помощи, а не в попытках арестовать или противостоять ему. Появился ещё один созерцатель, намного меньше предыдущих, и он тащил за собой что-то, похожее на крошечное облако...

Первый залп из жезлов ударил в заклинание волшебной мантии, которое прочитал на себя Эл, и превратил её в мерцающую, рычащую ярость.

Он телепортировал себя к фонтану, резким ударом по затылку свалил одного из боевых магов, выхватил жезл из ослабевшей руки глупца и выпил его силу, чтобы приободриться и восстановить свою гаснущую волшебную мантию.

Вокруг повсюду маги Короны кричали, швыряли заклятья, стреляли из жезлов и...

Он был уже в другом месте, на сей раз — у ворот, нанося удар другому боевому магу и выхватывая другой жезл.

Тот взорвался у Эла в руке, вспышка его практически ослепила и оглушила, но волшебная мантия выпила её и уберегла руку. Затем его зацепило залпом из двадцати жезлов, тридцати...

В обжигающей агонии он переместился туда, где стоял с самого начала, и зашатался. Его мантия исчезла, и заклинание вероятности одно за другим поглощало подготовленные

заклинания в его мозгу, чтобы встретить и отразить то, что бросали в него боевые маги. Некоторые из них продемонстрировали боевую смекалку, выстрелив из жезлов на опережение, ещё до того, как он снова возник на новом месте, предсказав место, где...

Созерцатель, абсолютно не пострадавший, на которого боевые маги не обратили внимания в своей спешке сокрушить одинокого мужчину, был уже рядом, и начал опускаться, оказавшись у стен Делькаслов.

И там, где был Эл, под напором этих юных глупцов магия начала сдаваться.

— Ганрахаст, — прорычал он, — ты разве перестал обучать своих волшебников? Неужели они не видят? И не думают?

С неба посыпались вниз сверкающие заклятия, огненные шары, швырнувшие в воздух обожжённых и покалеченных боевых магов, и разряды молний, скачущие через весь сад и пронзавшие волшебников одного за другим.

Они сыпались из воздуха позади одинокого созерцателя... Бэйнова кровь, Мэншун создал крошечного созерцателя, который мог испускать заклинания! Целую стаю!

Один из них обрушил вниз заклинание, затем второй...

Что ж, по крайней мере некоторые из боевых магов наконец-то одумались, посмотрели вверх и увидели, откуда льётся на них погибель. Они принялись стрелять из жезлов в небо, читать нацеленные на созерцателя заклинания в ускоряющемся инферно над головой Эла, разрывающем небо, как гром во время бури.

Созерцатель взорвался.

Дикие молнии обрушились вниз, пылающие шары созерцателей разбросало во все стороны, как угли из извергающегося вулкана, сад содрогнулся, когда деревья в нём вспыхнули одним огромным костром, и... неожиданно воцарилась тишина.

Небо опустело, повсюду в саду горел огонь, обугленные стволы деревьев разбрасывали искры, и... везде лежали тела.

Появились новые боевые маги, осторожно сжимая кольцо вокруг одного человека.

Который упал на колени. В его усталом мозгу осталось всего два заклинания, его тело вопило от тихой боли. Его кожа потрескалась, как пергамент, и осыпалась, когда он попытался встать, обгоревшее мясо под ней воняло, как подгоревшая свинина.

Значит, вот так всё должно было кончиться после всех этих сотен лет. Его разорвёт на части магия юных глупцов, выбравших не ту цель.

Почему-то это казалось подходящим.

— Мистра, — прошептал он. — Аласра. Я любил вас обеих.

Они приближались для убийства, осторожные и сосредоточенные, нацелив жезлы и выбросив вперёд кулаки с мерцающими на пальцах пробуждёнными кольцами.

— Пли, — скомандовал кто-то, и начался залп.

— Идиоты, — процедил Эл, и его поглотила тьма.

ГЛАВА 29

ДЕЛАЮ ТО, ЧТО НЕОБХОДИМО

Боевые маги стреляли очень осторожно, целясь в рот и руки человека на коленях, пытаясь убедиться, что в них не полетит ответный вихрь заклинаний.

— Ближе не подходите, — предупредил один из них своих товарищей. — Мало ли что случится. Расстреливайте его отсюда.

Они заклинание за заклинанием хлестали умирающего. Магия рычала и бесилась, но неожиданно как будто перестала касаться их цели. Вместо этого она поднималась вокруг него яркой, восходящей спиралью, которая лизала небо огромным языком пламени. Синего пламени.

Пламени, которое внезапно обрушилось вниз яростью бушующего огня, языками ослепительно-яркого серебра и такой же яркой синевы, которая превратилась... в высокую и гневную женщину, озарённую беснующимся синим и серебряным огнём.

— Глупцы! Неблагодарные псы! — взвыла она, и её серебряные волосы неожиданно ударили во все стороны. — Получайте обратно свою магию!

Из неё во все стороны сада хлынули смертоносные заклятья, с раскалывающей, распластывающей силой отбрасывая боевых магов к стенам, к особняку и к его воротам. Когда на ногах никого не осталось, женщина развернулась кругом, упала на колени и обняла своего Эльминстера.

— Любовь моя, — выдохнула она в промежутке между поцелуями, — возьми меня снова, сейчас — и навечно!

Когда их губы встретились, от мужчины в её руках оставалось уже не так много — обгоревшая и почерневшая голова, которую она держала, и искромсанный кусок плеч и туловища под ними.

В него потёк серебряный огонь, хлынул в него, пока слёзы Аласстры Среброрукой пролились дождём, её тело почернело, и она истратила всё, что у неё было, чтобы исцелить, восстановить и поделиться с ним. Её собственное тело начало плавиться, её ноги стали его ногами, её руки растворились, когда у него выросли новые...

Прощай, любимый. Последние слова её мысленной речи прозвучали в голове у каждого человека на несколько кварталов вокруг, заставив беспомощных сюзейльцев разрыдаться, размягчив их своей нежностью. Они плакали, но не знали, почему.

Последними исчезли её длинные пальцы, со вздохом испарившиеся с его подбородка, редкие серебряные волоски унёс ветер.

Симбул не стало. Навсегда.

Остался восстановленный, целый мужчина, оглушённый и трясущийся. Он поднялся на ноги. Он был высоким, с ястребиным носом, и его глаза были голубыми, но светились серебром — и пылали яростью.

Он был жив и цел, потому что его любовь принесла себя в жертву, чтобы спасти своего Эльминстера, отдав ему всю свою жизненную силу. Он снова чувствовал себя молодым и сильным. Искусство внутри него плясало, а вокруг кипело больше серебряного огня, чем он мог удерживать в течении длительного времени.

Ах, так вот что свело с ума его Аласстру: обжигающий, бурлящий серебряный огонь внутри. Как же это было больно; огонь обжигал его, пытался вырваться наружу. Что ж,

Эльминстер выпустит его, и скоро!

К нему устремились люди. Эл повернулся, чтобы обрушить на них смерть, но оказалось, что это были Арклет и Амарун, их бледные лица блестели от слёз, губы шевелились.

— Эл? Эл, это ты? — сумела всхлипнул Рун, потянувшись к нему. Точно так же, как часто тянулась к нему Алассра...

Она бросилась в его объятия, крепко прижалась к нему, и прорыдала его имя. Эл бросил блеклый взгляд через её плечо на Арклета, с неуверенным видом стоящего поблизости, тоже посмотревшего на него. Арклет казался напуганным.

Что ж, ему следовало бояться, этому юному лорду. Он знал, на что смотрит. Он видел архимага, который хотел убить *столь* многих.

— Какой от этого толк? — почти умоляюще прохрипел Эльминстер, обращаясь к лорду Делькаслу, к безднам отчаяния его собственных глаз подступили слёзы. — Вся эта сила, все эти столетия, проведённые на службе достойному делу, помощь людям — какой толк, если я не могу спасти тех, кого люблю? Скажи мне, разве это того стоило? Скажи мне!

Арклет сглотнул, сам готовый зарыдать. Никто не должен выглядеть таким... опустошённым. Никогда не должно случаться настолько плохих вещей, чтобы лицо могущественного архимага выглядело таким.

— Я...

— Скажи мне, — провыл Эльминстер, — чтобы я мог сказать, что ты лжёшь, и обрушиться на тебя! Сокрушить тебя так же несправедливо, как зачастую обходился со мной этот мир! Плевков Мистры, я так часто проходил через это! Можно подумать, что я должен был уже привыкнуть к потерям, предательству, к... к растреклятой вечной несправедливости!

Двумя гневными шагами, на которые ушло времени меньше, чем потребовалось Арклету, чтобы хотя бы подумать о том, что нужно потянуться к мечу, Мудрец Долины Теней с бесконечной нежностью отстранил Рун прочь, ступил мимо наследника дома Делькаслов и схватил руки Арклета с сокрушительной силой совомедведя и повернул его лицом к себе. Он прорычал в бледнеющее лицо Арклета:

— Но я так никогда к этому и не привык, парень! Под этими доспехами скучного цинизма и шуток уставшего от мира человека я рыдаю точно так же, как рыдал, когда на мою деревню обрушились верховные чародеи, оставив меня без семьи, совсем одного в Аталантаре! Снова и снова я терял тех, кого люблю — места, которые любил, целые семьи, которые любил, целые королевства, которые были мне дороги! Что ж, меня тошнит от этого — тошнит, слышишь?

Он отбросил Арклета в сторону, как детскую куклу, и с рычанием зашагал по усеянными трупами газонам Делькаслов, остановился на краю клумбы, вскинул руки и взревел:

— Довольно! Именем серебряного огня внутри меня, именем Искусства, которое я люблю и которым владею, именем лиц всех утраченных и павших, кого я оплакиваю, я объявляю войну! Их именем я обрушу свою ярость, в память о них я стану разрушать, осквернять и низвергать! Настал час швырять замки в воздух и срывать с небес парящих драконов! Эорулагат!

Это последнее слово громом зарокотало вокруг Сюзейла, прокатившись от башен к балконам и крышам, раскалывая оконные рамы. Полуоглохших горожан бросало в дрожь.

Прежде чем эхо слова силы начало угасать, небо расколола молния, заплясала вокруг Эльминстера, как нетерпеливый бело-голубой плащ из пламени. Молния с треском

пронеслась вверх, подняв с собой высокого худого волшебника на высоту его собственного роста над опалённой землёй и дальше — и затем он исчез в ослепительной вспышке света, в мгновение ока родившись где-то в другом месте.

Аркет Делькасл, на четвереньках посреди обломков, цепляясь за камни онемевшими пальцами, вздрогнул и почувствовал, как гремят зубы, когда отдача заставила затрепетать и встать дыбом каждый волосок на его коже.

Куда бы Мудрец Долины Теней не унёс себя, Аркет надеялся, что это очень, очень далеко. Он не хотел прямо сейчас находиться рядом с Эльминстером — скажем, на одном континенте.

Веками Эльминстер держал на тугом поводке свою скорбь и большую часть своего гнева. Но хватит. Ох, именем Мистры, хватит.

Он дрожал от нетерпения спустить всё это с поводка, наконец погрузиться в свою ярость...

— Наконец! — взревел он на вершине Старого Черепа в Долине Теней, глядя, как из гостиницы внизу выбегают люди, чтобы уставиться на него. С каждым словом из его рта вырывались клочья серебряного пламени.

— Пора свести счёты!

Он внезапно оказался в погребе, где самопровозглашённый будущий император торопливо вскочил с кресла среди мерцающих прорицательных сфер.

Некрасивая женщина, которая до недавних пор была младшим сенешалем во дворце, стояла перед Эльминстером. Она выругалась и потянулась к жезлу.

С мрачной улыбкой Эл взялся за смертоносный конец жезла — и позволил Фентаблю его активировать.

С кончика жезла ничего не сорвалось. Мэншун изумлённо вытаращил глаза, и чужак в его погребу, даже не поднимая глаз, сдержал заклинания напуганного самопровозглашённого императора. Всё пламя магии жезла потекло обратно сквозь руку, которая его сжимала.

В мгновение ока Корлет Фентабль превратился в прах и посыпавшиеся на пол обугленные кости.

Бывший боевой маг Рорскрин Мрелдрейк заваривал свежий чай и раздумывал, позволят ли тюремщики ему снова сделать шаг за пределы его уже слишком знакомой комнаты прежде чем прикончить его — когда одна из стен его темницы мгновенно исчезла. Бесшумно, без всякой суматохи или предупреждения. Стены просто... не стало. Открылась улица снаружи, застроенная многочисленными зданиями, легкий ветерок и...

Из пустого воздуха на высоте по меньшей мере второго этажа выступил мужчина, чтобы улыбнуться Мрелдрейку улыбкой, в которой не было ни капли тепла.

— Думаю, твоему величайшему заклинанию лучше умереть вместе с тобой, — сказал ему Эльминстер.

Это было последнее, что Мрелдрейк видел и слышал в своей жизни.

Эл спокойно снял чайник с огня и налил чай в кружку, не обращая внимание на облако пепла высотой с человека.

Заклинание, которое должно было превратить его, очаг и большую часть этой половины

в комнаты в прах, как будто ничего с ним не сделало.

Как и два последовавших.

После этой сотрясшей помещение магии Эльминстер поднял взгляд от чайника на её творцов, трёх шейдов, которые держали Мрелдрейка в этой комнате. Он снова улыбнулся без веселья или доброты.

— Чаю? — спросил он мягко, как любая гостеприимная хозяйка.

Но шанса ответить Эльминстер им не дал.

Огни, или усики, или что это было такое, возникли из ниоткуда, чтобы выхватить Харбранда и Хокспайка из угла пещеры, где они угрюмо ждали своей смерти.

Следующее, что они поняли — они сидят на полу в кабинете их домовладелицы, полностью голые, а она встаёт из-за стола, чтобы посмотреть на них, распахнув от потрясения рот.

Харбранд и Хокспайк в свою очередь тоже посмотрели на неё, неожиданно и смущённо припомнив, сколько монет они её задолжали.

— Мадам, — вежливо сказал позади них высокий волшебник, прежде чем исчезнуть. — Вручаю вам «Опасность по найму».

Алоргловенамаус со стоном боли перекатился. Единственное исцеляющее заклинание, которое он мог прочесть в этом огромном теле, практически не помогло. Потребуется долгое время и бессчётное количество этих заклинаний, чтобы...

Он даже не стал задумываться о том, какую магию сумели пробудить два этих труса, чтобы сбежать от него. Он сможет выяснить это позже. Выяснить, пока будет медленно разрывать их на части по суставу за раз, медленно-медленно...

— Геспердан, — сказал негромкий голос позади него. — Всё кончено.

— Эльминстер! — взревел вирм, изгибая шею и снова перекатываясь, чтобы исторгнуть на Старого Мага кислоту, прежде чем тот...

Человек, который однажды был его союзником, который объединял с ним разумы во времена до его предательства, улыбался почти дружелюбной улыбкой.

Он продолжил улыбаться, когда стена серебряного пламени, устремившаяся из него наружу, окутала Геспердана и в мгновение ока забрала у дракона всё, погрузив его в пузырящееся серебряное забвение...

— Раздави его, — оскалился лорд Бриклар. — До наступления ночи выкупи все его долги и подними его с постели, приставив меч к горлу, чтобы потребовать плату. Затем дай ему потомиться до утра. Я хочу, чтобы он выехал из этого дома до завтрашнего полудня. Предложи ему отдать жену и дочерей в один из моих борделей.

Его управляющий поклонился и поспешил прочь, покинув лорда. Тот откинулся на спинку кресла и улыбнулся. Его взгляд упал на оставленные на подносе графины, и он лениво выбрал один, проглядывая следующую кучу пергамента.

Так много должников, которых можно мучить, так много деловых партнёров, которых можно обвести вокруг пальца. Ах, работа, работа, работа...

Как он этим всем наслаждался. Почему...

— Бриклар, ты — далеко не самый худший среди сюзейльских лордов. Но при этом ты злорадно разрушаешь всех, кто попадает в твоё поле зрения. Не говоря уже о том, что без всякой необходимости грубо ведёшь себя с маркизами.

Голос, которого здесь не должно было быть, раздался за правым ухом Бриклара. Он развернулся кругом, поднимая кулак, на котором было надето кольцо ядовитого когтя.

— Кто ты такой и как смеешь...?

Там никого не было.

Звякнул один из его графинов. Разъярённый лорд резко обернулся — и потерял нос, когда ему в лицо ударил тяжёлый хрусталь.

Человек, который взмахнул графином и спокойно поставил его обратно на поднос, заляпанным кровью Бриклара, сжимал в руке все бумаги со стола лорда.

— Мне и в самом деле следовало бы прочесть всё это, чтобы узнать, кому ты должен отплатить, но мне предстоит разобраться ещё со многими дворянами, и в действительности ты не стоишь беспокойства. Умри, бесполезный паразит.

Потерявшись в боли и потрясённой ярости, лорд Бриклар не успел даже запротестовать, когда по всей комнате из его сундуков и шкатулок вылетели монеты, чтобы устремиться ему в рот и ноздри, проникнуть в горло, удушая его.

Его кабинет хранил множество контрактов, расписок и копий угрожающих посланий, которые он рассылал. К тому времени, как прибежали его управляющий и младшие писари, успел разгореться впечатляющий пожар.

Почти достаточно впечатляющий, чтобы стать погребальным костром беспомощному мертвецу с широко раскрытой челюстью и фиолетовым лицом, застывшему в своём кресле.

В глубокой, заваленной телами пещере Подземья по рядам усталых воинов-дроу прокатился неровный радостный клич, когда прибыли подкрепления. Как раз вовремя, чтобы разделаться с новой волной чудовищных существ из расширяющегося разлома.

Сновали чешуйчатые, извивающиеся тела, с ужасающей скоростью хлестали щупальца. Дроу подбрасывали в воздух и давили, ломались их шеи, тёмные эльфы не успевали даже закричать. Затем их швыряли вниз, в гущу товарищей, с раскалывающей кости силой — и длинные, тёмные, сильные щупальца тянулись за новыми жертвами.

Сквозь разлом прибывало всё больше и больше чудовищ, почти слишком быстро, чтобы новые могли пробраться через тех, которые с такой лёгкостью убивали дроу. Болезненное фиолетово-белое мерцание становилось насыщеннее, вытекая в проходы будто смертоносный газ, вздымаясь и пузырясь.

Дроу в отчаянии трубили в боевые рога, жрицы читали заклинания, чтобы предупредить их далёкий город, и те, кто ещё могли — отступали. Угроза становилась всё значительнее, разлом стал достаточно велик, чтобы расколоть всю пещеру надвое, а текущие из него чудовища — слишком многочисленны, чтобы их сдержать. Битва была проиграна.

В одном из проходов поднялся тихий гром, раздающийся в каждом разуме рокот, звенящий в зубах зов, в котором был голод, злоба и нарастающий страх.

Страх, от которого рокот сорвался на слышимый, бесконечный шепчущий крик задолго до того, как в поле зрения показался источник этого звука, окружённый хлестающей клеткой синего пламени, постоянно обжигавшей его, пока оно визжало, вопило и выползало в пещеру.

Это был глараг, намного увеличившийся в размерах, но обожжённый, почерневший и дрожащий от боли. Его хвост беспомощно мотался под гнётом беспощадной паутины синего пламени. Глараг несся прямо к разлому — а может, его туда направили. Поглощая и убивая разумы всех на своём пути, он ревел от дикой боли. Напрасно бились смертоносные

щупальца других чудовищ — их всасывала или давила эта широкая, несущаяся громадина, и маленькие холмы гниющих, давно мёртвых дреу исчезали, когда глараг таранил их, совсем не сбавляя хода.

Навстречу синему пламени вспыхнуло фиолетовое, слишком ярко и яростно, чтобы горстка выживших дреу смогли за этим проследить — и грохочущий вопль боли резко оборвался.

Глараг исчез, унесённый туда, откуда пришёл, и разлом, через который он прошёл, начал умирать с разрывающей уши высокой песнью всепоглощающего синего пламени.

Оглушённые и ослепшие, дреу падали на колени или слепо шагали, пока не натыкались на камень и не опускались по нему вниз, чтобы свернуться клубком, обхватив голову. Высоко над их стонами свечение в пещере медленно угасло, а вместе с ним — весь свет и движение, оставляя лишь мрак.

И распростёршиеся трупы, чтобы показать, что здесь когда-то было то, за что сражались — или против чего.

Одинокий синий огонь пылал в воздухе, слабо шевелясь, как будто осматривался по сторонам, чтобы убедиться, что задача выполнена.

Затем он почти нахально угас.

Мэншун лихорадочно носился по погребу, хватая жезл там и шар тут. Ему необходимо было то, или это, или...

Мерцание всех его прорицательных сфер угасло одновременно.

Мгновение спустя все магические вещи в его руках ожили одновременно, в единственный ревуший миг уничтожив его предплечья и большую часть лица.

Он слепо подался назад, скрючившись от боли, пытаясь увидеть хоть что-нибудь сквозь беспомощные слёзы.

— Ты не можешь сопротивляться, — с отвращением сказал поблизости Эльминстер. — Ты никогда не мог сопротивляться.

Мэншун сумел выдавить проклятие. Что-то пронеслось по его телу. Мурашки, магия, которая... которая оставила его конечности онемевшими, не подчиняющимися ему...

Он по-прежнему мог думать и разговаривать, но...

— То, что ты — нежить, позволяет мне с лёгкостью тобой управлять, — мрачно сказал ему Эл. — И я могу начать мстить хотя бы за нескольких из убитых тобой, за жизни, которые ты осквернил.

— О? — дерзко выплюнул Мэншун. — Кто назначил тебя проводником справедливости?

— Мистра. Но я не исправляю несправедливость. Даже тысячу лет спустя, у меня нет времени. Так что с некоторыми я делаю то, что необходимо, с остальными — немного того, что я могу, и прощаю оставшихся.

— Прощаешь? — сумел ухмыльнуться Мэншун. — Как жрецы?

— Как все из нас прощают. Или должны прощать. Если ты не способен простить несправедливость, ты становишься её пленником — или скорее, становишься скован собственной ненавистью, собственной жаждой мести. Я устал от оков, поэтому я часто прощаю.

— Так почему бы не простить меня?

— Следовало бы. В конце концов ты абсолютно безумен, и справляешься с этим куда

хуже моего — и ты слишком наивен и глуп, чтобы увидеть, как тобой манипулирует неизвестный.

— Что?

— Нет, я не собираюсь тебе рассказывать. Пускай это станет маленьким червячком, который грызёт тебя, пока ты будешь умирать. Пускай это будет моей мезтью.

— Мезть! — сплюнул Мэншун, пытаюсь не перестающими вопить глазами разглядеть зелья, которые он спрятал на дальних полках среди бесполезных отваров, красок и кислот Сронтера. — Что ты знаешь о мезти? У тебя всегда была богиня — и товарищи-рабы Мистры — которая направляла тебя, стерегла тебя и делала для тебя всё.

— Да, — тихо согласился Эл. — И одним из них был ты.

— Тьфу! Я только притворялся, что служу, чтобы получить нужную мне магию!

— Думаешь, она об этом не знала? Ты хоть представляешь, что такое — быть богиней?

— Всего лишь быть самой крупной акулой, самым большим волком среди всех нас. Ты глупец, если считаешь иначе.

— Неужели ты и правда видишь только волков, Мэншун?

— Есть только волки — и овцы. А когда овец не остаётся, волки пожирают друг друга.

— Неужели? Что ж, тогда нам стоит что-нибудь сделать, чтобы это изменить, не так ли?

— Изменить! Всё меняется, Старый Дурак — но по-настоящему ничего. Только имена и лица тех, кто восседает на престолах, пока их не сбросят оттуда новые имена и лица!

— Ты можешь изменить себя, Мэншун. Можешь стать лучше. Мы все можем стать лучше.

Эльминстер отвернулся, затем добавил через плечо:

— Некоторые из нас время от времени пытаются. Но большинство не утруждает себя.

Мэншун обнажил зубы в беззвучном протестующем рыке и бросился через комнату к полкам. Эта бутылка, и вон та, всё что нужно — разбить их, выпить с осколками, и...

До полка ему оставалась какая-то доля мгновения, когда они исчезли в бегущем потоке серебряного огня, потоке, в который он врезался миг спустя, отскочил от покосившегося, мягкого останка того, что было твёрдой стеной погреба, и...

Зашатался, пока не упал, его конечности растворились, пойманные погибелью, от которой не было спасения, с которой нельзя было сражаться, нельзя было выдержать...

— Я пришёл сюда не для того, чтобы шутить с тобой и позволить тебе сбежать, Мэншун. Я пришёл, чтобы уничтожить тебя.

Мэншун слышал это, но у него не осталось губ или языка или рта, чтобы ответить. Он собирался... он присоединялся к серебряному рёву... его уносило туда...

ГЛАВА 30

ПОСЛЕДНИЕ ДЕЛА

— К вам посетитель, господин, — с достоинством настоящего королевского пажа объявил арфист в тяжёлых доспехах у двери.

Королевский лорд Лотан Дурнкаскин оторвал взгляд от стола, даже не потрудившись вздохнуть. Он был в куда лучшем расположении духа, чем обычно — в Иммерфорде наконец-то делались дела, его народ был счастлив, а...

Мужчина, который вошёл в комнату, был одет, как лесник. Или, скорее, как редкий лесник, которому нравится носить на бедре длинный меч. Почему-то его лицо казалось знакомым...

Он наградил Дурнкаскина кивком и достаточно кислой усмешкой.

Королевский лорд посмотрел на него, нахмурившись.

— *Сантер?* Это ты? Что привело тебя сюда?

Мужчина снова кивнул, и не дожидаясь приглашения, взял стул, уселся на него и закинул ноги на стол Дурнкаскина.

— Да, Лот. И, отвечая на твой вопрос — сюда меня привела достаточно долгая и пыльная поездка. Есть что выпить?

— Но... ну конечно — вот, последнее из Бревенского Лучшего — но почему ты не в Высоком Роге? Не охраняешь королевство от орков, вторгающихся армий и чего похуже?

Лорд Сантер поднял брови и принял флягу.

— Охранять наши границы? Когда столько наших собственных дворян отправляются на войну в самом сердце Кормира — а такие, как Эльминстер, разгуливают на свободе?

Дурнкаскин пожал плечами.

— Я тоже слышал сплетни, но...

Его голос затих, когда он заметил что-то на стене и уставился туда. У него отвисла челюсть.

Сантер повернул голову, чтобы посмотреть, что там такого странного, и у него тоже отвисла челюсть. Затем он прорычал проклятие, осушил флягу, с грохотом поставил её на стол и сказал:

— Ну всё, хватит. Я уйду. Стану фермером. Где-то в сонной глубинке, подальше от любой из наших границ. У тебя случаев нет сестры, на которой я мог бы жениться?

Дурнкаскин всё ещё слишком пристально таращился на стену, чтобы ответить.

На этой стене висела обычная красивая карта Кормира. Официальная, одобренная дворцом; оба мужчины повидали дюжины таких. Но ни один из них не привык видеть, как такая карта сама по себе неожиданно загорается.

Ярким, пляшущим синим пламенем.

То, что когда-то было Мэншуном, осело, как рассыпающиеся в костре дрова, затем расплавилось и исчезло. Эльминстер пристально смотрел, как на месте его старого врага расцветает и разгорается серебряное пламя.

Он вцепился в него своим собственным огнём, как можно сильнее притягивая к себе, забирая силу Мистры у недостойного. Недостойного, которому суждено встретить новый день.

Ещё до того, как из этого костра поднялся зловещий огонёк и стремительно вылетел из погребца наружу, Эльминстер понял, почему он не может уничтожить Мэншуна. Вампир, который использовал множество тел и правил Западными Вратами, а до того — Зентильской твердыней, который основал и правил жестоким Зентаримом, слишком долго носил в себе серебряный огонь. Нужен был бог — возможно, двое действующих совместно божеств — чтобы полностью и навсегда уничтожить Мэншуна. Разве что Мэншун добровольно принесёт себя в жертву, как поступила его Алассра.

Ха. Как будто такое могло когда-нибудь случиться.

Эл позволил серебряному огню подняться ввысь, поглощая дом над головой, превращая лавку Сронтера-алхимика в зияющую между соседних зданий дыру, брешь в ряду грязных зубов. И затем снова заставил огонь опуститься, собирая пламя, которое всегда было внутри — его собственное, и пламя Алассры, и то, что он вырвал у Мэншуна.

Этого было слишком много.

Он знал, что так и будет. Но не смел позволить ещё хотя бы струйке просочиться наружу. Вокруг рыскали такие, как Мэншун, которые могли забрать этот огонь, наделив себя могуществом, и причинить ещё больше зла. Поэтому он вобрал огонь в себя, сдерживая его внутри, и началась *настоящая* боль.

Он воспарил вверх из разрушенного погребца серебряной кометой, устремившейся в небо, вверх и над великим зелёным простором Шутовского луга, на север.

— Ааааааргх! — закричал он, поднимая ветер собственным стремительным полётом. О, он знал, что это будет больно, но так...

Он снижался, опускался с неба, испуганные всадники на дороге съехали на обочину. Там были повозки и фургоны, приближавшиеся ему на встречу, которые *не могли* двигаться — он свернул к деревьям, пытаясь замедлить свой полёт. Прожечь огромный шрам в Королевском Лесу или снести деревья отсюда до Гаргульей Пасти — не лучший подарок Лесному Королевству...

С рычанием Эл боролся с силой внутри себя. Он сумел с некоторой точностью выпустить струю серебряного пламени и замедлить полёт, чтобы осторожно приземлиться.

Он сумел. Каким-то образом он выиграл этот бой и аккуратно приземлился на гниющие мёртвые деревья и листья, не начав пожар... и обнаружил, что шагает, как оглушённый, по огромному лесу.

И что споткнулся о первую же гниющую преграду и упал лицом вниз. Да, подходящее приветствие для прославленного героя-победителя...

Эл снова встал, хотя и не помнил, как он это сделал. *Слишком много огня...* огонь сочился из него с каждым неровным шагом.

— Слишком много, — застонал он вслух. — Ох, Мистра, так больно!

Он рухнул на дерево, серебряный огонь расплескался, побежал вверх и вниз по стволу, в мгновение ока превратив дерево в угли.

— Мистра, — выдохнул он. — Вот оно! Мистра знает, как помочь мне...

Он сделал несколько спотыкающихся шагов, дымящимся дождём разбрасывая серебряный огонь, затем снова поднялся в воздух на струе серебряного пламени, чтобы пронестись сквозь Королевский Лес. Разыскивая нужную ему пещеру.

Задыхаясь от боли, выдыхая серебряный огонь, истекая им из пальцев и коленей, сжигая всё, к чему прикасался, Эльминстер приземлился в вихре сухих шуршащих листьев, сделал

несколько шагов, упал на колени и уже не поднялся.

Вот здесь... да... он вполз в грязную, окружённую камнями темноту, которая по-прежнему слабо пахла медведем. Сквозь завесу древесных корней, по мшистым старым медвежьим костям, и наконец-то вниз в каменистую пещеру.

Туда, где в воздухе парили эти великие, острые серебряно-голубые глаза из пламени, ожидая его.

— Богиня, — выдохнул Эл, не поднимаясь с колен. — Я... я...

Ты пылаешь моим огнём, самый преданный из людей. Отдашь ли ты по своей воле большую часть его мне?

— О, Мистра, да, — простонал он, потянувшись к богине.

На мгновение ему показалось, что из этих глаз выстрелили два синих луча, чтобы выпить из него серебряный огонь. Затем он почувствовал руки, хватающиеся за него с жестокой и голодной силой, поднимающие его и заключающие в женственные объятия.

Серебряный огонь приласкал его, ещё больше огня потекло из него наружу, его тело как будто стало огнём, огнём, который мерцал, трещал и клубился, пока богиня, которой он так долго служил, слабые останки той Мистры, которую он никогда не прекращал любить, с нетерпением вырывала из него серебряное пламя благословенным ревушим потоком, который продолжался и продолжался...

Он был ничто, он был всё, он воспарил, оставив позади всю боль...

Он стоял в пещере, которая уже не была пещерой.

Грубый и крепкий каменный свод, земля наверху, и высокие лесные деревья-великаны на ней — за считанные мгновенья всё взметнулось высоко в небо или сгорело в ничто, оставляя его стоять в новой прогалине под пустым небом.

Воздух был полон синего света и благоговеющей бессловесной песни тысячи незримых голосов... и над Элом возвышалась фигура из синего мерцания, Госпожа Искусства, которую он впервые встретил так много веков назад.

— Я вернулась, — прошептала Мистра, тихие слова, полные восторга и ликования... и рокота силы, который заставил Эльминстера, землю под ним и затрещавшие, заскрипевшие покачнувшиеся деревья Королевского леса содрогнуться на мили вокруг.

В синем мерцании рядом с Эльминстером зажглась серебряная звезда и превратилась в Шторм Среброрукою. Каждый волос её серебряной гривы встал на дыбы и торчал в сторону, как будто она была какой-то странной породой павлина. Она казалась потрясённой и обрадованной — и они бросились друг к другу в объятия. Синее мерцание нежно обхватило их в воздухе и понесло в руки друг друга.

Они потрясённо обнялись и поцеловали друг друга, затем отстранились, не размыкая рук, чтобы вместе засмеяться, потом оглядеть друг друга сверху донизу, как будто не веря, что они оба уцелели и были сейчас здесь.

Эльминстер первым обрёл дар речи.

— Что ж, я вернулся, — хрипло сказал он. — Я снова Эльминстер. Я так думаю.

— Если ты снова начал думать, — пошутила Шторм, — то Королевства и в самом деле в беде.

— В самом деле, — сухо отозвался Эл, и снова поцеловал Шторм, в этот раз жадно, его руки сжались вокруг неё, будто он не хотел никогда её отпускать.

Они крепко обнялись и оба заплакали от счастья, когда мерцающее серебряно-голубое небо над головой наполнилось песней Мистры.

— Нет, нет, и нет, тупица! Что, по-твоему, будет делать твой противник, пока ты будешь принимать эту величественную позу? Встанет и будет восхищаться?

Мирт метнулся вперёд, прямо сквозь звенящие клинки арфистов, который он обучал. Охраняющая их магия железной стражи позволяла клинкам проходить насквозь, не причиняя вреда, как будто их вовсе тут не было.

— Защищаешься вот так, видишь? Не будешь защищаться — увидишь, как клинок пронзает тебе сердце. Или глотку. Или любую другую часть, которая приглянулась твоему врагу.

Был светлый и ветреный день, девятый день после возвращения Мистры. Позади Мирта в тенистом краю поляны, Амарун и Арклет обучали другие пары арфистов более тонким моментам фехтования в реальном мире.

Шторм и Эльминстер сидели на мшистом бревне, опираясь на массивный ствол тенистого дерева, когда-то давным-давно расколотый грозой, который решил расти горизонтально вдоль земли, а не вверх к небу. Прижимались они и друг к другу. Умиротворённо.

Шторм тихонько играла на арфе, наблюдая за поединками, и на её лице играла мягкая улыбка.

— Впервые за долгое время я чувствую себя такой счастливой, — сказала она. — Когда Мистра возродилась, а Мэншуна больше нет.

— Мэншун больше не тот, каким был, — поправил её Эл. — Он выжил, в каком-то смысле, и есть другие его «я». У него есть много Мэншунов, как у богатого купца, который торгует во множестве стран.

Шторм вздрогнула и оторвала ладонь от струн арфы, чтобы махнуть в сторону арфистов.

— Теперь я займусь этим. А ты?

— Остался ещё вопрос с Ларлохом, — мрачно сказал Эльминстер.

— Много бы я отдал, — заметил лорд Амбершильд, — чтобы увидеть, как эта Шторм Среброрукая — маркиза Иммердаск, как же! Интересно, из какого пыльного старого свитка Форил вытащил этот титул? — идёт на аудиенцию к королю, надев лишь улыбку и свои волосы.

— Я в этом не сомневаюсь, баран ты старый, — язвительно отозвалась леди Харвендур. — А вот я предпочла бы посмотреть на то, как Вангердагаст дрессирует Глатру Баркантл. Говорят, что Ганрахаст и Вэйренс попросили учиться вместе с ней лишь для того, чтобы разнимать худшие из стычек. Как будто от этого есть толк. В конце концов, именно так начался пожар в заброшенном крыле!

— Ха. Не знал, но должен признать, что ни капли не удивлён. С тех пор, как мы впервые услышали сплетни об Эльминстере Бессмертном, началась какая-то неразбериха. Говорят, они даже возвели в проклятом крыле алтарь Мистры и заставляют боевых магов королевства всех до последнего преклонять перед ним колена и молиться каждую ночь! А дальше что?

— Хорошее правительство? — пошутила леди Харвендур.

Лорд Амбершильд закатил глаза.

— Ха! Теперь ты просто гредишь наяву! Скорее из глубин времён восстанет ужасающий Ларлох, чтобы занять кресло на Совете Драконов, прежде чем такое случится!

Глаз у девчонки был намётан, уж это точно. После того, как она заставила строителей себе подчиняться, они получили удобный и красивый дом.

Мирт стоял на пороге западной парадной двери, ожидая, пока его спутница на этот вечер поправит платье, капнет духами тут и там, и всё такое прочее. Озирая вымощенный и засаженный зеленью двор, он счастливо улыбался. Да, особняк, который он делил с Реншаррой, получился прекрасным.

Так же прекрасно было иметь рядом женщину, с которой они хорошо понимали нужды друг друга. Мирт и Реншарра свободно находили себе других партнёров на вечерок-другой, или даже на десятидневку, но всегда возвращались друг к другу в объятия, снова и снова.

— Думаю, я готова, лорд Глубоководья, — произнёс хриплый голос позади него за мгновение до того, как сильная и стройная рука скользнула между его рук.

Мирт повернул голову, чтобы тепло улыбнуться Глатре Баркантл.

— Ах, девка, как же ты хороша. Давай пойдём поужинаем.

— Девка? — в её голосе звучало предупреждение. — Так выражают нежность в Глубоководье?

— Когда я процветал, так и было, девица, — сухо отозвался Мирт. — Ну что ещё? «Девица» тоже почему-то не подходит? Боги, подруга, в такой одежде ты всему миру говоришь, что ты девица!

— Твоя девица на этот вечер, — счастливо согласилась Глатра, когда они вышли во двор.

Лишь для того, чтобы увидеть Реншарру Айронстейв в ещё более прекрасном платье, которое оставляло одно плечо открытым, выходящей из восточной парадной двери под руку с её кавалером на сегодняшний вечер. Королевский лорд Лотар Дурнкаскин казался настоящим щеголем в чёрном костюме с модными развевающимися при каждом шаге пологам.

Мирт подошёл прямо к Реншарре, и они отпустили своих спутников, чтобы обнять друг друга, поцеловаться и пожелать приятного вечера.

— Только не забудь дорогу домой, — предупредил Мирт. — Я замариновал окорок в вине, чтобы мы разделили его на рассвете.

Реншарра улыбнулась, затем промурлыкала:

— У меня тоже есть сюрприз для нас обоих.

Мирт вопросительно хмыкнул, приподняв брови.

Она хихикнула.

— Нет, не это, но позволь заверить тебя, что это не новый налоговый оклад.

Мирт глубоко поклонился.

— В таком случае, до рассвета.

Она поклонилась в ответ, в процессе едва не лишившись своего нового платья с низким вырезом.

— До рассвета.

Они все отправились своей дорогой, улыбаясь и предвкушая этот прекрасный рассвет.

ЗДЕСЬ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ТРЕТЬЯ КНИГА «МУДРЕЦА ДОЛИНЫ ТЕНЕЙ»

Больше книг на сайте — Knigolub.net

О ПЕРЕВОДЕ

Переводчик: **Redrick**

Спонсоры: **g0ddest, Mormegil Turambar, Серёга Воронцов, Tien, ice2, nikola26**

Русская обложка: **nikola26**

Вёрстка и форматирование: **nikola26**

Обо всех замеченных неточностях или ошибках просьба сообщать переводчику в ЛС через форум «Долина Теней». Если Вам понравился перевод, просто зарегистрируйтесь и скажите «спасибо» — этого будет достаточно.;-)

